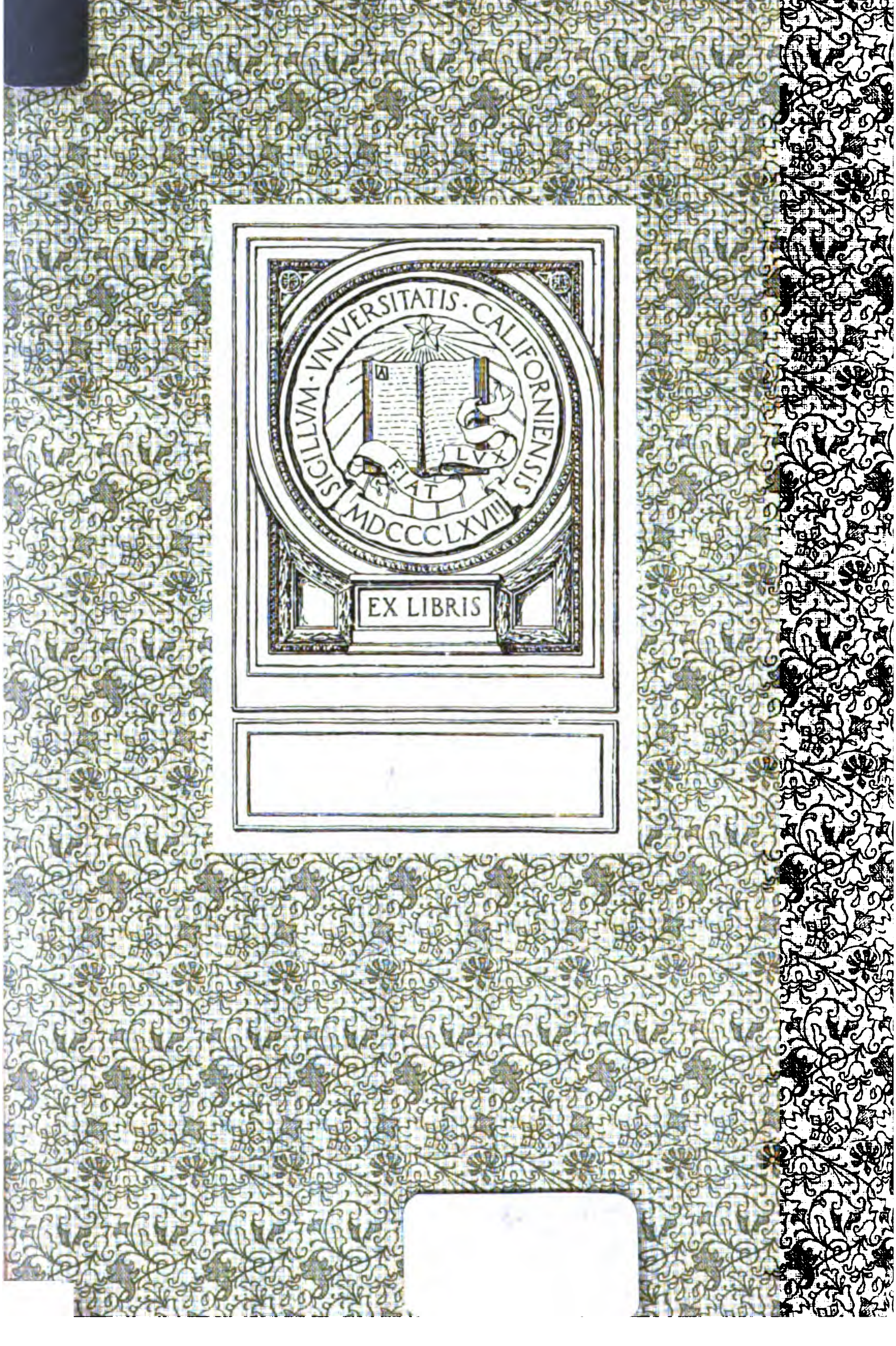

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

N 4

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

АПРѢЛЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Окончаніе статьи В. И. Семевскаго „Декабристы-масоны“ будетъ напечатано въ іюньской книжкѣ.

Изъ писемъ Г. И. Успенскаго къ А. В. Бараевой, впослѣдствіи Успенской. [1])

1.

(Записка—переданная изъ рукъ въ руки А. В—нѣ, у нея въ домѣ, въ Спб., зимой 1867 г.)

„Я быть у васъ не могу. Мнѣ страшно грустно и горько. Если можно, пріѣзжайте въ 10 ч. веч. ко мнѣ. Если меня не будетъ—погодите немного. Среди толкучки, которая идетъ у васъ, я не могу васъ видѣть и не хочу. Это глупо, но иначе я поступить не могу. Ни вы, ни я въ этомъ не виноваты. Но я болѣю отъ тоски"...

2.

Петербургъ. Вторникъ 18 марта (1868 ? [2]).

Сегодня въ 6 ч. утра я, наконецъ, кончилъ свое „Раззоренье" и уже передалъ Некрасову. Дня черезъ два-три я буду совсѣмъ свободенъ и уѣду [3]). Но, Господи, до чего мнѣ скучно безъ васъ! Я буквально боленъ, и д. б. вслѣдствіе моей болѣзни мнѣ въ голову лѣзутъ разныя безобразныя вещи.—Мнѣ представляется, что вы разлюбили меня и бросили, пот. ч. множество найдете людей лучше меня въ сотни разъ. Впрочемъ, извините меня, я просто нездоровъ. Я выпилъ у Коли [4]) однажды бутылку краснаго вина, поѣхалъ домой и простудился. Теперь лучше, но все-таки я боленъ—боленъ.

О моемъ „Раззореніи" пошли толки по Петерб. самые оживленные. Прилагаю вамъ три отзыва изъ разныхъ газетъ. Все это мнѣ пріятно—

---

[1]) Печатаются съ разрѣшенія дѣтей Г. И. и А. В. Успенскихъ. *Ред.*

[2]) Писано въ то время, когда Ал. В—на была учительницей въ народной школѣ Орловск. губ., Елецкаго у., въ имѣніи помѣщицы Херадиновой.

[3]) Лечиться—въ Липецкъ.

[4]) Долганова.

только нѣту васъ, и мнѣ до того скучно, что, кажется, все равно, ѣхать ли въ провинцію, оставаться ли все лѣто въ Петерб., рѣшительно одно и то же. Но я поѣду.

... Голубчикъ мой, какъ я люблю васъ, сколько вы дали мнѣ ума и силъ, ангелъ мой. Я боленъ, не могу писать ни о чемъ. Только не забывайте меня. Милая, хорошая, родная.

Г. Усп.

3.

Петербургъ—(68 г. ?.).

Голубчикъ, 5 часовъ утра. Я работалъ отлично цѣлый вечеръ и не спускалъ глазъ съ милаго лица вашего, которое предо мною. Только это умненькое личико, только эта вѣра въ наше будущее „вмѣстѣ“ опять держитъ меня теперь. Иначе бы умеръ, п. ч. на волосокъ отъ страшной тоски.

У насъ, къ счастію, опять снѣгъ и морозъ; мнѣ такъ и кажется, что зима, и что придетъ Бяшечка. Знаете, я до того привыкъ работать возвратясь отъ васъ, что сегодня, ей Богу, нанялъ извозчика до воротъ вашего дома и назадъ. И отлично—весело, хорошо.

Рука устала, пишу скверно,—но все-таки еще двѣ строчки. Я вамъ писалъ въ Москву, и по моимъ расчетамъ вы должны были получить его во вторникъ. Я удивляюсь, отчего вы не получили? „Отеч. Зап.“ и „Раззореніе“ послалъ сегодня въ Елецъ... Прочиталъ письмо Аркадія (?) къ Аннѣ Вас. [1]). Онъ пишетъ съ полстраницы и начинаетъ „Мил. Гос.“. Но какъ онъ любитъ васъ! Мнѣ кажется, что я не могу такъ пламенно любить; по кр. мѣрѣ я на письмѣ не могу передать вамъ, какъ я люблю васъ, птичка моя, ласточка!...

Часы у меня перестали бить; хотя обѣ гири висятъ, какъ слѣдуетъ. Это они по васъ.

Повѣсть окончу къ 25 числу, а можетъ, и раньше, и въ апрѣлѣ или въ началѣ (мая?) уѣду въ Крапивну. Скучно мнѣ здѣсь невыносимо, даже Деммертъ какъ будто надоѣлъ.

Босикомъ не хожу и осенью. Впрочемъ, вчера утромъ зашелъ въ одинъ трактиръ выпить пива... Въ комнатѣ и на столѣ у меня все по старому. Щетки, окурки, „Современникъ“ (старый), лоскутки... На шкапу виситъ сѣрое пальто, которымъ я подметаю полъ... Все по старому—только васъ нѣтъ и скучно-скучно мнѣ, сиротинушкѣ... ...Видѣлъ я, что Анна Вас. посылаетъ вамъ изъ химической лабораторіи какія-то штуки, надо быть, для туалета. Милая, зачѣмъ такая роскошь для народной школы?!

---

[1]) Сестра Алекс. В—ни.

Голубчикъ мой! Красавица! Ангелъ мой! Ваши часики бьютъ сію минуту. Господи! Зачѣмъ васъ нѣтъ... и зачѣмъ эти духи пачули!

4.

(Изъ Ельца—68 г.)

Вечеръ 9 ч. Пятница 21 марта.

(Въ комнатѣ у Коли Долганова.)

Милая, дорогая моя, ты меня вводишь въ искушені-е. По чистой совѣсти мнѣ бы не слѣдовало брать 25 р. Мнѣ прислали 49 р. [1]).

5.

9 мая. Липецкъ (68).

... Съ этого дня я буду писать тебѣ самыя подробныя письма, миленькая моя,—только, ради Бога, давай согласимся осенью, хотя къ концу, жить вмѣстѣ, а то подумай, что же впереди, не на что надѣяться, не хочется работать... Во избѣжаніе какого-ниб. скандала въ вашемъ скуко-церковномъ французскомъ замкѣ [1]) не то, пожалуй, начнете переводить на 77 языковъ и окажется, что я хотѣлъ мужика зарѣзать—чего добраго!—скажу слѣдующее: когда въ послѣдній разъ пришелъ ко мнѣ мужикъ вашъ, то я спросилъ у него, „получаетъ ли онъ газеты".—„Со мной есть газеты", сказалъ онъ, и я попросилъ его развязать сумку. Это дѣлалось съ цѣлью узнать, получаешь ли ты „Голосъ", а не съ какимъ-либо другимъ намѣреніемъ.

6.

Липецкъ 2 іюня.

... И во всякомъ случаѣ, право, мы будемъ жить. Ты заботишься обо мнѣ? Ты больна, худенькая, мученица, дѣвочка, безпокоишься за меня... Думалъ ли я когда-нибудь! Я думалъ, что кромѣ ругательствъ за неотдачу 3 р. как.-ниб. Сорокину—ничего не будетъ въ моей жизни. Ты, милый, хорошій другъ мой! Люблю тебя всей душой и не уйду отъ тебя никуда и никогда. Ангелъ мой и другъ дорогой. Я объ томъ только и просилъ тебя, чтобы ты не думала, что будешь (нуждаться?) въ Петербургѣ. Чтобы ты разъ навсегда рѣшилась. Какъ ни велико сквалыжничество писателей-редакторовъ—они все-таки сами придутъ ко мнѣ и во всякомъ случаѣ не дадутъ умереть съ голоду...

[1]) Щедринъ вычиталъ 1 рубль за почтовые расходы изъ 50 р. ежемѣсячныхъ отъ редакціи „От. Зап.".

[2]) Такъ, называетъ Глѣбъ Ив. домъ помѣщицы Херадиновой, у которой жила тогда Ал. В—на, занимаясь въ школѣ и давая уроки ея сыну.

... Нервы твои расшатаны хуже моего. И я смѣю еще болѣе мучить тебя! Твои блѣдныя губы, блѣдное личико твое, славная моя, добрая, безцѣнная, моя умница. Господи! Если-бъ мнѣ поздоровѣть нервами и тѣломъ—какъ бы я берегъ каждую минутку твою! Я готовъ заплакать теперь отъ этого—вѣрь мнѣ,—но у меня слезы во всемъ лицѣ, глаза рѣжетъ, а не плачу. Прости меня, крошка, голубчикъ, въ послѣдній разъ!

Твой всегда Глѣбъ.

7.

Липецкъ, 1868, іюнь.

Милая! Я люблю тебя всей душой безконечно и искренно! Не сердись на меня и не пускай въ свою душу невзгоды, когда я сморожу как.-ниб. чушь и невольно огорчу тебя! Это просто болѣзнь.—Недаромъ одинъ адвокатъ на желѣзной дорогѣ сказалъ мнѣ: „зачѣмъ вамъ лечиться? Вы совсѣмъ здоровы, только воображеніе у васъ больное".—И клянусь тебѣ, что съ этимъ воображеніемъ, изувѣченный ради барышей Некрасовыхъ и Благосвѣтловыхъ, я бы горько пилъ, если-бъ не ты...

... На мое уныніе не обращай вниманія—я такая унылая скотина... И за что это выпало на твою долю страдать изъ-за такой дубины, какъ я?

8.

(Безъ числа—тоже изъ Липецка.)

... Я не знаю, какъ мнѣ назвать тебя, какъ мнѣ лучше передать тебѣ, какъ я люблю тебя! Ради Бога напиши мнѣ какъ можно скорѣе, когда вы пріѣдете [1],—я встрѣчу. И какъ бы было хорошо, если-бъ ты выпросила у Херадиновой позволеніе походить со мной вдвоемъ по саду. Любопытнымъ она можетъ сказать, что я твой родственникъ или братъ двоюродный.

9.

(Изъ Москвы—въ годъ смерти Рѣшетникова—69 г.)

... По пріѣздѣ, не пойду ни къ кому и ни съ кѣмъ не скажу ни слова. Буду читать и работать и во что бы то ни стало выбьюсь изъ поганыхъ долговъ...

---

[1]) Александра Васильевна съ г-жей Херадиновой пріѣзжала въ Липецкъ брать ванны.

10.

(Съ дороги въ Парижъ—апрѣль 1872 г.?)

... Вся страна эта [1]) покрыта фабриками и заводами. Если я говорю *вся*, то это просто буквально (изъ окна вагона). Нѣтъ уголка, чтобы не было трубъ, дыма, свиста паровиковъ, и все это до того ужасно, что кажется—подъ землей гдѣ-то все это идетъ, задыхается. Массы, милліоны людей. Дѣйств., въ Бельгіи, повидимому, полное безлюдье—весь народъ на работѣ, деревень нѣтъ, а около фабрикъ—длинныя казармы, выстроенныя фабрикантами для рабочихъ. Кое-гдѣ сушатъ на солнцѣ тряпье,—самое нищенское; кое-гдѣ въ полѣ работаютъ бабы, грязныя, грязнѣе нашей бабы. Вотъ сторожиха при жел. дорогѣ,—она босикомъ, въ грязнѣйшемъ платьѣ, лицо ея худое, противное. Бѣдность тутъ ужасная, какъ мнѣ кажется, а кругомъ каменныя глыбы—букв. выше Исакіевскаго собора. Камень напоминаетъ слоновую кость, и въ щеляхъ люди, какъ мухи, бьютъ этотъ камень. . . . . Чѣмъ ближе къ Парижу, тѣмъ нищенства больше.

Темная ночь. 10 часовъ. До Парижа осталось нѣсколько верстъ, но въ окно видна цѣлая гора огоньковъ—это Парижъ. Эти огоньки на безконечное пространство разсыпаны по горѣ, а передъ нами—въ массѣ, отъ которой рябитъ въ глазахъ,—другая масса огней—красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, синихъ, бѣлыхъ,—буквально въ невѣроятномъ количествѣ—это для желѣзныхъ дорогъ, которыхъ тутъ находится несмѣтное число. Все ближе и ближе. Вотъ проѣхали форты, на которыхъ умирали люди... Это видно...

Все освѣщено блистательно. Народу масса. Велятъ всѣмъ ждать, осматриваютъ вещи. Всѣ пьяны—прислуга, кучера. Носильщикъ, который несъ мой чемоданъ, уронилъ его, отъ него несло водкой. Кучеръ тоже пьяный, когда мы сѣли,—спьяну вкатилъ нашъ [2]) фіакръ задомъ на тротуаръ... Но потомъ, послѣ всей бѣдности—русской, бельгійской и французской,—что это за прелесть! Мы съ жел. дороги прямо вкатили по отличнѣйшей мостовой въ такія великолѣпныя улицы, что дѣйствительно можно съ ума сойти... Вездѣ великолѣпіе, свѣтъ, говоръ, смѣхъ, кафе отворены, и троттуары, которые шире троттуаровъ Невскаго пр. въ 3 раза, полны народомъ, все уставлено маленькими столиками, пьютъ пиво или вино съ водой...

---

[1]) Бельгія.

[2]) Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ въ Парижъ вмѣстѣ съ братомъ М. Е. Михайловской—М. Е. Павловскимъ, знавшимъ языки и служившимъ ему переводчикомъ.

Въ Баль-Мабилъ.

... Нѣтъ, здѣсь дѣйствительно народъ самъ хозяинъ себѣ. Это веселье намъ кажется глупостью, и долго его, по своей глупости и забитости, переносить не можемъ: все неприлично, нехорошо, не такъ [1]). Вальсъ, напр., танцуютъ тихо-тихо, почти на одномъ мѣстѣ... Словомъ, для насъ это нисколько не интересно, какъ для француза нисколько не интересно наше идольское сидѣнье на одномъ мѣстѣ. Мы можемъ только поглядѣть, как ъ дикари, да пойти домой спать, и участвовать въ этомъ для насъ невозможно [2])...

... Чаще всего хожу въ Лувръ. Вотъ гдѣ можно опомниться и выздоровѣть. Тутъ собрано столько искусства и такого дорогого, что каждая песчинка стоитъ не милліоновъ, а слезъ. Тутъ больше всего и святѣе всего Венера Милосская. Есть сотни Венеръ, т. е. голыхъ бабъ въ разныхъ видахъ. Чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ хуже. Изображаются дѣвочки лѣтъ по 13-ти—съ наивнѣйшимъ выраженіемъ лица шепчутъ на ухо сатиру что-то, д. б., скабрёзное, пот. что тотъ улыбается самымъ подлымъ образомъ. Когда я смотрѣлъ всю эту мерзость запустѣнія, мнѣ вдругъ необыкновенно полюбилась Венера Милосская, которую я, признаться, видѣлъ, но не понялъ сначала... Съ лицомъ полнымъ ума, глубокаго, скромная, мужественная, мать—словомъ, идеалъ женщины, который долженъ быть въ жизни. Вотъ бы защитникамъ женскаго вопроса смотрѣть на нее...

... Но ужъ если есть безукоризненно пріятное зрѣлище, такъ это—Нотр-Дамъ.

... Для посторонняго, какъ, напр., для меня, знающаго, какъ молятся у насъ въ деревняхъ и городахъ простые люди, подъ напѣвы безголосаго дьячка,—для меня въ Нотр-Дамъ было что-то рѣшительно необыкновенное. Органъ, пѣніе, музыка,—все это до того выразительно, что передать я не могу. Мастера были молиться, и съ такими средствами можно было морочить народъ [3]).

11 [4]).

Петербургъ (1874 г.).

Другъ мой дорогой! Милый мой другъ Вяшечка. Я до сихъ поръ еще въ той же гостиницѣ, пот. что послѣ твоего отъѣзда я не могу

---

[1]) Гл. Ив. вспоминаетъ при этомъ „Бобошу": „Вотъ бы здѣсь Бобошѣ понравилось"...

[2]) И вслѣдъ затѣмъ онъ отмѣчаетъ безнравственное спаиванье дѣтей и обыгрываніе ихъ въ лотереи-аллегри на народныхъ гуляньяхъ.

[3]) И тутъ же отмѣчаетъ другого рода примѣчательную подробность: „сѣсть на стулъ стоитъ 15 сантимовъ".

[4]) Александра Васильевна уѣхала въ Парижъ съ сыномъ.

опомниться и притти въ себя. Я чувствую, что такое состояніе мнѣ очень полезно. Я очнусь и примусь за дѣло. Ахъ, дорогой мой другъ, сколько я передумалъ насчетъ нашихъ ссоръ, и какъ я виноватъ въ нихъ... Ты только прости меня. Я и до сихъ поръ, какъ вспомню, что тебя и Саши нѣтъ, такъ у меня и рванетъ въ сердцѣ. Но, можетъ быть, потомъ намъ всѣмъ будетъ лучше. А главное, забудь ради Бога всякую гадость, которую я дѣлалъ тебѣ, и отдыхай, и учись, и гуляй,—я же буду стараться работать какъ можно больше и черезъ мѣсяцъ, пожалуй, пріѣду къ вамъ... Что мой дорогой Сашурочка? Коть-коть, милый мой мальчикъ!...

12.

30 октября.

... Пожалуйста, будь спокойна и береги Сашурочку моего милаго. Какъ вспомню, что у насъ есть Саша, такъ и станетъ весело и легко. А то все гадость и скука. Надо теперь немного потерпѣть, чтобы все потомъ пошло лучше, и ужъ не сбиваться съ пути. Портреты ваши мнѣ просто необходимы...

13.

(1874 г.—изъ Москвы.)

.... Милый и дорогой другъ Бяшечка и Саша! Простите меня, други милые, что такъ долго оставляю васъ безъ писемъ. Я знаю, какъ это скучно и обидно. Но безтолочь, которая идетъ кругомъ, до того туманитъ мнѣ голову, что просто не рѣшаешься взяться за перо. Я пріѣду въ скоромъ времени непремѣнно, но не знаю, скоро ли,—это все зависитъ отъ денегъ, а Надѣинъ заставилъ меня просидѣть въ деревнѣ у Саши [1]) почти мѣсяцъ и только теперь выслалъ. Я въ Москвѣ проѣздомъ и думаю сегодня же ѣхать въ Петерб., и тамъ засѣсть за работу, чтобъ ѣхать къ вамъ,—къ тебѣ, милая моя Бяшечка, и къ Сашѣ... Я ужасно радъ, что кругомъ Саши такъ много русскихъ—онъ, можетъ быть, не будетъ говорить по-французски. Хоть это и глупость, а мнѣ всегда ужасно больно почему-то, когда я вспомню, что онъ будетъ болтать по-фр. и не узнаетъ и не пойметъ меня. Другъ мой Бяшечка, не сердись на меня,—я молчу, потому что усталъ, а не потому, что забылъ тебя; тебя и Сашу я не забываю никогда ни на минуту—повѣрь этому, я люблю васъ, мои милые, безконечно...

---

[1]) Братъ Глѣба Ивановича.

14.

12 декабря (1874 г.—Петерб.?)

Дорогой, дорогой другъ мой Бяшечка. Я прiѣду, прiѣду къ тебѣ, милая моя, какъ только достану денегъ. Я хочу къ тебѣ давно и каждый день собираюсь ѣхать, но ты себѣ представить не можешь, сколько у меня непрiятностей и задѣпокъ. Писать я тебѣ не пишу, пот. что каждый день думаю уѣхать завтра—и нельзя. Теперь я уѣду скоро, непремѣнно черезъ нѣсколько дней,—если можешь, погоди спокойно,—а то я мучаюсь, читая 2 послѣднiя письма твои. Милый другъ, какъ тебѣ худо и какъ я глупъ и скотъ, что пришлось устроить житье врозь... Могу ли я взяться за перо и о чемъ-ниб. тебѣ писать, когда я хочу тебя видѣть? А Саша,—идетъ ли онъ съ ума у меня? Милый другъ, если можно, погоди нѣсколько дней—теперь скоро я прiѣду и останусь до апрѣля. Неужели ты думаешь, что сидѣть одному, когда Сашѣ годъ,—хорошо? Могу ли я писать въ такую минуту что-ниб. толково и подробно? Ты поймешь это и простишь меня.

... Я ужасно радъ, что ты познакомилась съ Тургеневымъ—это отлично. Ты узнаешь, что значитъ и что такое настоящiй писатель, а не та с......, которая пишетъ теперь вмѣстѣ со мной... Впрочемъ, Забѣлло вылѣпилъ мой бюстъ, который будетъ на выставкѣ въ Акад. Худ. Я къ нему ѣздилъ отъ тоски 5 разъ по 2 часа. Это просто отъ тоски, у меня перо валилось изъ рукъ все время,—а что я буду разсказывать тебѣ о томъ, что пишу, когда я пишу чушь. Я на 10 лѣтъ впередъ зналъ каждый свой теперешнiй день, и знаю, что будетъ. Что же мнѣ писать тебѣ и говорить тебѣ объ такомъ вздорѣ. Увѣряю тебя—все это вздоръ—и бюсты, и похвала, и книги, и писанья мои—отъ этого я и не говорилъ тебѣ объ этомъ ничего никогда. И такъ, ради Бога, какъ это ни странно кажется тебѣ—все, что я дѣлаю,—если даже и злюсь,—все это исходитъ изъ любви къ тебѣ, настоящей любви, пойми ты это и вѣрь... безъ всякихъ дурныхъ мыслей о себѣ (такъ какъ ты о себѣ плохо думаешь)...

15.

(Изъ Калуги—1875?)

Другъ ты мой милый Бяшечка!

Что же ты не пишешь мнѣ? Ровно 10 дней нѣтъ отъ тебя ни строчки. Ужъ все ли у васъ хорошо? Здоровъ ли Саша и не бѣситъ ли тебя Юлiя—[1]), которой до сихъ поръ не заплачено?.. Не хочешь ли ты

[1]) Кормилица, привезенная изъ Петербурга.

воротиться въ Россію; я бы нанялъ въ деревнѣ домъ въ 3-хъ верстахъ отъ Калуги, такъ что могъ бы ѣздить каждый день. Если хочешь, если скучно жить тамъ за границей, то напиши. Право, я теперь не буду ни бѣсноваться, ни злиться. Я убѣдился, что? не одинъ я ничего не могу сдѣлать въ данную минуту, и что можно просто и спокойно собирать матеріалъ. Ничего бы не было, если-бъ я давно взялъ такую должность, какъ эта [1]). Правда, все это довольно скучно и глупо, но ужъ пусть будетъ лучше просто глупо, чѣмъ зло, котораго во мнѣ оказалась бездна. Но объ этомъ лучше не будемъ ни вспоминать, ни говорить. На Рождество-то я пріѣду къ тебѣ непремѣнно. Пожалуйста, пиши мнѣ... Я пишу въ тотъ день, какъ имѣю отъ тебя письмо...

... Въ Калугѣ съ этими „хорошими людьми" жестокая скука. Въ Россіи можно жить только въ деревнѣ. Это цивилизованное общество— скука ужасная.

... Мнѣ пишутъ Кам. [2]) и Григ. [3])—но несмотря на ихъ похвалы, я знаю, что все вздоръ, ничего мнѣ не нужно. Ты—мой настоящій и дорогой другъ—одна, больше никого. Пожалуйста же, не бросай меня такъ, безъ твоихъ писемъ я ничего путнаго не сдѣлаю.

16.

Отъ А. В. Успенской—ея двоюродному брату.

Изъ Парижа—1875.

... Глѣбъ работаетъ много, но при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ трудно—и часто не проходитъ. Приходится биться и долговъ много и есть тяжелые и пренепріятные... Н. А. Ш.—[4]) чуть не ссорится—мы ей должны. Да и Ульянины [5]) деньги меня измучили, да и за васъ сердце болитъ. Иногда доходишь чуть не до отчаянія.

Я удивляюсь, какъ Глѣбъ работаетъ. Не напечатаютъ — пишетъ снова. А письма и требованія уплатъ не даютъ вздохнуть.—Въ апрѣльской книжкѣ напечатаны „Неплательщики", „Люди и нравы" и „Книжка чековъ" и подписано: Г. Ивановъ. Онъ давно не подписываетъ своего имени—не пропускаютъ. Да и эту статью всю ободрали въ цензурѣ. И хотя ему платятъ

---

[1]) Статистика въ земствѣ?
[2]) Каменскій.
[3]) Григорьевъ.
[4]) Шульгина.
[5]) Кухарка въ Петербургѣ.

150 р. съ листа—все-таки плохо приходится изъ-за цензуры.

Сама я рѣшила вторую половину жизни провести иначе, чѣмъ первую, что прожита какъ-то необдуманно и даромъ, особенно первые годы, какъ я кончила учиться.

Ты спрашиваешь, какъ моя работа. Я перевела съ тѣхъ поръ какъ здѣсь болѣе ста (печатн.) листовъ, но послѣдній мѣсяцъ была безъ работы. (Журналъ [1]) лопнулъ). Теперь, кажется, опять возобновится, и мнѣ писали, что за мной будутъ франц. переводы опять. Я перевела разсказы изъ народной жизни [2]), и Тургеневъ Ив. С. написалъ предисловіе. Если бы издать самимъ, можно бы получить много денегъ. Но придется продать, и я переписываюсь съ издателемъ. Елисеевы и Салтыковъ предлагаютъ мнѣ работать въ „Отеч. Зап.“.

17.

Отъ Глѣба Ивановича къ Ал. Вас.

(1876—съ дороги въ Болгарію)

... Я хочу много писать и желалъ бы хоть 2 мѣсяца думать только о работѣ, зная, что ты живешь спокойно и безъ нужды.

Я чувствую себя хорошо, п. ч. надѣюсь выработать много денегъ и прожить зиму въ деревнѣ. Если я этого добьюсь, тогда, повѣрь, между нами не будетъ никакихъ непріятностей, какъ теперь, когда между мной и тобой замѣшана моя потребность литературной работы, у которой есть свои настоятельныя требованія. Не удовлетворивъ имъ, что я могу дѣлать, о чемъ говорить, чѣмъ жить?—Остается распроститься съ литературой, пойти въ чиновники—и тогда, м. б., жизнь выйдетъ ровной. Но я служить не могу. Стало быть, вмѣсто того, чтобы терпѣть нужду, непріятности, безъ которыхъ нельзя обойтись ни мнѣ, ни тебѣ (не сочиняю же я ихъ!)—потерпи нѣкоторое время въ глуши [3])... Только не волнуйся и знай, что мое отсутствіе есть та же самая работа, что я точно такъ же на заработкахъ, какъ и плотникъ...

---

[1]) „Общ. Библіотека“— изд. Трубникова.
[2]) Армана Кладеля.
[3]) Ал. В.—на жила въ деревнѣ у родныхъ Гл. Ив.

18.

(1876?)

(*Гостиница „Афонское подворье“—Константинополь*).

Ѣхать сюда было совсѣмъ незачѣмъ. Никакого толку нѣтъ. Только въ глазахъ рябитъ—и въ головѣ шумитъ отъ толкучки улицъ, гдѣ не понимаешь ни одного слова.

19.

Нижній, 4 іюля.

(1888—?)

... Какое бы мнѣ это было дѣло превосходное, если-бъ я такъ не былъ измученъ чортъ знаетъ чѣмъ,—безсмыслицей, и не поставленъ въ необходимость куда-то постоянно ѣхать. Не знаю, какая это будетъ поѣздка. Теперь мнѣ невыносимо скучно. Все номера да трактирные половые всю жизнь. Если мнѣ будетъ еще хуже на душѣ, то я возвращусь и возьму мѣсто въ новомъ крест. банкѣ.

20.

Саратовъ 26 (кажется).

... Жизнь трактирная дорогà, главное—утомительна и дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ.

Прощай, голубчикъ мой глупенькій (умная, милая!)

... до Нижняго Волга гнусна и подла, какъ самая купеческая рѣка. Ни кожи, ни рожи, одна вода.

... Опять поганая музыка, стукъ, гомонъ, громкіе разговоры какихъ-то уродовъ... Въ этой погани и пыли, гдѣ люди задыхаются или ворочаются въ грязи... Хорошо ѣхать одному, безъ знакомыхъ, на палубѣ, читая лекціи (русской) исторіи [1]) и, право, здорово, а главное для души хорошо. Надо какъ-ниб. пристроиться осенью. Надоѣло это шатанье на волоскѣ...

21.

(По дорогѣ въ Сибирь—къ переселенцамъ) (1888?)

Казань, на пароходѣ.

Ѣду въ Бійскъ, оттуда въ Семипалатинскъ... если только скука меня не заточитъ... А ужасно скучно. Все какъ-то противно и вовсе не интересно. Старость пришла...

---

[1]) Гл. Ив. думалъ держать экзаменъ на кандидата унив., для учительской профессіи.

22.

(іюль 1888?)

Въ Перми на вокзалѣ.

... Я вовсе не скучаю, что Саша не выдержалъ (экзаменъ), но Сашѣ-то скучно... Но вы не волнуйтесь, а подумайте спокойно... Мало-ли денегъ ушло за зиму. Вѣдь ихъ надо заработать.

Будьте же внимательны къ этому и не говорите, что „мнѣ ничего не нужно“. Вамъ не нужно (да и это неправда), да Саша остается не по моей винѣ. Надо учить хорошо, такъ же, какъ мнѣ хорошо и добросовѣстно писать, а не строчить, очертя голову.

... Пожалуйста, давайте устроимъ нынче осенью жизнь нашу поумнѣе, а пока не сердитесь и подумайте обо всемъ хладнокровно... и выкиньте изъ головы несуществующія обиды. Помогите, чтобъ съ осени жизнь наша стала поумнѣе и помягче...

... И тебѣ надо непремѣнно поѣхать куда-нибудь надолго пожить одной и посмотрѣть, какъ живутъ люди, кто такіе есть настоящіе обманщики и обманщицы, а кто хороши и совѣстливы. Сидѣть на одномъ мѣстѣ чистая бѣда: можно съѣсть другъ друга.

23.

(Съ дороги въ Сибирь.)

... Въ Сибири любопытно, но мрачно, чортова яма, холодъ, и вообще я поусталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась.

24.

(1889—1891? Дорогой въ Крымъ и на Кавказъ къ сектантамъ [1]).

... Они не писатели, а умѣютъ забирать писательскіе барыши, именно потому, что къ нимъ лѣзутъ за рублемъ, что имъ выпадаетъ на долю репутація благодѣтелей. Меня это и убило. Я всегда хотѣлъ безъ благодѣтелей жить и могъ, заставивъ ихъ моими работами платить мнѣ большія деньги,—и вотъ почему за послѣднее время, когда нельзя было все-таки стать на ноги... я пришелъ

[1]) Путешествіе „для леченья“—на деньги, выдававшіяся Сибиряковымъ, послѣ операціи геморр. и пребыванія у Фрея.

въ отчаяніе. Я, дѣйствительно, не сумѣлъ воспользоваться, когда во мнѣ нуждались, какъ въ писателѣ, и боюсь, что теперь моя минута прошла. Я утомленъ, я часто бѣсновался, п. что я знаю этотъ кругъ и его обычаи, и что тутъ надо очень искусно себя держать, чтобы неокончить смертью Левитова и т. п., и вотъ почему я пришелъ въ отчаяніе: въ послѣднее время мнѣ показалось, что все пропало,—долговъ тысячи,—и ужъ не любезности слышу я, а прямую вражду со стороны издателей, и все хуже и хуже, пот. что силъ меньше и отъ жизни сильно отсталъ. Когда я ѣхалъ, то мной овладѣлъ какой-то непробудный сонъ, точно я пошелъ ко дну... Смотрю и не вижу; говорю—еле-еле ворочается языкъ. Говорятъ—не слышу...

25.

Смоленскъ 16 февраля.

... болѣзнь-то моя прошла, но слабость въ головѣ, въ памяти, вообще ослабленіе вниманія и жизни не прошло. Въ этомъ-то и бѣда, что меня перестаетъ безпокоить жизнь...

26.

Ростовъ-на-Дону.

... что-то мнѣ скверно и все такія гадости припоминаются...

27.

Воронежъ.

... И чего прежде никогда не бывало—поѣздка по жел. дор. въ однѣ сутки утомляетъ меня до невозможности.

... Однако я скоро ворочусь и прямо въ Чудово—о чемъ никому не слѣдуетъ говорить. Сибиряковъ тогда не будетъ давать денегъ помѣсячно; если я возвратился—стало быть выздоровѣлъ...

... И радъ бы написать что-нибудь хорошее, да не могу—поѣздка скучная, да и нездоровъ я... Хорошо только одно, что я не вынужденъ работать. Если-бы мнѣ теперь писать—я бы пропалъ совершенно. Отъ однихъ лекарствъ голова у меня ослабѣла и постоянно тяжела.

Я выѣхалъ изъ Петерб. подъ впечатлѣніемъ подлаго поступка „Р. Мысли“, которая меня расшибла и не очувствовался долго... Оттого и поѣздка моя какая-то безцѣльная...

28.

(?) іюня 93 г. Колмово [1]).

Дорогая моя Александра Васильевна.

Давно я ничего не писалъ. Каюсь, мнѣ было скучно, что я скоро не возвратился домой поклониться тебѣ въ ноги и просить прощенія...

Твой Глѣбъ Успенскій

твой Глѣбъ, вѣрный и неизмѣнный
твой Глѣбъ вѣковѣчный...

29.

13 іюля 93 года [2]).

Дорогая моя Александра Васильевна!

Глубоко виноватъ передъ тобою и передъ дѣтьми, что до сихъ поръ не возвратился домой: каждый Божій день ожидаю возможности выйти изъ Колмова: святая обязанность быть въ семьѣ и дѣлать дѣло, заботиться и видѣть далекую будущность нашихъ дѣтей—вотъ что лежитъ на моей душѣ. Скоро-скоро я возвращусь домой совершенно здоровымъ и начнемъ съ тобой, дорогая моя Александра Васильевна, новую радостную жизнь. Къ именинамъ я надѣюсь пріѣхать и навсегда остаться дома.

30.

15 іюля.

... Чувствую крайнюю необходимость какъ можно скорѣе возвратиться въ Чудово. Давно-давно, съ первыхъ дней пріѣзда, я опомнился и чувствую крайнюю необходимость писать.—Въ Чудово думаю пѣшкомъ ходить по Тихвинскому тракту и по близости. Надѣйся на меня, дорогая моя Александра Васильевна,—всѣ надежды на меня оправдаю.

(Приписка доктора Синани:)

Если-бъ я считалъ Глѣба Ивановича выздоровѣвшимъ настолько, чтобы выписать его изъ Колмова въ Чудово, я, само собою, написалъ бы вамъ объ этомъ. Послѣ предыдущаго опыта надо быть крайне осторожнымъ въ его выпискѣ. Если онъ считаетъ себя здоровымъ, то только на основаніи кратковременныхъ моментовъ, когда онъ чувствуетъ себя веселымъ. Это онъ самъ говоритъ. Слѣдовательно, въ остальное время онъ самъ чувствуетъ себя не вполнѣ нормальнымъ.

[1]) Писано, вѣроятно, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ дому, гдѣ у него былъ нервный припадокъ гнѣва, при видѣ доктора, пріѣхавшаго за нимъ.

[2]) Изъ Колмова,—гдѣ больница для душевно-больныхъ,—въ Новгор. губ.

31.

29 іюля 1893.

(Колмово, больница Новг. губ.)

Дорогая моя Александра Васильевна!

Съ каждымъ днемъ я чувствую себя все лучше и лучше. Каждый Божій день я думаю—какъ бы мнѣ поскорѣе возвратиться домой и здоровымъ, и радостнымъ, и веселымъ, и писать, писать, писать. Слава Тебѣ, Господи! Глубокая любовь къ тебѣ, дорогая моя, ко всѣмъ нашимъ дѣтямъ и любовь ко всему бѣлому свѣту—вотъ начало моей новой жизни въ семьѣ и въ обществѣ. Радость и счастье жить и жить долго зрѣетъ во мнѣ съ каждымъ днемъ и часомъ. Скоро-скоро веселымъ и счастливымъ возвращусь я домой.

Твой Глѣбъ.

... Вижу впереди много счастливыхъ лѣтъ—глубокая любовь уравновѣшивается во мнѣ, даетъ мнѣ возможность много писать и понимать жизнь глубже, чѣмъ я понималъ... ... Я знаю, мнѣ необходимо поправиться такъ, чтобъ оправдать всѣ надежды моихъ дѣтей и твои, дорогая,—оправдать надежды на меня, какъ писателя. Я ни на минуту не забываю этой священной обязанности... я проживу долго... ... а работать я буду много.

32.

7 августа 93.

... Со дня моихъ и Бориньиныхъ именинъ я много пережилъ (пережилъ всѣ 25 лѣтъ моей жизни съ тобой), и во мнѣ начался переломъ—къ глубокой любви: я весь глубокая любовь. Не могу выразить... то(го) глубочайшаго счастія, глубочайшей любви, ко(то)рыя зрѣютъ во мнѣ съ каждой минутой, съ каждымъ днемъ и сулятъ радость жизни въ счастіи и любви на долгіе годы. Въ этомъ глубокомъ счастіи любви воскресаетъ твой мужъ и писатель. Пріиду домой—скоро-скоро—неузнаваемый,—глубокая любовь ведетъ меня домой и „въ люди". Вѣрь мнѣ, дорогая моя. Вѣрьте моей любви, всѣ дорогія мои дѣти.

Поѣздка въ Юрьевъ монастырь [1]).

(Сію минуту пережилъ удивительное событіе въ моей жизни: весь объятъ глубокою любовью къ Господу Богу я и воскресаю, а талантъ данъ

[1]) Среди необычно пространнаго описанія поѣздки,—правильнѣе—перечисленія участниковъ и сборовъ къ ней,—въ скобахъ написано имъ.

мнѣ Богомъ будетъ явленъ мной удивительнымъ образомъ—я могу записать и записываю объ удивительныхъ явленіяхъ моей жизни каждый день).

... Каюсь тебѣ, дорогая моя, что я повредилъ голову [1]) послѣ того, какъ воскресъ въ любви къ Богу. Никто рѣшительно не можетъ представить себѣ этого великаго событія въ моей жизни: вѣруя въ Господа Бога, въ его всемогущество (взятъ на небо—а Богъ вездѣ). Такъ вотъ, дорогая моя Александра Васильевна,—устойчивость въ моемъ характерѣ, крайности—уныніе и восторженность—выяснились въ одномъ словѣ—Богъ и любовь къ Богу, и я весь воскресъ, каждая капля моего горячаго се(р)дца свидѣтельствовала о величіи Бога, и я моментально былъ потрясенъ, испытывая глубочайшее счастіе быть охваченнымъ горячею любовію къ Богу. Такимъ то воскресшимъ въ Богѣ, обновленно (нымъ) свѣтомъ истины и правды—я и явлюсь къ тебѣ, ко всѣмъ любящимъ меня. А обновленный душой, глубокой любовью ко всему свѣту начну новую жизнь писателя.

Скоро-скоро... Скорѣе домой...

Изъ письма брата Глѣба Ивановича, Якова Ивановича Успенскаго, къ А. В. Успенской [2]).

... Дорогая наша, пусть подкрѣпитъ васъ въ этомъ горѣ та добрая память, которая живетъ и будетъ жить, и въ которой есть и ваша доля—ваша неотъемлемая часть въ этомъ безсмертіи.

Сообщила **В. Т—ва (Починковская).**

[1]) Камнемъ разсѣкъ себѣ черепъ.
[2]) Въ отвѣтъ на извѣщеніе о болѣзни Глѣба Ивановича.

Владивостокъ въ 1905 году.

(Изъ наблюденій очевидца).

I.

Печальную картину представлялъ гарнизонъ владивостокской крѣпости въ послѣдніе мѣсяцы русско-японской войны. Долгое ожиданіе внезапнаго появленія врага утомило всѣхъ. Военное напряженіе ослабѣло. Систематическія пораженія и катастрофы на всѣхъ—сухопутныхъ и морскихъ—театрахъ войны привели войска и населеніе къ потерѣ вѣры въ себя, въ свою способность защищаться. Наступилъ полный духовный маразмъ.

Яркой иллюстраціей и документальнымъ доказательствомъ сказаннаго можетъ служить, напримѣръ, слѣдующій „Приказъ Комендаента по Владивостокской крѣпости отъ 2 апрѣля 1905 года за № 246—2“:

„Во время моихъ неоднократныхъ объѣздовъ позицій и батарей въ теченіе марта я убѣдился, что во Владивостокской крѣпостной артиллеріи не только не существуетъ никакого общаго порядка въ размѣщеніи и обученіи, но даже нѣтъ никакого намека на элементарныя требованія, кои должны быть предъявляемы къ благоустроенной воинской части въ періодъ нахожденія крѣпости на военномъ положеніи. Мои замѣчанія были сдѣланы въ присутствіи начальника артиллеріи крѣпости и ему же указаны главнѣйшія требованія, для немедленнаго ихъ исправленія.

„Каково же было мое удивленіе, когда сегодня 2-го апрѣля въ полдень, посѣтивъ безымянную батарею, я не нашелъ на ней не только какого-либо исправленія ошибокъ, кои мною были указаны раньше, но увидѣлъ нѣчто совершенно невѣроятное“.

Чтобы оцѣнить зловѣщій смыслъ цитируемаго документа, читатель долженъ помнить, что дѣло происходило въ то время, когда Рождественскій уже вступилъ въ восточно-азіатскія воды съ цѣлью прорваться во Владивостокъ, что повлекло бы за собою перенесеніе театра морской войны

къ берегамъ Муравьевскаго полуострова. И вотъ въ это-то самое время, когда казалось бы напряженіе защитниковъ должно было подняться до высшей ступени, комендантъ крѣпости констатируетъ слѣдующее.

„На батареѣ, вооруженной значительнымъ количествомъ прекрасныхъ береговыхъ орудій съ дорого стоющими бетонными постройками и наблюдательными инструментами, примыкающей къ центру города, населенному преимущественно китайцами, я засталъ у воротъ лишь одного часового; внутри—ни одной души. Другіе два часовые выползли на валъ откуда-то послѣ нѣкотораго времени. Дежурныхъ нѣтъ. Вскорѣ изъ караульнаго помѣщенія, лежащаго шагахъ въ 50 отъ форта, по свисту, поданному по моему приказанію, пришли разводящіе: одинъ рядовой, назвавшій себя надсмотрщикомъ, и фейерверкеръ. На мой вопросъ: „какъ мнѣ сдѣлать тревогу?“ послѣдній отвѣтилъ: „можно: я сейчасъ побѣгу въ казарму и позову людей“. Желая убѣдиться въ порядкѣ, принятомъ на батареѣ, я разрѣшилъ сбѣгать за людьми, и приблизительно минутъ черезъ 15 пришла команда съ офицеромъ, какъ оказалось, командиромъ роты, капитаномъ —никовымъ. Фейерверкеръ остался въ казармѣ.

„По моему приказанію: „тревога“, капитанъ растерялся; составили ружья, и только послѣ повтореннаго мною приказанія стали дѣлать расчетъ по орудіямъ. Номера у орудій перепутались, не знаютъ своего назначенія. Для провѣрки знанія службы при орудіяхъ я приказалъ открыть огонь (примѣрно) по двигавшемуся по заливу крейсеру. При этомъ оказалось:

1) Командиръ батареи не зналъ, какъ приступить къ командованію. 2) Таблицы стрѣльбы были взяты имъ въ руки лишь по моему напоминанію. 3) О наблюдателяхъ капитанъ доложилъ, что ихъ нѣтъ, между тѣмъ какъ три наблюдателя и одинъ телефонистъ находились на своихъ мѣстахъ. 4) Орудія и лафеты содержатся въ грязномъ видѣ и при малѣйшемъ поворотѣ скрипятъ; видно, не смазываются. 5) Прислуга совершенно не обучена. Ни одинъ номеръ не знаетъ своихъ обязанностей. 6) Батарейный командиръ тоже не знаетъ обязанностей номеровъ. 7) Наблюдатели давали показанія наугадъ и то только по вопросамъ, имъ предлагавшимся мною. 8) Командиръ батареи не имѣетъ понятія о производствѣ стрѣльбы по движущейся цѣли и показалъ полное незнаніе значенія наблюдательныхъ станцій и дальномѣровъ. 9) Подаваемыя команды были неправильны. 10) Въ строю люди не умѣли стоять и имѣли полное разнообразіе въ обмундированіи (папаха, валенки, свѣтло-сѣрыя шинели, несмазанные сапоги). 11) Ротный командиръ показалъ, что онъ ничего не знаетъ о состояніи ротнаго имущества и даже о личномъ составѣ роты (не знаетъ, сколько запасныхъ). 12) При вздваиваніи рядовъ перепутался весь строй.

13) Многіе изъ людей, назначенныхъ на батарею, не вышли по тревогѣ, и ротный командиръ не могъ представить мнѣ объясненій о причинахъ ихъ отсутствія.

Все мною видѣнное убѣждаетъ меня, что Безымянная батарея, какъ боевая сила, не существуетъ; поэтому предписываю:

a) Капитана —никова, какъ неспособнаго командовать ротой и батареей, немедленно отрѣшить отъ должности и причислить младшимъ офицеромъ въ одну изъ другихъ ротъ крѣпостной артиллеріи. b) Командиру баталіона, полковнику --ницкому, объявить строгій выговоръ за недопустимо дурное состояніе ввѣреннаго ему баталіона. c) Начальнику Владивостокской крѣпостной артиллеріи, полковнику —нову, объявляю выговоръ за бездѣйствіе власти и требую, чтобы онъ личнымъ своимъ участіемъ водворилъ порядокъ во ввѣренной ему части и въ самый короткій срокъ довелъ ее до требованій, предъявляемыхъ нынѣшнимъ положеніемъ крѣпости. d) Поручаю состоящему въ моемъ распоряженіи ген.-майору Лаймингу немедленно начать провѣрку службы и готовности всѣхъ батарей въ крѣпости и о результатахъ провѣрки доносить мнѣ не меньше двухъ разъ въ недѣлю. Подписалъ *ген. Казбекъ.*

Это было до Цусимы. Послѣ нея духъ защитниковъ подняться, конечно, не могъ.

Въ началѣ іюня во Владивостокъ пожаловалъ главнокомандующій морскими силами адмиралъ Б. Пріѣздъ этотъ, вполнѣ понятный съ подъемнопрогонной точки зрѣнія, вызвалъ во Владивостокѣ общее недоумѣніе: чего-ради собственно пожаловалъ онъ сюда? Чтобы выйти изъ смѣшного положенія главнокомандущаго безъ команды, въ которое онъ попалъ, благодаря своему предусмотрительному маршруту, онъ сдѣлалъ формально-казенный смотръ жалкимъ остаткамъ флота, смиренно пріютившимся въ уютной обстановкѣ Золотого Рога. При этомъ было обнаружено, между прочимъ, столь неблестящее состояніе судовыхъ машинъ, что адмиралъ въ приказѣ назвалъ отношеніе къ дѣлу начальника механической части флота „преступнымъ", а такъ какъ преступникамъ не мѣсто быть въ крѣпости, коей угрожаетъ осада, то „онаго начальника" онъ приказалъ выселить изъ крѣпости въ теченіе 3-хъ сутокъ.

Много было злорадныхъ разговоровъ въ сухопутно-офицерской средѣ по поводу этой ревизіи. Говорили, что на орудіяхъ не оказалось какой-то весьма существенной части, приспособленія для точнаго прицѣла и т. п. „Доносили объ этомъ?"—спросилъ адмиралъ. „Такъ точно, телеграфировали!" „Сколько разъ?" „Одинъ разъ". „Надо было ежедневно телеграфировать объ этомъ".

Увѣряютъ, что номера снарядовъ не подходили къ номерамъ орудій,

ибо перепутали гдѣ-то вагоны, и владивостокскіе снаряды уѣхали въ Портъ-Артуръ, а мы были богаты портъ-артурскими. Говорили, что на ученіи рѣдкій снарядъ попадалъ въ цѣль. Не берусь судить, сколько правды въ этихъ разговорахъ. Я привожу ихъ въ качествѣ показателя настроенія тѣхъ, кто были непосредственными руководителями и вдохновителями солдатскихъ массъ.

Впрочемъ, я имѣлъ случай наблюдать точность нашей артиллерійской стрѣльбы 5 августа, во время параднаго артиллерійскаго спектакля, который комендантъ крѣпости устроилъ въ присутствіи принца Генриха Гогенцоллерна, посѣтившаго Владивостокъ.

По Амурскому заливу медленно двигались на буксирѣ двѣ китайскихъ шаланды, которымъ приданъ былъ видъ трехъ-трубныхъ броненосцевъ. Палили непрерывно 45 минутъ изъ всѣхъ орудій всѣхъ шести батарей амурскаго фронта. Масса боевыхъ снарядовъ легла на дно залива. Но „древоносцы“ воротились домой на Чуркинъ цѣлы и невредимы. Ни одинъ снарядъ не попалъ въ цѣль. Если съ такимъ безпримѣрнымъ успѣхомъ мы подвизались противъ медленно ползшихъ мирныхъ шаландъ, то можно вообразить, какой блестящій результатъ получился бы, если бы это были быстроходные крейсера, осыпавшіе насъ снарядами.

Впрочемъ, „беззавѣтнаго азарта“ мы обнаружили болѣе, чѣмъ требовалось. Такъ, когда былъ отданъ сигналъ и приказъ по телефону „прекратить стрѣльбу“, и гость съ начальствомъ уѣхали съ Безымянной батареи, то закусившіе удила артиллеристы продолжали съ тѣмъ же успѣхомъ громить заупрямившуюся шаланду еще цѣлыхъ 15 минутъ, такъ что уѣхавшій было въ свитѣ ген. Лаймингъ прискакалъ взбѣшенный обратно на батарею и со страшной руганью набросился на телефонистовъ.

Б., конечно, не напрасно трудился, проѣхавъ такую даль, чтобы заглянуть въ Золотой Рогъ. Онъ осмотрѣлъ пару крейсеровъ и пятокъ миноносокъ, и со спокойной совѣстью, что онъ все, что могъ, совершилъ для спасенія дорогого отечества, укатилъ обратно въ Петербургъ.

Но и осмотръ миноносцевъ не пошелъ въ прокъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Б. случилось перелетать черезъ Амурскій заливъ на воздушномъ шарѣ одному офицеру воздухоплавательнаго парка. Погода была вѣтренная. Аэронавтъ потерпѣлъ аварію. Замѣтили это съ сигнальной станціи и дали знать дежурному миноносцу: „итти на помощь“. Дежурный миноносецъ оказался неисправнымъ и не могъ тронуться. Приказъ очередному слѣдующему. Тотъ снялся съ якоря только черезъ 1 $^1/_2$ часа. Несчастный воздухоплаватель, пробившись часъ, утонулъ.

А вотъ еще характерный документъ. Начальникъ воздухоплавательнаго парка письмомъ въ мѣстной газетѣ (частной, неофиціальной) покорнѣйше

просить гг. начальниковъ фортовъ отдать приказъ командамъ, чтобы въ случаѣ появленія воздухоплавательныхъ апаратовъ солдаты не поднимали по нимъ любительской стрѣльбы, потому что это летаютъ русскіе. Не курьезъ ли? Не говоритъ ли это о полной дезорганизаціи?.. Въ оборудованной по послѣднему слову военной науки крѣпости, опутанной телефонной-телеграфной сѣтью, при усовершенствованіи сигнализаціи, свои, среди бѣла дня, стрѣляютъ по своимъ же.

И такое неустройство царило во всѣхъ отдѣлахъ военнаго вѣдомства.

Взять, напримѣръ, медицинское дѣло. Когда я служилъ больничнымъ врачемъ въ захолустнѣйшемъ сибирскомъ городкѣ Канскѣ, я былъ убѣжденъ, что нѣтъ на свѣтѣ вѣдомства отвратительнѣе пресловутаго „Приказа Общественнаго Призрѣнія“, но, побывавши теперь въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, я убѣдился, что есть нѣчто неизмѣримо худшее—область русской военной медицины. Геркулесовы столбы приказного формализма, канцелярщины, заскорузлости оставлены этимъ вѣдомствомъ далеко позади... Здѣсь шагу нельзя ступить безъ „рапорта“, „требованія“... Нельзя даже больного вымыть въ ваннѣ безъ написанія о томъ бумаги. Для подобнаго бумагомаранія нужна масса людей. И они имѣются. Они несутъ свой крестъ, согнувшись 16 часовъ въ сутки надъ письменными столами, скребутъ перьями по бумагѣ, подшиваютъ ихъ въ огромныя „Дѣла“, опять скребутъ...

Больныхъ кормили преотвратительно. Въ палатахъ вѣчный ропотъ.

„Я дома былъ пастухомъ и то лучше ѣлъ...“ говорили больные. „Что это за щи? Одна вода... Скрозь нихъ Петербургъ видно“. Острота, не лишенная двусмысленности...

За приготовленіемъ пищи никто не смотрѣлъ. Оно было всецѣло предоставлено поварамъ, артельщику, смотрителю. Кухонныя сестры и дежурные врачи относились къ обязанностямъ по осмотру пищи чисто формально. Дежурить обязаны только младшіе врачи, занимающіе слишкомъ подчиненное положеніе по отношенію ко всякого рода властямъ, чтобы подымать свой голосъ по поводу даже очевидныхъ злоупотребленій. Бороться съ ними въ военномъ вѣдомствѣ, особенно для новичковъ, какими были мы, врачи запаса, было невозможно. Напишешь не по формѣ, или подашь не такъ, какъ полагается—тебѣ же влетитъ. Это я испыталъ на своей практикѣ. Назначенный старшимъ ординаторомъ въ 1-ый крѣп. госпиталь и неся обязанности по дежурству, я имѣлъ много поводовъ бороться со смотрителемъ Безсоновымъ, задававшимъ тонъ въ госпиталѣ. Борьба эта казалась мнѣ особенно пикантной въ виду особой беневоленціи, которой пользовался г. Безсоновъ у инспектора госпиталей, генер. Езерскаго. Излишне передавать подробности этой мелочной борьбы изъ-за негоднаго черстваго хлѣба съ живыми червями, изъ-за шеины и воловьихъ копытъ, идущихъ въ

котелъ въ качествѣ мяса, изъ-за нелуженной мѣдной посуды, вѣчно-грязныхъ передниковъ у поваровъ, изъ-за нехватки половины положеннаго по вѣсу количества мяса и т. п. Извелъ я много бумаги на рапорты, еще больше—нервной энергіи и добился... отчисленія отъ госпиталя.

Чисто лечебная область стояла въ полной гармоніи съ „питательной“. Въ аптекѣ 21 госпиталя не было необходимѣйшихъ лекарствъ, какъ, напр., іодистаго калія, бензину (для очистки ранъ). Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я упорно, ежедневно выписывалъ ихъ въ рецептахъ, и главный врачъ также систематично вычеркивалъ мои назначенія. Въ этомъ госпиталѣ, расчитанномъ на нѣсколько сотъ хирургическихъ больныхъ, не было вовсе стерилизатора. Раны перевязывались нестерилизованной марлей, въ количествѣ 10 аршинъ ежедневно отпускаемой изъ аптеки, гдѣ она въ растрепанномъ видѣ валялась на полкѣ. Эту марлю, оплодотворенную грязными руками вѣчно пьянаго провизора, мы съ д-ромъ Грудингеромъ обезпложивали погруженіемъ въ растворъ сулемы и въ мокромъ видѣ запихивали въ раны. Перевязочные инструменты не кипятились за неимѣніемъ исправной лампы. Стерилизаторъ ежедневно вычеркивался изъ требованій, пока, наконецъ, старшая сестра, г-жа Ренгартенъ, богатая женщина, не купила небольшой кипятильникъ на собственныя средства.

Назначенія добавочнаго молока, яицъ, бѣлаго хлѣба, вина—безцеремоннѣйшимъ образомъ вычеркивались главными врачами, которые контролируютъ всѣ назначенія ординаторовъ. „Они, мерзавцы, притворяются, лодырничаютъ, а вы имъ потакаете. Подымайте, коли нужно, питаніе рыбьимъ жиромъ“. Это мы слышали ежедневно.

Здоровыхъ солдатъ кормили... впрочемъ, ихъ не кормили. Ихъ буквально морили голодомъ. Читатель убѣдится сейчасъ, что это не преувеличеніе.

Къ концу лѣта все замѣтнѣе сталъ ощущаться недостатокъ въ пищевыхъ запасахъ вообще, и доброкачественныхъ, въ особенности. Въ 1904 г. было заготовлено для крѣпости 5 милліоновъ пудовъ сыромолотной муки, которая тогда же, послѣ доставки, осматривавшей ее комиссіей была признана негодной для продолжительнаго храненія: во владивостокскомъ удивительно сыромъ климатѣ она неминуемо должна была испортиться. Но что же оставалось дѣлать? Пять милліоновъ—дѣло не шуточное. Постановили завести сушилки и сдѣлать муку овинной. Изъ этой затѣи ничего, конечно, не вышло. Мука совершенно протухла, и въ описываемое время, для приданія питательности и маскировки вкуса, къ ней прибавляли 10—15 % бобовой муки. Я жевалъ этотъ хлѣбъ, но проглотить не могъ. Протухшій, скверно вымѣшанный, комковатый, полусырой кусокъ буквально застрѣвалъ въ горлѣ. О свѣжемъ мясѣ, въ виду его страшной дороговизны (55 коп. фунтъ), и думать было нечего. Войскамъ выдавали гнилую солонину.

Но мнѣ представляется при этомъ недовѣрчивый взглядъ читателя, я боюсь быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніяхъ и поэтому предоставлю слово инспектору госпиталей, генералу Езерскому. Выпишу буквально описаніе солдатскаго питанія изъ офиціальнаго отчета о санитарномъ состояніи крѣпости Владивостокъ за 1905 годъ. Вотъ что говоритъ онъ въ VI отд.: „Главнѣйшія мѣры, принимаемыя по охраненію здоровья войскъ“.

„... Такъ какъ хлѣбъ въ войскахъ выпекался небрежно, т. е. сырой и съ большимъ количествомъ воды, то, по приказанію коменданта крѣпости, была образована особая комиссія..., которая произвела шесть выпечекъ хлѣба изъ муки различнаго качества. Опытъ показалъ, что, при сдабриваніи одного куля топлой муки съ двумя кулями хорошей муки, хлѣбъ получался вкусный, удобосъѣдобный и безъ затхлаго запаха“; поэтому комендантъ крѣп. отдалъ приказъ, чтобы войска принимали отъ интендантства $^{1}/_{3}$ топлой и $^{2}/_{3}$ хорошей муки и изъ этой смѣси пекли бы хлѣбъ, строго руководствуясь инструкціей по хлѣбопеченію“. Надо сказать, что „приказъ этотъ плохо исполнялся войсками, а особенно въ артиллеріи, потому что всѣ войсковыя части были заинтересованы въ большемъ припекѣ, а не въ выпечкѣ хорошаго хлѣба. Инспекторъ госпиталей и крѣпостной врачъ очень часто докладывали коменданту крѣпости о плохомъ хлѣбѣ въ войскахъ.—Комендантъ подтверждалъ свои требованія въ приказахъ, но все это оставалось безъ исполненія, потому что никто изъ строевыхъ начальниковъ не былъ подвергнутъ никакому взысканію. Строевые начальники сваливали всю вину на интендантство, а потому комендантъ крѣпости приказалъ инспектору госпиталей и крѣпостному врачу совмѣстно съ крѣпостнымъ интендантомъ освидѣтельствовать всѣ продукты, имѣвшіеся въ интендантскихъ магазинахъ крѣпости“. Комиссія эта, послѣ тщательнаго осмотра всѣхъ магазиновъ, донесла коменданту, что „особенно худыхъ продуктовъ нѣтъ“. Комендантъ объявилъ объ этомъ въ приказѣ по крѣпости, но и послѣ этого хлѣбъ въ войскахъ нисколько не улучшился благодаря погонѣ войсковыхъ частей за экономіей.

Въ такомъ же печальномъ положеніи находилось дѣло по продовольствію войскъ солониною и кетою, заготовленною въ прокъ самими войсками.—Вслѣдствіе плохой засолки и отсутствія ледниковъ, солонина и кета испортились, появились черви и отъ солонины и кеты страшно воняло. Хотя во всѣ полки и были прикомандированы врачи отъ неразвернувшихся госпиталей, съ цѣлью усилить надзоръ за качествомъ продуктовъ, клавшихся въ котелъ, но строевое начальство мало обращало вниманія на заявленія врачей и браковку ими солонины и кеты и своею властью приказывало класть въ котелъ испортившуюся солонину и кету.

Такъ описываетъ продовольствіе солдатъ самъ превосходительный

начальникъ санитарной части въ крѣпости. Если принять во вниманіе, что лица, занимающія подобное служебное положеніе, не склонны къ преувеличеніямъ,—если къ тому вспомнить, что самъ Езерскій былъ въ значительной степени интендантъ (по продовольствію госпиталей), то можно быть спокойнымъ, что если нарисованная имъ картина уклоняется отъ истины, то скорѣе въ сторону смягченія ужасающей дѣйствительности.

Кто были виновники этого преступнаго отношенія къ все-выносящей „сѣрой святой скотинѣ",—въ этомъ могъ бы разобраться только безпристрастный судъ. Къ сожалѣнію, что-то не слыхать о нашихъ традиціонныхъ интендантскихъ процессахъ послѣ войны...

Итакъ, мы знаемъ теперь, какъ „питался" солдатъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что, при такомъ питаніи, люди жили въ землянкахъ, или палаткахъ, въ непрерывной страшной сырости, почти не просыхая (лѣто было удивительно дождливое), и при томъ вели тяжелую земляную работу по возведенію укрѣпленій.—Могли ли они быть здоровы? Конечно, нѣтъ. Появилась страшная гостья—цынга. Образовались цѣлые полки слабосильныхъ людей, преимущественно изъ пожилыхъ запасныхъ, кое-какъ подправленныхъ въ госпиталяхъ и грозившихъ въ случаѣ осады при ухудшенномъ режимѣ тяжелымъ балластомъ лечь на крѣпость. Военное начальство, по обыкновенію, закрывало глаза на это непріятное для него явленіе, угрожавшее боевой силѣ крѣпости. Зашевелилась частная инціатива.—Въ „Обществѣ врачей" сдѣланъ былъ обстоятельный докладъ врачемъ „Кауфмановской общины Краснаго Креста".

На одномъ изъ засѣданій „Общества", посвященныхъ этому вопросу, присутствовалъ и главный санитарный инспекторъ дѣйствующей арміи, ген. Ивановъ. Врачи, не стѣсняясь, говорили генералу въ глаза правду—(впрочемъ, только изъ запасныхъ; состоящіе на постоянной дѣйствительной службѣ только сочувственно кряхтѣли, не осмѣливаясь разинуть ротъ), нападали на интендантство, требуя, чтобы при немъ была учреждена постоянная комиссія изъ спеціалистовъ по гигіенѣ, которая слѣдила бы за доброкачественностью хранимыхъ и отпускаемыхъ продуктовъ. Но безрезультатно...

„Интендантскіе склады сами по себѣ. Это совершенно независимое отъ насъ вѣдомство. Контролировать его никто не можетъ. А вы можете не принимать негодныхъ продуктовъ".

Легко сказать „не принимать"... Мы уже слышали отъ компетентнаго ген. Езерскаго, какъ поступало строевое начальство „со страшно вонявшей" солониной и кетой, забракованной врачами. Посмотримъ кстати теперь, какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ самъ ген. Езерскій.

Казалось бы, что авторъ цитированнаго отчета, говорящій о самомъ

себѣ, что „главная забота его состояла въ неусыпномъ наблюденіи за питаніемъ солдатъ“, сурово осуждающій строевыхъ начальниковъ, возвысившійся до неслыханнаго гражданскаго мужества открытаго неодобренія коменданта Казбека за то, что онъ не наказалъ ни одного строевого начальника,—самъ ген. Езерскій отнюдь не позволялъ себѣ итти по слѣдамъ этихъ начальниковъ...

Но... обратимся къ фактамъ.

Для снабженія госпиталей свѣжимъ мясомъ ген. Езерскій закупилъ 722 гол. рогат. скота по 200 руб. за штуку. Пасся этотъ скотъ, конечно, на божьей травкѣ, караулили его даровые пастухи—солдатики,—все честь честью. Но вотъ бѣда: солнышко не успѣвало сушить послѣ дождей, появились на скотѣ болѣзни. У гг. госпитальныхъ интендантовъ зачесались правыя ладони; помилуй Богъ, чистый убытокъ. И вышло распоряженіе: какъ заскучаетъ скотина, такъ ее сейчасъ же прирѣзать, да и поскорѣе въ какой-нибудь госпиталь. Въ концѣ іюля, въ 1-мъ крѣпостномъ госпиталѣ и выйди такой грѣхъ: поздно вечеромъ получаетъ смотритель госпиталя телефонограмму „немедленно отправить въ таборъ за мясомъ“. Привезли тушу, утромъ сварили. Поглядѣлъ дежурный ординаторъ: мясо—что уголь, совершенно черное. Доложилъ главному врачу. Наряжена была комиссія изъ врачей. Смотритель въ замѣшательствѣ проговорился, что въ таборѣ говорили, что скотина была „шибко больная“. Конечно, комиссія мясо забраковала. Наскоро состряпали больнымъ молочный обѣдъ. Вечеромъ приплылъ (госпиталь помѣщался тогда на Чуркинѣ) къ намъ офицеръ для разслѣдованія дѣла. Отправили кусочекъ мяса въ гигіеническую лабораторію, которая отвѣтила, что, вслѣдствіе микроскопичности присланнаго кусочка, всѣхъ пробъ произвести не было возможности и „посему опредѣленнаго отвѣта дать нельзя“. Тогда ген. Езерскій „своею властью приказалъ положить забракованное врачами мясо въ котелъ“. Больные и госпитальная команда наотрѣзъ отказались брать порціи.

II.

Солдатская масса, конечно, не могла разобраться въ вопросѣ, кто именно, выражаясь по Езерскому, „экономилъ“ на ея счетъ и морилъ людей на сыромъ протухшемъ маслѣ, червивой солонинѣ... Но естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка явилось глухое недовольство на начальство вообще.

Къ этому прибавились еще безчисленныя крупныя и мелкія стѣсненія и прижимки, которыми опутанъ бытъ нашего солдата, раздражающія и оскорбляющія его на каждомъ шагу. Всѣ подробности этого быта какъ

будто имѣютъ одну цѣль: низвести человѣка въ его собственныхъ глазахъ на степень безличнаго автомата, находящагося въ полномъ распоряженіи начальства. Солдату всѣ начальствующіе обязаны „ты“-кать. — Всякаго рода оскорбленія, самую скверную ругань, насилія надъ личностью, вплоть до рукоприкладства, онъ долженъ принимать отъ офицера, стоя передъ нимъ на вытяжку, не смѣя ни въ какомъ случаѣ даже поднять руку, закрыть свое лицо отъ удара, такъ какъ этотъ жестъ разсматривается, какъ поднятіе руки на начальника и составляетъ тяжелый проступокъ.

Что нѣкоторые „господа“ офицеры въ обращеніи съ нижними чинами не находятъ нужнымъ тормазить „свою руку-владыку“, это общеизвѣстно, но что и среди военныхъ врачей попадаются такіе же господа, это я впервые узналъ, попавши въ ихъ среду. Одного такого „интеллигента“ я имѣлъ возможность близко наблюдать въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Питомецъ военно-медицинской академіи времени Добролюбова-Некрасова (о чемъ онъ вспоминаетъ съ гордостью), нынѣ почтенной внѣшности статскій совѣтникъ, докторъ А. представлялъ собою ту картину старческаго (плюсъ специфически-военнаго) перерожденія, о которомъ Гоголь когда-то воскликнулъ: „нынѣшній пламенный юноша въ ужасѣ отпрянулъ бы, если бы ему показать его портретъ въ старости“.

Какъ-то на кухнѣ оказалась нехватка масла. Долго не разбирая, онъ расправился надъ первымъ, подвернувшимся ему подъ руку „сѣрымъ человѣкомъ“. Оно бы ничего, дѣло самое обыкновенное, да подвернулся-то, оказалось, артельщикъ, „присоска“ (смотри зоологію, классъ „Naematodes“) смотрителя Безсонова, для рукъ котораго умывальникъ стоялъ въ канцеляріи инспектора госпиталей. Оплеуха влетѣла совсѣмъ не въ надлежащее мѣсто. А. получилъ выговоръ. Случай попалъ въ чернильницу фельетониста „Владивост. Листка“. Вышелъ скандальчикъ.

Но А. не унывалъ и за обѣдомъ въ этотъ день былъ неестественно шумливъ, даже свистѣлъ. Видно было, что въ немъ клокочетъ.—Никто изъ сожителей не заговариваетъ о фельетонѣ. Наблюдаютъ. Не выдержалъ таки, самъ заговорилъ.

— Ну, да это, знаете, собака лаетъ—вѣтеръ носитъ. Какъ билъ я морды, такъ и буду бить.

— По нынѣшнимъ временамъ,—не вытерпѣлъ одинъ изъ коллегъ,— это не совсѣмъ безопасно. Посмотрите, какой нынче народъ пошелъ... Не ровенъ часъ, и сдачи перепадетъ.

А. побагровѣлъ... Разговоръ идетъ въ присутствіи одного изъ деньщиковъ, перемѣняющаго тарелки.

— Ну, не посмѣетъ...

— Какъ знать?.. Кто даетъ въ морду, тотъ долженъ расчитывать и на полученіе сдачи.

— Подъ судъ пойдетъ...

Тутъ оппонентъ не стерпѣлъ, вышелъ изъ себя и началъ громить военные порядки, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Это-то и возмутительно,—кричалъ онъ, что подобные „господа" бьютъ только связанныхъ людей... Почему рѣдки побои вольнонаемныхъ слугъ? Потому что тамъ легко нарваться на сдачу. Здѣсь же, имѣя передъ собою солдата, скованнаго дисциплиной по рукамъ и ногамъ, вы бьете беззащитнаго, безотвѣтнаго человѣка. Это низко, подло. Почему вы не находите смѣлости ударить равноправнаго вамъ человѣка, бросающаго вамъ въ лицо такія оскорбленія?..

— Эта рука била не только солдатъ... она била и коллегъ!..—хрипятъ А.

— А эта физіономія получала...—придвигается оппонентъ.

Вмѣсто отвѣта А. предпочелъ уткнуться носомъ въ жаркое.

Солдатъ не смѣетъ ѣздить на извозчикѣ.—Ему запрещено ходить по тротуару главной (Свѣтланской) улицы, проложенному мимо магазиновъ, потому что здѣсь ходятъ офицеры. Онъ не можетъ переступить порогъ городского собора,—предстоять предъ лицемъ Божіимъ составляло привилегію офицеровъ. Письма солдатъ получаетъ распечатанными. Узнавать раньше солдата, что пишетъ ему мать, невѣста, жена составляетъ тоже привилегію офицера.

И въ то же время ему неустанно твердятъ:

— Ты защитникъ отечества, ты долженъ гордиться почетнымъ званіемъ солдата.

— Да, но въ чемъ разница между моими правами и безправіемъ тѣхъ арестантовъ, которыхъ я караулю, какъ враговъ общества и отечества? можетъ спросить защитникъ.

Надъ этимъ вопросомъ крѣпко задумывалась уже не одна солдатская голова.

Недовольство, естественное у людей, обреченныхъ на голодъ и всякія физическія лишенія, подъ вліяніемъ этихъ мелкихъ, добавочныхъ раздраженій, переходило въ озлобленіе, глухо накипавшее подъ сѣрыми солдатскими шинелями, въ темной, забитой массѣ, воспитанной въ долготерпѣніи, скованной желѣзомъ дисциплины. Ненависть къ начальству росла и то здѣсь, то тамъ въ видѣ спорадическихъ вспышекъ, какъ паръ изъ подъ крышки закипающаго котла, прорывалась наружу.

Вотъ нѣсколько случаевъ за одинъ мѣсяцъ іюль.—Отдыхавшій въ 21-мъ госпиталѣ офицеръ Х. отпущенъ дежурнымъ д-ромъ Гуревичемъ на

нѣсколько часовъ въ городъ и, вопреки данному слову, загулялъ. Возвращается хмѣльной, встрѣчается съ такимъ же матросомъ. Вышелъ какой-то конфликтъ. Пошло въ ходъ оружіе. Я былъ въ то время въ городѣ, вижу везутъ на извозчикѣ смертельно блѣднаго офицера: вся голова забинтована, повязка пропитана кровью. Я бросился впередъ.

— Проходите, проходите Ваше В—іе своей дорогой, пока васъ не трогаютъ,—слышно изъ толпы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого солдатъ крѣпостной артиллеріи выстрѣлилъ въ начальника батареи, капитана В. Пуля прошла въ грудь на вылетъ. Около этого же времени унтеръ-офицеръ ударилъ палкой одного полковника.

Конфликты большею частью возникали на почвѣ отданія чести. Человѣку, избѣжавшему несчастья служить въ военной службѣ, этотъ вопросъ можетъ показаться мелочью. А между тѣмъ обязательное отданіе чести составляетъ одну изъ тягостныхъ повинностей солдата. Представьте себѣ, читатель, улицу военнаго города, какимъ былъ, напримѣръ, Владивостокъ въ описываемое время. Большинство населенія мундирное. Офицеры, военные чиновники, интенданты, врачи на каждомъ шагу. Солдату, улучившему свободную минуту, чтобы пройтись по городу, нельзя ни думать о чемъ-нибудь, ни развлечься, ни отдохнуть отъ службы, ни отдаться внѣшнимъ впечатлѣніямъ... Онъ напряженно глядитъ все время въ оба, чтобы не прозѣвать какое-нибудь начальство...

Характерное сужденіе объ этой повинности я слышалъ разъ на улицѣ отъ одного матросика, подгулявшаго до монологовъ вслухъ...

— Всякому (непечатное имя существительное)... да честь отдавай... Много васъ тутъ шляется, каждому козырять—это что же?.. на гимнастику часы положены должны быть... а цѣлый день махай-махай, эдакъ и шкаликъ не расплескавши не удержишь... Вотъ набью соломой рукавъ и пришью къ шапкѣ, тогда и получайте, гаспада ахвицеры и гаспада клистирная команда... а иначе не желаю... не желаю, ну вотъ и вся... и больше ничего...

Симптомы озлобленія были разнообразны. Приходитъ въ мѣстный лазаретъ жандармъ съ Русскаго Острова посовѣтоваться на счетъ болѣзни.

— Ну что?—спрашиваетъ его старшій врачъ, д-ръ Ростковскій, не слыхать у васъ еще японцевъ?

— Японцевъ-то, благодаря Бога, пока нѣтъ, а есть такое, что... хуже, пожалуй, японцевъ будетъ.

— А что такое?

— Да солдатики очень недовольны. Говорятъ промежду себя, какъ покажутся японцы, такъ все начальство прикончимъ.

— Что же ты представилъ смутьяновъ по начальству?

— Да какъ всѣхъ, в—іе, представишь. Всѣ злобствуютъ. Пробую усовѣщаю...

Особенное броженіе царило среди матросовъ уцѣлѣвшихъ судовъ. Для нихъ, видавшихъ виды на морѣ—на сушѣ самъ чортъ былъ не братъ. Обругать, нагрубить начальству—самое обыкновенное дѣло.

Въ началѣ августа недовольство еще болѣе сгустилось.

На базарѣ солдаты разгромили нѣсколько лавокъ съ съѣстными припасами. Чувствовалась общая нервозность. Тревожные слухи росли: говорили о заговорѣ на крейсерѣ „Россія", о томъ, что на Русскомъ Островѣ солдаты отказались исполнить приговоръ военнаго суда, присудившаго солдата къ разстрѣлу. Слухами кипѣла крѣпость.

Крѣпостное начальство было озабочено, чтобы извѣстія о внутреннихъ событіяхъ, потрясавшихъ Россію, не проникли въ крѣпость, начиненную столь взрывчатымъ матеріаломъ, но дѣлало это крайне неудачно, смѣша всѣхъ своею неумѣлостью.

Однажды мы прочитали въ мѣстной газетѣ „Дальній Востокъ" слѣдующую странную телеграмму: „Матросы броненосца „Георгій Побѣдоносецъ" принесли чистосердечное раскаяніе, плакали, просили прощенія и вновь приведены къ присягѣ на вѣрность"... И больше ничего. По какой такой причинѣ они заплакали и въ чемъ повинились,—никто ничего не зналъ. На другой день пришелъ „Никольскъ-Уссурійскій Листокъ" съ полной телеграммой о Потемкинской исторіи, и дѣло объяснилось...

Опасаясь возмущенія, начальство рѣшило занять бездѣльничавшихъ матросовъ дѣломъ. Но откуда же взять дѣло, разъ его нѣтъ. И вотъ, живя на Чуркинѣ, я вижу, какъ по утрамъ ежедневно мимо оконъ величественно выплываютъ другъ за дружкой „Россія" и „Громобой" („Богатырь" послѣ одной partie de plaisire все лѣто безвыходно засѣлъ въ докѣ), за ними миноноски. Понятно, что эти суда не смѣютъ сунуться въ море дальше выстрѣла береговыхъ батарей; выйдутъ изъ Босфора, обойдутъ кругомъ Русскаго Острова, заглянутъ, что дѣлается на Амурскомъ Заливѣ, глядишь—солнышко стало клониться къ закату. День, слава Богу, прошелъ. И вотъ нашъ флотъ возвращается въ Рогъ спать.

Для поддержанія дисциплины приходилось, такимъ образомъ, жечь послѣдніе запасы угля.

Все сказанное объясняетъ происхожденіе недовольства. Въ виду упорнаго стремленія военнаго начальства найти корень недовольства въ „злонамѣренной агитаціи", я долженъ категорически заявить, *что никакой организованной агитаціи въ то время во Владивостокѣ не было и быть не могло за неимѣніемъ способныхъ къ тому людей*. Говорю это

на основаніи близкаго знакомства со всѣми людьми, имѣвшими „образъ мыслей“ [1]). Какъ увидимъ дальше, ген. Езерскій точно указываетъ, что все движеніе организовано врачами-евреями. Это голый миѳъ. Среди врачей особенно призванныхъ изъ запаса, не было, конечно, недостатка въ, такъ наз., „неблагонадежныхъ людяхъ“; возможно, что у того или другого изъ нихъ, при случайныхъ встрѣчахъ съ солдатиками, какъ, напримѣръ, у меня въ лодочкѣ манзы, при переѣздѣ черезъ Золотой Рогъ и тому подобныхъ случаяхъ и срывалось иногда рѣзкое сужденіе по поводу мѣстныхъ или обще-русскихъ безобразій, но отсюда до систематической пропаганды, до устройства „тайныхъ митинговъ“ еще далеко. Для такой работы нужна была организація, возможная послѣ близкаго знакомства, а мы только что съѣхались сюда изъ разныхъ мѣстъ и дотолѣ совершенно не знали другъ друга.

Общерусское освободительное движеніе нашло себѣ здѣсь очень слабый откликъ. Вся гомеопатическая доза „политики“ въ это время сосредоточивалась въ трехъ обществахъ: „Обществѣ врачей“, „Обществѣ Изученія Амурскаго Края“, объединившемъ всю мѣстную интеллигенцію, и „Обществѣ Народныхъ Чтеній“. Но ни въ одномъ изъ нихъ политика не доходила до предѣловъ агитаціи.

Особенно сильно всколыхнули общественную мысль засѣданія „Об-ва Изуч. Амур. края“, собранныя на основаніи указа 18 февр. для обсужденія мѣстныхъ нуждъ. Первое засѣданіе состоялось 19-го іюня въ присутствіи коменданта крѣпости генер. Казбека, разрѣшившаго собраніе, какъ говорили, подъ однимъ условіемъ „ни единымъ словомъ не касаться вопроса о войнѣ и мирѣ“. Прослушано было около 10-ти докладовъ, посвященныхъ разнымъ сторонамъ русской жизни.—Другъ друга дополняя и усиливая, докладчики дали въ общемъ очень цѣльную и сильную картину результатовъ неумѣлаго, преступнаго хозяйничанія всякаго рода „начальства“. Ничего новаго, конечно, тутъ сказано не было для того, кто слѣдилъ за газетами, но въ живой, устной передачѣ у большинства ораторовъ въ горячей талантливо изложенной рѣчи, громко и открыто раздававшейся съ каѳедры, въ крѣпости, со дня на день ожидающей осады, мысли о необходимости коренной реформы звучали какъ новыя, производили острое впечатлѣніе... Собраніе провожало ораторовъ горячими, долго не смолкавшими рукоплесканіями...

[1]) Достойно вниманія, что даже М. Н. Тригони, прожившій во Владивостокѣ около полутора мѣсяца (окт., ноябрь) въ своемъ очеркѣ „Послѣ Шлиссельбурга“ („Былое“, сент. 1906 г.) пишетъ: „по слухамъ среди матросовъ и солдатъ велась революціонная пропаганда“. Уже одно это „по слухамъ“ ясно говоритъ, что никакой агитаціи не было, потому что вести ее могли бы только тѣ люди, въ сферѣ которыхъ вращался самъ Тригони.

Постановленная Обществомъ резолюція, требовавшая Учредительнаго Собранія, была сообщена Совѣту Министровъ.

На засѣданіяхъ Об-ва врачей тоже много и горячо говорилось на политическія темы. Къ сожалѣнію, живя на Чуркинѣ, я очень рѣдко могъ посѣщать ихъ.

По той же причинѣ я не могъ принять участія и въ дѣятельности „О-ва Народныхъ чтеній", о которой носились очень отрадные слухи. Аудиторія Музея, гдѣ велись чтенія, всегда была переполнена. Въ городѣ постоянно смѣнялись афиши, возвѣщавшія о чтеніяхъ. Заглавія темъ звучали заманчиво и вполнѣ современно: о народномъ представительствѣ, о податяхъ, о выборахъ и т. д. Особенной энергіей отличался д-ръ Суровъ, удостоившійся чести полученія при отъѣздѣ благодарственнаго адреса отъ аудиторіи за свои просвѣтительные труды.

III.

Открытіе переговоровъ въ Портсмутѣ подѣйствовало различно на верхи и низы арміи.

На верху оно произвело дѣйствіе подкожнаго возбуждающаго вспрыскиванія.

Внизу мирные переговоры подѣйствовали на всѣхъ совершенно обратно, какъ теплая ванна. Всѣ окончательно разомлѣли, распустили пояса.—Запасные предались сладкимъ мечтамъ о томъ, когда можно будетъ, наконецъ, сбросить съ себя казенную шкуру и уѣхать домой.

Меня очень интересовала психологія „пушечнаго мяса", и я при всякомъ удобномъ случаѣ заводилъ съ солдатами разговоръ на тему о войнѣ и мирѣ, стараясь поглубже заглянуть въ душу человѣка, узнать его подлинныя, собственныя мысли. Это дѣло не изъ простыхъ. Нашъ солдатъ вымуштрованъ такъ, что даже передъ всякимъ „подобіемъ начальства", какимъ въ его глазахъ являются врачи, особенно внѣ госпиталей,—онъ держится на предупредительномъ чеку съ готовымъ, висящимъ на кончикѣ языка, „такъ точно".

Если безъ всякихъ околичностей подойти къ солдату и прямо задать ему вопросъ:

— Ну, какъ ваши ребята думаютъ на счетъ японца: надѣются побить, или лучше мириться?

То можно быть увѣреннымъ, что послѣдуетъ отвѣтъ въ родѣ:

— Такъ точно, Ваше В—іе, безпремѣнно надо отразить врага, не щадя живота.

И при этомъ по выпученнымъ глазамъ и барабанной интонаціи ясно видишь, что это не мысли, а „словесность".

18-го августа по городу распространилось извѣстіе о заключеніи мира. Истомленная душа осталась столь же равнодушной, какъ и недѣлю назадъ, когда стала извѣстной огорошившая телеграмма о разрывѣ переговоровъ. Какъ-то отупѣли всѣ, потеряли способность волноваться. Глубоко въ душѣ копошится радость, но наружу не рвется. Странно радоваться по такому поводу, не будучи увѣреннымъ въ фактѣ. Нашему правительству, казалось мнѣ, я не повѣрилъ бы, потому что не могу никакъ представить себѣ, чтобы извѣстіе, озаглавленное подъ рубрикой—„правительственное сообщеніе"—было правдиво. Поддерживало надежду то, что лондонская депеша о мирѣ была разрѣшена комендантомъ для напечатанія въ газетѣ. Безъ достаточныхъ основаній онъ не позволилъ бы печатать такое извѣстіе, потрясавшее сердца всѣхъ измученныхъ подневольныхъ защитниковъ.

Вечеромъ сижу въ дежуркѣ, занимаюсь.—Открывается дверь, и голова д-ра Нейфаха произнесла въ щелку:

— Миръ! официальная телеграмма!

Дверь закрылась. Я бросился въ коридоръ.

— Стойте, гдѣ телеграмма? Разскажите толкомъ.

— Вотъ здѣсь!—Онъ показалъ зажатый кулакъ, въ которомъ что-то бѣлѣло.

— Читайте скорѣе, надо нести товарищамъ!

Я вырвалъ у него. Коротенькая депеша Витте изъ Портсмута. Сердце затрепетало. Сомнѣніе исчезло. Великое счастіе свалилось, какъ будто внезапно, хотя ожидалось давно, какъ манна небесная. Вспышка страшнаго возбужденія. Хотѣлось движенія, бѣжать, кричать...

— Подождите! я съ вами! Вы куда?

— Въ коммуну.

— Давайте прочитаемъ сперва больнымъ!

— Я уже былъ въ вашемъ отдѣленіи! Надо забѣжать къ себѣ въ ушное!..

Бѣжимъ. По дорогѣ идутъ солдаты—гребцы съ артиллерійской шлюпки.

— Слыхали? миръ!

— Какъ же, вотъ у насъ телеграмма!—отвѣчаютъ радостные голоса.

— Миръ заключенъ! Телеграмма Государю Императору!—бросаемъ по пути въ раскрытыя окна столовой госпитальной команды.

— Слава Богу, наконецъ-то! Спасибо!—Слышится оттуда.

Въ коммунѣ цѣлое торжество. Въ столовой на всѣхъ трехъ сторо-

нахъ печки двухъ-аршинными буквами транспарантировано „ура!“... „миръ!“... Ужинъ съ коньякомъ и портвейномъ. Зашла одна изъ сестеръ, и посему всѣ ведутъ себя джентльменами: ни циничныхъ анекдотовъ, ни обычныхъ непристойностей. Кузьмѣ на этотъ разъ не приходится краснѣть за тѣхъ, кому онъ обязанъ прислуживать, какъ „господамъ“. Молчаливый Гриненко бесѣдуетъ съ собой на піанино, и артистическіе звуки его находятъ сегодня особый откликъ въ душѣ.

Послѣ ужина пошелъ въ дежурку. На сердцѣ такъ легко и радостно; чувствуешь себя, какъ когда-то во времена вѣры въ Пасхальную ночь. Слышишь, какъ радостно бьются сердца всѣхъ этихъ тысячъ людей и многихъ милліоновъ въ Россіи. Какая божественная ночь! Какъ славно жить на свѣтѣ!

Темно. Городъ сверкаетъ за Рогомъ тысячью огней. Яркіе снопы лучей прожекторовъ разрѣзываютъ тьму, освѣщая блестящими полосами зеркальную поверхность залива.

Заключеніе мира облегчило изстрадавшуюся солдатскую душу, подавши надежду на скорый конецъ насильственной разлуки съ родными, раззоренными, голодными семьями. Но время шло, а объ отпускѣ запасныхъ ни слуху. Казалось, что о нихъ совершенно забыли тѣ, кто долженъ былъ прежде всего рѣшить именно этотъ существеннѣйшій для десятковъ тысячъ людей вопросъ и прямо объявить, что такія-то категоріи запасныхъ будутъ отправлены тогда-то. Пусть бы это время было продлено еще на нѣсколько мѣсяцевъ, но, по крайней мѣрѣ, каждый опредѣленно зналъ бы, что его ожидаетъ. Не было бы этихъ, волнующихъ душу, слуховъ, этихъ колебаній отъ надежды къ отчаянію. Ничто такъ не издергиваетъ человѣка, какъ томительная неизвѣстность, какъ длительное, неопредѣленное ожиданіе.

Но, конечно, для начальства этихъ соображеній не существовало. Въ качествѣ воителей, выхода въ запасъ они не ждали. А гдѣ тянуть служебную лямку?—это былъ вопросъ второстепенный. При томъ у нихъ была своя горе-заботушка: дѣло въ томъ, что съ переходомъ арміи на мирное положеніе приходилось сказать „прощай“ всякаго рода щедрымъ видамъ военно-полевого довольствія. И первое, чѣмъ озаботились мѣстныя начальственныя сферы послѣ заключенія мира, было ходатайство о... сохраненіи окладовъ военнаго времени. Конечно, Петербургъ предупредительно отнесся къ этому ходатайству: всѣ виды щедротъ разрѣшено было сохранить пока до 1-го января. Итакъ, о японцѣ можно, наконецъ, забыть, денежки въ карманѣ идутъ, возможно, что усиленные оклады удастся заполучить и въ будущемъ году (объ этомъ уже шли разговоры)... ну, значитъ о чемъ же еще толковать въ этомъ лучшемъ изъ міровъ? А само

чувствіе солдата... ну, это сантименты. Вѣдь его дѣло не разсуждать, а слушать команду.

На верхахъ происходило что-то неладное, судя по шедшимъ оттуда распоряженіямъ. Началась удивительная неразбериха. До заключенія мира начальства совсѣмъ не было слышно; каждый тогда опасался брать на себя инициативу, чтобы въ случаѣ неудачи не влетѣло. Теперь же вдругъ объявилась такая масса начальства, что не знали, кого и слушать. Всѣ сразу принялись командовать и другъ дружку отмѣнять.

Многіе врачи, взятые изъ запаса въ самомъ началѣ войны, сильно рвались домой. Ихъ ежедневно можно было видѣть въ передней канцеляріи инспектора госпиталей, жадно разспрашивающихъ о вновь полученныхъ распоряженіяхъ. Сегодня приказано отпустить 64 врача; на завтра уже отпускаютъ 110; тамъ третій вершитель велитъ всѣхъ оставить; четвертый—шлетъ ихъ въ Верхнеудинскъ; пятый—куда-то на холеру, шестой—въ Читу на чуму; седьмой... голова бывало идетъ кругомъ отъ этой кутерьмы. И всѣ волнуются. Выведенные изъ терпѣнія врачи начали собираться въ музеѣ и обсуждать мѣры, какъ побудить начальство отпустить ихъ домой?

Что творилось въ эту пору съ солдатской массой, это мы, врачи, близко наблюдали въ госпиталяхъ.

Бюрократъ, въ форму какого вѣдомства его ни одѣнь, всегда вѣренъ себѣ: канцелярская тайна, даже тамъ, гдѣ она очевидно не нужна, у него всегда на первомъ планѣ. Всякому было ясно, что держать такую массу людей, изъ которыхъ къ тому же многіе были не годны,—не къ чему. Часть неминуемо приходилось отпустить. Но какъ это сдѣлать?

Сдѣлали такъ.

Вышло негласное и неясное распоряженіе: эвакуировать изъ госпиталей „хрониковъ". Конечно, оно мигомъ облетѣло всѣ части. На дворѣ стояла осень, холода. Съ дальнихъ позицій потянулись въ госпитали толпы жалкаго люда, Христомъ-Богомъ умолявшаго дежурныхъ ординаторовъ, растерявшихся отъ такого наплыва, не гнать ихъ обратно на голодъ и холодъ, пріютить въ госпиталѣ. Всѣ койки были заняты, а народъ валитъ и валитъ. Вмѣсто того, однако, чтобы установить какія-нибудь опредѣленныя правила эвакуаціи, началась нелѣпая игра въ „можно-нельзя". Пріѣзжаетъ сегодня главный врачъ изъ Медицинскаго Управленія и торопитъ ординаторовъ: „Назначайте на эвакуацію какъ можно больше". Ну мы, конечно, рады стараться. Вмигъ госпиталь опустѣлъ и сейчасъ же сталъ наполняться свѣжими людьми... Но уже сверху дуетъ другой вѣтеръ: „врачи эвакуируютъ безъ достаточныхъ основаній. Относиться къ дѣлу со строгой разборчивостью, назначая въ отпускъ только дѣйствительно хронически

больныхъ". Ну, и застопорилась машина. А народъ на позиціяхъ не знаетъ, что начальство вчера встало съ лѣвой ноги, и, знай себѣ, напираетъ. Госпиталь полонъ, приходится отказывать. Люди съ ропотомъ бредутъ назадъ не понимая, почему товарищей отправили на родину, а ихъ гонятъ обратно на ненавистныя позиціи.

Иллюстрирую сказанное сценкой посѣщенія нашего госпиталя инспекторомъ госпиталей, но предварительно маленькое введеніе.—Мелочная борьба со смотрителемъ госпиталя надоѣла мнѣ своею безрезультатностью. Я рѣшилъ дѣйствовать круче и послѣ одного дежурства подалъ главному врачу рапортъ, въ которомъ, описавши безпорядки за день, заявилъ: „причину безпорядковъ вижу въ незаботливости и нераспорядительности смотрителя, который не только самъ не заботится о приведеніи госпиталя въ должный видъ, но препятствуетъ и другимъ... рапортъ прошу отправить по командѣ". На другой день является къ намъ въ казенную конуру на чердакѣ, гдѣ жилъ я съ тремя коллегами, главный врачъ и говоритъ, что „генералъ" приказалъ, чтобы мы немедленно очистили помѣщеніе. Стали мы искать квартиру въ городѣ; ни одной комнаты. Два дня прошло въ поискахъ. Слышимъ: генералъ пожаловалъ.

Обходитъ со всей свитой госпиталь.

— А тамъ, наверху... у васъ *что?*

— Наверху, ваше пр—ство, живутъ каптенармусъ, аптечные служителя и одну комнату занимаютъ врачи,—докладываетъ смотритель.

— Какъ? Еще не съѣхали?

— Такъ точно, ваше пр—ство, живутъ еще.

— Если завтра къ 8 час. утра не съѣдутъ, взять солдатъ и выбросить вещи вонъ на улицу.

Пошелъ по палатамъ. Выстроилъ въ шеренгу всѣхъ, назначенныхъ на эвакуацію, разспрашиваетъ:

— Ты чѣмъ боленъ?

— Грудь болитъ, задышка... ваше пр—во!

— Вздоръ! Притворщикъ! Оставить! У тебя что?

— Животомъ замаялся...·весь ослабъ!

— Симулянтъ! Оставить!

Заходитъ въ мою палату.—Ты почему назначенъ?—обращается къ истощенному, слабосильному субъекту.

— Ноги не держутъ, ваше пр—во!

— Такъ изъ-за ногъ эвакуировать? Кто его лѣчитъ?

Выхожу.

— Почему вы его назначили?

— Изъ-за общаго истощенія! При томъ онъ страдаетъ ленточными глистами, а никакихъ глистогонныхъ въ нашихъ аптекахъ не имѣется.

— Какія же у него глисты, разъ онъ жалуется на ноги?

— Повторяю, что у него глисты!

— Глисты?.. Откуда глисты? Изъ ногъ что ли?

— Нѣтъ, не изъ ногъ, а изъ задняго прохода!

— Симулянтъ? Останешься!

Такъ командуютъ русскіе генералы во „ввѣренныхъ" имъ госпиталяхъ.

Впрочемъ, этотъ генералъ былъ изъ генераловъ особенный. Выслужившись изъ полицмейстеровъ, онъ позволялъ себѣ обращаться съ врачами, какъ со штрафованными солдатами [1]). За вышучиваніе моего діагноза я намѣревался было притянуть его къ отвѣту, но, пока я разузнавалъ, какъ это сдѣлать, меня отчислили отъ госпиталя, а черезъ нѣсколько дней разразились событія, заставившія забыть эту мелочь.

Какъ читатель убѣдился, всѣ дѣла вершило начальство у насъ такъ, словно задалось цѣлью узнать, есть ли граница долготерпѣнія русскаго солдатика и, если есть, то гдѣ она?

Ропотъ усиливался съ каждымъ днемъ. Ко всему этому прибавилась еще одна причина солдатскаго неудовольствія—невыдача денегъ за земляныя работы при возведеніи укрѣпленій. Война, какъ извѣстно, застала Владивостокъ совершенно неподготовленнымъ къ встрѣчѣ врага. Сооружать форты пришлось уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Трудъ этотъ выпалъ на долю солдатъ и былъ выполненъ гарнизономъ крѣпости. Возведеніе укрѣпленій относится къ числу служебныхъ обязанностей солдата и должно выполняться имъ безвозмездно, но въ виду особой спѣшности, чтобы побудить людей къ болѣе быстрому и продуктивному труду, начальство обѣщало уплатить имъ за эти работы. Солдаты знали, что казна отпустила не малыя суммы на приведеніе крѣпости въ боевую готовность. Выкопали гдѣ-то приказъ (№ 380), коимъ опредѣлена была въ точности и плата за этотъ трудъ (75 к. въ день), и толковали его вкривь и вкось. Каждый солдатъ считалъ за казной долгъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Между тѣмъ времени ушло много, а о расплатѣ—молчокъ. Кой-кто уѣхалъ домой, не получивши ни копейки. Люди мерзли, кормили ихъ прескверно, заработанныхъ денегъ не выдавали, „домой" не пускали и даже не объявляли, когда отпустятъ.

Неудовольствіе быстро росло. Слухи, одинъ невѣроятнѣе другого, носились въ зловѣщей, съ каждымъ днемъ становившейся все напряжен-

---

[1]) Особенно возмутительной была травля имъ д-ра Цукермана, человѣка больного, надъ которымъ онъ явно, безчеловѣчно глумился.

нѣе атмосферѣ. Говорили, что Витте „надулъ японца", только для „проформы" подписавши миръ; на самомъ же дѣлѣ правительство рѣшило подвезти свѣжія войска и съ новыми силами ударить на врага. Увѣряли что нынѣшній комплектъ арміи приказано на всякій случай сохранить до весны, или даже до осени... Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ передавали, что комендантъ ежедневно получаетъ письма, угрожающія бунтомъ въ случаѣ дальнѣйшей задержки запасныхъ. Туча надвигалась. Надо было ждать грозы. И она не замедлила разразиться.

IV.

22-го октября въ полдень я, вмѣстѣ съ товарищемъ, д-ромъ Цвѣтаевымъ, пріѣхавшимъ изъ манчжурской арміи поглядѣть на Владивостокъ, отправились на пароходикѣ „Уллисъ" на Русскій Островъ. Отъ пріѣзда туда до отхода парохода въ нашемъ распоряженіи было всего $1^1/_2$ часа. Довольно крутой подъемъ на Русскую Гору (около 2 верстъ при 138 саж. высотѣ) былъ взятъ нами въ 23 минуты. Командиръ форта оказался очень любезнымъ человѣкомъ, какіе встрѣчаются почти только среди интеллигентныхъ артиллеристовъ. Онъ показалъ намъ весь фортъ. Съ высоты горы открывается чудный ландшафтъ. День былъ ясный, морозный, вѣтряный. Полъ горизонта занимало море открытое, заманчивое. Пестрый архипелагъ многочисленныхъ острововъ, бухты, проливъ, далекія горы материка, городъ—все это стлалось внизу, какъ на ладони. Бывалые люди говорятъ, что этотъ видъ одинъ изъ величественнѣйшихъ и красивѣйшихъ въ мірѣ. Осмотрѣли орудія, станцію безпроволочнаго телеграфа, зашли въ квартиру коменданта форта. Затѣмъ, крѣпко пожавши ему руку, быстро ринулись внизъ, такъ какъ „Улиска" уже приближался. На обратномъ пути сильно качало; мы промерзли, проголодались и, выскочивши на берегъ, устремились въ „Сѣверный ресторанъ" обѣдать. Навстрѣчу намъ по Свѣтланкѣ бѣжитъ полу-знакомый интеллигентъ, съ которымъ на дняхъ мы перекинулись парой словъ въ книжномъ магазинѣ, какъ потомъ оказалось, Борисъ Дмитріевичъ Оржихъ, бывшій шлиссельбуржецъ. Завидя насъ съ противоположнаго тротуара, перебѣгаетъ улицу, поздравляетъ „съ конституціей".

— Что такое?

— А вотъ, на-те, читайте!

Досталъ изъ кипы, что несъ подъ мышкой изъ типографіи, два листка съ телеграммами манифеста и побѣжалъ дальше, крикнувши „приходите въ 7 часовъ въ музей! соберется народъ". Читаемъ... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... вотъ такъ счастье свалилось! Вытерли обмерзшіе усы и поцѣловались...

Залъ ресторана, по обыкновенію, былъ полонъ офицерства. Тщетно вглядывались мы въ физіономіи сосѣдей, стараясь подмѣтить признаки хоть какого-нибудь душевнаго движенія, возбужденія, все равно, положительнаго или отрицательнаго. Трудно себѣ представить, чтобы такое событіе могло совершенно не задѣть ихъ, чтобы они, люди молодые, грамотные, были къ нему совершенно индифферентны. А между тѣмъ было именно такъ. Листки съ телеграммой были разбросаны по столикамъ. Кой-кто читалъ ихъ молча, про себя. Лица у всѣхъ были самыя обыденныя, разговоры будничныя, какъ будто ровно ничего особеннаго не случилось.

Въ 7 часовъ мы были въ Музеѣ, гдѣ назначено было общее собраніе членовъ „Об-ва народныхъ чтеній" для обсужденія программы систематическихъ чтеній по общественнымъ вопросамъ. Набралось человѣкъ 300. Конечно, о чтеніяхъ никто и не вспомнилъ. Первымъ говорилъ Оржихъ о значеніи настоящаго момента и необходимости возможно цѣлесообразнѣе использовать его, осуществивши на дѣлѣ и, такимъ образомъ, силою факта закрѣпивши взятыя права. Потомъ изложилъ я обуревавшія меня мысли и чувства. Съ тяжелымъ чувствомъ перечитываю я теперь свои замѣтки и самъ не вѣрю, что два года назадъ все это могло быть...

Духъ захватывало при мысли, что я свободный гражданинъ, что меня окружаютъ сейчасъ такіе же свободные граждане. Голова кружилась... я пьянѣлъ отъ этого чуднаго сознанія, какъ будто меня внезапно подняли на небывалую, казавшуюся еще вчера мечтой, высоту.

— Въ эту великую минуту невыразимой радости, говорилъ я, выпавшей на нашу долю—минуту, которую никто изъ насъ не забудетъ до конца жизни, о которой мы долго-долго будемъ разсказывать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, минуту, которую народу удается пережить только разъ въ его исторической жизни,—пусть первой мыслью нашей будетъ о тѣхъ, кто своею кровью и муками добыли намъ эту свободу, пусть первымъ чувствомъ у насъ, свободныхъ гражданъ, будетъ чувство глубокой признательности передъ героями долгой мучительной борьбы, плоды которой достались намъ, пусть первымъ дѣломъ нашимъ будетъ единодушное требованіе полной немедленной амнистіи всѣмъ, еще и нынѣ страдающимъ, за, такъ называемыя, „политическія преступленія".

Послѣ многочисленныхъ рѣчей было постановлено организовать широкую агитацію среди мѣстнаго населенія и для начала созвать черезъ 4 дня народный митингъ въ зданіи цирка.

Предложеніе мое о немедленной посылкѣ телеграммы объ амнистіи было провалено усиліями д-ра Борейши, убѣдившаго собраніе, что оно по, малочисленности своей, не можетъ принимать такого рѣшенія, которое

выйдетъ внушительнѣе, если его вотируетъ слѣдующій митингъ. Телеграмма осталась не посланной.

Возможность, какъ казалось тогда, открытой общественной работы создала для людей, стремившихся выступить на арену ея, потребность ближе познакомиться другъ съ другомъ, сорганизоваться, сговориться на счетъ плана предстоящей работы. Такое частное собраніе состоялось у М. Была выработана программа предстоящаго митинга, намѣченъ президіумъ (предсѣдатель д-ръ А. А. Цвѣтаевъ, товарищъ Б. Оржихъ, секретарь—я). Митингъ вышелъ вполнѣ удачный. Циркъ былъ полонъ. По требованію публики, присяжные повѣренные г.г. Звѣревъ и Фихманъ объяснили содержаніе манифеста. Оржихъ изложилъ послѣднія событія, результатомъ которыхъ явился манифестъ. Я сдѣлалъ бѣглый очеркъ революціонныхъ событій за послѣднее десятилѣтіе. Д-ръ Борейша говорилъ о роли сознательнаго пролетаріата. Блестящій, восторженный гимнъ свободѣ произнесъ мѣстный талантливый поэтъ-публицистъ г. Гарфильдъ. Было постановлено и впредь возможно чаще устраивать подобные митинги, на что было собрано 400 рублей. Слѣдующій митингъ для разсмотрѣнія вопроса о мѣстной городской думѣ, о смѣщеніи состава гласныхъ и выборѣ новыхъ на основаніи демократическихъ принциповъ, былъ назначенъ на 31 октября.

27-го октября собрались врачи. Залъ былъ полонъ публики. Заговорили о манифестѣ красно, многорѣчиво. Я предложилъ перейти отъ словъ къ дѣлу: объединить всю интеллигенцію приморской области въ Союзъ, задачей котораго было бы: 1) ознакомить населеніе со вновь пріобрѣтенными правами, 2) осуществить эти права, введя ихъ въ практику жизни, 3) выяснить экономическія потребности разныхъ группъ населенія для выработки соотвѣтствующей потребностямъ избирательной платформы. Составленная въ этомъ смыслѣ резолюція была принята. Было избрано бюро изъ 5 человѣкъ для разработки этого проекта.

Въ эти же дни „Об-вомъ нар. чтеній“ былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ въ честь В. Г. Короленко, носившій характеръ демонстраціи. Театръ „Золотой Рогъ“ былъ полонъ. Большинство публики составляли нижніе чины, заполнившіе не только галлерею, но и партеръ, гдѣ они съ полнымъ достоинствомъ сидѣли въ перемежку съ офицерствомъ. Весь вечеръ чувствовалась необыкновенная приподнятость, какое-то особенное общее напряженіе. Помню моментъ, когда посреди напряженной тишины, съ которой залъ слушалъ художественную декламацію д-ромъ Балабаномъ „Пѣсни о соколѣ“, съ галлереи раздалось громовое „проклятье ужамъ!..“— весь залъ вздрогнулъ. Весь вечеръ мнѣ чудилось, что искры летаютъ надъ кучей пороха...

А тѣ, кто ближе всего долженъ былъ интересоваться настроеніемъ

солдатскихъ массъ и задумываться надъ вопросомъ: въ какое же положеніе ставитъ ихъ измѣнившійся порядокъ вещей?—оказались неспособными даже замѣтить то, что творилось вокругъ нихъ, и, одѣваясь въ вестибюлѣ, компанія морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ мило шутила: „ну, теперь отъ конституціи переѣдемъ къ... проституціи".

Черезъ два дня порохъ взорвало.

V.

30-го откября (воскресенье) сижу дома, обдумываю рефератъ для назначеннаго на завтра митинга. Возникло недоумѣніе относительно объема дарованной амнистіи, иду къ сосѣду, прис. повѣр. Звѣреву, за разъясненіемъ. У него маленькое собраніе. Идетъ горячій споръ. Вдругъ является господинъ и говоритъ, что на базарѣ безпорядки: грабятъ лавченки, была пальба, есть раненые. Одѣваюсь. Бѣгу.

На улицахъ, около базара огромныя толпы китайцевъ. Нѣсколько отрядовъ солдатъ съ ружьями. Бѣгу на базаръ. Мѣсто, гдѣ стояли деревянныя лавченки, представляютъ груду досокъ, бревенъ. Толпа солдатъ (человѣкъ 40), разсыпавшись, набиваетъ карманы всякой мелкой дрянью: булками, яблоками, сѣмечками... Нѣкоторые тутъ же жадно пожираютъ похищенное... Налетаю на нихъ и кричу: „разбойники!.. развѣ хорошо это?"

Всю толпу какъ рукой смело. Ни души. Всѣ убѣжали. Поздравляю себя, не вѣря глазамъ. Вотъ—думаю—такъ успѣхъ! Не понимаю—чѣмъ объяснить...

Подходитъ пьяный оборванецъ, кричитъ: „чего его слушать! А, жирная морда! Самъ-то ты не грабишь? Сколько ты жалованья изъ народа сосешь!" Вступаю съ нимъ въ дебаты. Подходитъ солдатъ, за нимъ другой, третій... всѣ выскакиваютъ изъ-за угловъ, и пошла опять работа... „Бросьте!"—кричу. Никакого вниманія. Одинъ грозитъ: „не путайтесь лучше! бѣды бы не вышло!.." Еще тутъ одинъ д-ръ случился. Давай оба усовѣщевать. Никакого толку. Бросилъ. Сталъ наблюдать. Въ меня летятъ яблоки, палка упала неподалеку. Отошелъ на прилегающую площадь.

Кучка жигановъ и матросовъ переругиваются съ патрулемъ. Берутся за камни. Попали въ офицера. „Пли!.." Хохотъ. Холостыми... Я къ матросамъ усовѣщевать. Какъ горохъ къ стѣнѣ. Опять берутся за камни. Солдаты заряжаютъ ружья. Подбѣгаю къ офицеру. Стоитъ блѣдный, трясется.

— Ради Бога, говорю, не стрѣляйте!.. Хуже будетъ, если кого раните... Не раздражайте! Они озвѣрѣютъ...

— Ну, такъ уговорите ихъ, чтобы не нападали. Не могу же я переносить это безобразіе!.. Засыпаютъ камнями...

Опять къ матросамъ. Но—что говорить съ пьяными!.. Одинъ верзила-жиганъ чуть не хватаетъ меня за горло:

— Съ какимъ наслажденіемъ, говоритъ, я вырвалъ бы изъ тебя душу.

— А зачѣмъ тебѣ она?..

На Свѣтланкѣ толпа растетъ. Иду туда. Масса солдатъ и матросовъ запрудили всѣ тротуары. Стоятъ, молчатъ, ждутъ. Пошелъ вдоль улицы; думаю попасть на собраніе приказчиковъ, предложить выбрать депутата въ проектированный центральный комитетъ Союза-Союзовъ.

Около музея встрѣчаю коменданта: катитъ на тройкѣ навстрѣчу. Возвращаюсь: посмотрю, что онъ стáнетъ дѣлать. Нахожу его окруженнымъ огромной толпой матросовъ и солдатъ, которые безъ стѣсненій выкладываютъ ему, что у нихъ накипѣло на сердцѣ; требуютъ немедленнаго увольненія въ запасъ, улучшенія пищи и обращенія со стороны офицеровъ, выдачи денегъ, заработанныхъ при возведеніи укрѣпленій, разрѣшенія посѣщать митинги, объявленіе полностью манифеста («вы позволили напечатать только третью часть манифеста, а остальное скрыли: это намъ доподлинно извѣстно...»). Одинъ матросъ тычетъ ему въ глаза коробку консервовъ. «Это добро для насъ, солдатъ, пожертвовано; видите клеймо Краснаго Креста. А вѣдь взялъ-то я ее сейчасъ въ китайской лавченкѣ. Зачѣмъ же вы пожертвованные намъ запасы продаете китайцамъ, когда мы голодаемъ»...

Казбекъ сперва усовѣщевалъ ихъ, а потомъ скомандовалъ: «маршъ по домамъ». Никто не пошевельнулся.

— Тебѣ говорятъ, на лѣво кругомъ маршъ!

Не тутъ-то было. Хохотъ, свистъ, улю-лю!..

Противъ магазина Кунстъ-Альберсъ расположились верховые.

Комендантъ потихоньку удалился и подъ свистъ толпы двинулся дальше. Я пошелъ обѣдать въ сосѣдній ресторанъ Шуина. Было около часу. Во время обѣда вижу, мимо оконъ бѣжитъ по тротуару толпа (оттуда, гдѣ было сборище). Думаю—стрѣльба. Выскакиваю.

— Чего? Что такое?

— Не знаемъ! всѣ бѣгутъ!

Потомъ возвращаются немножко обратно; потомъ опять побѣжали... И ничего не понять, что дѣлается.

Дообѣдавъ, быстро пошелъ въ толпу. Возбужденіе на лицахъ страшное. Дѣйствій никакихъ. Всѣ стоятъ и какъ будто чего-то ждутъ.

Вдругъ на углу Свѣтланской и Суйфунской выскакиваетъ изъ толпы

высокій красивый брюнетъ съ энергичнымъ лицомъ, въ пиджакѣ, высокихъ сапогахъ и папахѣ и, энергично жестикулируя, кричитъ:

— Да чего съ ними разговаривать!.. Разговорами толку не добьешся! За работу! Ай-да въ полицію, выпустимъ арестованныхъ!.. Что за бабы!

А впереди его, въ ту сторону, куда онъ указывалъ, уже неслось на гору, бѣгомъ, врассыпную нѣсколько десятковъ человѣкъ. Тутъ впервые раздался свистъ, тотъ зловѣщій, рѣзкій, набатный свистъ, что долго потомъ носился, какъ бѣшенный ураганъ, по городу и еще дольше стоялъ въ ушахъ потрясенныхъ жителей. Одинъ изъ жигановъ хватилъ камнемъ въ окно кунстовскаго дворца. Нѣсколько человѣкъ подбѣжало къ коноводу:

— Зачѣмъ трогаете частныхъ людей?

— Это такъ оселъ какой-то хватилъ сдуру!—Конечно, нельзя никого зря обижать... А тюрьму-то р-р-разнесемъ!.. За мной ребята!..

Двинулся съ толпой и я. Прошелъ нѣсколько шаговъ, слышу:

— Постой-ка, хвачу эту сволочь, чтобы не шлялся, гдѣ не слѣдъ!

— Чего ты, развѣ не видишь, это докторъ!

Оборачиваюсь. Одинъ пьяный матросъ подымаетъ камень, а другой его удерживаетъ.

— За что вы хотѣли меня ударить?..

— А чортъ тебя разберетъ: полицейскій ты или докторъ!

Пробѣгая мимо полиціи, нѣсколько человѣкъ запустили камнями въ окна. Раздался звонъ стеколъ, и изъ оконъ каталажной (надъ пожарнымъ сараемъ) стали махать руками и кричать: «братцы, ослобоните!..»

Но потокъ почему-то здѣсь не задержался, а ринулся вправо по Суйфунской, по направленію какъ бы къ тюрьмѣ. Добѣжали до конца улицы, гдѣ начинается пустырь. Чтобы дойти до тюрьмы, надо было итти въ гору, пустыми мѣстами. Вотъ почему толпа задержалась, какъ бы въ раздумьи: стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ такъ далеко бѣжать изъ города, когда и здѣсь есть гдѣ развернуться. Послѣднее зданьице было слѣва на углу—мелочная китайская лавченка. Два матроса, стоявшіе по близости, подошли и дернули за болтъ. Вдругъ деревянное окошечко раскрылось и оттуда грянулъ выстрѣлъ въ упоръ физіономіи матроса, едва успѣвшаго увернуться. Затѣмъ другой—«бацъ»!.. Толпа на секунду дрогнула, раздалась, затѣмъ, какъ съежившееся раздраженное животное, ринулась... и хибарка затряслась отъ усилій сотни рукъ. Стукъ, трескъ. Ломаютъ ворота, чтобы проникнуть во дворъ. Раскрываются боковыя двери (во дворъ), и два китайца съ мѣшками за спиной и съ револьверами въ рукахъ, какъ зайцы, пригнувшись къ землѣ, прыгъ-прыгъ саженными шагами, только пятки мелькаютъ въ уровень съ затылкомъ... Вслѣдъ имъ «ату! го-го!» и

градъ камней. Удрали. Перелѣзли заборъ, ворвались черезъ дверь въ лавочку. Окно настежь. Пошелъ грабежъ.

Я забылъ сказать, что въ первую минуту нападенія я еще разъ подскочилъ къ грабителямъ и, сколько было у меня аргументовъ и голосовыхъ средствъ, все пустилъ въ ходъ для того, чтобы урезонить ихъ. Кричу, надрываюсь. Напоминаю въ концѣ-концовъ о семьяхъ, о присягѣ, о крестѣ на шеѣ... Ни малѣйшаго признака воздѣйствія, ни секундной задержки. Когда же я загораживалъ кому дорогу, или хваталъ за рукавъ шинели, то встрѣчалъ такое дикое, слѣпое озлобленіе, видѣлъ передъ собою такое озвѣрѣвшее лицо, въ мутныхъ воспаленныхъ глазахъ отражалась такая сила ненависти, такая глубокая неутолимая жажда мести, что я со своими *«словами»* казался самому себѣ чѣмъ-то маленькимъ, безсильнымъ, жалкимъ. Я понялъ, что представляю собою ребенка, пытающагося дощечками и колышками преградить путь первому бѣгу ручья въ то время, когда въ горахъ гремитъ громъ, бушуетъ ливень, и въ долину катится уже мощь стихіи, безпощадная, всесокрушающая.

Въ этотъ моментъ здѣсь нуженъ былъ могучій человѣкъ яснаго ума, сильной воли и неукротимаго мужества. Такой смогъ бы если не остановить потокъ, то во всякомъ случаѣ направить въ другое русло. Вся эта толпа пошла бы за нимъ куда и на что угодно. Но такого человѣка во Владивостокѣ въ ту минуту не оказалось.

Сознаніе безсилія парализовало меня. И когда ко мнѣ подбѣжалъ чиновникъ Вильчинскій [1]) и сказалъ: «Что же вы молчите? Попробуйте ихъ уговорить. Они васъ послушаютъ»,—то я только рукой махнулъ. Оставалось наблюдать, какъ поступаетъ рабъ, сорвавшійся съ цѣпи.

Чего нельзя было унести или съѣсть, то истреблялось съ отвратительнымъ увлеченіемъ. Безусый паренекъ съ добродушной, круглой, рыжеватой физіономіей, въ солдатской шинели, схвативши желѣзную коробку съ гвоздями, ожесточенно мечетъ ее туда и сюда, разбрасывая гвозди кругомъ. Въ заключеніе высоко поднявши эту коробку, онъ съ такой силой ударилъ ее о земь, какъ будто именно въ этой-то коробкѣ и заключалось все мучившее его зло, какъ будто именно она-то и стояла поперекъ дороги. Сдѣлавъ это, онъ побѣдоносно взглянулъ вокругъ и, ободренный вниманіемъ зрителей, привлеченнымъ грохотомъ коробки, самодовольно ухмыльнулся и съ крикомъ «ура» набросился на мѣшокъ съ мукой и ну трепать его. Такъ поступали еще не пьяные люди.

---

[1]) Долго потомъ этотъ господинъ ходилъ съ подбитымъ глазомъ и раной на головѣ. Вспыльчивый, живой, какъ полякъ, онъ таки не выдержалъ. Гдѣ-то, въ другомъ мѣстѣ, усовѣщевая, далъ двѣ оплеухи грабителю. Его, конечно, смяли. Счастливо еще отдѣлался.

Но съ лавочкой, наконецъ, покончено. Раздался свистъ и крики «назадъ! въ полицію!..» Орава двинулась. Полиція тутъ же рядомъ. Передъ ней на площади стояла большая, шумная толпа, но вела себя выжидательно. Подошли «наши». Въ окна полетѣлъ градъ камней, зазвенѣли стекла, затрещали рамы. Ни одного полицейскаго, всѣ скрылись. Десятокъ человѣкъ бросаются черезъ калитку во дворъ. «Арестантовъ пошли выпущать»,—комментируетъ кто-то. За ними послѣдовали еще и еще. Черезъ нѣсколько минутъ толпа побѣдоносно повалила обратно. Стали выскакивать и освобожденные китайцы. Помню одного молодого. Выбѣжалъ на улицу и замеръ. То ли испугался толпы, то ли не вѣрилъ своему счастью, что онъ освобожденъ. Посмотрѣлъ направо, налѣво и шмыгъ за уголъ. Только его и видѣли.

Такимъ образомъ авангардъ толпы увеличился на нѣсколько десятковъ добрыхъ молодцевъ, еще утромъ арестованныхъ на базарѣ за выдающуюся активность. Покончивши съ полиціей, толпа стояла въ нерѣшительности, не зная, куда направить энергію. Въ заднихъ слояхъ толпы, среди пассивныхъ зрителей, возникла было идея вынести на площадь полицейскія бумаги и сжечь ихъ, но впередъ, въ активныя сферы, идея эта не проникла и посему осталась неосуществленной.

Кто-то крикнулъ: «Телефонъ рвать! Веревокъ!..» Откуда то взялась веревка. Стали забрасывать на проволоки, тянуть ихъ къ землѣ. Ничего не выходитъ. Нѣсколько матросовъ полѣзли на столбы. Другіе стали протестовать: «Плюньте! кому онъ нуженъ?..»

Неизвѣстно, куда бы теперь направилась толпа. Въ такихъ обстоятельствахъ многое зависитъ отъ случая. Вдругъ тамъ впереди загоготали, заулюлюкали. Ринулись бѣжать. Что такое? По улицѣ во весь опоръ бѣгутъ два офицера, вышедшіе изъ одного дома, вслѣдъ имъ камни и толпа. Преслѣдуемые убѣжали за уголъ въ Маркеловскій переулокъ. Толпа очутилась передъ рестораномъ «Одесса».

...Моментально были выбиты стекла и черезъ нихъ полетѣло на улицу все содержимое: мебель, посуда, напитки, съѣдобное. Вещи, конечно, въ дребезги. Немало труда задали новые вѣнскіе стулья, которые съ трудомъ разбивались ударами о тротуаръ. Въ рукахъ у солдатиковъ замелькали бутылки. Тутъ же на улицѣ отбивались горлышки, и потекли рѣкой въ жадныя глотки вина, коньякъ, водка. Безуміе лилось вмѣстѣ съ алкоголемъ изъ черныхъ пустыхъ оконъ кабака, безповоротно захватывая толпу въ свои роковыя, полныя неожиданностей адскія объятія.

Толпа стала неузнаваемой. Дикое, ожесточенное веселіе овладѣло ею. Разнесли въ куски органъ и, вооружившись дудками, трубами, свистѣлками, толпа издавала мелодію, соотвѣтствовавшую чудовищной дѣйстви-

тельности. Гремѣлъ барабанъ. Что-то пѣли. Каждый оралъ. Пустыя бутылки летѣли въ окна верхняго этажа. Звонъ, трескъ, грохотъ... Танцы... На головахъ у нѣкоторыхъ какіе-то колпаки на манеръ фригійскихъ шапокъ. Дикія выкрикиванья со свистомъ... И свистъ, этотъ ужасный свистъ, какъ набатъ, зовущій далѣе на дикую, безпощадную месть.

Болѣе часа продолжалась эта ужасная оргія двуногихъ. Ужъ темнѣло.

Въ разгаръ погрома, въ толпу въѣхалъ на извозчикѣ генералъ Флейшеръ. Но его не пропустили, и черезъ минуту, согнувшись и закрывши голову руками, сопровождаемый градомъ камней, онъ ускакалъ обратно.

— Ваше благородіе!..—Передо мною стоитъ пьяный матросъ безъ шапки, — перевяжите, пожалуйста, рану. Вотъ тутъ черти хватили меня бутылкой.—Показываетъ на лобъ.—„Ну, ладно идемъ. Тутъ я недалеко живу". Пришлось итти мимо самой „Одессы", обогнуть ее. Въ моей квартирѣ стеколъ въ окнахъ нѣтъ,—къ счастію только наружныхъ,—внутреннія уцѣлѣли. Воды для промывки раны достать нельзя. Хозяева заперли квартиру и убѣжали. Вытеръ ранку ватой, перевязалъ чистымъ платкомъ.

— Вы, — говоритъ, — господина Пушкина (фамилія вымышлена) не бойтесь! Не такой человѣкъ господинъ Пушкинъ, чтобы кого здря обидѣлъ! Нѣтъ, меня всякій знаетъ... потому... прощайте, надо итти къ своимъ!—Ушелъ.

Посидѣлъ я нѣсколько минутъ въ квартирѣ. Чувствую, нужно сообразить что-то очень важное, существенное, но въ головѣ шумъ... Жутко въ четырехъ нѣмыхъ стѣнахъ. Тянетъ на улицу... Нечего дѣлать, надо опять итти. Темнѣетъ. Въ душѣ зарождается страхъ передъ чѣмъ-то огромнымъ, неизвѣстнымъ, что бушуетъ вотъ тутъ рядомъ вокругъ и можетъ сейчасъ задѣть и раздавить тебя. Лучше скинуть форму, чтобы во тьмѣ не приняли за офицера. Надѣлъ бурку, вынулъ изъ фуражки кокарду, пошелъ...

Уже успѣли разбить и разграбить сразу три винно-бакалейныхъ лавки. На площади передъ „Одессой" и вблизи на Китайской улицѣ было тихо и безлюдно. Откуда-то справа доносится шумъ и гамъ. Пошелъ по этому направленію. Вижу: кварталомъ выше улица запружена народомъ. Огромная, въ нѣсколько тысячъ толпа заполнила перекрестокъ и прилегающія части улицъ. Идетъ штурмъ крѣпко запертой винно-бакалейной. Площадка передъ дверью, ступеньки лѣстницы биткомъ набиты людьми опьянѣвшими, безумными. Стоитъ сплошной дикій ревъ нетерпѣнья. Раскачиваютъ болты. Трясутъ ставни. Гремятъ удары. Трескъ... ставня поддалась, сорвана. Съ неистовымъ ревомъ торжества поддалась туда толпа, подсаживая руками впереди стоящихъ. Загремѣлъ засовъ, распахнулись настежь двери. Опять громовое „ура". Началось пиршество.

— Разступись!

Надъ толпой заколыхались штыки. Впереди полъ-роты матросовъ, за ними столько же солдатъ.

— Рота, стой!—Остановились шагахъ въ двадцати отъ лавки. Сняли ружья съ плечъ. Стоятъ и смотрятъ. Толпа, сперва нѣсколько разжавшаяся, снова сомкнулась и поглотила охранителей порядка вмѣстѣ съ ихъ офицерами. Грабежъ продолжается. Бутылки дѣлаютъ свое дѣло. То и дѣло изъ пьянаго гама вырываются восклицанія: „Да здравствуетъ свобода!“ Скоро и охранители порядка, переложивши ружья въ лѣвыя руки, правыя протянули къ толпѣ, и то та, то другая голова запрокидывалась кверху вмѣстѣ съ дномъ бутылки. Разгулъ усиливался. Алкоголь и темнота дѣлали свое дѣло.

Раздалась команда „на плечо“, и патрули ушли. Зачѣмъ ихъ приводили? Выпить-закусить! Подразнить картиной разгула ихъ товарищей?

Саранча истребила все, что было возможно. Опять свистъ и крики: „Въ Яръ! идемъ въ Яръ!“ Толпа повалила къ Яру, горой. Я же направился болѣе близкимъ путемъ, но задержался въ китайской лавченкѣ (приткнувшейся у угла архіерейскаго дома), у которой нѣсколько матросовъ пытались сорвать ставню. Здѣсь я послѣдній разъ сдѣлалъ попытку испытать силу убѣжденія, напирая главнымъ образомъ на то, что „зачѣмъ же обижать мелкоту, которая трудится, не покладая рукъ“,—и послѣдній разъ убѣдился, что логикой здѣсь ничего нельзя было сдѣлать. Лавченку разграбили. Розлили, повидимому, нечаянно, керосинъ. Возникъ пожаръ, но сейчасъ же на моихъ глазахъ былъ потушенъ грабителями.

— Идемъ скорѣе, посмотримъ, что будетъ у Яра! — говоритъ знакомый чиновникъ. Сознаюсь, я даже сочувствовалъ идеѣ разгрома этого вертепа, гдѣ, говорили, происходилъ непрерывный бѣшенный разгулъ... Мы быстро двинулись ближайшими улицами. Не доходя до угла Алеутской—залпъ. Одинъ, другой, третій! Сперва остановились въ оцѣпенѣніи, затѣмъ бросились бѣжать. Темно. Нигдѣ ни огонька. Окна наглухо закрыты. Подбѣгаемъ къ самому Яру. Опять залпы, громкіе, раскатистые, безпощадные. Сердце замерло; душа куда-то спряталась; въ груди стало какъ-то пусто и словно безразлично... Пусть! Что будетъ?

— Не стрѣляйте, черти, дайте раненыхъ убрать! — послышалось справа изъ темноты Пологой улицы. Налѣво улица заперта шеренгой солдатъ съ ружьями. Подхожу къ нимъ, спрашиваю:

— Кто тутъ командуетъ?—молчаніе.

— Кто здѣсь старшій? Отвѣчай.

— Нѣтъ здѣсь старшаго! Я тутъ приставленъ!

Смотрю, простой городовой.

— Такъ слушайте. Я докторъ. Не стрѣлять, пока я не уберу раненыхъ.

Пошелъ быстро въ гору по Пологой. Нѣсколько людскихъ фигуръ бродитъ...

— Гдѣ раненые?

— А вотъ здѣся одинъ, а тамъ другой лежитъ.

Посреди улицы, раскинувшись словно спящій, неподвижно лежитъ человѣкъ. Зажегъ спичку, осмотрѣлъ. Пульса нѣтъ. Лицо залито кровью, на вискѣ рана. Возлѣ—шапка съ крестомъ ополченца. Отнесли къ сторонкѣ, положили на откосъ.

— Гдѣ другой?—Побѣжали выше. На тротуарѣ корчится солдатикъ, стонетъ. Оказался раненымъ въ бедро. Какъ его убрать? На чемъ унести?

Пока я тутъ метался, вижу фонарь извозчика. Подбѣгаю, схватилъ за возжу, остановилъ. Сидятъ два сѣдока.

— Вылѣзайте, надо раненаго увезти!

— У насъ у са-михъ ра-нен-ный есть, — заплетающимся языкомъ отвѣчаетъ одинъ. Вглядываюсь: рожа знакомая, пьяница фармацевтъ изъ полевой аптеки, другой—штатскій, неизвѣстный.

— Гдѣ? Кто раненъ?

— А вотъ е-го ра-ни-ли, мы и по-ѣ-ха-ли въ Яръ дѣ-лать пе-ре-вяз-ку.

Языкъ еле ворочается... Потрясеніе у меня было настолько сильно, что я не сообразилъ, что онъ просто несетъ съ пьяна околесину.

Неподалеку раздался грохотъ другого экипажа. Я бросилъ этихъ пьяницъ и съ крикомъ „стой! стой!“ помчался за другимъ экипажемъ. Нагоняю. Оказалось, кореецъ ѣдетъ на арбѣ. Остановилъ его, объясняю, въ чемъ дѣло на отечественномъ діалектѣ, а онъ мнѣ возражаетъ что-то по своему, по-корейски. Толку нѣтъ. Впрочемъ, я увидѣлъ, что везти раненнаго на такой трясучкѣ, по такой убійственной мостовой, — значитъ тянуть изъ него жилы. Я бросилъ корейца. Слышу въ темнотѣ:

— Франція въ первую революцію положила нѣсколько десятковъ тысячъ головъ. Что же особеннаго, если и у насъ ляжетъ сотня-другая, даже тысяча человѣкъ...

Любопытно, что такое?.. Подхожу. Собралась кучка людей. Кто-то ораторствуетъ о неизбѣжности кровавой революціи; приводитъ примѣры изъ исторіи новѣйшихъ движеній, доказывая, что нигдѣ безъ труповъ не обходилось. Поэтому,—убѣждалъ голосъ,—нечего смущаться, что кой-гдѣ пострѣливаютъ. Надо дружно продолжать, какъ начали...

Тутъ я ужъ не утерпѣлъ и перебилъ оратора. Я говорилъ имъ о сознательныхъ элементахъ народа, для которыхъ стало невыносимымъ иго

абсолютизма, говорилъ о безпощадной, кровавой борьбѣ, которую вели партіи во Франціи изъ-за своихъ политическихъ и экономическихъ идеаловъ. Тутъ было изъ-за чего жертвовать жизнью. У насъ же передъ глазами кучка презрѣнныхъ грабителей, выпущенныхъ изъ сахалинской каторги уголовныхъ отбросовъ, воспользовалась недовольствомъ солдатъ на военное начальство, увлекла невѣжественныхъ, слабохарактерныхъ людей, одурманила ихъ спиртомъ и теперь грабитъ и разоряетъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей.

— Развѣ это революція? Развѣ это герои? Я преклонюсь передъ убитымъ на баррикадѣ, но отъ трупа здѣшняго грабителя отвернусь, какъ отъ падали, собаки...

— Вѣрно, собакѣ собачья и смерть!..—поддержалъ кто-то.

— Если вы недовольны начальствомъ,—продолжалъ я,—если оно васъ мучило, идите къ штабу, къ квартирѣ Казбека, адмирала, но оставьте въ покоѣ бѣдняковъ, ни въ чемъ неповинныхъ труженниковъ китайцевъ.

Мимо по улицѣ ѣдутъ на извозчикѣ. Одинъ прыжокъ, хватаю за вожжи. „Стой! вылазь!“ Впрочемъ, „вылазь“ можно было и не говорить,—сѣдоки моментально исчезли. Сажусь. „Заворачивайте!“

— Куда прикажете?

— Направо, къ Яру, живо.

Около Яра войскъ еще больше. Почему-то это мѣсто оберегали особенно усиленно, что совершенно непонятно: перекрестокъ этотъ лежитъ на окраинѣ города. Единственное объясненіе, что тотъ, кто распоряжался войсками, рѣшилъ не допустить разгрома офицерскаго эдема, а за одно охрана распространялась и на другіе, тутъ же сконцентрированные притоны.

Предупредивъ офицеровъ (теперь уже ихъ было здѣсь нѣсколько), что ѣду за раненымъ, отправился туда, гдѣ лежалъ подстрѣленный. Шагахъ въ пятидесяти отъ охраны громили магазинъ. Усадивши съ помощью матросовъ раненаго, поѣхалъ. Путь шелъ по улицѣ, загороженной солдатами.

— Пропустите, раненаго везу!..

— Нельзя!..

Напустилъ на себя начальническій тонъ, кричу:

— Разступись! Я—военный докторъ! раненаго солдата везу... Пропусти!.. Трогай!

Солдаты разступились, но подбѣжалъ одинъ изъ офицеровъ, схватилъ лошадь за уздечку и рванулъ ее въ сторону.

— Нельзя! говорятъ. Поѣзжай стороной! Стрѣлять буду.

Извозчикъ мой шарахнулся въ боковую улицу.

— Будьте вы прокляты! — крикнулъ я изо всѣхъ силъ.—Убійцы! Звѣри!

Самъ не помню, что кричалъ. Сердце разошлось. Такъ же, думается мнѣ, и офицеръ не понималъ, почему онъ, допуская у себя на глазахъ разгромъ и поджоги, не позволилъ мнѣ провезти ранекаго по ближайшей удобной дорогѣ, а заставилъ ѣхать по оврагамъ. Всѣ растерялись, нервничали.

Отвезъ раненаго въ городскую больницу, сдалъ сестрѣ, которая сказала мнѣ, что уже принято нѣсколько тяжело раненыхъ.

Извозчикъ не хочетъ везти назадъ въ городъ (больница на окраинѣ). Пошелъ пѣшкомъ. Въ это время городъ горѣлъ уже мѣстахъ въ четырехъ. Шла непрерывная трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Прежнимъ путемъ возвратиться нельзя, всѣ улицы, прилегающія къ Яру, оказались занятыми пѣхотой и конницей. Недоставало только артиллеріи.

Пошелъ другимъ путемъ. Здѣсь горѣло нѣсколько домовъ подъ рядъ. Огромный деревянный домина ярко пылалъ, освѣщая все кругомъ. Улица заполнена хмѣльнымъ воинствомъ. Патрули перемѣшались съ грабителями. Каждый солдатъ держалъ въ рукахъ бутылку. Шелъ бѣшеный разгулъ. Тамъ дальше еще и еще пожары.

Вотъ моя улица. Зашелъ къ себѣ. Посидѣлъ, думалъ отдохнуть. Нѣтъ, не могу. Надо итти. На улицѣ страшно, а въ комнатѣ еще страшнѣй. Къ черту переодѣванье. Зачѣмъ переодѣваться. Все равно. Надѣлъ форменное пальто, прицѣпилъ кокарду, взялъ въ карманъ револьверъ и пошелъ на Свѣтланку. Здѣсь уже прошла лава. Изъ оконъ лучшаго магазина Кунстъ-Альберса валитъ клубами черно багровый дымъ. Направо горитъ огромное зданіе „Золотой Рогъ", въ которомъ помѣщаются театръ, общественное собраніе, гостиница, лучшіе магазины. Я пошелъ туда. Ужасъ и оцѣпенѣніе охватили меня, когда я увидѣлъ эти огромныя, пылающія громады. Никто не тушилъ. Алеутская улица (отъ Золот. Рога до желѣзной дороги) вся въ огнѣ. Снуютъ суетливыя кучки грабителей. Неподвижно стоитъ сѣрая цѣпь безмолвныхъ свидѣтелей,—вооруженныхъ патрулей, запирающихъ улицы, ведущія къ главному штабу, къ квартирѣ коменданта.

Долго смотрѣлъ я на эту ужасную картину человѣческаго безумства, пока не почувствовалъ, что неудержимо хочется пить. Но гдѣ же? Знакомыхъ нѣтъ. Рестораны всѣ разгромлены. Развѣ на вокзалъ сходить, тутъ рядомъ. Вѣрно: буфетъ открытъ. Усѣлся, выпилъ подъ рядъ нѣсколько стакановъ чаю. Входятъ-уходятъ офицеры. Дѣлятся впечатлѣніями, ругаютъ „слишкомъ рано дарованную свободу"... кто-то жалуется, что вотъ, молъ, только и осталось, въ чемъ выскочилъ. Тутъ же и пьяница фармацевтъ заливаетъ изъ бутылки свою неудачу сдѣлать перевязку въ „Яру".

Возвращаюсь. По Алеутской во 2-ой госпиталь несутъ на носилкахъ цѣлый транспортъ раненыхъ. Встрѣчаю д-ра Волкенштейна съ женой и М. Н. Тригони. Приглашаютъ зайти. До бесѣдъ ли тутъ? Да къ тому же черезъ цѣпь никого въ городъ не пропускаютъ. Что тутъ дѣлать? Идетъ санитарный отрядъ съ носилками за ранеными. Примкнулъ къ нему въ надеждѣ быть полезнымъ. Пошли по Алеутской къ Яру и далѣе по тѣмъ же улицамъ, гдѣ только что былъ. Ко всѣмъ встрѣчнымъ обращались съ вопросомъ о раненыхъ. Намъ указывали на валявшихся подъ заборами, у домовъ людей, фельдшеръ зажигалъ свѣчку, я осматривалъ мертвецки-пьяныхъ людей, переворачивалъ ихъ, заглядывалъ подъ рубашку, нѣтъ ли крови, а затѣмъ мы оставляли ихъ въ покоѣ.

Около Яра намъ сказали, что неподалеку надъ оврагомъ данъ былъ залпъ и двое остались на мѣстѣ, но неизвѣстно раненые, или убитые. Мы поспѣшили туда, и, при свѣтѣ зарева, дѣйствительно увидѣли лежащихъ на дорогѣ двухъ человѣкъ. У одного пуля прошла какъ разъ въ область сердца, другому въ голову. Снесли ихъ къ сторонкѣ и пошли назадъ. Остановились на углу, бесѣдуемъ съ офицеромъ, а тутъ рядомъ въ лавочкѣ, при мерцаніи свѣчки, идетъ работа: нѣсколько солдатъ набиваютъ мѣшки чѣмъ попало. Офицеръ подбѣжалъ и крикнулъ въ дверь: „что вы тутъ, мерзавцы, дѣлаете. Вонъ отсюда!“. Свѣчка потухла, притаились. „Вонъ, говорю!“ Одинъ за другимъ шмыгъ-шмыгъ. Послѣдній выскочилъ съ мѣшкомъ. „Брось, брось мѣшокъ!“ Не тутъ-то было: улепетываетъ, а мѣшокъ держитъ. „Стрѣляй его, с—а сына!“ Одинъ солдатъ вскинулъ уже ружье на прицѣлъ. Къ счастью, другой офицеръ постарше, схватилъ его за руку: „отставить!“

Пошли дальше въ пылавшій кварталъ. Ужасное зрѣлище... Ружья составлены въ козлы. Солдаты бродятъ, шатаются, сидятъ, но большая часть лежитъ, храпитъ. Дома пылаютъ, словно костры на бивуакѣ.

— Нѣтъ здѣсь раненыхъ?

— Нѣту... у насъ все рас-пья-нооо...

Подъ заборами, въ канавахъ, посреди улицы, словно послѣ сраженія, кучами валяются солдаты. Однихъ тошнитъ. Другіе храпятъ съ широко раскрытыми ртами.—Нѣкоторые держатъ винтовки на рукахъ. Омерзительно.

Мы спустились по Кутайской улицѣ на Свѣтланку. Влѣво въ сторону почты гремѣли залпы. Оттуда бѣгутъ солдаты.

— Что, тамъ есть раненые?

— Есть... много раненыхъ...

— Идемъ!— говорю санитарамъ.

— Такъ что, ваше благородіе, надо переждать... Генералъ Езерскій приказали намъ быть при нихъ.

— А черть съ вами!—Бросилъ ихъ и пошелъ одинъ. А пальба такая, что въ самомъ дѣлѣ жуть беретъ, какъ бы не влетѣло. Подхожу къ углу. Тутъ притаилось нѣсколько солдатъ.

— Что, страшно?

— Нѣтъ, они въ небо жарятъ.

— А чего же вы притаились здѣсь, не идете?

— А такъ что и изъ нашего брата не на всякаго положишься. Другой дуракъ, наибольше изъ молодыхъ солдатъ, что, значитъ, не раскусилъ еще кто имъ командуетъ,—такой тоже не посмотритъ, что изъ одного корыта бѣду хлебали...

— Нѣтъ, пулями стрѣляютъ только офицеры и полицейскіе. Свой на своего руки не подыметъ.

— Ну, тоже сказалъ, перебиваетъ третій, вышибая изъ бутылки пробку ударомъ о ладонь, во всякомъ стадѣ паршивая овечка найдется. Межъ нашимъ братомъ тоже не мало, что хуже собакъ будутъ.

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ я, видѣвшій все, не могъ не согласиться. Немного затихло. Иду. Вижу: десятка два матросовъ съ ружьями идутъ по Суйфунской внизъ, окруживши двухъ дамъ.

— Кого это ведете?—спрашиваю задняго.

— А это жена капитана 1-го ранга N.

— Куда же вы ее ведете?

— На судно. Тамъ,—кивнулъ онъ головой назадъ,—уже сгубили двухъ женщинъ...

Вотъ на углу магазинъ золотыхъ вещей Пономарева. Ставни пріотворены. Черезъ окна изнутри падаютъ наружу вещи, и ихъ принимаютъ стоящіе на тротуарѣ солдаты съ ружьями, т. е. патрули, приставленные охранять. Я стоялъ въ оцѣпенѣніи, глядя на эту бездну паденія человѣка и... солдата...

— Что? наблюдаете?—Смотрю, знакомый симпатичный приказчикъ съ жилкой общественнаго дѣятеля. Пошли вмѣстѣ. Вся Свѣтланская улица оказалась разграбленной. Всѣ лучшіе магазины, кондитерскія, всѣ эти вчера еще ярко освѣщенные, кипѣвшіе жизнью дома стояли озаренные заревомъ пожаровъ, чернѣя глубокими пустыми окнами, подобно впадинамъ голаго черепа.

Дальше, дальше! Что это? Сердце мое сжалось отъ боли. Морской библіотеки, этого лучшаго убѣжища въ городѣ,—роскошнаго уютнаго читальнаго зала, заваленнаго книгами и газетами, съ чудными стѣнными картами, съ роскошнымъ видомъ на Золотой Рогъ,—не существовало. Мой милый уголокъ, гдѣ я прожилъ столько лучшихъ минутъ, столько передумалъ, перечувствовалъ... гдѣ сердце горѣло то негодованіемъ, то

бурной радостью, гдѣ крѣпла вѣра въ скорое обновленіе и счастье родины... словомъ, гдѣ я жилъ жизнью ума, въ общеніи со всей мыслящей Россіей,—этотъ храмъ человѣческаго разума былъ уничтоженъ. Изъ груды раскаленныхъ угольевъ высились кверху красножелтыя трубы, словно костлявыя руки, вздымающіяся къ небу съ мольбой о прощеніи тѣхъ слѣпыхъ несчастныхъ безумцевъ, которые, во-истину не вѣдая, что творятъ, подняли руку на своего истиннаго друга, на этотъ лучшій въ краѣ источникъ знанія. Разсвирѣпѣвшій вѣтеръ, время отъ времени какъ бы пытаясь хоть что-нибудь спасти отъ безпощадной стихіи, выхватывалъ пылающій листокъ книги и торопился унести его повыше въ темную глубину неба.

Тяжелая картина. Въ душѣ копошилось нѣчто близкое къ полному отчаянію... таяла вѣра въ *человѣка*. Если бы нервы не были такъ утомлены, прибиты всѣмъ пережитымъ,—я бы расплакался.

— Ага! объявился таки одинъ с-ъ сынъ, не испугался (поминовеніе родителей), влѣпи-ка ему, чтобъ по вѣкъ помнилъ Владивостокское тридцатое число.

Передъ нами на тротуарѣ (дѣло происходило на углу около восточнаго института) остановилась кучка матросовъ. Одинъ съ искаженнымъ отъ пьяной злобы лицомъ протискивался съ сжатыми кулаками. Я спустился со второй ступеньки лѣстницы и сталъ рядомъ съ нимъ.

— За что меня бить собираетесь? развѣ вы меня знаете?

— И знать не хочу! Ишь подполковничьи погоны носитъ... пьявка шпанская, кровопійца!

— Будьте, говорю, увѣрены, что если бы я чувствовалъ себя виноватымъ передъ солдатами, то не пошелъ бы сюда, а сидѣлъ дома.

— Это справедливо (поддержали другіе), изъ дохтуровъ рѣдко которые подлецы бываютъ. Не за что его благородіе трогать. Пойдемъ!

— Нѣтъ, ты постойка, я его допытаюсь, почему онъ, не виноватый, такіе порціоны хапаетъ, когда меня голодомъ морятъ.

Я объяснилъ ему, что служу военнымъ не по своей волѣ, что меня, какъ и его, насильно здѣсь держатъ. Вмѣшался мой спутникъ приказчикъ и сталъ говорить ему о службѣ врачей въ земствахъ, какъ они всегда стоятъ за права народа.

- Да, замѣчаетъ тотъ, теперь всѣ вы, подлецы, стали друзьями народа, когда видите, что наша верхъ беретъ.

Въ концѣ концовъ архаровецъ, израсходовавъ свой „великій гнѣвъ", прокричалъ привѣтствіе свободѣ (въ сочетаніи съ пятиэтажнымъ ругательствомъ) и удалился съ товарищами. Остались бесѣдовать съ нами два матроса. Одинъ трезвый красивый блондинъ съ замѣчательно интеллигентнымъ лицомъ, между прочимъ, сказалъ:

— Сколько разъ этими днями ни прійдешь въ свою каморку, все одни и тѣ же письма находишь, чтобы собирался народъ въ воскресенье на Свѣтланку около базара, что будетъ вызвано начальство для объясненій, почему не отпускаетъ запасныхъ, что если не дадутъ правильнаго отвѣта, то разграбятъ и сожгутъ городъ. Даже было назначено, какіе дома жечь, вотъ они сейчасъ всѣ горятъ.

Въ это время впереди по направленію къ Слободкѣ опять загремѣли залпы. Пошла отчаянная пальба. Я двинулся было туда, но бѣгущіе навстрѣчу только-что разговаривавшіе съ нами матросы кричали:—„не ходите туда, тамъ переодѣтые въ солдатскія шинели офицера разстрѣливаютъ всѣхъ. Вотъ тутъ сейчасъ за угломъ пятеро легло“. Дѣйствительно, на другой день здѣсь на тротуарѣ видны были лужи крови и слѣды пуль на каменной оградѣ Порта.

Меня охватила нервная дрожь. Не хотѣлось больше ни говорить съ людьми, ни видѣть близко эти ужасы. Я не могъ подумать о возвращеніи той же дорогой. Хотѣлось бѣжать подальше отсюда, куда глаза глядятъ... Я рѣшилъ двинуться въ горы, что, насупившись чернымъ кольцомъ, смотрѣли на разрушеніе такъ заботливо оберегаемаго ими города.

Поднимаюсь по лѣстницѣ около Восточнаго Института. Быстро идетъ патруль. По срединѣ пьяненькій солдатикъ, молящимъ, слезливымъ голосомъ проситъ: „отпустите, ради Бога, я же ничего не дѣлалъ...“ Фельдфебель ругается скверными словами. Я тоже началъ просить. „Отпустите его ко всѣмъ чертямъ. Какой толкъ наказывать одного, если весь городъ кишитъ грабителями, если грабятъ сами патрули“. Фельдфебель колеблется: „А что я скажу командиру?“.

— Ну, скажите, что убегъ.

— Нѣтъ, этого никакъ невозможно,—въ это время подходитъ свирѣпый бурбонъ и, узнавши, что я прошу отпустить арестованнаго, грубо схватилъ за плечо, повернулъ и изо всей силы ударилъ въ спину, такъ что бѣдняга отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ.

— Отвести его мерзавца!

Патруль схватилъ его и потащилъ.

Я устремился наверхъ и скоро стоялъ уже высоко надъ городомъ, гдѣ въ эту ужасную ночь, казалось, всѣхъ поголовно охватили безуміе и ужасъ. На освѣщенныхъ отблескомъ пожаровъ склонахъ горъ стояли и бродили черныя фигуры. Кто это? Хищные шакалы, прячущіе въ скалахъ награбленное, или потерявшіе головы, обезумѣвшіе отъ ужаса жертвы погрома? Бездушные эстеты, нейроники, поднявшіеся полюбоваться свѣтовыми эффектами страшной картины всеобщаго разрушенія? или трусы, бѣгущіе, куда глаза глядятъ?

Я забрался на верхушку горы, выдавшейся впередъ, откуда была видна вся ужасная панорама. Огромный городъ пылалъ сразу во многихъ мѣстахъ. Рядъ зданій по Свѣтланской улицѣ, вся матросская слободка, нѣсколько зданій въ Порту, огромный участокъ около Амурскаго залива,— все это было въ огнѣ. Людская злоба нашла себѣ откликъ и по ту сторону Рога: на Чуркинѣ тоже что-то горѣло.

Какимъ образомъ могъ поступать такъ человѣкъ, существо *разумное*, какъ могъ онъ нарочно губить результатъ многолѣтняго упорнаго труда человѣческаго ума и рукъ. Терялась вѣра въ устроительную способность человѣческаго ума... Жизнь казалась безсмысленной, пропадала охота жить. Хотѣлось перестать существовать, чтобы не видѣть, не слышать, не чувствовать...

Центральная часть города, не тронутая пожаромъ, была погружена въ глубокій мракъ. Ни одного огонька. Мертвая тишина. Казалось, люди уснули крѣпкимъ сномъ или совсѣмъ покинули свои жилища. Я остановился и сталъ всматриваться. И вотъ мнѣ живо, какъ на яву, представилось, что переживаютъ сейчасъ люди въ этихъ темныхъ замершихъ домахъ. Въ комнатахъ темно и тихо. Разговариваютъ шепотомъ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ или повышеніи голоса... Съ расширенными отъ темноты и ужаса очами, они на цыпочкахъ переходятъ отъ окна къ окну съ застывшими блѣдными лицами, освѣщенными отблескомъ зарева, и прячутся за косяки, при видѣ человѣческой фигуры, одѣтыя по походному дрожащія матери, спящія нераздѣтыми дѣти... рядомъ, на готовѣ, сложенныя шубки, калошики, башлычки...

Дзень!.. раздалось вдругъ въ тишинѣ... хохотъ, ругань... и опять мертвая, зловѣщая тишина...

... Видно у разошедшагося солдатика рука чесалась. Чаша впечатлѣній переполнилась. Больше выносить я не могъ. Меня охватилъ животный страхъ. Я перестал владѣть собой и, встрѣчаясь съ людьми, вынималъ изъ кармана револьверъ. Крадучись подъ заборами и домами, озираясь и прислушиваясь, избѣгая встрѣчъ, я добрался до дому.

Въ Маркеловскомъ переулкѣ было тихо. Парадный ходъ запертъ. Стучусь въ ворота. „Кто тамъ?..“ Впустили. На дворѣ оказалось обширное общество. Страхъ выгналъ обитателей дома изъ квартиръ, и они собрались на общественномъ форумѣ-дворѣ, запуганные, потерявшіеся. Я подѣлился съ ними впечатлѣніями. Общеніе съ живыми людьми успокоило нервы. Потянуло ко сну. Было около 5 часовъ.

Постучали въ ворота. Всѣ тревожно насторожились; пошелъ я отпирать. Солдатикъ спрашиваетъ:

— Здѣсь живетъ присяжный повѣренный Звѣревъ?

— Да! А что?

— Его проситъ къ себѣ губернаторъ.

— А гдѣ губернаторъ?

— Въ штабѣ у комендanта.

У меня явилось желаніе пойти съ нимъ. Любопытно посмотрѣть, какъ чувствуютъ себя сейчасъ власть имущіе. Звѣрева приглашали, очевидно, какъ предсѣдателя „Общества народныхъ чтеній“, которому принадлежала инищіатива устройства митинговъ. Онъ игралъ замѣтную роль на митингахъ. Его теперь звали. Я пошелъ съ нимъ.

М. Кудржинскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ всѣхъ насъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія перевезли въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я заболѣлъ тифомъ, и какъ разъ въ то время, когда врачъ Гарфинкель былъ у меня въ камерѣ и, измѣряя температуру, говорилъ, что онъ меня сейчасъ переведетъ въ больницу, вошелъ въ мою камеру жандармскій подполковникъ Домашневъ съ жандармами и попросилъ меня „потрудиться" одѣться, чтобы увезти изъ Дома Предварительнаго Заключенія. На протестъ врача, что у меня тифъ, и что онъ переводитъ меня въ больничную камеру, Домашневъ не обратилъ вниманія и увезъ меня. О немедленномъ увозѣ всѣхъ изъ Дома Пр. Закл. хлопоталъ управляющій Домомъ, такъ какъ пребываніе наше въ Домѣ Предварительнаго Заключенія онъ считалъ для себя слишкомъ отвѣтственнымъ.

Перевезли насъ 15 февраля и въ Трубецкомъ бастіонѣ держали болѣе мѣсяца.

По процессу „20-ти", какъ извѣстно, было десять смертныхъ приговоровъ. Суханова разстрѣляли, остальнымъ замѣнили смертную казнь пожизненной каторгой. На эту замѣну, какъ говорили, немалую долю вліянія оказало письмо Виктора Гюго къ Александру III-му. Но приговореннымъ къ смерти „помилованіе" это объявили не ранѣе, какъ продержавъ съ мѣсяцъ, такъ сказать, подъ висѣлицей. Въ ночь на 28-ое марта я былъ разбуженъ шумомъ. Въ камеру мою вошелъ жандармскій штабъ-ротмистръ Соколовъ („Иродъ") въ сопровожденіи смотрителя Трубецкого бастіона Лѣсника, толпы жандармскихъ унтеръ-офицеровъ и присяжныхъ. Подошедши къ моей постели, Соколовъ сказалъ: „нужно одѣться". Одѣвъ сѣрую суконную арестантскую куртку и такіе же штаны, мнѣ подали шапку. (Спустя нѣсколько дней послѣ ареста насъ всѣхъ одѣли въ арестантское платье, въ которомъ мы ходили до суда. Только во время судебнаго процесса намъ выдали собственное платье.) „А въ шубѣ нѣтъ

надобности, здѣсь близко", сообщилъ Соколовъ. Дѣйствительно, было близко.

Спустившись съ верхняго этажа и пройдя черезъ зданіе, гдѣ засѣдаютъ комиссіи и даютъ свиданья, мы вышли въ проулокъ монетнаго двора. Здѣсь два жандарма взяли меня подъ руки такъ, чтобы я чувствовалъ, и затѣмъ, окруживъ плотнымъ кольцомъ конвоя, этотъ кáртежъ, предшествуемый Соколовымъ двинулся впередъ.

Миновавъ монетный дворъ, Петропавловскій соборъ, прошли черезъ небольшую площадь, деревянный мостъ и свернули налѣво къ воротамъ, въ которыхъ предупредительно раскрылась калитка и, пропустивъ насъ, тотчасъ захлопнулась. Это былъ Алексѣевскій равелинъ. Мы вошли въ крытый, сдѣланный въ самомъ зданіи сводомъ проходъ, гдѣ стояли часовые, прошли шаговъ съ десять, повернули направо, поднялись по нѣсколькимъ ступенькамъ и вошли въ коридоръ, въ которомъ виднѣлся по правую руку рядъ дверей и ходилъ часовой. Когда мы завернули въ другой коридоръ, Соколовъ остановился, сказавъ „здѣсь", и мы вошли въ камеру. Подвергнувъ меня тщательному обыску, подали бѣлье, халатъ и обувь.

Бѣлье прекрасное изъ тонкаго холста, черный, новый, удобный суконный халатъ, а обувь—полуботинки даже щегольская. Одежду, которая была раньше на мнѣ, унесли. „Все, что слѣдуетъ, получится въ свое время, звонковъ здѣсь не полагается, перестукиванье и всякій шумъ не допускается, лампа должна горѣть въ теченіе всей ночи, и тушить ее не разрѣшается", сказалъ Соколовъ, и всѣ вышли. Дверь закрылась, и замокъ щелкнулъ. Тотчасъ по уходѣ Соколова послышался стукъ въ стѣну, и я узналъ, что сосѣдями моими были съ одной стороны Мартинъ Ланганcъ, а съ другой Николай Морозовъ. Далѣе Морозова сидѣлъ Фроленко, а по другую сторону Ланганса находился Клѣточниковъ.

Я оглядѣлъ свое новое жилище. Довольно высокая, почти квадратная аршинъ 9 длины и 8 ширины камера была окрашена въ желтый цвѣтъ. Какъ разъ противъ двери, на противуположной сторонѣ было окно, размѣрами своими напоминавшее обыкновенныя окна жилыхъ помѣщеній; съ внѣшней стороны окна была желѣзная рѣшетка. Стекла были чѣмъ-то покрыты, въ родѣ матовыхъ. Противъ окна стоялъ дубовый столъ, на которомъ горѣла маленькая керосиновая лампочка. Близъ стола стоялъ дубовый стулъ. Направо отъ стола деревянная кровать съ матрацомъ, подушкой, простыней и сильно потертымъ тонкимъ, шерстянымъ бѣлымъ одѣяломъ.

Было уже поздно, и мнѣ хотѣлось спать. Приподнявъ одѣяло и простыню, чтобы оправить постель, меня всего передернуло. Матрацъ представлялъ изъ себя наглядную лѣто-

пись человѣческихъ страданій. Ни одного живого мѣста! Ткань, покрытая пятнами всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, превратилась какъ бы въ пергаментъ.

Ровно въ 7 часовъ утра принесли воду для умыванья, (умывальники металическіе поставили впослѣдствіи), вынесли стульчакъ и дали чай. Здѣсь же, конечно, присутствовалъ Соколовъ. Безъ него никто никогда не входилъ въ камеру.

При дневномъ свѣтѣ стало видно, что нижняя часть стѣны приблизительно на 1 аршинъ высоты отъ сырости покрылась бѣлою плѣсенью. Въ верхнемъ стеклѣ былъ вставленъ маленькій жестяной вентиляторъ, но онъ бездѣйствовалъ. Подойдя къ окну, я замѣтилъ въ одномъ изъ стеколъ свѣтлую точку величиною съ булавочную головку. Я приникъ глазомъ къ этой точкѣ и увидѣлъ часоваго, ходившаго передъ окнами.

Немного поодаль, саженяхъ въ 4-хъ, виднѣлась казарма, гдѣ помѣщались жандармы, несущіе караульную службу. Болѣе ничего не было видно. На подоконникѣ стояла маленькая деревянная икона съ изображеніемъ Христа и надписью „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. На стѣнахъ камеры на желтомъ фонѣ кое-гдѣ бѣлѣли пятна. Это тщательно выскобленныя мѣста надписей прежнихъ обитателей этого жилища. Благодаря сырости, горѣвшей въ теченіе всей ночи лампѣ и отсутствію вентиляціи, воздухъ былъ испорченъ. Въ камерѣ было холодно. Могильная тишина нарушалась звяканьемъ шпоръ ходившаго въ коридорѣ, по половику, часового. По временамъ приподнимался клапанъ. Клапаномъ прикрыто стеклышко для наблюденія. Оно величиною въ пятиалтынный, вдѣлано въ дверь въ уровень человѣческаго роста.

Дежурные унтеръ-офицеры должны наблюдать и днемъ и ночью. Людей съ разстроенными нервами, что бываетъ почти у всѣхъ, находящихся въ одиночномъ заключеніи, эти наблюденія доводятъ до послѣдней степени раздраженія. Вамъ удалось на минуту забыться. Въ это время подкрадывается къ двери неслышными шагами дежурный, для чего нѣкоторые надѣваютъ валенки даже лѣтомъ, и устремляетъ на васъ глазъ. Если вы сидите спиной къ двери, то иной не ограничится заглядываньемъ, а щелкнетъ клапаномъ. Это ударитъ васъ по больнымъ нервамъ, что хорошо знаетъ наблюдающій, и нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ это умышленно. Вплоть до обѣда я проходилъ изъ угла въ уголъ по камерѣ. Обычное времяпровожденіе въ одиночномъ заключеніи, когда не даютъ книгъ и когда здоровье позволяетъ ходить. Въ 12 часовъ послышалась изо дня въ день повторяющаяся, однообразная мелодія на курантахъ Петропавловскаго собора, и почти въ то же время принесли обѣдъ. Столъ былъ накрытъ бѣлою скатертью, положена салфетка и массивная серебряная ложка.

На столъ былъ поставленъ полный обѣдъ, состоящій изъ нѣсколькихъ блюдъ.

Благодаря раннему часу, ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я, обратившись къ Соколову, сказалъ: „Если ужина здѣсь не полагается, то я прошу не приносить мнѣ всего обѣда, а одно изъ блюдъ оставлять мнѣ на ужинъ и давать вечеромъ“. Соколовъ, не моргнувъ глазомъ, издалъ звукъ „псст“ (такъ онъ подзывалъ жандармовъ) и сказалъ: „номеру первому (подъ этимъ номеромъ я значился) не подавать полнаго обѣда, а оставлять одно блюдо на ужинъ“. Во время раздачи обѣда мы считали число камеръ, куда занесутъ обѣдъ, чтобы опредѣлить число находящихся въ равелинѣ. Но это намъ не вполнѣ удалось. Нѣсколько камеръ находились въ совершенно отдѣльномъ коридорѣ. По процессу 20-ти переведены были изъ Трубецкого бастіона въ Алексѣевскій равелинъ: Ланганcъ, Клѣточниковъ, Тетерка, Баранниковъ, Арончикъ, Исаевъ, Александръ Михайловъ, Колодкевичъ, Фроленко, Морозовъ и я. Кромѣ того, былъ тамъ Мирскій, и вскорѣ привезенъ былъ Поливановъ.

На прогулку насъ не вывели. Вечерній чай дали около 7-ми часовъ вечера. Такъ закончился первый день пребыванія нашего въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ воскресенье утромъ, т. е. въ день Пасхи, Соколовъ вошелъ въ камеру съ увеличеннымъ штатомъ жандармовъ, причемъ каждый изъ нихъ держалъ на рукахъ что-нибудь. Это мнѣ напомнило одѣваніе архіерея передъ богослуженіемъ. Я еще лежалъ въ постели. „Нужно встать, чтобы остричься и одѣться“, обратился ко мнѣ Соколовъ. Въ равелинѣ какъ на этотъ разъ, такъ и впослѣдствіи стрижка была самая примитивная. Первому дежурному унтеръ-офицеру приказывалъ Соколовъ брать ножницы и стричь, и онъ стригъ, водя ножницами прямо по кожѣ, безъ гребенки. Однажды кто-то замѣтилъ Соколову, что онъ долженъ стричь подъ гребенку. Соколовъ приказалъ жандарму взять гребенку. Тотъ дѣйствительно взялъ гребенку въ лѣвую руку и держалъ ее все время въ рукѣ, не касаясь головы, а правою рукою продолжалъ свое дѣло. Бороды и усовъ не стригли и не брили. Покончивъ со стрижкой, поднесли изъ какой-то дерюги ветхую рубашку и нижнее бѣлье, старыя штаны съ прорѣзами для кандаловъ, суконныя дырявыя портянки и старые коты (башмаки) несоотвѣтственныхъ размѣровъ съ веревочками, которыми нужно было привязывать башмакъ къ ногѣ. Несомнѣнно, всѣ эти вещи были изъяты изъ употребленія за негодностью въ какой-нибудь уголовной тюрьмѣ и доставлены по заказу въ равелинъ. Наконецъ, подали новенькую куртку изъ сѣраго сукна, рукава которой и тузъ на спинѣ были сдѣланы изъ черцаго сукна, и положили сѣрую арестантскую шапку, на которой во всю ширину дна былъ нашитъ изъ черныхъ суконныхъ полосъ

крестъ. Затѣмъ положили на столъ кусокъ чернаго хлѣба, немножко творогу, кусокъ бѣлаго хлѣба, долженствующій знаменовать собой куличъ, и поставили кружку квасу. Передъ выходомъ изъ камеры Соколовъ сказалъ: „здѣсь не полагается ни прогулокъ, ни чаю, ни книгъ“. По уходѣ Соколова Лангансъ простучалъ мнѣ, что Соколовъ выговоръ Клѣточникову за перестукиванье закончилъ словами: „Ну, а съ тебя взысканія будутъ строгія“. Съ этого дня обѣды и ужины начали намъ давать такіе, которые въ теченіе года съ мѣсяцами свели въ могилу половину сидящихъ, вслѣдствіе чего я сейчасъ опишу ихъ подробно. А теперь замѣчу, что остановился на описаніи одежды и пищи, данной намъ въ субботу, съ единственной цѣлью показать, какимъ глупымъ издѣвательствомъ была начата месть. Допустить случайную перемѣну режима трудно. Невольно думалось, какъ далеки всѣ эти „государственные люди“ до пониманія психологіи революціонеровъ. Для этихъ мудрыхъ сановниковъ выше тонкаго бѣлья, красиваго сапога, жирнаго и сладкаго куска ничего нѣтъ. И вотъ они въ субботу наглядно хотѣли показать, что мы потеряли. Много и отъ души посмѣялись мы надъ этой затѣей. Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ ту пору былъ Игнатьевъ, а директоромъ департамента полиціи Плеве.

Въ теченіе года съ мѣсяцами обѣдъ нашъ состоялъ изъ оловянной миски мутной жидкости, въ которой плавали нѣсколько микроскопическихъ кусочковъ жилъ и зеленыхъ обрѣзковъ кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной въ видѣ жидкаго клейстера, на которомъ плавало нѣсколько капель сала, отъ котораго несло запахомъ сальной свѣчи. На ужинъ давали тѣ же щи съ тою лишь разницей, что въ нихъ отсутствовали кусочки жилъ. Это въ скоромные дни; въ постные же дни, т. е. среду и пятницу, давали гороховый супъ, или лучше сказать намекъ на гороховый супъ, такъ какъ это была зеленоватая вода съ очень незначительнымъ количествомъ шелухи гороховой, и кашу, въ которой только слышался запахъ постнаго масла. Нѣкоторые въ теченіе всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржанымъ хлѣбомъ и квасомъ, такъ какъ ѣсть пищу не было физической возможности. Но для тѣхъ, кто приневоливалъ себя ѣсть обѣды, такъ и для тѣхъ, кто не былъ въ силахъ дѣлать это, результаты подобнаго питанья на здоровьѣ, въ скоромъ времени отразились одинаково.

Дня черезъ три была принесена Соколовымъ инструкція для прочтенія, въ которой было сказано, что въ одиночномъ заключеніи полагается отбывать $^1/_4$ часть срока, а затѣмъ переводятъ въ вольную команду. Какимъ цинизмомъ звучитъ это для тѣхъ, кто отбылъ весь срокъ въ одиночномъ

заключенiи. Затѣмъ въ инструкцiи этой перечислялись проступки и преступленiя, которые влекутъ за собою наказанiя шпицрутенами, число шпицрутеновъ доходило, кажется, до 4-хъ тысячъ, и смертную казнь. Спустя нѣсколько дней принесли библiю. Почти всѣ по нашему процессу пробыли до суда не менѣе 1 года, а кто и болѣе въ одиночномъ заключенiи, а, слѣдовательно, оторваны были отъ жизни (свиданья съ близкими родственниками въ присутствiи жандармскихъ офицеровъ не могли, конечно, дать многаго). Бесѣды наши вращались въ узкой сферѣ впечатлѣнiй судебнаго процесса и тѣхъ немногочисленныхъ свѣдѣнiй, которыя донеслись до насъ съ воли во время процесса. Если прибавить къ этому отсутствiе занятiй, книгъ, прогулки (насъ перевели въ равелинъ 28 марта, а на прогулку начали выводить въ концѣ августа на 1/4 часа; впослѣдствiи прогулка была увеличена), возможности видѣть даже клочекъ неба, то не трудно представить, съ какимъ однообразiемъ потянулись дни, похожiе одинъ на другой, какъ двѣ дождевыхъ капли.

Перестукиванье даетъ много для одиночнаго заключенiя. Кто можетъ сказать, скольких оно спасло отъ сумашествiя. При большомъ навыкѣ разговоръ этимъ способомъ можно вести довольно быстро. Тѣмъ не менѣе вести теоретическiя бесѣды посредствомъ перестукиванья очень утомительно. Всѣ были еще сравнительно здоровы, и потому оставалось одно—движенiе. Среди тишины, ничѣмъ ненарушаемой, справа слышались шаги бѣгающаго, словно бѣлка въ колесѣ, Морозова.

Слѣва слышались тяжелые, медленные шаги Мартына Ланганса. Такъ прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Духомъ всѣ были бодры, но плоть немощна. Лангансъ первый простучалъ, что чувствуетъ ревматическiя боли въ колѣняхъ и ниже. Черезъ короткое время у него уже была форменная цынга: рыхлость и кровоточивость десенъ и кровоизлiянiя въ видѣ темнокрасныхъ пятенъ выше и ниже колѣнъ. Докторъ Вильямсъ, человѣкъ въ высшей степени грубый, осмотрѣлъ его и пробурчалъ: „скорбутъ“. Затѣмъ, выслушавъ грудь, сказалъ: „здорова, какъ у быка“, и вышелъ. Къ дiагнозу легкихъ Ланганса мы отнеслись скептически. Докторъ назначилъ Лангансу: желѣзо, полосканье настойкой танина, кружку молока и 1/2 лимона.

Клѣточниковъ началъ болѣть цынгой и, кромѣ того, катарромъ кишекъ; докторъ поилъ его микстурами. Дурное питанiе и сырое помѣщенiе между тѣмъ дѣлали свое дѣло. Всѣ мы начали болѣть цынгой. У обладающихъ менѣе здоровымъ организмомъ цынга осложнилась другими болѣзнями. У Морозова началось кровохарканье. У Фроленко открылась рана на боку. Удостовѣрившись въ цынгѣ, докторъ назначалъ всѣмъ, кромѣ Клѣточникова, то же, что назначилъ

Лангансу. Кромѣ того, докторъ рекомендовалъ движеніе. Для нѣкоторыхъ движеніе по камерѣ при цынгѣ было возможно, но стоило остановиться на одномъ мѣстѣ, немедленно ноги затекали, и ощущалась сильная боль. Проходилъ мѣсяцъ, полтора и у тѣхъ, у кого былъ болѣе здоровый организмъ, темнокрасныя пятна начинали исчезать, десна и зубы укрѣплялись; тогда молоко тотчасъ же отбиралось; докторъ слѣдилъ за этимъ зорко.

Черезъ полтора-два мѣсяца снова начинается цынга. Снова назначается молоко, и лишь только больной начинаетъ поправляться, снова отбирается. У Морозова признаки цынги исчезли, но кровохарканье продолжалось; тогда вмѣсто кружки докторъ назначилъ ему 4 ложки молока.

У Ланганса цынга не проходила, открылось сильное кровохарканье, ходилъ онъ съ большимъ трудомъ. Все время лежалъ онъ и лишь изрѣдка добирался до стѣны, чтобы перемолвиться словомъ. Онъ не думалъ, что у него чахотка, и вѣрилъ въ свое выздоровленіе. Какъ часто вспоминалъ онъ жену и сына. Какъ мечталъ онъ ихъ увидѣть! Незадолго до того, какъ пересталъ вставать онъ совсѣмъ съ кровати, съ большимъ трудомъ добрался до стѣны, чтобы разсказать мнѣ эпизодъ при крещеніи его сына. Дѣло въ томъ, что сынъ его родился въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Само собой разумѣется, что кума не матери пришлось выбирать. Вызвался крестить какой-то генералъ, который обратился къ матери ребенка, Аннѣ Васильевнѣ Якимовой, съ вопросомъ, какое имя желала бы она дать сыну?

Анна Васильевна отвѣтила, что хотѣла бы назвать сына Мартыномъ.

„Такъ, понимаю“, замѣтилъ глубокомысленно генералъ. „Вы значитъ хотите назвать его въ честь Мартина Лютера... реформація...“ Несмотря на сильныя страданія, душевной бодрости Мартинъ Рудольфовичъ не терялъ. Впослѣдствіи вставать съ постели онъ уже не могъ и, если хотѣлъ сказать что-нибудь, то бралъ въ руку башмакъ и лежа, съ кровати, стоявшей вдали отъ стѣны, стучалъ по полу, а я отвѣчалъ ему стукомъ въ стѣну. Въ концѣ августа начали выводить на прогулку. Лангансъ обратился съ просьбой къ доктору дать ему костыли, чтобы имѣть возможность подышать свѣжимъ воздухомъ 1/4 часа. Докторъ отвѣтилъ, что безъ коменданта разрѣшить онъ не можетъ, но что доложитъ объ этомъ коменданту. Въ то время комендантомъ Петропавловской крѣпости былъ генералъ-адъютантъ Ганецкій.

На слѣдующій день докторъ зашелъ къ Лангансу и объявилъ ему, что комендантъ не разрѣшаетъ выдать костыли.

Когда начали выводить на прогулку, то явилась возможность познакомиться съ наружной стороной зданія. Алек-

сѣевскій равелинъ представляетъ собою одноэтажное зданіе, построенное въ видѣ треугольника. По тремъ сторонамъ этого треугольника расположено около 20 камеръ и комнаты для караула.

Двери изъ камеръ выходятъ въ коридоръ, который тянется по всѣмъ тремъ сторонамъ и обращенъ къ садику. Внутри треугольника разбитъ садикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ березъ, рябинъ, кустарниковъ смородины и одной древней яблони, но приносившей еще плоды. Въ садикѣ стояла чугунная скамейка. Впослѣдствіи близъ скамейки была насыпана куча песку, около которой лежала деревянная лопата.

Желающіе могли упражнять свои мускулы пересыпая песокъ съ одного мѣста на другое. На прогулкѣ присутствовали два жандарма, а въ стеклышко, вставленное въ калитку, черезъ которую водили въ садикъ, виднѣлось вездѣсущее око Соколова.

Пора, однако, сообщить, хотя вкратцѣ, біографію штабъротмистра Соколова—„Ирода", который игралъ далеко не второстепенную роль въ исторіи Алексѣевскаго равелина, а впослѣдствіи шлиссельбургской тюрмы. Лично мнѣ Соколовъ сталъ извѣстенъ съ 1881 г. Свѣдѣнія же о его прошломъ передаю такъ, какъ слышалъ. Происхожденіемъ изъ крестившихся евреевъ, изъ кантонистовъ, Соколовъ служилъ писаремъ во время Севастопольской кампаніи. Угодивъ кому-то изъ власть имущихъ, онъ былъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ и служилъ при 3-мъ Отдѣленіи, а затѣмъ при департаментѣ полиціи. Въ 1882 году назначенъ смотрителемъ Алексѣевскаго равелина, а въ 1884 году, когда всѣхъ перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость, Соколовъ былъ назначенъ смотрителемъ Шлиссельбургской тюрьмы.

Для выполненія той программы, которая была начертана для Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбурга, едва ли можно было сдѣлать выборъ болѣе удачный.

Соколовъ былъ идеальный типъ казенной души. Приказаніе начальства было для него—все. Что ему до того, что на его глазахъ умирали, сходили съ ума, кончали самоубійствомъ. Не его дѣло разсуждать. „Прикажутъ титуловать всѣхъ заключенныхъ „Ваше сіятельство," буду говорить всѣмъ „Ваше сіятельство", жаловался онъ кому-то на то, что его бранятъ. Къ сказанному нужно прибавить, что Соколовъ былъ очень грубъ и мстителенъ къ тѣмъ, кто нарушалъ инструкцію, а нарушали ее почти всѣ, такъ какъ даже перестукиванье считалось нарушеньемъ.

Теперь, когда начали водить на прогулку въ теченіе дня слышался шумъ шаговъ въ коридорѣ. Иные буквально еле волочили ноги. Конечно, у кого цынга осложнялась другими болѣзнями, выходить не могли. У меня цынга не ослож-

нялась другими болѣзнями и не причиняла сильныхъ физическихъ страданій, когда я лежалъ.

Что касается до нравственнаго состоянія, то овладѣваетъ полная апатія. Утрачивается всякая потребность въ обществѣ.

Иногда проходило по нѣсколько дней, и мы не подходили къ стѣнѣ для перестукиванья.

Лежишь въ полузабытьи, и въ воображеніи носятся картины прошлаго. Порой выступаютъ свѣтлые образы и переживаешь хорошія минуты. Но вотъ ключъ въ замкѣ поворачивается, открываешь глаза, иллюзія исчезаетъ, и фигура Соколова, сопровождающая жандармовъ, вносящихъ пищу, возвращаетъ къ дѣйствительности.

Позднею ночью на 30-е августа меня увели изъ Алексѣевскаго равелина въ Трубецкой бастіонъ. Привели въ камеру, и Соколовъ, сказавъ: „можно раздѣваться и ложиться спать", вышелъ. Изъ Алексѣевскаго равелина такъ скоро не уводятъ.

Я недоумѣвалъ, что это значитъ. Порѣшивъ, что размышленія все равно ни къ чему не приведутъ, я раздѣлся и легъ спать. На другой день утромъ, въ 7 часовъ принесли черный хлѣбъ, кружку молока и $^1/_2$ лимона. У меня была цынга, и все я это получалъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ 12 часовъ дали тотъ же обѣдъ, какой давали въ равелинѣ.

Значитъ связь съ равелиномъ не утрачивается. Черезъ полъ часа послѣ обѣда входятъ въ камеру Соколовъ и смотритель Трубецкого бастіона Лѣсникъ, который сказалъ мнѣ: „Государь разрѣшилъ вашей матушкѣ свиданье съ Вами на $^1/_4$ часа, которое сейчасъ будетъ дано. При этомъ мы должны предупредить Васъ, что, если Вы скажете, гдѣ Васъ держатъ или какъ Васъ содержатъ, то свиданье въ ту же минуту будетъ прекращено".

Меня сейчасъ же повели на свиданье, которое было дано въ обычномъ мѣстѣ для свиданій, т. е. черезъ двѣ проволочныхъ сѣтки. Между проволочными сѣтками помѣстились Соколовъ и Лѣсникъ, а въ отдѣленіи, гдѣ была мать, находился комендантъ крѣпости Ганецкій.

Для такого-то свиданья мать пріѣхала изъ Севастополя въ Петербургъ. Но для нея важно было увидѣть меня. Дѣло въ томъ, что послѣ суда директоръ департамента полиціи Плеве увѣрилъ ее, что съ первой навигаціей я буду отправленъ на Сахалинъ.

Навигація близилась къ концу, а обо мнѣ ничего не было слышно. Послѣ окончанія свиданія меня отвели въ камеру Трубецкого бастіона, а ночью перевели въ Алексѣевскій равелинъ.

Въ концѣ сентября или началѣ октября, хорошо не помню,

въ равелинъ привезли закованнаго въ кандалы Михаила Попова изъ Сибири съ карійскихъ рудниковъ. Изъ Сибири было привезено 8 человѣкъ, но Щедринъ, Кобылянскій, Малавскій, Орловъ, Буцинскій, Волошенко и Геллисъ были помѣщены въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости. Исторія этой обратной высылки изъ Сибири подробно описана у Кенана. Немного времени спустя, изъ Сибири еще были привезены: Мышкинъ и Юрковскій. Мышкинъ былъ приведенъ въ Алексѣевскій равелинъ, а Юрковскій оставленъ въ Трубецкомъ бастіонѣ.

Первое время сношеній съ другимъ коридоромъ у насъ не было. Сношенія установились впослѣдствіи. Прошла осень, наступила зима. Все то же. Изрѣдка простучитъ сосѣдъ, что такой-то не можетъ встать съ постели, а такой-то не можетъ лежать. Тѣмъ не менѣе унынія не было. Зимой былъ приведенъ въ равелинъ Игнатъ Ивановъ, но просидѣлъ онъ недолго. Однажды ночью мы услышали странные крики. Что дѣлали съ Ивановымъ? Били ли его, вязали ли, надѣвали смирительную рубашку? Но эти крики и вообще крики, несущіеся изъ камеры заживо погребеннаго человѣка, когда туда вваливается для расправы ватага жандармовъ, не забудутся всю жизнь. Ужасъ въ томъ, что самъ сидишь подъ замкомъ и ничѣмъ помочь ему не можешь. Иванова увезли изъ Алексѣевскаго равелина; онъ сошелъ съ ума. Немного времени спустя, сошелъ съ ума Арончикъ, но его не увели изъ Алексѣевскаго равелина; его все время держали тамъ и въ такомъ состояніи перевезли впослѣдствіи вмѣстѣ съ нами въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ.

Здоровье у всѣхъ замѣтно ухудшалось. Такъ тянулось до весны. Въ концѣ мая Клѣточниковъ рѣшилъ отказаться отъ пищи и заморить себя голодомъ. Докторъ, не взирая на его страданія желудкомъ, болѣзнь легкихъ и на цынгу, не назначалъ ему ничего, кромѣ лекарствъ, въ то время, когда всѣ остальные болѣвшіе цынгой получали молоко. Докторъ прямо сказалъ Клѣточникову, что ему, Клѣточникову, онъ не можетъ улучшить пищи безъ спеціальнаго разрѣшенія коменданта. Такимъ образомъ Клѣточниковъ даже сравнительно съ нами былъ поставленъ въ исключительныя условія. Мстили всѣмъ, но Клѣточникову мстили особо. На судѣ никого такъ не оскорбляли, какъ оскорбляли Клѣточникова. Не успѣлъ онъ преступить порога тюрьмы послѣ суда, какъ Соколовъ объявилъ ему: „Ну, а съ тебя взысканія будутъ строгія“.

Какъ извѣстно, Клѣточниковъ, будучи членомъ партіи „Народной Воли“, находился въ то же время на службѣ въ департаментѣ полиціи съ цѣлью доставлять всѣ свѣдѣнія партіи и тѣмъ парализовать дѣятельность департамента полиціи. Клѣточниковъ очень искусно повелъ дѣло. Въ скоромъ времени

онъ уже пользовался полнымъ довѣріемъ главнаго начальства и былъ награжденъ орденомъ. Но не малыхъ трудовъ стоило это Клѣточникову. Для этого онъ долженъ былъ сойтись съ чиновниками департамента, бывать у нихъ въ домахъ, играть съ ними въ карты и проигрывать имъ. Нерѣдко бывалъ онъ въ домѣ Соколова, къ которому попалъ на расправу, и игралъ съ нимъ въ карты.

Когда Клѣточниковъ простучалъ о своемъ рѣшеніи заморить себя голодомъ, то его просили повременить, чтобы, снесясь съ другими коридорами, начать общую голодовку. Видя, что переговоры затягиваются, Клѣточниковъ черезъ нѣсколько дней простучалъ, что уже объявилъ Соколову о своемъ рѣшеніи, и что на это Соколовъ ему отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ будемъ кормить силой".

И, дѣйствительно, когда Соколовъ увидѣлъ, что пища стоитъ нетронутой, то приказалъ жандармамъ кормить его, если онъ сейчасъ же не начнетъ ѣсть. Клѣточниковъ съѣлъ нѣсколько ложекъ. Жандармы вышли. Клѣточниковъ бросилъ ложку. Такъ продолжалось три дня. На 4-й день пріѣхалъ въ Алексѣевскій равелинъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Оржевскій и вмѣстѣ съ комендантомъ обошелъ всѣ камеры. До этого времени, т. е. въ теченіе 1 года и 3 мѣсяцевъ, въ камеры не входилъ никто изъ ревизующихъ. По всей вѣроятности, ревизоры бывали и ранѣе, заглядывали въ дверное стеклышко, но въ камеры не заходили.

Послѣ отъѣзда Оржевскаго Клѣточникову стали давать молоко и бѣлый хлѣбъ. А черезъ нѣсколько дней былъ измѣненъ пищевой режимъ для всѣхъ. Кормить начали удовлетворительно, и, кромѣ того, докторъ щедрой рукой назначалъ прибавки въ видѣ молока и бѣлаго хлѣба. Увидѣвъ собственными глазами заключенныхъ, Оржевскій хорошо понималъ, что дѣло клонится къ близкой развязкѣ и что необходимо принять мѣры, чтобы предупредить скандалъ повальнаго вымиранія тюрьмы въ теченіе одного года съ мѣсяцами. Объяснить измѣненіе пищевого режима чѣмъ-нибудь инымъ будетъ ошибкой.

Черезъ годъ, когда насъ перевели въ Шлиссельбургъ, то снова былъ установленъ такой режимъ, при которомъ начали заболѣвать цынгой; и уже много времени спустя въ Шлиссельбургѣ были сдѣланы измѣненія опять-таки въ силу усилившейся смертности. Но ожиданія Оржевскаго не совсѣмъ оправдались. Было уже поздно. Менѣе здоровые организмы были расшатаны настолько, что помочь было нельзя.

Приблизительно дней черезъ десять послѣ посѣщенія Оржевскаго умеръ Клѣточниковъ. Говорю приблизительно, потому что съ точностью опредѣлить день смерти было трудно. Соколовъ въ силу извѣстныхъ одному только ему

соображеній, имѣлъ обыкновеніе заходить во время раздачи пищи и въ ту камеру, откуда былъ уже вынесенъ умершій.

Дѣлалъ онъ это въ теченіе двухъ, трехъ дней, а иногда и болѣе. Недѣли двѣ спустя, въ освободившуюся послѣ смерти Клѣточникова камеру былъ переведенъ Исаевъ, который намъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о здоровьѣ товарищей, сидящихъ въ другомъ коридорѣ. Оказывалось, что тамъ положеніе дѣлъ не лучше. Здоровье Баранникова и Тетерки было уже очень плохо. Между тѣмъ состояніе здоровья Ланганса настолько ухудшилось, что онъ не могъ перестукиваться, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Съ коридоромъ, гдѣ сидѣлъ Александръ Михайловъ, сношеній не было. Можно сказать съ увѣренностью, что его изолировали за блестящія и рѣзкія рѣчи на судѣ. Относительно рода смерти Михайлова опредѣленнаго сказать ничего нельзя.

Что Михайловъ умеръ не „естественною“ смертью, можно заключить изъ слѣдующаго.

Уже въ бытность въ Шлиссельбургской крѣпости, когда въ сосѣдней съ моей камерой умиралъ Исаевъ, я пригласилъ доктора и просилъ обратить вниманіе на него, прибавивъ при этомъ, что изъ 11 человѣкъ, которые были въ равелинѣ по нашему процессу, они уже замучили тамъ въ короткое время 6 человѣкъ. Соколовъ, который здѣсь же присутствовалъ, вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „И совсѣмъ неправда, не 6. Во 1-хъ, у того, который со мной служилъ—Соколовъ фамиліи не назвалъ—(Клѣточниковъ) еще на волѣ была чахотка, а во 2-хъ, съ другимъ случилось совсѣмъ другое“. На мой вопросъ: что же другое? Соколовъ сказалъ: „Это оставимъ“. Соколову можно повѣрить, что „съ другимъ случилось совсѣмъ другое“, т. е. этотъ „другой“ не умеръ „естественною“ смертью. Его или за что-нибудь разстрѣляли, или же онъ кончилъ самоубійствомъ. Обо всѣхъ умершихъ въ равелинѣ намъ извѣстно, такъ какъ съ ними были сношенія. Съ однимъ Александромъ Михайловымъ не было сношеній. Значитъ Александръ Михайловъ и есть этотъ „другой“.

Знали мы еще о Михайловѣ, что онъ болѣлъ, такъ какъ во время прогулки слышали голосъ доктора изъ его камеры. А. Поливановъ, который временно сидѣлъ неподалеку отъ Михайлова, говорилъ, что слышалъ голосъ Михайлова.

Забылъ я упомянуть, что послѣ посѣщенія Оржевскаго намъ были предложены нѣсколько книгъ духовнаго содержанія: „Четьи-Минеи“, журналъ „Христіанское чтеніе“ и нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ могу припомнить: „Небесный Отецъ“, „Два пути“ и „Какъ попасть въ Рай“.

Черезъ короткіе промежутки умерли Колодкевичъ, Баранниковъ и Тетерка.

Зимой 1883 года были приведены изъ Трубецкого ба-

стіона въ Алексѣевскій равелинъ Юрій Богдановичъ и Савелій Златопольскій.

Златопольскій былъ помѣщенъ въ камерѣ умершаго Лангавса. Съ его прибытіемъ пробуждалась жизнь въ нашемъ коридорѣ. Приведенъ онъ былъ въ Алексѣевскій равелинъ сейчасъ же послѣ процесса и могъ сообщить многое. Узнали мы отъ него о бывшихъ и предстоящихъ процессахъ, объ арестахъ: Вѣры Николаевны Фигнеръ, Анны Павловны Корба, Людмилы Александровны Волкенштейнъ и многихъ другихъ товарищей.

Немало свѣдѣній съ воли было сообщено имъ. Ежедневно стучалъ онъ мнѣ часа по два, а я въ свою очередь передавалъ эти свѣдѣнія дальше. Отъ Златопольскаго мы впервые узнали, что въ Шлиссельбургской крѣпости заканчиваютъ строить новую тюрьму, куда всѣхъ насъ въ скоромъ времени перевезутъ. Сообщилъ онъ намъ о свиданьи Юрковскаго съ матерью въ департаментѣ полиціи, гдѣ сказали матери Юрковскаго, что въ Шлиссельбургѣ условія жизни измѣнятся. Даны будутъ парныя прогулки, библіотека и другія льготы.

Эти льготы дѣйствительно даны были впослѣдствіи въ Шлиссельбургѣ, но слишкомъ дорогой цѣной куплены онѣ тамъ,—каждая льгота стоила человѣческой жизни. Съ наступленіемъ весны 1884 года прогулка въ Алекс. равелинѣ была увеличена. На каждаго приходилось по 1/2 часа. Дни, недѣли, мѣсяцы проходили съ прежнимъ однообразіемъ.

Послѣ обѣда 3 августа 1884 года въ одной изъ отдаленныхъ камеръ послышались звуки кузнечнаго молота. Дверь захлопнулась, и тѣ же звуки послышались въ слѣдующей камерѣ.

По порядку камеры продолжали открываться и закрываться. Всѣхъ насъ заковали въ ножныя кандалы. Около 9 часовъ въ томъ же порядкѣ Соколовъ обошелъ всѣ камеры и надѣлъ на всѣхъ ручныя кандалы. „Можно прилечь и отдохнуть, но не раздѣваться“, говорилъ онъ, выходя изъ камеры. Послѣ полуночи начали перевозить насъ въ каретѣ къ пристани, гдѣ стояла особо приспособленная баржа. Въ трюмѣ этой баржи по обоимъ бортамъ были устроены изъ теса очень маленькія помѣщенія, между каждымъ помѣщеніемъ былъ сдѣланъ промежутокъ, съ цѣлью предупредить сношенія между нами. Около каждаго помѣщенія, у двери, въ которой было сдѣлано маленькое и единственное окошечко, стояли съ обнаженными шашками жандармы и не спускали съ заключенныхъ глазъ.

Въ 4 часа утра послышался свистокъ на буксировавшемъ нашу баржу пароходѣ. Баржа дрогнула и двинулась вверхъ по Невѣ—въ Шлиссельбургъ.

М. Тригони.

Къ исторіи исключенія Бакунина изъ Интернаціонала.

Письмо въ редакцію.

Парижъ, 18 марта 1908 г.

Многоуважаемый г. Редакторъ!

Въ первой книжкѣ (январь 1908 г.) «Минувшихъ Годовъ» были напечатаны письма Карла Маркса къ г. Николаю — ону, переведенныя на русскій языкъ Г. А. Лопатинымъ и снабженныя предисловіемъ г-на Николая—она.

Нѣкоторыя мѣста этихъ писемъ (вы были вполнѣ правы, не согласившись выпустить ихъ) касаются пресловутаго, но до сихъ поръ мало выясненнаго инцидента съ письмомъ, адресованнымъ въ 1870 году (притомъ написаннымъ не Бакунинымъ, а Нечаевымъ) Лю—ну по поводу предпринятаго въ то время Бакунинымъ перевода «Капитала». Письмо это было 7 сентября 1872 года предъявлено Карломъ Марксомъ на Гаагскомъ Конгрессѣ, въ засѣданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу Alliance'а, и именно оно побудило большинство этой комиссіи включить въ свой докладъ, въ число мотивовъ, на основаніи которыхъ должно было быть проведено исключеніе Бакунина, обвиненіе въ «пользованіи обманными пріемами для присвоенія чужого имущества, или части его, что составляетъ мошенничество» и, кромѣ того, въ томъ, что онъ «для уклоненія отъ принятыхъ на себя обязательствъ прибѣгалъ самъ, или черезъ посредство своихъ агентовъ, къ угрозамъ».

Письма Маркса, сообщенныя вашему журналу г-номъ Николаемъ—ономъ, а также и прибавленныя имъ поясненія, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ эпизодъ. Тѣмъ не менѣе, большинство вашихъ читателей несомнѣнно незнакомо съ нѣкоторыми обстоятельствами, знать которыя необходимо для правильнаго сужденія объ упомянутыхъ фактахъ. Обстоятельства эти изложены мною въ моей работѣ «L'Internationale, Documents et Souvenirs», выходящей теперь отдѣльными томами. Но эта книга почти не-

извѣстна въ Россіи; вотъ почему я посылаю вамъ двѣ выдержки изъ нея, касающіяся этого дѣла. Если бы вы пожелали напечатать ихъ, вы дополнили бы этимъ начатое вами выясненіе до сихъ поръ мало извѣстнаго историческаго факта—выясненіе, которое я, съ своей стороны, могу только привѣтствовать.

Выдержки изъ книги «L'Internationale, Documents et Souvenirs (1864—1878)». (Парижъ, т. I, 1905 г.; т. II, 1907 г.; т. III находится въ печати).

Выдержка первая (т. I, стр. 259—262).

«Оставивъ Женеву (въ октября 1869 г.), Бакунинъ отправился въ Лугано; но такъ какъ тамъ въ то время жилъ Мацципи, то окружавшіе его итальянскіе эмигранты посовѣтовали Бакунину лучше поселиться въ Локарно; онъ послѣдовалъ этому совѣту и нанялъ за пятьдесятъ пять франковъ въ мѣсяцъ [1]) меблированную квартиру въ домѣ вдовы Терезы Педрадзини. Какъ видѣлъ читатель изъ письма ко мнѣ отъ 3 октября, онъ не хотѣлъ, чтобы мѣстопребываніе его было извѣстно, и сообщилъ поэтому свой адресъ лишь немногимъ друзьямъ. Со времени охлажденія его отношеній съ княгиней Оболенской, т. е. со времени распущенія стараго «Международнаго Братства» (въ январѣ 1869 г.), ему приходилось заботиться о средствахъ къ существованію; осенью 1869 г. онъ вступилъ, черезъ посредство одного русскаго молодого человѣка жившаго въ Германіи и котораго я назову Y. Z. [2]), въ сношенія съ петербургскимъ издателемъ Поляковымъ, который заказалъ ему русскій переводъ книги Карла Маркса «Капиталъ»; вознагражденіе за эту работу было назначено въ 900 рублей, изъ которыхъ треть Бакунинъ получилъ впередъ. [3])

Въ это время отношенія Бакунина съ Марксомъ еще считались хорошими. Марксъ, когда вышла въ 1867 году его книга, послалъ Бакунину экземпляръ, и Бакунинъ самъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующій маленькій эпизодъ:

«Во время Конгресса мира въ Женевѣ (въ 1867 году) старый коммунистъ Іоганъ-Филиппъ Беккеръ, какъ и Марксъ, одинъ изъ основателей Интернаціонала и другъ Маркса—на нѣмецкій ладъ, впрочемъ, т. е. готовый говорить про него все, что угодно, лишь бы самому не компрометироваться—передалъ мнѣ отъ имени Маркса первый,—единственный вышедшій до сихъ поръ—томъ труда, крайне важнаго, ученаго и глубокаго, хотя немного отвлеченнаго, подъ названіемъ «Капиталъ». Я сдѣлалъ при этомъ

---

[1]) См. письмо къ Огареву отъ 2 ноября 1869 г. (помѣченное по ошибкѣ 2 октября) въ „Перепискѣ" Бакунина, изданной Драгомановымъ.

[2]) Фамилію этого посредника я узналъ только въ 1904 году отъ одного изъ русскихъ друзей Бакунина, который просилъ меня не печатать ее, потому что это и теперь можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Это—то лицо, которое обозначается буквою Л. въ письмѣ Бакунина къ Огареву отъ 14 іюня 1870 г., письмѣ, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

[3]) Письмо къ Герцену отъ 4 января 1870 года (см. „Переписку" Бакунина).

непростительный промахъ: забылъ написать Марксу, чтобы поблагодарить его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ...» [1])

На этомъ, къ сожалѣнію, рукопись прерывается. Но мы узнаемъ конецъ изъ другой рукописи—изъ проэкта письма къ испанскому соціалисту Ансельмо Лоренцо, отъ 7 мая 1872 года, въ которомъ разсказывается та же самая маленькая исторія.

«... Въ это время я сдѣлалъ большую ошибку. Я не поспѣшилъ поблагодарить его и выразить свою похвалу этому дѣйствительно замѣчательному труду. Старикъ Беккеръ, который знаетъ его издавна, когда узналъ о моей забывчивости, сказалъ: «Какъ? ты до сихъ поръ не написалъ ему! Ну, Марксъ никогда тебѣ этого не проститъ». Я не думаю, однако, чтобы въ этомъ была причина возобновленія противъ меня войны со стороны Маркса и марксистовъ. Есть другая причина, чисто принципіальная, но въ соединеніи съ старыми личными причинами, она породила тѣ пылкія преслѣдованія, которымъ я теперь подвергаюсь со всѣхъ сторонъ». [2])

Бакунинъ возобновилъ къ тому времени переписку съ Жуковскимъ (письмо къ Жуковскому отъ 23 ноября), который только что поселился тогда въ Женевѣ и о которомъ онъ писалъ Огареву (письмо отъ 16 ноября въ «Перепискѣ»): «У этого человѣка сердце золотое, любящее, преданное... Характера нѣтъ... Привяжи его къ себѣ, сколько возможно. Свяжи его такъ, чтобы онъ совсѣмъ принадлежалъ намъ. Это будетъ полезно и это возможно. Для этого, отнюдь *не довѣряя ему никогда серьезныхъ секретовъ*, довѣрь ему съ самою большою тайною нѣсколько маленькихъ въ сущности, но, повидимому, весьма важныхъ, напр., что я въ *Луганѣ*, что я далъ тебѣ право сказать ему это съ просьбою, чтобъ онъ не говорилъ никому, исключая его женѣ Адѣ». [3]) Изъ этихъ писемъ Бакунина къ Жуковскому мы узнаемъ кое-какія подробности о переводѣ книги Маркса: начало было трудно; въ первое время Бакунинъ не могъ переводить больше трехъ страницъ въ день; затѣмъ онъ сталъ переводить пять и надѣялся дойти до десяти; вся работа, по его расчету, могла быть кончена въ четыре мѣсяца (письмо отъ 16 декабря). Сначала предполагалось, что Жуковская будетъ переписывать рукопись, но потомъ эта мысль была оставлена (письмо отъ 3 января 1870 года), и Бакунинъ сталъ стараться писать такъ, чтобы не приходилось переписывать, избѣгая помарокъ. «Я теперь перевожу много и быстро», писалъ онъ 7 января.

Причины таинственности, которой Бакунинъ окружалъ свое пребываніе въ Локарно, были чисто личнаго характера... Въ своемъ первомъ письмѣ къ Жуковскому (отъ 23 ноября) онъ пи-

---

[1]) Неизданная рукопись, озаглавленная „Личныя отношенія съ Марксомъ" и приведенная въ біографіи Бакунина Максомъ Неттлау, стр. 358.

[2]) Неттлау, стр. 358.

[3]) Письма эти, написанныя по-русски, приведены у Неттлау въ переводѣ. Здѣсь приводится поэтому переводъ съ этого перевода.

шетъ: «Я просилъ Огарева передать тебѣ это письмо и сказать тебѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ величайшимъ секретомъ для всѣхъ, кромѣ Ади, а главное для утинскаго политическаго курятника, что я въ Локарно, гдѣ жду Антонію и гдѣ буду жить съ дѣтьми—съ тѣмъ, который родился въ прошломъ году, и съ тѣмъ, который долженъ родиться вскорѣ. Я пробуду въ Локарно, по крайней мѣрѣ, всю зиму».

Въ январѣ 1870 года въ Женеву вернулся изъ Россіи Нечаевъ, выдававшій себя за представителя русскаго Революціоннаго Комитета. Бакунинъ пригласилъ его въ Локарно (письмо отъ 12 января); онъ поѣхалъ туда и, заставъ Бакунина за переводомъ книги Маркса, сталъ уговаривать его бросить эту работу, чтобы цѣликомъ посвятить себя русской революціонной пропагандѣ; онъ обѣщалъ найти кого-нибудь, кто бы за остальную часть условленной платы взялся докончить переводъ вмѣсто Бакунина. Жуковскій, узнавъ о проектахъ Нечаева, предложилъ взяться вмѣстѣ съ нѣсколькими другими за окончаніе перевода, съ условіемъ, что Бакунинъ его просмотритъ, но предложеніе это не было принято [1]; полагаясь на обѣщаніе Нечаева устроить это дѣло, Бакунинъ занялся исключительно русской пропагандой и не хотѣлъ больше слышать о переводѣ. Между тѣмъ, Нечаевъ самымъ недостойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Бакунина: онъ написалъ, безъ его вѣдома, издателю Полякову [2]) письмо, въ которомъ извѣщалъ отъ имени Русскаго Революціоннаго Комитета, что услуги Бакунина понадобились этому Комитету, и что поэтому онъ не можетъ кончить начатаго перевода. Затѣмъ, какъ говорятъ, слѣдовала угроза на случай, если Поляковъ предъявитъ какія-либо требованія [3]). Этотъ, по истинѣ «революціонный», актъ дошелъ до свѣдѣнія Бакунина только въ маѣ или іюнѣ 1870 года: онъ узналъ о немъ изъ письма Y. Z. [4]), въ которомъ тотъ жаловался и называлъ поступокъ мошенническимъ. Бакунинъ тотчасъ же послалъ Нечаеву письмо съ протестомъ; онъ писалъ ему два раза, и оба эти письма видѣлъ послѣ ареста Нечаева въ Цюрихѣ Россъ, поѣхавшій изъ Парижа въ Цюрихъ

---

[1]) Кѣмъ? *Ред.*

[2]) Относительно этого пункта я ошибся. Изъ писемъ Маркса къ г-ну Николаю—ону я узналъ, что письмо Нечаева было адресовано не къ издателю, а къ посреднику Лю—ну (Примѣчаніе 1908 года).

[3]) П. А. Кропоткинъ *видѣлъ* впослѣдствіи письмо Нечаева. Онъ передавалъ мнѣ, что это, собственно, не угрожающее письмо, а скорѣе обращеніе къ здравому смыслу издателя, который, говорилось въ письмѣ, долженъ понять, что Бакунинъ можетъ употребить свое время съ большей пользой на что-нибудь другое, вмѣсто перевода. Возможно однако—П. А. Кропоткинъ въ точности не помнитъ этого,—что письмо заканчивалось какой-нибудь фразой, въ которой былъ намекъ на то, что если Поляковъ не окажется сговорчивымъ, то онъ можетъ впослѣдствіи въ этомъ раскаяться.

[4]) Какъ извѣстно, этими буквами обозначается Лю—нъ (Примѣчаніе 1908 года).

для того, чтобы сжечь бумаги, оставленныя тамъ Нечаевымъ въ сундукѣ [1])».

Вторая выдержка (т. II, стр. 335 и 343—346).

...«По предложенію Генеральнаго Совѣта, была выбрана (гаагскимъ конгрессомъ) въ среду вечеромъ (4 сентября 1872 г.) комиссія изъ пяти членовъ, чтобы изслѣдовать дѣло объ Alliance'ѣ и представить докладъ конгрессу. Въ ея составъ вошли: Куно—нѣмецъ; Люкенъ (псевдонимъ), Вишаръ и Вальтеръ (псевдонимъ Ванъ Геддегема)—французы, и Рохъ Силингардъ — бельгіецъ; послѣдній одинъ былъ представителемъ меньшинства. Предсѣдателемъ комиссіи былъ Куно. Куно былъ человѣкъ нѣсколько ненормальный; онъ прожилъ раньше нѣкоторое время въ Миланѣ, гдѣ былъ членомъ секціи Интернаціонала подъ фамиліей *Капестро,* затѣмъ въ февралѣ 1872 года, былъ высланъ оттуда итальянской полиціей; о его сообразительности можно судить по тому, что онъ въ четвергъ, на публичномъ засѣданіи Конгресса, придрался къ одному нѣмецкому чиновнику, передъ которымъ долженъ былъ на другой день публично извиняться.

...Слѣдственная комиссія засѣдала при закрытыхъ дверяхъ, въ помѣщеніи гаагской секціи и вызывала свидѣтелей и тѣхъ, кого она называла обвиняемыми. Она намѣревалась заняться изслѣдованіемъ существованія тайнаго общества, подъ названіемъ «Alliance de la démocratie socialiste» (Союзъ соціалистической демократіи), которое существовало якобы рядомъ съ открытымъ обществомъ, основаннымъ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1868 года, и носившимъ то же названіе; оба общества имѣли якобы одну и ту же программу, причемъ второе—Союзъ явный—служилъ будто бы лишь ширмой и прикрытіемъ для того, чтобы скрыть существованіе и дѣятельность перваго. Это тайное общество имѣло будто бы свой уставъ и свою программу, противуположную программѣ Интернаціонала, съ которымъ оно было въ соперничествѣ и во враждѣ.

Я, лично, отказался явиться на судъ комиссіи. Я никогда не былъ членомъ *Союза соціалистической демократіи*, основаннаго въ 1868 году въ Бернѣ Бакунинымъ, Элизэ Реклю и ихъ друзьями: я отказался въ свое время основать въ Локлѣ группу, которая принадлежала бы къ этому Союзу, какъ отказался и записаться членомъ въ женевскую секцію Союза, и все это я всегда говорилъ совершенно открыто. Что касается того, былъ ли я, или состою ли я теперь членомъ какого-нибудь тайнаго общества, то я не признавалъ ни за кѣмъ права ставить мнѣ такой вопросъ,—вопросъ, самая мысль о постановкѣ котораго кажется мнѣ странной, потому что долгъ всякаго члена какой-нибудь тайной организаціи—не отвѣчать на него. На конгрессѣ въ Шо-де-Фонъ, 4 апрѣля

---

[1]) Въ письмѣ къ Огареву отъ 14 іюня 1870 года (см. переписку) Бакунинъ пишетъ: „Всѣ переводныя предпріятія для меня сдѣлались невозможными вслѣдствіе несчастной исторіи съ Л. Другихъ русскихъ знакомыхъ у меня нѣтъ".

1870 года, я сказалъ: «Всякій членъ Интернаціонала сохраняетъ за собою полную свободу принадлежать къ какимъ угодно тайнымъ обществамъ, хотя бы къ масонству; слѣдствіе по поводу тайнаго общества было бы простымъ доносомъ полиціи», и впослѣдствіи продолжалъ думать то же самое. Тѣмъ не менѣе, по настоянію испанскихъ делегатовъ, а также Жуковскаго и Швицгебеля, которые согласились на слѣдствіе и говорили мнѣ, что не слѣдуетъ давать повода думать, будто я отъ него уклоняюсь, я согласился поговорить въ субботу послѣ обѣда (7 сентября) съ членами комиссіи, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что нашъ разговоръ будетъ имѣть характеръ частной бесѣды, а не допроса.

Выписываю изъ „Bulletin de la Fédération jurassiene" разсказъ, относящійся къ слѣдствію по поводу Alliance'а.

«Слѣдственная комиссія по дѣлу Alliance'а употребила нѣсколько засѣданій (тайныхъ) на ознакомленіе съ документами, которые ей доставилъ Энгельсъ и на выслушиваніе разныхъ свидѣтелей. Комиссія эта, прежде всего, возымѣла странную претензію взять на себя роль слѣдователя: допросъ свидѣтелей долженъ былъ происходить тайно, а затѣмъ должны были быть очныя ставки, чтобы уличить свидѣтелей въ противорѣчіяхъ. Изъ тѣхъ, кто былъ вызванъ такимъ образомъ, одни отказались отвѣчать; другіе—обвинители,—наоборотъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ излагали комиссіи свои жалобы. Мы не можемъ сказать, что происходило въ этихъ засѣданіяхъ, мы не знаемъ дававшихся тамъ показаній и не видѣли предъявлявшихся тамъ документовъ, но для нашихъ читателей достаточно будетъ сообщить имъ мнѣніе двухъ членовъ комиссіи.

«Рохъ Силингардъ, присутствовавшій при всѣхъ этихъ таинственныхъ дебатахъ и слышавшій всѣ разоблаченія гг. Маркса и Энгельса, говорилъ направо и налѣво, что слѣдствіе не приведетъ ни къ чему, что обвинители не выставили ни одного серьезнаго документа, что все это дѣло—одна сплошная мистификація, и что, выбравъ его въ подобную комиссію, его заставили только потерять время. Ниже читатель найдетъ, впрочемъ, докладъ представленный имъ въ качествѣ представителя меньшинства въ комиссіи.

«Другому члену комиссіи, французу Вальтеру, принадлежащему къ большинству, такъ опротивѣло все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ комиссіи, что онъ послалъ въ нее, въ пятницу, письмо съ заявленіемъ, что отказывается впредь участвовать въ ея занятіяхъ и снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за тѣ рѣшенія, которыя она можетъ принять. Правда, въ субботу вечеромъ гражданинъ Вальтеръ перемѣнилъ мнѣніе—мы увидимъ ниже подъ какими вліяніями—и попытался взять свое письмо обратно; но эта перемѣна только еще яснѣе показала, какое давленіе производится съ извѣстной стороны на бѣдную комиссію.

«Другой знаменательный фактъ. Въ субботу, около четырехъ часовъ дня, граждане Куно, Люкенъ и Вишаръ, составлявшіе большинство комиссіи (Вальтеръ ушелъ, Силингардъ составлялъ меньшинство противъ нихъ), заявили Гильому, въ помѣщеніи гаагской секціи, что они не пришли ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, и что труды слѣдственной комиссіи, когда она вечеромъ того же дня представитъ свой докладъ Конгрессу, будутъ напоминать гору, родившую мышь. Затѣмъ, между Люкеномъ и Гильомомъ завязался дружескій разговоръ преобразованія французскихъ секцій, о томъ, что полезно бы создать Французскій Федеральный Совѣтъ и т. д. Люкенъ проявилъ большое довѣріе къ Гильому, предложилъ ему переписываться съ нимъ, сообщилъ свой адресъ и настоящую фамилію [1]). Затѣмъ они разстались, и комиссія вернулась въ засѣданіе, *чтобы выслушать Маркса*. Марксъ не предъявилъ никакихъ новыхъ документовъ: онъ все передалъ раньше черезъ Энгельса; что же могъ онъ сказать комиссіи? Мы не знаемъ этого [2]), но какъ бы то ни было, мнѣніе трехъ гражданъ, только что разговаривавшихъ съ Гильомомъ, рѣзко измѣнилось, и даже самъ Вальтеръ, раскаявшись въ своей независимости, собирался взять назадъ свое вчерашнее письмо.

«Послѣ этого-то разговора съ Марксомъ, комиссія, внезапно измѣнившая свое мнѣніе, и составила свои знаменитыя заключенія. Здѣсь нужно привести еще одинъ характерный фактъ: трое судей изъ большинства оказались неспособными грамматически правильно написать по-французски требуемыя нѣсколько фразъ и должны были прибѣгнуть къ помощи Силингардта, который, протестуя противъ сущности ихъ заключеній, тѣмъ не менѣе поправилъ слогъ, насколько это было возможно.

«И вотъ, послѣ всего этого, въ субботу 7 сентября въ административномъ засѣданіи конгресса за нѣсколько минутъ до его закрытія, докладчикъ комиссіи Люкенъ прочелъ слѣдующій докладъ:

«*Докладъ Слѣдственной Комиссіи по дѣлу общества «Alliance»*.

«Въ виду недостатка времени, не давшаго возможности комиссіи представить вамъ полный докладъ, она можетъ только высказать вамъ свое мотивированное мнѣніе, основанное на сообщенныхъ ей документахъ и выслушанныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

«Выслушавъ гражданъ Энгельса, Карла Маркса, Врублевскаго, Дюпона, Сералье и Сварма, со стороны Общества (т. е. за Международное Общество Рабочихъ),

«И гражданъ Гильома, Швицгебеля, Жуковскаго, Алерини,

---

[1]) Теперь, 34 года спустя, я не помню этой фамиліи.

[2]) Теперь, благодаря письмамъ, опубликованнымъ г-номъ Николаемъ—ономъ, я это знаю: Марксъ показалъ комиссіи тотъ документъ, о присылкѣ котораго онъ просилъ въ письмѣ отъ 15 августа 1872 года и который его петербургскій корреспондентъ ему послалъ (прим. 1908 года).

Мораго, Марселау и Фарга-Пелисера, обвинявшихся въ принадлежности къ тайному обществу *Alliance*,

«Нижеподписавшіеся заявляютъ:

«1-е. Что тайный Союзъ, основанный съ уставомъ, совершенно противоположнымъ Международному Обществу рабочихъ, существовалъ, но существуетъ ли онъ еще и теперь — это недостаточно доказано;

«2-е. Что проектомъ устава и письмами, подписанными «Бакунинъ» доказывается, что этотъ гражданинъ пытался основать и, можетъ быть, основалъ въ Европѣ общество подъ названіемъ Alliance [1]), съ уставомъ, совершенно отличнымъ въ соціальномъ и въ политическомъ отношеніи отъ устава Международнаго Общества Рабочихъ [2]);

«3-е. Что гражданинъ Бакунинъ пользовался обманными пріемами для присвоенія чужого имущества, или части его, что составляетъ мошенничество, и, кромѣ того, для уклоненія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, прибѣгалъ самъ или черезъ посредство своихъ агентовъ, къ угрозамъ [3]);

«Въ виду этого, граждане члены Комиссіи предлагаютъ конгрессу:

«1-е. Исключить гражданина Бакунина изъ Международнаго Общества Рабочихъ...»

Излишне было бы приводить здѣсь конецъ доклада комиссіи: онъ касается дѣлъ, не имѣющихъ отношенія къ тому частному вопросу, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь.

Прибавлю только, что представитель меньшинства въ комиссіи, Рохъ Силингардъ, слышавшій показанія Маркса и знавшій содержаніе письма, сообщеннаго имъ, нисколько не увидѣлъ въ этомъ письмѣ чего-нибудь, что позволяло бы обвинить Баку-

[1]) Въ этомъ параграфѣ комиссія не увѣрена, удалось ли Бакунину основать *Alliance*; въ предыдущемъ она говоритъ, что Alliance существовалъ, а, можетъ быть, существуетъ и теперь. Такія противорѣчія указываютъ на странное состояніе умовъ у членовъ комиссіи.

[2]) Уставъ *Alliance*'а, хотя и отличный отъ устава Интернаціонала, нисколько не былъ „противуположнымъ" ему. Въ немъ говорилось, что „Союзъ образуетъ отдѣлъ Международнаго Общества Рабочихъ, общіе статуты котораго онъ принимаетъ", а въ письмѣ лондонскаго Генеральнаго Совѣта, адресованномъ къ женевской секціи этого Союза 28 іюля 1869 года, сказано: „Ваши письма и заявленія, а также программа и уставъ получены и Генеральный Совѣтъ единогласно принялъ васъ, какъ секцію".

[3]) Рѣчь идетъ о русскомъ переводѣ „Капитала" и о письмѣ Нечаева (см. т. I, стр. 261). Въ томѣ III читатель найдетъ протестъ противъ этого обвиненія въ мошенничествѣ и шантажѣ, протестъ помѣченный 4 октября 1872 г. и подписанный Огаревымъ, Зайцевымъ, Озеровымъ, Россомъ, Гольстейномъ, Ралли, Эльсницемъ и Смирновымъ. Можно было думать, что тридцать четыре года спустя марксисты откажутся отъ этого безсмысленнаго оскорбленія. Оказывается, что нисколько: г. Зорге вновь повторяетъ его въ книгѣ, вышедшей въ 1906 году. „Рѣчь идетъ, говоритъ онъ въ примѣчаніи къ письму Энгельса отъ 14 іюля 1873 года, о мошенничествѣ, совершенномъ Бакунинымъ и о которомъ, ради интересовъ частныхъ лицъ, въ Гаагѣ было только упомянуто, безъ всякаго изложенія подробностей".

нина въ мошенничествѣ. Онъ составилъ *докладъ меньшинства* и прочиталъ его конгрессу; въ этомъ докладѣ говорилось: «Я протестую противъ доклада слѣдственной комиссіи и оставляю за собою право мотивировать свой протестъ передъ конгрессомъ». Онъ мотивировалъ затѣмъ его въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ и отказался вотировать исключеніе Бакунина.

Въ протестѣ, созданномъ 4 октября 1872 года восемью русскими эмигрантами, фамиліи которыхъ были приведены выше, говорилось:

«Въ этомъ докладѣ (слѣдственной комиссіи), внушенномъ, очевидно, ненавистью и желаніемъ отдѣлаться во что бы то ни стало отъ неудобнаго противника, рѣшились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Бакунину обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни нужнымъ, ни умѣстнымъ оспаривать тѣ якобы факты, на которыхъ сочли возможнымъ обосновать странное обвиненіе, выдвинутое противъ нашего соотечественника и друга. Эти факты намъ хорошо извѣстны, извѣстны въ мельчайшихъ подробностяхъ, и мы сочтемъ своею обязанностью возстановить истину, какъ только намъ будетъ возможно это сдѣлать. Теперь намъ мѣшаетъ въ этомъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника, котораго мы не считаемъ своимъ другомъ [1]), но личность котораго дѣлаютъ священной тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергается въ настоящую минуту со стороны русскаго правительства.

«Г. Марксъ, ловкость котораго мы, впрочемъ, не думаемъ оспаривать, въ данномъ случаѣ ошибся въ расчетѣ. Честныя сердца во всѣхъ странахъ несомнѣнно почувствуютъ только негодованіе и отвращеніе при видѣ такой грубой интриги и такого явнаго нарушенія самыхъ простыхъ требованій справедливости. Что касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г-на Маркса въ томъ, что всѣ его старанія будутъ тамъ напрасны: Бакунинъ тамъ слишкомъ уважаемъ и извѣстенъ, чтобы клевета могла достигнуть его».

Причинъ, которыя въ то время помѣшали друзьямъ Бакунина разсказать тогда факты, имъ «хорошо извѣстные, извѣстные въ мельчайшихъ подробностяхъ», не существуетъ. Вотъ почему я, съ своей стороны, разсказалъ все, что зналъ. Не хватаетъ еще одного: не хватаетъ также того письма, которое Марксъ сообщилъ въ 1872 году слѣдственной комиссіи. У г-на Николая—она несомнѣнно имѣется этотъ текстъ; необходимо, чтобы онъ опубликовалъ его, потому что мы имѣемъ право хотѣть знать все. Вы, вѣроятно, также присоединитесь ко мнѣ и посовѣтуете ему напечать его какъ можно скорѣе [2]).

---

[1]) Нечаевъ, арестованный въ Цюрихѣ 14 августа 1872 года и выданный 27 сентября русскому правительству.

[2]) Да, мы вполнѣ присоединяемся къ справедливому желанію г. Гильома, чтобы сыгравшій такую печальную роль въ дѣлѣ исключенія Бакунина изъ Интернаціонала документъ былъ опубликованъ. Но дѣло въ томъ, что этого доку-

Примите, г-нъ редакторъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Джемсъ Гильомъ.

мента *у г. Николая—она нѣтъ*. Увѣренность г. Гильома въ обратномъ основана исключительно на неясности выраженія Маркса въ его письмѣ къ Николаю—ону отъ 25 ноября 1872 года. Выраженіе это гласитъ: „пересланное мнѣ письмо пришло во время и *сдѣлало свое дѣло*" (курсивъ подлинника. „Мин. Годы", январь, стр. 54). Но изъ этой фразы не видно, *кѣмъ именно* переслано письмо. Г. Гильомъ полагаетъ, что Николаемъ—ономъ. На дѣлѣ это не такъ: *оно было переслано Марксу не Николаемъ—ономъ, а г. Лю—нымъ*. Это лицо еще живо и здравствуетъ. Мы дѣлаемъ попытку войти съ нимъ по настоящему поводу въ сношенія, и, если эта попытка увѣнчается успѣхомъ и мы получимъ подлинникъ или копію документа, о которомъ идетъ рѣчь, мы сочтемъ, конечно, своею обязанностью опубликовать его на страницахъ нашего журнала.

Редакція.

Изъ воспоминаній о „Рабочемъ Союзѣ“ и священникѣ Гапонѣ.

(*Окончаніе* [1]).

IV.

Ожидались крупныя внутреннія осложненія.

Но та инерція, по которой дѣло двигалось отъ силы первоначальнаго толчка, даже въ моментъ сильнаго взаимнаго тренія, была такъ велика, движущееся тѣло было такъ огромно, что незначительный, казалось бы, самъ по себѣ казусъ съ увольненіемъ трехъ и заявленіемъ другимъ тремъ рабочимъ расчета на Путиловскомъ заводѣ, вдругъ привелъ къ извѣстнымъ колоссальнымъ послѣдствіямъ. И захваченныя чѣмъ-то невѣдомымъ, новымъ, вначалѣ совершенно инстинктивно, враждующія стороны забыли о враждѣ и подозрѣніяхъ, и сразу всѣ и каждый заняли свои мѣста на боевыхъ позиціяхъ, готовыя дорого продать свое право на сознательное существованіе.

Все дальнѣйшее движеніе, приведшее къ 9 января, получило толчекъ именно отъ конфликта съ администраціей Путиловскаго завода. Конечно вообще почва была подготовлена, напоръ волны возбужденія членовъ „Собранія“ сдерживался съ большимъ трудомъ, и, хотя горючій матеріалъ и продолжали поддерживать, но открытаго рѣзкаго выступленія опасались,—его считали тогда еще несвоевременнымъ, такъ какъ еще не надѣялись на привлеченіе всей рабочей массы Петербурга.

Администраціи какъ частныхъ, такъ и казенныхъ заводовъ и фабрикъ сначала отнеслись къ открытію „Собранія“ безразлично. Даже было вначалѣ, повидимому, сочувственное отношеніе. Но уже осенью 1904 г., послѣ перваго открытаго демонстрированія силъ „Собранія“ на „общемъ собраніи“, гг. директора и управляющіе стали прозрѣвать. Въ дальнѣйшемъ, когда въ

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Мартъ.

члены „Собранія“ стали вступать на каждомъ заводѣ десятками и сотнями, а на Путиловскомъ заводѣ даже тысячами, заправилы стали думать крѣпкую думу. Нѣкоторые заводы между прочимъ стали и у себя практиковать, считаясь съ успѣхомъ музыкальныхъ вечеровъ въ отдѣлахъ, такіе же музыкальные вечера. Но наша комиссія не зѣвала, и мы всѣми силами старались лучшія свободныя артистическія силы перетаскивать къ себѣ... Я самъ получалъ нѣсколько предложеній пѣть на такихъ устраиваемыхъ администраціями вечерахъ, но въ этихъ случаяхъ не я шелъ пѣть къ заводчикамъ, а приглашавшіе меня артисты оказывались участниками въ нашихъ вечерахъ. Эта „комбинація“ не удалась заводчикамъ. Да и публика къ нимъ шла неохотно: рабочіе предпочитали итти къ себѣ, въ свои собственныя помѣщенія, слушать своихъ артистовъ и т. д. Мало-по-малу стали распускать всякіе вздорные слухи про „Собраніе“, поносили Гапона на чемъ свѣтъ стоитъ, но это только приносило пользу, такъ какъ только увеличивало интересъ къ „Собранію“ у рабочей массы. Затѣмъ пошли насмѣшки надъ „гапонцами“, „поповичами“ и т. п. — И это не дѣйствовало. Тогда, очевидно, рѣшили итти на форменное противодѣйствіе. Что расчетъ трехъ рабочихъ и заявленіе къ расчету еще тремъ—членамъ „Собранія“, были пробнымъ шаромъ со стороны Путиловскаго завода, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Есть даже нѣкоторыя косвенныя указанія на то, что это было результатомъ общаго совѣщанія директоровъ нѣкоторыхъ заводовъ. Въ „Собраніи“ тогда говорили объ этомъ совершенно опредѣленно и считали, что такой образъ дѣйствій есть вызовъ „Собранію“, и оно такъ это и поняло.

Создавшееся положеніе признавалось въ высшей степени серьезнымъ, и признано было необходимымъ реагировать на вызовъ Путиловскаго завода самымъ энергичнымъ образомъ, но такъ, чтобы политика пока оставалась въ сторонѣ.

И дѣйствительно, „Собраніе“ не могло не реагировать, т. е. не принять вызова. Цѣль его возникновенія была въ томъ, чтобы защищать интересы рабочаго люда, и направленіе умовъ у вступившихъ въ „Собраніе“ членовъ было именно такое. Если бы „Собраніе“ сдѣлало хотя бы малѣйшую попытку увильнуть отъ своей задачи, престижъ его неминуемо долженъ былъ бы пасть. Въ этомъ отношеніи Гапонъ и его сотрудники были не только солидарны, но выказывали замѣчательное единодушіе, несмотря на внутренній разладъ. До сихъ поръ Гапонъ всѣ встрѣчающіяся тренія и недоразумѣнія съ полиціей и съ администраціями заводовъ обходилъ келейно, ему одному только извѣстнымъ путемъ. Но въ этомъ случаѣ онъ самъ, сколько мнѣ помнится, заявилъ, что наступилъ моментъ, когда „Собраніе“ можетъ сдѣлать открытое выступленіе на защиту своихъ интересовъ. На-

считывая около 8000 членовъ, объединенныхъ и прекрасно организованныхъ, способныхъ поднять всю рабочую массу Петербурга, можно было разсчитывать на экономическую побѣду.

Но все же Гапонъ сдѣлалъ попытку избѣгнуть остраго конфликта: онъ отправился къ заинтересованному въ конфликтѣ мастеру (кажется, г. Іогансону), и, разсчитывая на свои съ нимъ хорошія отношенія, просилъ его принять обратно уволенныхъ рабочихъ, а также отмѣнить заявленіе объ увольненіи по отношенію къ другимъ. Попытка эта потерпѣла фіаско. Какъ передавалъ мнѣ Гапонъ, г. Іогансонъ откровенно заявилъ, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ это дѣло главной администраціи, желающей пріостановить быстрый ростъ Нарвскаго отдѣла „Собранія"; мѣру эту г. Іогансонъ одобрялъ, полагая, что если не пріостановить роста отдѣла, то черезъ мѣсяцъ весь Путиловскій заводъ будетъ находиться въ числѣ членовъ „Собранія". Между ними произошелъ довольно крупный разговоръ, и разстались они уже не друзьями...

28 декабря 1904 г. депутація членовъ Нарвскаго отдѣла „Собранія" рабочихъ Путиловскаго завода, во главѣ съ Гапономъ, отправилась къ тогдашнему директору Путиловскаго завода Смирнову. Депутація заявила, что отъ имени „Собранія" она проситъ о непримѣненіи репрессій по отношенію къ членамъ „Собранія" вообще и въ частности о принятіи обратно уволенныхъ и подлежащихъ увольненію товарищей. Г. Смирновъ категорически отказалъ въ просьбѣ депутаціи. Тогда депутація заявила, что она считаетъ положеніе дѣла въ высшей степени серьезнымъ, могущимъ повлечь крупныя и совсѣмъ неожиданныя послѣдствія, отвѣтственность за которыя „Собраніе" возлагаетъ на г. Смирнова. Такъ какъ отъ имени депутаціи говорилъ Гапонъ, то Смирновъ, вмѣсто того, чтобы подыскать какіе-либо пути для соглашенія, перешелъ на личную почву. Онъ началъ укорять Гапона въ томъ, что онъ возбуждаетъ рабочихъ, увлекая ихъ на ложный путь, что вообще онъ вредный человѣкъ для рабочихъ и т. д. Одинъ изъ членовъ депутаціи тогда заявилъ, что дѣятельность Гапона не подлежитъ критикѣ г. Смирнова, и что рабочіе вполнѣ довѣряютъ своему руководителю, какъ истинному выразителю ихъ мнѣній, и что если у г. Смирнова больше ничего не остается сказать, то депутація считаетъ въ отношеніи его свою миссію законченною. Не помню хорошенько, эта ли самая или другая, но была отправлена въ тотъ же день депутація къ градоначальнику для освѣщенія конфликта съ точки зрѣнія „Собранія". Ему было также сообщено о серьезности положенія дѣла и просили его произвести давленіе на администрацію Путиловскаго завода, въ смыслѣ удовлетворенія требованія „Собранія". Генералъ Фулонъ принялъ депутацію очень хорошо, повидимому, соглашался съ ея взглядами и обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее.

Упорство администраціи Путиловскаго завода и грубый пріемъ Смирнова вызвалъ взрывъ негодованія во всѣхъ „Отдѣлахъ Собранія“, и взрывъ этотъ громко раскатился по всѣмъ рабочимъ кругамъ Петербурга.

Тотчасъ же по всѣмъ Отдѣламъ пошли собранія рабочихъ для обсужденія конфликта, и вездѣ выносились замѣчательно единодушныя резолюціи. Движеніе стало принимать широкій общій характеръ, въ него стали втягиваться уже всѣ рабочіе, а не только члены „Собранія“.

Съ 28 по 31 общее положеніе дѣла настолько выяснилось, что къ этому дню могли быть приняты уже совершенно опредѣленныя рѣшенія.

Наступилъ моментъ великаго движенія Петербургскаго пролетаріата.

Зналъ ли Гапонъ и его сотрудники о могущихъ получиться отъ этого движенія результатахъ?

Нѣтъ, они не знали и даже не предчувствовали ихъ. Никто рѣшительно не могъ предвидѣть такого конца.

На верхахъ сначала Гапону покровительствовалъ Плеве. Мнѣ Гапонъ говорилъ, что Плеве вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія доклада о рабочемъ дѣлѣ въ Россіи, представленнаго ему Гапономъ.

Въ чемъ собственно состоялъ докладъ Гапона, я не знаю. Говорили мнѣ рабочіе, читавшіе докладъ въ черновикѣ, что написанъ онъ былъ хорошо, искренно, безъ тѣни какой-либо задней мысли. Если Плеве нашелъ, что мысли Гапона могутъ быть проведены въ жизнь только самимъ Гапономъ, и если послѣдній взялся за это, то несомнѣнно у каждаго на этотъ счетъ были свои особые взгляды. Безъ сомнѣнія ряса Гапона играла здѣсь громадную роль, и Плеве могъ надѣяться, послѣ Зубатова, на второй болѣе удачный опытъ, именно благодаря рясѣ и ея вліянію на простыя народныя рабочія массы. Что касается Гапона, то онъ въ душѣ отлично понималъ свое положеніе у Плеве и, фанатически преданный своей идеѣ и въ то же время безцеремонный въ средствахъ, хотя и не будучи послѣдователемъ Игнатія Лойолы, онъ рѣшилъ воспользоваться опытомъ отцовъ іезуитовъ... Святополкъ-Мирскій, очевидно, ничего не понималъ въ рабочемъ вопросѣ; принявъ Гапона въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, какъ человѣкъ болѣе культурный и въ то же время безхарактерный, онъ оказался въ большомъ недоумѣніи, когда вдругъ на свѣтъ Божій появилось „Собраніе“ въ полномъ боевомъ вооруженіи... Градоначальникъ Фулонъ по части пониманія рабочаго вопроса ушелъ также недалеко. Человѣкъ онъ былъ, какъ говорили, довольно добродушный, считалъ, что на свѣтѣ живется всѣмъ прекрасно, а если люди одинъ другого обижаютъ, то это по неразумію и стоитъ только доброй отеческой рукѣ одного оттаскать за вихоръ, другого погладить по головкѣ—все дѣло уладится само собою. Гапона ему и высшее начальство рекомендовало, какъ своего человѣка, и самъ онъ,

познакомившись съ батюшкой, нашелъ его прекраснымъ человѣкомъ—чего же лучше?

Каково же было всѣхъ ихъ общее изумленіе отъ появленія такого рабочаго „Собранія", которое въ одинъ годъ привлекло 8000 членовъ, а въ теченіе нѣсколькихъ дней конфликта ежедневно втягивало въ себя болѣе чѣмъ по тысячѣ (къ 8-му января въ „Собраніи" уже числилось свыше 20.000 членовъ, могло же быть неизмѣримо больше, но не успѣвали записывать и выдавать членскія квитанціи). У всѣхъ на верхахъ и у петербургскаго общества того времени отъ недоумѣнія были раскрыты рты, а событія надвигались все болѣе и болѣе странныя и непонятныя...

Партійныя организаціи, игнорировавшія „Собраніе", также были застигнуты врасплохъ. На „Собраніе" установился взглядъ, какъ на учрежденіе провокаторское, а оно принимало теперь самый опредѣленный революціонный характеръ, и партійные агитаторы, еще такъ недавно совершенно не допускавшіеся въ Отдѣлы, за эти дни не только стали допускаться туда, но ихъ даже усиленно приглашали и предоставляли имъ полную свободу слова...

Ошеломленіе было всеобщее, а событія не ждали и шли ускоренно-быстрымъ темпомъ. Ошеломленъ былъ и Гапонъ. Сужу потому, что, очевидно, не предвидя дальнѣйшаго развитія движенія, принимавшаго грандіозный характеръ, онъ 31 декабря пришелъ ко мнѣ по совсѣмъ пустому поводу мириться. Для того, чтобы лучше задобрить меня, онъ принесъ мнѣ малороссійскихъ колбасъ и малороссійскаго сала—Гапонъ зналъ, что я люблю и то и другое, а отъ отца, изъ Полтавской губ., онъ только что получилъ всего этого въ изрядномъ количествѣ.

Я отъ всей души расхохотался этому ловкому пріему, и, благодаря такому обстоятельству, мы сразу же заговорили съ нимъ по-старому, по-пріятельски.

— Ну, батя, что выйдетъ изъ всего этого?—задалъ я вопросъ.

— Что выйдетъ?—а, ей Богу, не знаю. Должно быть, что-нибудь здоровое (крупное), но что именно—не могу сказать. А, можетъ быть, и ничего не выйдетъ—кто это теперь разберетъ!..

„Теперь дѣло обстоитъ такъ. Мы заявили администраціи Путиловскаго завода, что „Собраніе" проситъ принять уволенныхъ и снять заявленіе относительно подлежащихъ увольненію товарищей. Мы будемъ ждать отвѣта въ Нарвскомъ Отдѣлѣ до 6-ти часовъ вечера воскресенья 2-го января. Если мы не получимъ къ этому времени отвѣта, то 3-го января, въ понедѣльникъ, весь Путиловскій заводъ. бастуетъ...

— Ой-ой!—неужели такъ здорово?!

— Послѣ этого—продолжалъ Гапонъ—мы предъявляемъ болѣе ши-

рокія требованія и ждемъ еще два дня; если во вторникъ въ 6 часовъ вечера наши требованія не будутъ удовлетворены, то въ среду 5-го бастуютъ еще два большихъ завода: Семяниковскій и Франко-Русскаго Общества или какой-либо другой. Мы предъявляемъ ко всѣмъ петербургскимъ заводамъ широкія экономическія требованія и дѣлаемъ попытку перейти на путь политики, вносимъ нѣкоторыя требованія съ политическимъ оттѣнкомъ и даемъ еще два дня, а 7-го, въ случаѣ надобности, весь пролетаріатъ Петербурга, какъ одинъ человѣкъ, объявляетъ забастовку до полнаго удовлетворенія расширенныхъ экономическихъ и политическихъ требованій.

— Значитъ, раскрываете карты?

— Я уже раскрылъ карты и пустился на широкое морское пространство, но тамъ, наверху, до сихъ поръ никакъ не сообразятъ, въ чемъ дѣло...

— Что же дальше?

— А вотъ дальше-то ничего и не знаю. Мнѣ кажется, что наверху успѣютъ понять настоящее положеніе дѣла и не дадутъ развернуться событіямъ—пойдутъ на уступки, т. е. сдѣлаютъ путиловской администраціи внушеніе, и она удовлетворитъ наши пока мизерныя требованія. Святополкъ-Мирскій и Фулонъ мною извѣщены о нашемъ планѣ дѣйствій... Ну, а пока что, мы все же будемъ говорить о музыкѣ. Я сдаюсь и иду также на всѣ уступки. Забудемъ все, и пусть музыкальная комиссія не только вступаетъ въ свои права, но я прошу васъ поработать и организовать или совмѣстить и обязанности литературной комиссіи. Дѣлайте, какъ считаете нужнымъ, а я вашъ покорный слуга... Мой путь для меня теперь совершенно ясенъ—глухимъ голосомъ закончилъ Гапонъ,

— Что такъ, батя, запечалился?

— Да такъ... есть отъ чего... Представьте себѣ, что наши требованія не удовлетворятъ... Забастовка объявляется общая... Полиція до сихъ поръ къ намъ не вмѣшивалась: я ее успокаивалъ—иронически замѣтилъ Гапонъ,—но потомъ она, конечно, вмѣшается и крѣпко вмѣшается... Мы ей зададимъ такого жару, какого она отродясь не видывала: всю петербургскую полицію мы обезоружимъ въ теченіе десяти минутъ...

Ну, значитъ, появятся казаки, мы и съ тѣми справимся, оружіе раздобываемъ посредствомъ конфискаціи у полиціи и казаковъ, но его недостаточно... Страсти разгораются. Крикъ: „на баррикады!“ и 400—500 тысячъ могли бы грозно двинуться... но гдѣ же взять оружіе?.. Противъ насъ солдаты съ магазинками... Это, впрочемъ, не такъ страшно... Извѣстное психологическое воздѣйствіе, и солдаты или часть ихъ могутъ оказаться на нашей сторонѣ... Но артиллерія!.. Вотъ гдѣ наша главная опасность!.. У насъ

тоже есть артиллерія—8 бомбъ, на всякій случай, я раздобуду... Мнѣ обѣщали... черезъ недѣлю будетъ штукъ 30... Да что съ вами-то?

Очевидно, видъ у меня былъ дѣйствительно необыкновенный, такъ какъ я, по мѣрѣ того, какъ онъ развертывалъ картину, все болѣе и болѣе изумлялся и не довѣрялъ себѣ, того ли самаго осторожнаго Гапона я вижу передъ своими глазами...

— Вы испугались бомбъ? Ну, ладно, я пошутилъ, никакихъ бомбъ нѣтъ... Или вы до сихъ поръ мнѣ не вѣрите?

— Пожалуй... да, батя, не вѣрю,—рѣшительно сказалъ я.

— Вотъ проклятіе-то! и тѣ, товарищи, тоже до сихъ поръ не вѣрятъ. Но помилосердствуйте же, господа! Поймите же, что меня это невыносимо мучитъ... Я вамъ нарисовалъ одну картину, а теперь смотрите, вотъ вамъ другая.

Правительство поняло истинное положеніе, перепугалось, дѣлаетъ давленіе, и Путиловскій заводъ, или, если это будетъ въ болѣе поздней стадіи развитія движенія, то и всѣ заводы сдаются. Мы выигрываемъ сраженіе. „Собраніе" окрѣпаетъ, и пролетаріатъ открыто объединяется... Но я-то какъ буду. Вы думаете, что меня по головкѣ за это погладятъ... Пока меня оставляютъ въ покоѣ, но вѣдь спустя нѣкоторое время, когда все войдетъ въ свою спокойную колею, меня непремѣнно уберутъ... Мой конецъ такъ или иначе неизбѣженъ: въ одномъ случаѣ на баррикадахъ, въ другомъ—отъ ножа, яда, револьвера или въ тюрьмѣ... Такъ вникните же въ суть дѣла,—куда мнѣ теперь хитрить!..

— Вы правы, батя, ваше положеніе дѣйствительно незавидное.

— Не завидное,—съ ироніей сказалъ онъ,—какой тамъ чортъ незавидное!—Мое дѣло, т. е. моя личность уже погибла, съ этимъ я уже вполнѣ согласился. Но меня это мало безпокоитъ: не все ли равно когда умереть—сегодня ли или завтра, или черезъ годъ... Меня терзаетъ, что я до сихъ поръ у товарищей на подозрѣніи, что ко мнѣ до сихъ поръ относятся съ недовѣріемъ. Теперь вотъ, напримѣръ, мы идемъ совершенно дружно, никакихъ разногласій у насъ нѣтъ, а между тѣмъ я вижу, что нѣтъ—нѣтъ и замѣтишь у кого-либо недовѣрчивый взглядъ... Вотъ, напримѣръ, я знаю, что у васъ на дняхъ былъ К—нъ, и знаю приблизительно, что онъ вамъ говорилъ.—Вѣдь былъ К—нъ?—Ну, скажите мнѣ откровенно?

Я былъ въ большомъ затрудненіи. Мы условились съ К—нымъ, что его посѣщеніе ни въ коемъ случаѣ не должно быть извѣстно Гапону. Какъ тутъ быть? Дѣйствительно ли Гапонъ узналъ? а, можетъ быть, онъ это наудачу говоритъ?

— Нѣтъ, не былъ—наконецъ, рѣшилъ я сдержать слово.

— Ну, ладно,—былъ или не былъ—все равно... Во всякомъ случаѣ я знаю, что васъ всѣ товарищи любятъ и относятся съ довѣріемъ. Въ этомъ я убѣжденъ... Такъ вотъ, я прошу васъ: скрасьте мои послѣдніе дни, помогите мнѣ, скажите имъ, что я не провокаторъ, что я... ну, да вы сами понимаете... Мнѣ очень тяжело... И онъ заплакалъ...

Я въ третій разъ видѣлъ слезы Гапона. Въ первый разъ при нашемъ съ нимъ знакомствѣ; во второй разъ: однажды на собраніи кто-то изъ рабочихъ бросилъ ему слово „провокаторъ",—тогда Гапонъ взошелъ на трибуну и сказалъ удивительно горячую и единственную свою хорошую рѣчь, и, не выдержавъ до конца, разрыдался... Тогда впечатлѣніе было потрясающее. И вотъ теперь онъ третій разъ плакалъ. Я былъ опять потрясенъ до глубины души, и мнѣ опять страшно жалко стало этого дѣйствительно глубоко страдающаго человѣка. На этотъ разъ я обнялъ его.

— Итакъ, о. Георгій, значитъ, начинаемъ музыканить. Что же! не хотите ли устроить музыкальный вечеръ въ Нарвскомъ Отдѣлѣ какъ разъ 2-го января? Мнѣ кажется, должно выйти интересно: или получится благопріятный отвѣтъ отъ Путиловскаго завода, и тогда мы—такъ сказать—отпразднуемъ побѣду музыкой и танцами; или съ музыкой же и танцами будемъ встрѣчать грядущія событія.

— Идея!—воскликнулъ Гапонъ—а вы думаете, что артистки и артисты не побоятся ѣхать къ намъ въ тотъ край? Вѣдь тамъ уже и теперь настроеніе приподнятое, а тогда будетъ и совсѣмъ горячее... Положимъ, порядокъ будетъ образцовый—это мы ужъ постараемся.

Мы разстались съ Гапономъ полными друзьями. Музыкальный вечеръ 2-го января въ Нарвскомъ Отдѣлѣ не состоялся, такъ какъ Гапонъ сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ свѣдѣнія о распоряженіи по сыскной и всякой другой полиціи слѣдить за всякимъ малѣйшимъ движеніемъ Гапона и его сотрудниковъ. На верхахъ начинали просыпаться, и Гапонъ съ товарищами рѣшили не подвергать никакой опасности ни въ чемъ неповинныхъ пѣвицъ, пѣвцовъ и музыкантовъ.

Ко 2-му января настроеніе въ Нарвскомъ Отдѣлѣ достигло высокой степени напряженія, и почти большая половина рабочихъ Путиловскаго завода уже числилась членами Нарвскаго Отдѣла „Собранія"; рабочіе другихъ заводовъ въ этой мѣстности также уже выражали желаніе вступать въ члены, и если формально еще не всѣ числились таковыми, то, какъ я уже говорилъ, по той простой причинѣ, что не успѣвали записывать и выдавать членскія квитанціи въ полученіи членскихъ взносовъ. Въ остальныхъ рабочихъ районахъ было тоже крайне возбужденное настроеніе, также выражавшееся приливомъ членовъ... Поэтому, назначенное на 2-е января делегатское собраніе въ Василеостровскомъ Отдѣлѣ ожидалось черезчуръ

многочисленнымъ. Въ остальныхъ Отдѣлахъ были также собранія и настолько многочисленныя, что въ помѣщеніе Отдѣла могла попасть самая незначительная часть пришедшихъ рабочихъ, а остальные располагались на дворѣ, на улицѣ, и имъ туда въ сжатомъ видѣ сообщались возбуждаемые вопросы и тѣ рѣшенія, которыя принимались рабочими, попавшими въ помѣщеніе. Главный вопросъ, что администрація Путиловскаго завода не дала никакого отвѣта назаявленіе „Собранія", былъ сообщенъ во всѣ Отдѣлы, и что поэтому на завтра делегатскимъ собраніемъ постановляется полная забастовка Путиловскаго завода. Вѣсть эта была принята съ удивительнымъ единодушіемъ всею массою рабочихъ. При этомъ было заявлено, чтобы рабочіе вели себя совершенно спокойно и корректно, чтобы ни единымъ словомъ не дать повода къ нареканіямъ на рабочихъ и чтобы никакихъ распоряженій, кромѣ исходящихъ изъ Отдѣловъ, для каждой данной мѣстности, рабочіе не слушали, а постановленія Отдѣловъ исполняли бы самымъ тщательнымъ образомъ.

Какъ извѣстно, администрація Путиловскаго завода и черезъ два дня не дала удовлетворительнаго для „Собранія" отвѣта, и въ дальнѣйшемъ расширяемыя требованія „Собранія" также не удовлетворились, на что „Собраніе", въ свою очередь, отвѣчало забастовками отдѣльныхъ заводовъ, совершенно такъ, какъ говорилъ Гапонъ, и, наконецъ, 7-го Января весь рабочій Петербургъ забастовалъ.

Такимъ образомъ предположеніе Гапона о возможномъ давленіи правительства на заводскія администраціи не оправдались. Наоборотъ, былъ такой моментъ, когда послѣднія уже готовы были пойти на уступки, какъ вдругъ круто повернули назадъ. Въ „Собраніи" такой оборотъ считали давленіемъ правительства, въ смыслѣ неудовлетворенія требованій рабочихъ. Были слухи, что въ правительственныхъ сферахъ начинали просыпаться, и, очевидно, имѣлось какое-то болѣе опредѣленное намѣреніе. Положеніе натягивалось, и въ воздухѣ чувствовалось что-то необычайное.

V.

Тѣмъ временемъ во всѣхъ Отдѣлахъ теперь уже нѣсколько дней шли безпрерывныя собранія рабочихъ, гдѣ ораторы всѣхъ партій имѣли возможность совершенно свободно высказывать свои партійныя убѣжденія и взгляды на современный моментъ. Это все дѣлалось совершенно открыто, и полиція пока не принимала рѣшительно никакихъ мѣръ. Но было еще одно обстоятельство, въ организаціонномъ смыслѣ имѣвшее не меньшее, если не большее, значеніе, чѣмъ открытыя выступленія ораторовъ въ Отдѣлахъ. Во всѣ эти дни у Гапона на квартирѣ по вечерамъ и днемъ шли собра-

нія, вѣрнѣе совѣщанія, самыхъ вліятельныхъ рабочихъ на заводахъ, отъ которыхъ шла инипіатива въ отдѣльныхъ заводскихъ районахъ. Здѣсь бросались опредѣленные лозунги, которые потомъ пропагандировались на собраніяхъ въ Отдѣлахъ, на квартирахъ рабочихъ, около заводовъ, и вся масса быстро проникалась получаемымъ отсюда направленіемъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія „Женское Отдѣленіе Собранія“, незадолго передъ этимъ начавшее свою дѣятельность при Отдѣлахъ, сразу же выступило въ эту всеобщую пролетарскую борьбу и показало себя вполнѣ созрѣвшимъ для этой борьбы. Ораторы-женщины также иногда выступали и шли рука объ руку съ своими товарищами-мужчинами.

Было уже сказано, что собранія въ Отдѣлахъ шли безпрерывно,— надобно еще сказать, что собранія эти всегда были страшно многочисленны, въ особенности съ 5-го января, когда почти весь рабочій людъ Петербурга проводилъ все свое время въ Отдѣлахъ и около нихъ: вокругъ каждаго Отдѣла были толпы рабочаго люда, и такъ какъ порядокъ нигдѣ не нарушался, а полиція, очевидно, еще не имѣла спеціальныхъ указаній или имѣла приказанія черезчуръ спеціальныя, то обсужденія животрепещущаго вопроса, происходившія въ помѣщеніяхъ, тотчасъ же становились общимъ достояніемъ и тутъ же все сообща рѣшалось и принималось.

4-го января на многолюдномъ собраніи, послѣ того какъ было высказано предположеніе, что заводчики, если бы пожелали пойти на уступки, то не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ правительство навѣрное не допуститъ и вмѣшается, для обузданія чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, требованій рабочихъ, Гапонъ бросилъ въ массы рабочихъ мысль итти къ самому царю искать правды въ русской землѣ. Мысль эта, какъ вихрь, облетѣла повсюду и была подхвачена десятками тысячъ голосовъ: „къ царю, къ царю! искать правды!“

Рѣчь Гапона была сильна, и въ измученной душѣ русскаго простолюдина, съ дѣтства пріученнаго видѣть въ своемъ царѣ-батюшкѣ идеалъ справедливости, высказанная Гапономъ мысль не только не вызвала никакихъ сомнѣній или опасеній, но, наоборотъ, по тогдашнему общему мирному и лояльному настроенію рабочихъ, она показалась единственно цѣлесообразной, единственно могущей привести къ желанному разрѣшенію назрѣвшаго вопроса.

Мысль итти къ царю принадлежала самому Гапону. Отъ кого-то изъ штабныхъ задолго до 9-го января, можетъ быть, за годъ, я слыхалъ, что въ разговорѣ, при обсужденіи средствъ, которыми можно было бы достигнуть намѣчаемыхъ рабочими цѣлей, Гапонъ, между прочимъ, сказалъ, что, если бы обстоятельства могли сложиться такимъ образомъ, чтобы депутація отъ рабочихъ могла явиться непосредственно къ царю, то, при-

нимая во вниманіе психологію момента, такимъ шагомъ можно было бы достигнуть многаго. Тогда поговорили, поспорили о цѣлесообразности такого шага и оставили эту мысль. Но какъ разъ эта мысль кому-то вспомнилась теперь. У Гапона же съ тѣхъ поръ, очевидно, произошли измѣненія во взглядахъ на тактику. Теперь онъ отнесся къ этой мысли отрицательно, находя, что положеніе съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось, и такой шагъ въ настоящее время, по его мнѣнію, долженъ считаться безразсуднымъ. Но оказалось, что штабные, до сихъ поръ продолжавшіе еще не вполнѣ довѣрять ему, видя, какъ онъ рѣшительно возсталъ противъ мысли итти къ царю, и увлеченные общимъ массовымъ настроеніемъ, также высказались за эту мысль. Между штабными и Гапономъ произошелъ рѣзкій обмѣнъ мнѣній, ему сказали, что теперь именно наступилъ предсказанный имъ самимъ моментъ, когда пролетаріатъ долженъ выступить во всеоружіи своихъ требованій, хотя бы въ формѣ непосредственнаго обращенія къ царю, и что онъ долженъ совершиться или теперь или никогда. Страсти у руководителей „Собранія", съ одной стороны, и у Гапона, съ другой,—жестоко разгорѣлись, и Гапонъ сдался. Въ этомъ своемъ пораженіи, по моему мнѣнію, Гапонъ именно и показалъ себя геніальнымъ организаторомъ массъ. Несмотря на то, что онъ былъ противъ мысли итти теперь къ царю, онъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ въ себѣ столько высокаго мужества, что не только подчинился нежелательной ему мысли, но всѣмъ своимъ существомъ проникся ею. И въ дальнѣйшемъ мы видимъ его уже энергично развивающимъ и обосновывающимъ эту мысль. Онъ также хорошо понялъ, что такой актъ, какъ всенародное шествіе къ царю искать у него правды и защиты отъ произвола и насилія, есть актъ революціонный и глубоко народно-историческій, и что поэтому въ немъ должны принять участіе всѣ тѣ, кто болѣе страдаетъ отъ насилія, и всѣ тѣ, кто являлся выразителемъ этихъ народныхъ страданій. До сихъ поръ Гапонъ не только не имѣлъ общенія съ партіями, но даже былъ во враждебныхъ съ ними отношеніяхъ, и если партійные ораторы и выступали уже въ послѣдніе дни на собраніяхъ, то это было не то—чтобы помимо Гапона—онъ одобрялъ ихъ выступленія,—но не самъ онъ ихъ приглашалъ. Теперь же онъ прямо обратился къ представителямъ партій, приглашая ихъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Захваченныя общимъ рабочимъ движеніемъ, партіи не могли не реагировать на него, но онѣ всѣми силами старались придать движенію возможно болѣе опредѣленный пролетарскій характеръ. Къ этому стремились всѣ ораторы, выступавшіе въ Отдѣлахъ. Настроеніе же рабочихъ массъ шло такимъ быстрымъ темпомъ, что повернуть его не было никакой возможности, нужно было бѣжать за нимъ или хоть стараться итти рядомъ. Партійныя организаціи также были противъ шествія къ

Дворцу, могущаго, благодаря случайности, въ окончательномъ видѣ получить такой результатъ, который на долгое время задержалъ бы развитіе правильнаго историческаго хода вещей. Но бороться съ бурею общаго народнаго желанія не было никакой возможности. Сколько мнѣ помнится, ошеломленные партійные ораторы даже не пытались бороться съ этою мыслью до того борьба казалась нелѣпой. Но когда Гапонъ пригласилъ партійныхъ дѣятелей на совѣщаніе, послѣдніе тѣмъ не менѣе указали на опасность такого шага. Только что вынесшій борьбу за этотъ же взглядъ и побѣжденный своими сотрудниками, Гапонъ долженъ былъ теперь вновь выдерживать борьбу и проводить доказательства противъ своихъ взглядовъ.

Такъ или иначе, но никакіе споры въ этомъ отношеніи все равно не могли привести ни къ какому иному заключенію, кромѣ единственно тогда возможному: удержать массу было немыслимо и поэтому необходимо было подчиниться теченію, и всѣ силы направить къ тому, чтобы теченіе это было въ надлежащемъ руслѣ. Партіи это видѣли и онѣ лишь не могли сразу подчиниться стихійности. Тѣмъ не менѣе, желая придать движенію планомѣрность, партійные дѣятели приняли горячее участіе въ обсужденіи общаго положенія дѣла и формулировкѣ знаменитой петиціи 9-го января.

Въ своей книгѣ „Профессіональные союзы“ г. Святловскій впервые указываетъ на источникъ появленія петиціи. Тамъ говорится въ такомъ духѣ, что петиція есть продуктъ творчества самого Гапона и приводится картина ея появленія. Дѣйствительно весною 1904 года, кажется, на Пасхѣ, на одномъ изъ штабныхъ собраній оказалось довольно острое разногласіе между Гапономъ и штабной оппозиціей. Было высказано нѣсколько рѣзкихъ взаимныхъ упрековъ. Возбужденіе было сильное. Одинъ изъ участниковъ, если не ошибаюсь К—нъ, рѣзко обратился къ Гапону: „Да, наконецъ, скажите намъ, о. Георгій, кто вы и что вы. Какая ваша программа и тактика, и куда и зачѣмъ вы насъ ведете?“

— Кто я и что я—возразилъ Гапонъ—я вамъ уже говорилъ, а куда и зачѣмъ я васъ веду... вотъ, смотрите.—И Гапонъ выбросилъ на столъ бумагу, въ которой были перечислены по пунктамъ нужды рабочаго люда; это было credo Гапона. Бывшіе сотрудники Гапона утверждаютъ, что петиція совершенно соотвѣтствовала этому ея прототипу; а Х—въ, впослѣдствіи уже въ октябрьскіе дни совершенно разошедшійся съ Гапономъ, затѣмъ партійный кандидатъ по рабочей куріи С.-Петербурга въ члены II-ой Государственной, Думы слѣдовательно, не могущій быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ Гапону, недавно мнѣ совершенно опредѣленно заявилъ, что послѣдніе дни передъ 9 января онъ все время находился съ Гапономъ, знаетъ отлично, что петиція была составлена самимъ Гапономъ, и лишь 7-го января у него на квартирѣ Матюшенскій слегка сгладилъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ

по его мнѣнію, угловатыя выраженія. Все это совершенно правильно, и съ этимъ можно охотно согласиться, но сотрудникамъ Гапона и въ томъ числѣ уважаемому И. М. Х—ву, очевидно, неизвѣстны нѣкоторыя другія подробности. Извѣстно, что Гапонъ старался вначалѣ не допускать партійнаго вліянія, въ особенности с.-д. Но когда событія приняли рѣшительный революціонный ходъ, онъ призналъ общія дѣйствія съ партіями и съ с.-д. партіей въ особенности необходимыми. 6-го января, на Гороховой, въ домѣ №..., въ 3 часа дня было назначено собраніе, на которое были приглашены представители партій. Гапонъ, нѣсколько запоздавъ, пришелъ въ высшей степени возбужденный и прямо обратился къ собравшимся:

„Господа, событія развертываются съ поразительной быстротой, шествіе къ Дворцу неизбѣжно, а у меня пока только всего и имѣется...“ Онъ выбросилъ на столъ три листка, вырванные изъ записной книжки и исписанные красными чернилами. Это былъ проектъ петиціи. По ознакомленіи съ содержаніемъ проекта, представитель с.-д. заявилъ, что въ такой редакціи петиція для соціалъ-демократіи непріемлема. Гапонъ предложилъ тогда сдѣлать исправленія или составить другую петицію. Представитель с.-д. тутъ же набросалъ проектъ, который былъ присутствовавшими и самимъ Гапономъ одобренъ, и въ этотъ же вечеръ впервые былъ прочитанъ извѣстнымъ газетнымъ содрудникомъ, близко тогда стоявшимъ къ Гапону, въ Невскомъ Отдѣлѣ, и тамъ былъ принятъ многочисленнымъ собраніемъ рабочихъ. На другой день, т. е. 7-го января, утромъ, было еще собраніе, на которое представитель с.-д. не могъ притти. На этомъ собраніи къ принятой уже петиціи были присоединены нѣкоторые пункты отъ народническихъ группъ и отъ группы, такъ называемой, „Безъ Заглавія“ [1]). Кромѣ

---

[1]) Послѣднее совершенно не вѣрно и передается авторомъ, очевидно, по меньшей мѣрѣ, изъ вторыхъ рукъ. Въ виду этого и въ интересахъ исторической истины, мы считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторые, *извѣстные намъ съ безусловною точностью*, факты, касающіеся отношеній въ описываемый г. Павловымъ моментъ Гапона къ группѣ „Безъ Заглавія“. Замѣтимъ прежде всего, что въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, никакой группы „Безъ Заглавія“ *вовсе не существовало*. Этимъ именемъ стали называть группу лицъ, принадлежащихъ къ Союзу Освобожденія, но не примкнувшихъ къ к.-д. партіи (возникшей, какъ извѣстно, лишь въ октябрѣ 1905 г.), по имени еженедѣльника „Безъ Заглавія“, первый номеръ котораго вышелъ 24 января 1906 г., *т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ* послѣ „кроваваго воскресенія“ 9 января. Но отношенія между Гапономъ и нѣкоторыми членами „Союза Освобожденія“, дѣйствительно, существовали ещё съ ноября 1904 года, на что имѣются уже нѣкоторыя указанія въ исторической литературѣ. (См. „Историческій Сборникъ“, — разосланный подписчикамъ журнала „Былое“ взамѣнъ неполученныхъ ими, вслѣдствіе пріостановки журнала, ноябрьской и декабрьской книжекъ. Стр. 30). Надо полагать, что именно эти отношенія Гапона къ освобожденцамъ и имѣетъ въ виду г. Павловъ, когда не правильно говоритъ о группѣ „Безъ Заглавія“. Но онъ ошибается и *по существу дѣла*, которое въ дѣйствительности происходило такъ: 6 января, въ 7—8 часовъ вечера, одинъ изъ знакомыхъ съ Гапономъ освобожденцевъ (на-

того, къ составленнымъ пунктамъ петиціи самъ Гапонъ прибавилъ всеподданѣйшее обращеніе... Вѣроятно, въ силу этого послѣдняго обстоятельства, и пришлось Матюшенскому дѣлать нѣкоторыя поправки, о чемъ говоритъ X—въ. Благодаря тому, что къ петиціи прикладывались разныя руки, она и оказалась такою невыдержанною, пестрою... Гапоновскій черновикъ, написанный красными чернилами, остался, насколько мнѣ извѣстно, у того, кто собственно составлялъ историческую петицію, т. е. у представителя с.-д. Начисто переписывалась петиція 8-го января утромъ, причемъ Гапонъ ту квартиру, гдѣ петиція переписывалась, формальнымъ образомъ защищалъ и самолично стоялъ у дверей, никого въ квартиру не пуская. Подлинная петиція цѣла и находится, по мнѣнію ея хранителей, въ полной безопасности.

8-го января полиція, очевидно, получила уже нѣсколько болѣе опредѣленныя инструкціи въ отношеніи Гапона: были попытки схватить его, но попытки эти были въ высшей степени осторожныя: очевидно, опасались рѣзкаго сопротивленія со стороны рабочихъ. Гапона старались схватить или на улицѣ, или при выходѣ изъ Отдѣловъ, которые онъ посѣщалъ одинъ за другимъ, но онъ ловко изворачивался, прибѣгая иной разъ къ пере-

---

зовемъ его хоть NN), получивъ свѣдѣніе о томъ, что Гапонъ даетъ рабочимъ подписывать какую-то петицію, отправился въ отдѣлъ на Выборгской сторонѣ, гдѣ и встрѣтился съ Гапономъ. Послѣдній тотчасъ же далъ NN петицію, сообщилъ, что подъ нею уже собрано 7000 подписей (многіе рабочіе продолжали давать свои подписи въ присутствіи NN) и просилъ его проредактировать петицію и *внести въ нее тѣ измѣненія, которыя NN найдетъ нужнымъ*. Взявши петицію къ себѣ домой и проштудировавши ее внимательно, NN вполнѣ убѣдился,—на чемъ настаиваетъ и теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ,—что петиція эта представляла собою лишь развитіе тѣхъ тезисовъ, которые NN видѣлъ у Гапона въ писаномъ видѣ еще въ ноябрѣ 1904 года. Петиція дѣйствительно нуждалась въ измѣненіяхъ, но, въ виду того, что подъ нею *уже были собраны подписи рабочихъ*, NN и его товарищи не сочли себя въ правѣ вносить хотя бы и самыя малѣйшія въ нее измѣненія. Поэтому петиція была возвращена Гапону (на Церковную, 6) на слѣдующій день (7 января) къ 12 ч. дня *въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была получена отъ Гапона наканунѣ*. Отсюда ясно, что, вопреки свѣдѣніямъ г. Павлова, не только не существовавшая тогда группа „Безъ Заглавія", но и члены Союза Освобожденія къ гапоновской петиціи никакихъ „пунктовъ" *не присоединяли*. Что касается „пунктовъ", которые 7 января, внесли въ петицію „народническія группы", то объ этомъ обстоятельствѣ мы не можемъ ничего утверждать съ тою безусловностью, съ какою мы писали предыдущія строки, но полагаемъ, однако, что за представителей „народническихъ группъ" г. Павловъ и тутъ ошибочно считаетъ тѣхъ нѣсколькихъ лицъ (не принадлежавшихъ ни къ какимъ партіямъ), которые дѣйствительно редактировали петицію въ квартирѣ Гапона 7 января, именно тогда, когда она была доставлена туда отъ NN въ неизмѣненномъ, въ силу вышеобъясненной причины, видѣ. Вѣдь г. Павловъ говоритъ, что „пункты" эти были внесены „народническими группами" и группой „Безъ Заглавія" *утромъ 7 января*, а по нашимъ свѣдѣніямъ, когда петиція была доставлена на квартиру Гапона къ 12 ч. дня, тамъ никакихъ представителей „народническихъ группъ" не было, и редактированіемъ ея занялись совсѣмъ другія лица. Была ли петиція и послѣ этого передаваема Гапономъ кому-либо для внесенія въ нее новыхъ „пунктовъ",—мы не знаемъ.

Ред.

одѣваніямъ и пользовался хорошимъ извозчикомъ. Однако, надо признать, что вообще въ это время правительство еще не пришло къ окончательному рѣшенію даже относительно Гапона, такъ какъ 7-го и 8-го Гапонъ появлялся открыто у высшихъ представителей власти, напримѣръ, во главѣ депутаціи отъ рабочихъ у Святополкъ-Мирскаго съ просьбою передать Государю ходатайство рабочихъ выйти къ народу и выслушать его нужды.

А собраніе рабочихъ по Отдѣламъ продолжались безпрепятственно.

VI.

Наступилъ канунъ 9-го января. Настроеніе всего Петербурга было необычайно напряженно. Ждали чего-то необыкновеннаго, смутнаго, небывалаго. А что касается Отдѣловъ, то въ нихъ жизнь кипѣла, расплескиваясь черезъ края... Не только въ помѣщеніяхъ, но буквально всѣ улицы и примыкающіе къ нимъ ближайшіе переулки были полны народомъ—около каждаго Отдѣла были десятки тысячъ рабочаго люда. Жажда слышать ораторовъ, оцѣнивавшихъ данный моментъ, была такова, что приходилось выставлять зимнія рамы, и ораторы говорили свои рѣчи, стоя на подоконникахъ, рискуя жестоко простудиться; впрочемъ, о такихъ мелочахъ тогда никто не думалъ. Каждое слово оратора проникало въ глубины душъ десятковъ тысячъ людей, стоявшихъ на морозѣ и не чувствовавшихъ холода; болѣе сильныя и яснѣе выражающія пониманіе народа слова оратора народъ тутъ же одобрялъ громкими возгласами, гулко разносившимися какимъ-то особымъ могучимъ хоромъ... А ораторъ, какъ бы въ религіозномъ фанатическомъ экстазѣ, весь пылающій и съ энергичными движеніями, выкрикивалъ: „Товарищи! Пришла пора пролетаріату показать, что онъ не вьючное животное, что онъ не быкъ, не баранъ, на которыхъ ѣздятъ и шерсть которыхъ стригутъ... завтра пролетаріатъ идетъ узнать, дѣйствительно ли на его нужды обращаютъ вниманіе; мы все разскажемъ, и пусть насъ выслушаютъ и узнаютъ, чѣмъ мы болѣемъ...—„Идемъ, идемъ, все разскажемъ,“—говорилъ народъ.—„А если насъ слушать не станутъ, то, значитъ, наше горе, наши болѣзни никому не нужны, никто на насъ не обращаетъ вниманія, и мы должны тогда знать, что нигдѣ у насъ защиты нѣтъ, что только мы сами себѣ защитники... Мы идемъ просить, чтобы насъ только выслушали, а если въ отвѣтъ на нашу просьбу братья-солдаты станутъ въ насъ стрѣлять, то подставимъ наши груди, и пусть не дрогнетъ наше сердце, когда будутъ валиться вокругъ наши безоружные товарищи, но пролитая наша кровь да будетъ показателемъ того, что мы мирно хотѣли разрѣшить россійскій рабочій вопросъ, и не наша вина, что намъ это не удалось. Идемъ и будемъ спокойно и мирно умирать“...—„Идемъ, идемъ и умремъ мирно...“—поддерживалъ народъ.

И эти возгласы разносились по всѣмъ улицамъ Петербурга.—„Завтра въ полдень мы всѣ должны быть у своихъ Отдѣловъ и мы съ разныхъ сторонъ, изо всѣхъ Отдѣловъ пойдемъ искать русской правды“, продолжалъ ораторъ.—„Идемъ искать русской правды“—отвѣчалъ народъ. Были рѣчи и болѣе энергичныя, но общій ихъ тонъ былъ: мирная, но твердая рѣшимость итти къ дворцу, съ готовностью пролить свою кровь.

Атмосфера сгущалась,—надвигались грозныя событія. Настроеніе въ массахъ 8-го января вечеромъ было такое, что если бы въ эти минуты вздумали примѣнить насиліе, то событія могли бы измѣниться кореннымъ образомъ...

Замѣчательно вотъ что: во всѣхъ Отдѣлахъ собранія рабочихъ и рѣчи ораторовъ шли совершенно въ одинаковомъ направленіи: на этихъ послѣднихъ собраніяхъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, выдвинувшіеся сами собой, моментомъ, ораторы „Собранія“; партійные же, принципіально отрицавшіе цѣлесообразность шествія къ Дворцу, еще не всѣ успѣли получить директивъ по вопросу, примутъ ли партіи участіе въ шествіи или, не имѣя возможности ему противодѣйствовать, предоставятъ все естественному ходу вещей; поэтому партійные ораторы почти не выступали на этихъ собраніяхъ вечеромъ 8-го января.

На самомъ дѣлѣ, хотя въ партійныхъ организаціяхъ по этому предмету произошли разногласія, но партіи къ этому времени уже дали свой отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Кажется, въ этотъ же вечеръ Гапонъ сказалъ знаменательную фразу. При обсужденіи плана шествія однимъ изъ представителей партіи, противникомъ шествія, Гапону былъ заданъ слѣдующій вопросъ: „а вы вѣрите въ то, что вы будете приняты, а не разстрѣляны?“—„Нѣтъ, не вѣрю. Я убѣжденъ, что насъ разстрѣляютъ“.—„Такъ зачѣмъ же вы это дѣлаете, зачѣмъ подвергаете риску, можетъ быть, тысячи жизней?“—„Во-первыхъ, отступать уже нельзя, а во-вторыхъ, за одинъ завтрашній день, благодаря разстрѣлу, рабочій народъ революціонизируется такъ, какъ другимъ путемъ нѣтъ возможности это сдѣлать и въ десять лѣтъ и затративъ десятки тысячъ жизней“.

8-го января „штабъ“, состоявшій тогда человѣкъ изъ 12-ти, во главѣ съ Гапономъ, рѣшилъ сняться группой и оставить такимъ образомъ память одинъ для другого,—они уже тогда сознавали, что на завтра недосчитаются многихъ изъ своей среды... Такъ какъ теперь они уже не могли появиться вмѣстѣ, чтобы ихъ тотчасъ же не арестовали, то были приняты самыя конспиративныя мѣры. Въ Апраксиномъ рынкѣ было намѣчено лицо, которое по предъявленію пароля должно было дать адресъ фотографіи. Все это прошло благополучно, и группа была снята. Полиція

узнала объ этомъ, но не могла открыть фотографія.—На бѣду случилось, что одинъ изъ ретушеровъ работалъ раньше въ другой фотографіи, въ которой Гапонъ когда-то снимался съ градоначальникомъ Фуллономъ.—Ретушеръ заявилъ объ этомъ полиціи, и группа была конфискована еще въ негативѣ. Гдѣ теперь этотъ негативъ—секретъ полиціи. А интересно было бы его розыскать и возстановить снимокъ. Вѣдь снимокъ этотъ принадлежитъ не полиціи, а русской исторіи.

Съ утра 9-го января улицы Петербурга представляли интересное зрѣлище. Движеніе было какъ бы обыкновенно, но уже съ 9-ти часовъ утра улицы стали наполняться куда-то спѣшащимъ народомъ. На окраинахъ отдѣльныя лица и группы направлялись къ Отдѣламъ. Въ центральныхъ же частяхъ города, въ особенности на Невскомъ, сплошныя массы торопливо двигались по направленію къ Зимнему Дворцу. Уже къ полудню Зимній Дворецъ былъ окруженъ сплошною стѣною живыхъ тѣлъ по всѣмъ направленіямъ: на Адмиралтейскомъ пр., на Невскомъ до Полицейскаго моста, на Морской отъ Невскаго и подъ арку Главнаго Штаба, на Мойкѣ у Пѣвческаго моста стояли сплошныя массы народа, чрезъ которыя невозможно было протискаться. Тутъ были многія тысячи, и все это были любопытные, не принимавшіе въ шествіи никакого участія,—просто пришедшіе поглазѣть.

Въ Отдѣлахъ тоже съ утра уже кипѣла жизнь. Готовились выйти въ 12 часовъ,—такое было отдано распоряженіе по всѣмъ Отдѣламъ. Массы рабочихъ собирались къ Отдѣламъ спокойно и невозбранно,—полиція никакихъ препятствій не дѣлала. Но на всѣхъ главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ рабочихъ пунктовъ къ центру города, еще ночью были расположены разъѣзды конныхъ городовыхъ, казаковъ и отряды пѣхоты. Въ торжественную, какъ бы радостную атмосферу рабочаго люда эти отряды вносили ощущеніе чего-то смутнаго и неизбѣжнаго. Но робости, боязни совсѣмъ не замѣчалось. Наоборотъ, скорѣе видна была рѣшимость до конца закончить начатое дѣло. Всѣ какъ бы предчувствовали, что сегодня рѣшаются великіе вопросы и провѣряются вѣковыя вѣрованія, и что съ сегодняшняго дня должна начаться новая эра въ жизни и вѣрованіяхъ россійскаго пролетаріата.

Въ этотъ день яркую роль сыграли также и женскія отдѣленія при Отдѣлахъ. Руководительница ихъ въ высшей степени ярко охарактеризовала роль женщины работницы въ пролетарскомъ движеніи и въ сегодняшнемъ днѣ въ особенности. Въ сжатой и сильной рѣчи она говорила, что женщина, кто бы она ни была, какъ жена, мать, сестра—должна раздѣлить сегодня участь своихъ мужей, сыновей, братьевъ; что если придется умирать мужьямъ, то сегодня также должны умирать вмѣстѣ съ ними и

жены. Кто слышалъ, тотъ никогда не забудетъ проникновенный, ласковый голосъ, которымъ эта замѣчательная женщина сказала, заканчивая свою рѣчь въ Василеостровскомъ Отдѣлѣ: „милыя, не надо бояться смерти! Что смерть? Развѣ наша жизнь не страшнѣе смерти. Дѣвушки, милыя, не бойтесь смерти“...

Менѣе чѣмъ черезъ два часа она съ поднятой головой шла въ первомъ ряду на поднятыя винтовки солдатъ. Около полудня массы народа двинулись изъ всѣхъ Отдѣловъ по направленію къ Зимнему Дворцу, при чемъ женщины часто шли въ первыхъ рядахъ. Гапонъ шелъ во главѣ главной массы рабочихъ самаго многолюднаго рабочаго раіона — Нарвскаго Отдѣла. Онъ былъ въ полномъ своемъ священическомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ (въ Отдѣлѣ былъ отслуженъ молебенъ); впереди несли портретъ государя... Изъ ближней часовни взяли хоругви. Говорятъ, что съ Гапономъ шло 200.000 человѣкъ только изъ Нарвскаго раіона; правда, эту цифру нѣкоторые считаютъ преувеличенной, но, во всякомъ случаѣ, менѣе 50.000 человѣкъ никто ея не опредѣлялъ. Огромныя массы шли изъ всѣхъ Отдѣловъ, т. е. съ 10 пунктовъ городскихъ и изъ 11-го Колпинскаго Отдѣла.

Что потомъ произошло, всѣмъ извѣстно...

Общимъ ужасомъ и протестомъ возмущенія не прочь были воспользоваться нѣкоторые элементы... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и были сдѣланы попытки грабежа, но они сами собою прекратились. На Васильевскомъ островѣ, правда, были и попытки организовать сопротивленіе, были свалены на нѣкоторыхъ линіяхъ телефонные столбы, спутана проволока; въ одномъ домѣ даже забаррикадировались на случай возможнаго нападенія казаковъ и были даже пущены въ отряды прискакавшихъ войскъ нѣсколько камней изъ дома, но, конечно, все это ни въ малѣйшей степени не характерно для общаго мирнаго движенія рабочихъ. Странно было бы, если бы рѣшительно нигдѣ не было оказано никакого сопротивленія—это было бы совсѣмъ не въ человѣческой природѣ. Но въ общемъ безусловно надобно лишь удивляться той выдержкѣ, съ которой рабочіе шли умирать подъ стѣны Зимняго Дворца.

Бываютъ въ жизни человѣка такіе дни, которые стоятъ передъ умственнымъ взоромъ всю его жизнь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пережившіе 9-е января никогда не забудутъ этого дня.

VII.

Послѣ 9-го января направленіе русскаго общества, въ частности Петербурга, было безусловно въ пользу рабочихъ и противъ правительства. Тутъ правительство увидѣло, какую колоссальную ошибку оно сдѣлало.

Но поправить эту ошибку уже было невозможно. Та, хотя бы далекая связь, которая существуетъ у правительства съ народомъ, сразу порвалась безвозвратно. Пролетаріатъ сразу былъ отброшенъ на его собственную естественную позицію, съ которой возвратить его уже нѣтъ никакихъ силъ. Гапонъ оказался правъ: революціонизированіе пролетаріата совершилось полное...

Сейчасъ же по горячимъ слѣдамъ правительство сдѣлало попытку захватить въ свои руки всю организацію, создавшую 9-ое января. Но и это ему не удалось. Гапонъ, хотя еще и долго находился въ Петербургѣ послѣ этого знаменательнаго дня, но, подстриженный, переодѣтый и хорошо спрятанный, въ руки полиціи не попался. Его сотрудники почти всѣ были арестованы, но это ни къ чему не повело: письменные документы были всѣ уничтожены заблаговременно, а такъ какъ вся организація велась такимъ образомъ, что на виду бывалъ всегда Гапонъ, то о значеніи дѣятельности той или иной личности администрація не имѣла никакого представленія и такимъ образомъ въ руки полиціи попали какъ бы отдѣльныя лица, имѣвшія лишь чисто формально-дѣловое отношеніе—то секретарь, то казначей и т. д. Тутъ и сказалась великолѣпная организація: рѣшительно никакихъ уликъ. Да и откуда онѣ могли быть? Штабные были слишкомъ умные люди, чтобы попасться на удочку слѣдователя, а забранные другіе, предполагаемые, вожаки ничего не могли дать, т. к. въ сущности вожаками они не были. Гапонъ, приглашая послѣдніе дни къ себѣ на домашнія засѣданія сотни болѣе замѣтныхъ и вліятельныхъ рабочихъ, руководился указаніями штаба и дѣлалъ это такъ, что обыкновенно у него собирались по 30—40 человѣкъ съ разныхъ заводовъ—люди между собою совершенно незнакомые, въ первый разъ у него встрѣчавшіеся и въ дальнѣйшемъ даже не узнававшіе другъ друга. Такъ что и очные ставки ни къ чему не приводили...

Сразу же стало видно, что ни привлечь кого-либо къ отвѣту, ни вынести какую-либо картину организаціи движенія не было возможности. и забранныхъ людей скоро стали мало-по-малу выпускать. Виновнымъ оказался одинъ Гапонъ, который скрылся за границу.

Между тѣмъ 9-е января всколыхнуло все тогда дремавшее, и всюду, даже въ самыхъ благонамѣренныхъ кругахъ, стали говорить объ ошибкѣ правительства. Недовольство было общее и требовало какого нибудь выхода. Сдѣлана была попытка организовать депутацію отъ рабочихъ, но, какъ извѣстно, фальсифицированная депутація хотя и была принята, но кончилось тѣмъ, что лже-депутатовъ стали поколачивать...

Всѣ Отдѣлы „Собранія“ были закрыты, запечатаны. Все имущество, принадлежавшее „Собранію“, конфисковано. Но рабочіе въ скорости опра-

вились отъ погрома и, разсчитывая на нравственную поддержку тогда съ глубокой симпатіей относившагося къ нему петербургскаго общества, подняли вопросъ объ открытіи Отдѣловъ и возвратѣ „Собранію" его имущества. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство готово было дать бывшему „Собранію" маленькій реваншъ, но, конечно, по своему собственному рецепту. Мнѣ въ концѣ февраля или въ началѣ марта говорили рабочіе, что имъ обѣщаютъ открыть Отдѣлы съ тѣмъ, однако, чтобы въ руководители себѣ они избрали не безызвѣстнаго, состоявшаго тогда, кажется, старшимъ фабричнымъ инспекторомъ г. Л. Ф.—го. Рабочіе же хотѣли опять Гапона, но такъ какъ на это правительство не соглашалось, то въ концѣ концовъ рабочіе помирились на Л. Ф—омъ [1]), имѣя въ виду свою готовую организацію, при которой послѣдній не могъ имѣть на направленіе дѣла существеннаго вліянія. Правительство разузнало о направленіи умовъ рабочихъ и отказало въ открытіи и на обѣщанныхъ условіяхъ. Тогда у нѣкоторыхъ рабочихъ явилась мысль начать дѣло на почвѣ судебной, т. е. предъявить къ правительству искъ объ убыткахъ, причиненныхъ при разгромѣ Отдѣловъ и имущества. Процессъ, по тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія, обѣщалъ быть сенсаціоннымъ, такъ какъ онъ еще болѣе возбуждалъ общія симпатіи къ рабочему классу и ронялъ престижъ правительства... Между тѣмъ, въ интересахъ правительства было всѣми силами стараться предать 9-е января, а съ нимъ свою ошибку и симпатіи общества къ рабочимъ, скорѣйшему забвенію. Поэтому, желая замять новую исторію, правительство призвало нѣсколькихъ оставшихся предполагаемыхъ вожаковъ рабочихъ и запросило о стоимости убытковъ, понесенныхъ Отдѣлами. Стоимость эту рабочіе опредѣлили въ 30 тысячъ рублей, хотя на самомъ дѣлѣ едва ли она могла равняться этой суммѣ. Отсюда идетъ начало тѣмъ знаменитымъ 30 тысячамъ, которыя впослѣдствіи такъ ярко фигурировали въ печати.

Уже въ апрѣлѣ 1905 года мнѣ говорили объ этихъ злосчастныхъ 30.000 руб. въ окраскѣ только что изложенной. Въ то время ни Гапонъ, ни Витте о нихъ рѣшительно ничего не знали, и инціатива ихъ появленія не можетъ быть отнесена ни тому, ни другому, такъ какъ Гапонъ въ моментъ появленія на сцену 30 тысячъ былъ за границей, а Витте, сколько помнится, еще продолжалъ быть „не у дѣлъ" [2]).

Съ апрѣля 1905 г. я уже не имѣлъ близкаго общенія съ главными дѣятелями „Собранія". Изрѣдка встрѣчаясь съ ними, я получалъ отъ нихъ

---

[1]) Эту комбинацію бывшіе ближайшіе сотрудники Гапона отрицаютъ.

[2]) Я говорю о томъ „не у дѣлъ", на которое ссылался графъ Витте (тогда еще просто Витте) при посѣщеніи его депутаціей, въ которой были М. Горькій, Анненскій и др., ночью подъ 9 января, просившей употребить все его вліяніе для предотвращенія кровопролитія.

кое-какія свѣдѣнія, но они были отрывочныя и добиться по нимъ причины, какимъ образомъ позднѣе къ 30.000 рублямъ привязались Витте, Гапонъ, Матюшенскій и др.—для меня совершенно не представлялось возможнымъ.

Г. Матюшенскій раньше не только не игралъ никакой роли въ „Собраніи", но о немъ даже ничего не было и слышно.

полагаю, что во всей этой исторіи Гапонъ довольно глупо попался на удочку и, продолжая политику хитрости, перехитрилъ самого себя и попался, какъ школьникъ...

Вообще же надо сказать, что Гапонъ до 9 января и Гапонъ послѣ этого дня—люди совершенно различные.

Отношеніе къ нему большинства его сотрудниковъ также рѣзко измѣнилось, но совсѣмъ въ другую сторону.

До 9 января главные его сотрудники безусловно ему не довѣряли, къ каждому его шагу, движенію относились не только критически, но и съ подозрѣніемъ. За нимъ все время слѣдили и въ смыслѣ тактики не только ставили ему препятствія, но часто категорически требовали итти совсѣмъ по другимъ путямъ и заставляли его подчиняться. Все это было основано на недовѣріи къ нему.

Послѣ же 9 января, послѣ того, какъ онъ отдался во власть созданнаго обстоятельствами теченія, послѣ того, какъ онъ шелъ самъ во главѣ Нарвскаго Отдѣла и рисковалъ своею жизнью, Гапонъ страшно выросъ въ глазахъ рабочихъ. Популярность его именно въ это время между рабочими была безгранична. Онъ былъ героемъ 9 января, и между рабочими теперь онъ встрѣчалъ одно преклоненіе.

Я помню часовъ около 4—6 вечера 9 января заѣхалъ я къ одному изъ самыхъ крупныхъ членовъ „Собранія" и вожаковъ всего движенія. Тамъ было маленькое собраніе штабныхъ, и я слышалъ горячія рѣчи: „бѣдный о. Георгій, какъ ему тяжело было наше недовѣріе... какъ мы-то понапрасну его прижимали... вѣдь, онъ несчастный все терпѣлъ... мы его считали провокаторомъ, а онъ и жизнь свою за насъ былъ готовъ отдать..."

Эти отдѣльныя фразы могутъ совершенно опредѣленно характеризовать дальнѣйшее отношеніе къ Гапону его бывшихъ сильныхъ противниковъ, теперь преклонившихся передъ нимъ.

Люди находились въ центрѣ самыхъ яркихъ событій и не могли сообразить того, что во всемъ движеніи не было ни одного изъ нихъ настолько самостоятельнаго, чтобы кто бы онъ ни былъ—хоть самъ Гапонъ—имѣлъ возможность вліять на ходъ событій; они забыли о томъ, что историческое движеніе вылилось въ такую форму своимъ естественнымъ ходомъ, что всѣ они нужны были каждый на своемъ мѣстѣ и что Гапонъ болѣе,

чѣмъ кто-либо, былъ лишь игрушкою въ этомъ общемъ движеніи. И онъ до тѣхъ поръ былъ правъ, пока плылъ по общему теченію, хотя бы и впереди его гнали волны и онъ долженъ былъ итти впередъ...

Временно поставленный впереди всего освободительнаго движенія Гапонъ волей-неволей долженъ былъ двигаться впередъ по извѣстному данному ему направленію или свалиться и быть раздавленнымъ шедшей за нимъ массой, двигавшейся въ это время съ головокружительной быстротой. Тѣ попытки, когда онъ хотѣлъ взять другое направленіе, только показывали ему его безсиліе,—онъ чувствовалъ боль отъ толчка и, наконецъ, скрѣпя сердце, безъ оглядки пошелъ къ 9-му января.

Но увѣнчанный лаврами герой, послѣ 9-го января, когда передъ нимъ, какъ передъ побѣдителемъ, все, прежде оказывавшее ему сопротивленіе стало преклоняться, Гапонъ не выдержалъ: у него на высотѣ закружилась голова, онъ зашатался...

Раньше оказывавшіе ему сопротивленіе поддерживали его именно такимъ сопротивленіемъ, находясь всегда около него, но теперь они сами возносили его на высоту, подняться на которую и стать рядомъ не считали себя достойными... Теперь они опасались противорѣчить ему и не только опасались, но въ своемъ преклоненіи передъ нимъ они уже считали Гапона непогрѣшимымъ...

Гапонъ поддерживалъ со своими сотрудниками оживленную переписку, и его письма принимались нѣкоторое время, какъ изреченія оракула—ихъ читали съ чувствомъ обожанія и горячей вѣрой въ Гапона.

Но это было до тѣхъ поръ, пока его посланія носили характеръ горячаго протеста, такъ какъ все тогдашнее русское общество вообще представляло собою протестъ создавшемуся положенію вещей. Когда же Гапонъ сталъ измѣнять характеръ своихъ писемъ, то обаяніе его въ массахъ стало уменьшаться—оракулъ пришелся не по времени.

Рабочее движеніе послѣ 9-го января стало выливаться и принимать совершенно опредѣленную форму—форму общаго пролетаріатскаго движенія, для котораго рамки, созданныя направленіемъ „Собранія“, были слишкомъ узки... „Дипломатическій“ методъ Гапона и его сотрудниковъ былъ исчерпанъ весь безъ остатка: обманывать не было возможности, да и не было уже въ томъ надобности.

Повидимому, и Гапонъ это отчасти понималъ. На это указываютъ его попытки завязать близкія сношенія съ партійными организаціями за границей. Но ему мѣшала правильно смотрѣть на положеніе вещей его теперешняя слава, его „геройство“. Не обладая широкимъ объективнымъ умомъ и не имѣя надлежащей научной подготовки, Гапонъ не умѣлъ понять настоящаго своего положенія и отводилъ слишкомъ

большое мѣсто своей особѣ въ рабочемъ движеніи. Учитывая тѣ стѣсненія, которыя ему приходилось испытывать во время организаціи так неожиданно вылившагося движенія и теперь увидя, какіе результаты оно принесло, ему казалось, что, при свободѣ дѣйствій, онъ будетъ въ состояніи сдѣлать и еще болѣе. Ему хотѣлось уже болѣе самостоятельнаго положенія въ той или иной партіи, ему хотѣлось главенства. Мнѣ извѣстно, что въ эти первые мѣсяцы послѣ 9-го января въ партійныхъ организаціяхъ къ нему относились достаточно хорошо: дѣйствія его хотя и не были признаваемы правильными, но въ виду ихъ хотя бы случайнаго результата, путь къ вступленію въ какую-либо революціонную организацію для него не былъ закрытъ. Но, конечно, вступивъ туда, онъ долженъ былъ признать всѣ партійныя основанія такъ, какъ признавала ихъ та или иная партія. Съ этимъ, благодаря своей политической неопредѣленности, Гапонъ могъ бы помириться... но признать для себя партійную дисциплину, стать обыкновеннымъ, почти рядовымъ партійнымъ работникомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ демагогіи, онъ не могъ...

И вотъ Гапонъ начинаетъ кокетничать сначала съ с.-д., при чемъ обратилъ на себя вниманіе не только стараго Плеханова, но говорятъ, что даже и суровый, не идущій ни на какіе компромиссы Ленинъ нѣкоторое время склоненъ былъ считать Гапона с.-демократомъ. Но затѣмъ онъ былъ разобранъ, и Плехановъ, похлопывая по плечу Гапона, отечески ему внушалъ: „а не мѣшало бы, отче Гапоне, немного поучиться"... Почувствовавъ себя въ такой компаніи не вполнѣ на своемъ мѣстѣ и ясно видя, что здѣсь его демагогическимъ замашкамъ простора не будетъ, Гапонъ одновременно же начинаетъ кокетничать и съ с.-р-ми. Но этимъ маневромъ онъ лишь вызываетъ охлажденіе съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ передъ нимъ и совсѣмъ закрываются двери.

Самолюбіе Гапона было глубоко уязвлено. Но самомнѣніе беретъ верхъ. Онъ рѣшаетъ итти опять самостоятельно, дѣлаетъ попытки выработать нѣчто въ родѣ своей собственной програмы, намѣчаетъ рискованную тактику, и тутъ, уже окончательно теряя политическое чутье, катится къ паденію.

Къ этому именно времени и относится его вмѣшательство въ исторію съ 30 тысячами рублей и новое завязываніе когда-то рѣзко порванныхъ связей съ правительствомъ.

Въ этой грязной исторіи Гапонъ вступилъ въ борьбу хитрости съ Витте (или съ кѣмъ другимъ) и былъ положенъ на обѣ лопатки... [1]).

---

[1]) Вообще за этотъ періодъ времени Гапонъ въ своей дѣятельности мечется изъ стороны въ сторону, нигдѣ не находя подходящаго для себя мѣста. Нѣкоторыми высказывалось мнѣніе, что Гапонъ не могъ сойтись съ революціон-

Объ этихъ 30 тысячахъ руб. я зналъ уже за 9 мѣсяцевъ до появленія о нихъ свѣдѣній въ печати, и мнѣ они тогда вовсе не казались такими грязными; наоборотъ, я считалъ полученіе ихъ отъ правительства въ то время и по тѣмъ обстоятельствамъ вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ. Но, когда къ этой исторіи приложили свои имена Гапонъ, Витте, Матюшенскій и др., то я никакъ не могъ помириться, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же,—до того эти 30 тысячъ вываляли́сь въ грязи... Тутъ мнѣ стало ясно, до какой степени паденія можетъ дойти человѣкъ, не брезгающій средствами. Между тѣмъ Гапонъ въ сущности былъ аскетъ, житейское благополучіе для него значенія не имѣло и продать себя за 30 тысячъ, да хотя бы и за 300 и за 3 милліона, въ ущербъ интересамъ народа, онъ не могъ, но для нуждъ народа онъ могъ ихъ взять, ошибочно учтя послѣдствія. Во всякомъ случаѣ у Гапона не было цѣли продать свою идею,—ему хотѣлось доказать, что идея освобожденія можетъ быть осуществлена именно имъ; онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя и надѣялся и на этотъ разъ вывернуться, перехитрить.

Въ такомъ положеніи было дѣло. Наступило лѣто и затѣмъ осень. За все это время администрація то разрѣшала или готова была разрѣшить открытіе „Собранія", со всѣми его Отдѣлами, то дѣло опять тормозилось.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1905 г. вопросъ объ открытіи „Собранія",

---

ними партіями изъ-за принципіальныхъ идейныхъ соображеній. Приводились и доказательства тому на первый взглядъ довольно вѣскія. Но я не могу согласиться съ ними, и не приводя здѣсь другихъ тоже вѣскихъ доказательствъ противуположнаго, такъ какъ моя задача лишь воспоминанія,—скажу только, что мнѣ даетъ право говорить такъ только то, что я слишкомъ хорошо знаю Гапона. Какія у него могли быть принципы? Никакихъ. У него, правда, была своя idée fixe—это всемѣрное способствованіе освобожденію русскаго народа. А такъ какъ русскій народъ еще только начиналъ просыпаться и лишь пролетаріатъ протиралъ уже глаза, то Гапонъ и бросился къ пролетаріату съ неутомимой жаждой служенія. Но у него не было рѣшительно никакихъ устоевъ и слишкомъ мало было знаній, вслѣдствіе чего мы и видимъ его балансирующимъ надъ пропастью. Для него была важна прежде всего цѣль, а какими средствами онъ достигнетъ этой цѣли—это не представляло затрудненій... Онъ, напримѣръ, говорилъ, что онъ склоненъ считать наиболѣе подходящей для рабочихъ программу с.-д., но цѣлесообразнѣе признавалъ тактику с.-р.-овъ. Уже одного этого достаточно, чтобы показать, какъ ничтоженъ былъ багажъ его политическаго пониманія, вслѣдствіе чего онъ даже не могъ разобраться въ сущности этихъ партій. Какъ политическій дѣятель, Гапонъ былъ флюгеромъ: откуда повѣетъ вѣтеркомъ освобожденія, онъ и готовъ былъ итти за нимъ, а если вѣтерокъ вѣетъ, отраженный отъ встрѣченнаго препятствія, то Гапонъ, идя за нимъ, могъ совершенно искренно пойти противъ настоящаго освободительнаго движенія. У него былъ слишкомъ узкій политическій кругозоръ. Принявъ же во вниманіе бѣшеное, но сдерживаемое годами его болѣзненное самолюбіе и удары, нанесенные этому самолюбію партіями, не признавшими въ немъ, какъ въ личности, особой величины, а также преклоненіе бывшихъ его сотрудниковъ-оппозиціонеровъ и всеобщее вниманіе къ его особѣ,—не трудно будетъ допустить въ умѣ Гапона такія психологическія комбинаціи, при наличности которыхъ онъ такъ рѣзко измѣнилъ фронтъ въ дѣлѣ своей борьбы за освобожденіе народа.

повидимому, склонялся къ положительную сторону, и по всей вѣроятности опять подъ руководствомъ Гапона.

Послѣ его частныхъ писемъ къ рабочимъ, послѣ извѣстнаго письма, помѣщеннаго въ мартовскомъ или апрѣльскомъ номерѣ „Искры", такой поворотъ не могъ быть естественнымъ. Но странно вотъ что: его бывшіе сотрудники и ярые оппозиціонеры по дѣятельности въ „Собраніи" до 9 января теперь не видѣли этой неестественности.

Въ октябрѣ Гапонъ находился въ Петербургѣ, и мнѣ сказали, что онъ хочетъ повидаться со мною для серьезныхъ переговоровъ. Свиданіе было назначено на одномъ изъ рабочихъ собраній въ Соляномъ Городкѣ, мнѣ были присланы билеты на это собраніе, но, къ сожалѣнію, я не получилъ ихъ своевременно, и свиданіе не состоялось. Тогда ко мнѣ было командировано одно изъ самыхъ довѣреннѣйшихъ лицъ теперешняго Гапона, до 9-го января бывшее въ самой сильной, къ нему оппозиціи и пользовавшееся всегдашнимъ моимъ глубокимъ уваженіемъ. Была высказана увѣренность, что „Собраніе" откроется на дняхъ па старыхъ основаніяхъ и что на меня разсчитываютъ также по старому.

Такъ какъ мнѣ казалось совершенно невозможнымъ вести дѣло по старому, я выразилъ сомнѣніе въ достиженіи желанныхъ для рабочихъ результатовъ и, не давая окончательнаго отвѣта, пожелалъ еще повидаться съ самимъ Гапономъ. При этомъ, мною былъ высказанъ мой собственный взглядъ на единственно, по-моему, возможную дальнѣйшую пригодность Гапона.

Въ это время русскій рабочій людъ объединился подъ однимъ общимъ знаменемъ, но уже не Гапоновскимъ, и въ Гапоновской демагогіи никто не нуждался, и даже правительство не нашло возможнымъ и нужнымъ войти въ настоящее соглашеніе съ Гапономъ, считая, очевидно, это безполезнымъ въ виду того, что Гапоновскія идеи этого времени не собирали вокругъ себя мало-мальски замѣтнаго количества сторонниковъ. Но самыя малосознательныя массы рабочихъ, не способныя къ организаціи сознательной, боготворили Гапона, и въ отношеніи ихъ Гапонъ, въ случаѣ надобности, въ рѣшительный моментъ могъ бы сыграть еще замѣтную роль. Это я и высказалъ посланному ко мнѣ лицу.

Когда Гапону передали мой отвѣтъ, онъ, очевидно, былъ далеко неудовлетворенъ имъ. „Обойдемся и безъ него"—сказалъ онъ.

Въ ноябрѣ мнѣ принесли знаменитое письмо Гапона „кровью спаянные товарищи"... Предполагалось его опубликовать, но такъ какъ въ то время общее положеніе было такое, что письмо это совсѣмъ не соотвѣтствовало ему и вообще указывало на удивительную неосвѣдомленность Гапона и его непониманіе политическаго момента даже съ точки зрѣнія его

поклонниковъ, то рѣшили его не опубликовывать. И вдругъ, въ самый разгаръ декабрьскихъ дней оно появилось въ печати,—моментъ былъ крайне неудаченъ и показывалъ, что и сотрудники Гапона также мало понимали его.

Къ этому времени Гапонъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія уже порядочно поблекъ, а что касается мнѣнія людей болѣе или менѣе причастныхъ къ рабочему движенію, то здѣсь пѣсня Гапона стояла уже на заключительномъ аккордѣ. Появившееся затѣмъ разоблаченіе Петрова о 30.000 руб. окончательно свалило Гапона, и послѣ этого ему уже нельзя было и думать подняться до той высоты, на которую онъ когда-то случайно залетѣлъ. Гапонъ палъ и продолжалъ еще падать все ниже и ниже, до тѣхъ поръ, пока безславно кончилъ свою жизнь, глупо попавшись въ петлю...

Лишь одинъ маленькій кружокъ, какимъ-то фуксомъ образовавшійся, объявилъ себя наслѣдникомъ идей Гапона... Но въ него не вошелъ почти никто даже изъ самыхъ преданныхъ Гапону бывшихъ его сотрудниковъ. Этотъ кружокъ зачахъ и тихо умеръ. Вся же масса бывшаго „Собранія“ признала для себя болѣе подходящими другіе лозунги.

VIII.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что для меня Гапонъ вовсе не представлялъ ничего загадочнаго или таинственнаго,—по-моему, онъ просто талантливый, пожалуй, геніальный организаторъ, но въ то же время такой же точно авантюристъ и во всякомъ случаѣ не провокаторъ. Значеніе его въ движеніи было далеко меньшее, чѣмъ обыкновенно принято думать. Въ этомъ движеніи были нѣкоторыя лица, оставшіяся безвѣстными, значеніе которыхъ было куда болѣе сильное и болѣе глубокое.

Гапонъ былъ нуженъ, какъ ширма, и ряса его этому способствовала. Но если бы не случилось Гапона, то движеніе все равно выдвинуло бы кого-либо другого, у котораго вмѣсто рясы нашлось бы что-либо другое. Въ этомъ движеніи участвовала сама рабочая масса, выдвинувшая впередъ, въ видѣ авангарда, отдѣльную группу, которая приняла, всосала въ себя Гапона, и все время подталкивая его въ желательномъ группѣ направленіи, заставила его сдѣлать то, что онъ долженъ былъ сдѣлать.

Это было совершенно точно до 9-го января.

Послѣ же этого, когда масса была разбита, а потомъ, оправившись, стала организоваться въ другомъ направленіи, Гапонъ, временно оторвавшись и не уловивъ характера движенія массы, — неминуемо долженъ былъ оторваться окончательно, а разъ это случилось, онъ долженъ былъ пасть, ибо ему не хватило политическаго чутья спокойно отойти и дать дорогу другимъ.

Но онъ любилъ эти рабочія массы, и его выраженіе: „кровью спаянные товарищи“ для извѣстнаго уже пережитаго времени имѣло всѣ права.

Но здѣсь я считаю необходимымъ повторить, что Гапонъ до 9-го января и Гапонъ въ октябрьскіе и послѣдующіе дни—люди, если не совсѣмъ противоположные, то значительно разные. Хотя я и не видался съ Гапономъ въ эти дни, но я имѣлъ о немъ свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ: отъ ближайшихъ его сотрудниковъ, отъ партійныхъ работниковъ и отъ частныхъ лицъ. Въ это время въ оцѣнкѣ личности Гапона всѣ сходились на одномъ пунктѣ—это было его усилившаяся до крайнихъ размѣровъ нервность, взвинченность, доходившая до странностей... Гапонъ въ это время совершенно, что называется, расхлябился, потерялъ душевное равновѣсіе... Подводя итогъ всему тому, что я зналъ о Гапонѣ лично и отъ другихъ, я съ полной увѣренностью скажу, что, начиная съ октябрьскихъ дней, Гапонъ былъ способенъ на все, что угодно. Онъ ни передъ чѣмъ не остановился бы для достиженія извѣстной цѣли. У него царила одна мысль служенія угнетенному люду, объ оцѣнкѣ же средствъ онъ не задумывается: тутъ для него ничего не было святаго, Гапонъ былъ искренно преданъ рабочимъ. Съ этой позиціи, его сбить не было возможности, но чтобы удержаться на этой позиціи, онъ могъ принести въ жертву что и кого угодно. Здѣсь для него не играла бы роли ни дружба, ни родство, ни понятія о нравственности и т. д. Онъ не постѣснялся бы подвести подъ отвѣтственность или вообще подъ бѣду и несчастіе самаго близкаго человѣка, если бы видѣлъ, что отъ этого его мысль подвинется впередъ хотя бы на миллиметръ. И въ этомъ отношеніи онъ могъ сдѣлать въ своихъ расчетахъ грубую ошибку. Но онъ и не замѣтилъ бы своей ошибки, вѣрнѣе не остановился бы, не взялъ бы на учетъ для дальнѣйшаго, а спокойно бы шелъ дальше по намѣченной дорогѣ. Послѣ того, какъ онъ долженъ былъ констатировать уже въ октябрьскіе дни всеобщее къ себѣ охлажденіе, вслѣдствіе неправильнаго взятаго имъ курса, когда его выступленія въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ не произвело никакого дѣйствія, и даже его бывшіе сотрудники, послѣ 9-го января вполнѣ ему подчинившіеся, уже не вполнѣ понимали его, Гапонъ, во что бы то ни стало хотѣлъ задержаться на поверхности и въ это время уже совершенно не разбиралъ средствъ. Когда же паденіе его шло все дальше и дальше, когда никакія принимаемыя имъ мѣры уже не помогали, пришелъ и онъ вплотную къ полному сознанію своего паденія, безъ возможности уже подняться, такъ какъ возвратъ къ революціоннымъ партіямъ былъ уже абсолютно невозможенъ,—я готовъ допустить въ Гапонѣ даже ту авантюру, о которой въ печати появились кое-какія указанія. Я допускаю, что для того, чтобы занять извѣстное положеніе, онъ могъ предать не только отдѣльную лич-

ность, но и цѣлую организацію и все же это было бы не съ умысломъ предать идею рабочаго освобожденія. Онъ навѣрное считалъ, что, предавая хотя бы нѣсколько десятковъ выдающихся дѣятелей революціонной организаціи, съ своей точки зрѣнія, онъ дѣлалъ именно то, что нужно для рабочаго освобожденія. По его выходило такъ, что революціонныя партіи дѣлали огромныя ошибки, а себя онъ считалъ призваннымъ эти ошибки исправлять, а потому не было смысла и нечего было считаться съ какими-то отдѣльными личностями... Я допускаю, что онъ готовъ былъ выдать тогдашнихъ своихъ враговъ партійныхъ дѣятелей, допускаю, что на этотъ предметъ онъ раздобылъ и рессурсы, войдя, конечно, въ извѣстныя соглашенія, но я не допущу, чтобы онъ все это продѣлывалъ, измѣнивъ свои убѣжденія въ основѣ ихъ. Ему хотѣлось по привычкѣ надуть и тѣхъ и другихъ, но въ основѣ у него было нѣчто свое, и въ этомъ отношеніи я считаю его совершенно искреннимъ. Здѣсь онъ уже пустилъ всего самого себя, что называется, во всю, безъ удержу. И, конечно, при такомъ положеніи дѣла исходъ могъ быть только одинъ: Гапонъ неминуемо долженъ былъ свернуть себѣ шею.

Къ несчастію для Гапона, его жизненная школа прошла при слишкомъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, выработавшихъ изъ него типъ тѣхъ людей, которые никогда не находятъ себѣ близкихъ сердечныхъ отзвуковъ. Съ ними можно имѣть дѣла, прекрасно вмѣстѣ работать, но дружеской близости они никогда не встрѣчаютъ. Между тѣмъ эти люди жаждутъ дружбы болѣе, чѣмъ другіе. Въ этомъ отношеніи Гапонъ былъ изъ самыхъ несчастныхъ.

Я, напримѣръ, всѣмъ своимъ пониманіемъ хотѣлъ раздѣлить предлагаемую мнѣ Гапономъ дружбу, но также всѣмъ своимъ чувствомъ совершенно не могъ этого сдѣлать.

К—на была предана Гапону, вѣрила ему безусловно—Гапонъ это цѣнилъ и платилъ ей глубокимъ уваженіемъ и благодарностью. Но К—на была слишкомъ скромна, и хотя была головой выше Гапона, она, въ завѣдомомъ уничиженіи, обыкновенно преклонялась передъ Гапономъ и въ тоже время, въ случаяхъ разногласій, всегда выходило такъ, что подчиняться приходилось Гапону. Получались такія психологическія положенія, которыя не давали возможности сблизиться этимъ двумъ яркимъ, выпуклымъ фигурамъ, и хотя Гапонъ и раскрывалъ свои душевныя скорби передъ К—ной, и она его понимала, но они всегда оставались чужими и далекими...

Вѣроятно, Гапонъ уже не разъ въ жизни и раньше наталкивался на такое же отношеніе къ себѣ, и это обстоятельство, при наличности огромнаго самолюбія, дѣлало его замкнутымъ. Далѣе, ему приходилось

быть часто неискреннимъ (уже самая ряса священника способствовала этому),—отсюда вытекали, вѣроятно, не разъ фальшивыя положенія, изъ которыхъ ему необходимо было такъ или иначе выкарабкиваться, и въ результатѣ получился всегда осторожный, выжидающій и хитрящій Гапонъ, не внушающій довѣрія окружающимъ. Несмотря на самые благородные, честные порывы его „я", онъ въ то же время не былъ вполнѣ искреннимъ, такъ какъ, опасаясь, что его самый чистый порывъ не будетъ понятъ надлежащимъ образомъ, онъ и къ этому порыву подходилъ осторожно, съ опаской... И такъ, вѣроятно, во всю свою жизнь Гапонъ не могъ обнаружиться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

И. Павловъ.

Одна изъ дорогихъ тѣней.

Тусклый полу-свѣтъ лѣниво ползъ въ комнату, и въ стекла единственнаго окна съ мятыми, грязноватыми гардинами уперлась густая, желто-сѣрая мгла.

Меня разбудилъ нерѣшительный сперва, а потомъ точно безпокойный стукъ въ дверь. Я быстро сѣла на постель и старалась вспомнить, гдѣ я. Какъ очутилась въ этой чужой комнатѣ со страннымъ каминомъ, съ посѣрѣвшимъ отъ пыли зеленымъ ковромъ, со столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами... Опять стучатъ. „Come in", говорю я, вдругъ вспоминая, что я въ Лондонѣ.

Голосъ П. Л. Лаврова говоритъ за дверью:

— Здоровы ли вы? Я уже три раза къ вамъ стучался... Вставайте скорѣе. Очень поздно. Намъ далеко ѣхать, да еще раньше надо позавтракать.

Я быстро вскочила и уже окончательно вспомнила, что нахожусь въ комнатѣ Лаврова, которую онъ уступилъ мнѣ на время моего пребыванія въ Лондонѣ, что наканунѣ получилось письмо отъ Огарева, что въ этомъ письмѣ онъ назначаетъ намъ съ Петромъ Лавровичемъ свиданіе на сегодня, у себя въ Гринвичѣ.

Это было ранней весной 1877 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Бакунина. Я зимовала въ Парижѣ; въ Лондонъ пріѣхала повидаться съ Лавровымъ. Его я знала съ дѣтства, переписывалась съ нимъ пока была за границей, но не видѣла его много лѣтъ—со времени его ссылки.

Я сама просила у Огарева назначить мнѣ свиданіе. Никакого дѣла къ нему у меня не было, просто хотѣлось быть у него. Это желаніе не заключало въ себѣ всегда немного смѣшного влеченія посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка,—въ немъ было больше благочинія, чѣмъ любопытства. Бакунинъ такъ часто и такъ много говорилъ мнѣ объ Огаревѣ, выражалъ прямое желаніе, чтобы я съ нимъ увидѣлась, чтобы сказала ему, какъ Бакунинъ его любитъ, какъ его помнитъ. Самъ Михаилъ Але-

ксандровичъ былъ увѣренъ, что ему уже никогда не доведется свидѣться съ Огаревымъ. Судьба эту горькую увѣренность подтвердила, и у меня возникла прямая потребность теперь, послѣ кончины Мишеля, быть у его лучшаго друга, сообщить о послѣднихъ недѣляхъ жизни М. А., передать его завѣтъ вѣрности, его, теперь загробный, привѣтъ. Я готовилась къ этому свиданію съ волненіемъ. Послѣ кончины Бакунина не прошло и года, память о немъ была свѣжа, и говорить о предсмертныхъ дняхъ М. А. съ близкимъ ему человѣкомъ—значило какъ бы переживать вновь его смерть. Кромѣ того, и общеніе съ Николаемъ Платоновичемъ, съ этимъ послѣднимъ остаткомъ „Колокола", представлялось мнѣ дѣломъ не простымъ.

У нашего поколѣнія не было настоящаго пониманія, чѣмъ былъ „Колоколъ", и каково было его значеніе для Россіи. Мы были пропитаны той исторической неблагодарностью, которой отличаются русскіе люди. Всѣ мы были тогда болѣе или менѣе Иваны, не помнящіе родства, безъ традицій, безъ предшественниковъ. Кто могъ *тогда* познакомиться вполнѣ съ сочиненіями Герцена? Въ Россіи очень немногіе, да тѣ, что ѣздили за границу. Условія русской жизни создавали полное отсутствіе перспективы въ политическомъ міровоззрѣніи. Каждое десятилѣтіе начинало все сначала, точно раньше никто и не думалъ и не дѣйствовалъ...

Помимо этого, то время отличалось особливо страстной исключительностью. Все, что прямо и удобно не укладывалось въ рамки усвоенныхъ идеаловъ, казалось не только отсталымъ, но даже враждебнымъ. О декабристахъ знали по наслышкѣ и очень мало ими интересовались. Герценъ былъ безвозвратно похороненъ. Огаревъ какъ-то не жилъ въ представленіи, какъ нѣчто отдѣльное, всегда соединялся съ Герценомъ, хотя враждебнаго чувства не вызывалъ, чего нельзя сказать про Герцена. Одинъ Бакунинъ, котораго меньше всего можно было знать, окруженъ былъ ореоломъ. Лично у меня къ Огареву всегда было особое почитаніе, которое только утвердилось отношеніемъ къ нему Бакунина. Но я ждала, что при свиданіи съ нимъ разговоръ непремѣнно зайдетъ и о „Колоколѣ" и о Герценѣ, а я считала долгомъ высказать свое отрицательное отношеніе къ нимъ. Какъ это сдѣлать прямо, но не обидно для Николая Платоновича? Ожиданіе этого свиданія вызывало во мнѣ цѣлый рядъ весьма противорѣчивыхъ чувствъ: отъ души ѣхала на поклонъ къ другу Мишеля, къ поэту-революціонеру, а точно камень за пазухой держала. Боялась смолчать, боялась сказать черезъ край.

Петръ Лавровичъ предупреждалъ меня, что Огаревъ представляетъ собою развалину, что одна тѣнь осталась отъ поэта-революціонера, который жилъ въ моемъ воображеніи, но съ мечтой нельзя разстаться вдругъ, когда кто-нибудь скажетъ, что это простая мечта...

Изъ квартала Лаврова—кажется, онъ жилъ тогда на Tottenham road—до Гринвича разстояніе было огромное, и дорога, въ тѣ далекія времена, долгая.

Желтый туманъ, пропитанный запахомъ гари, сѣры, соленой рыбы, невообразимо удушливый и безпощадно холодный, плотно втиснулся въ широкія улицы, давилъ грудь, голову, нагонялъ страхъ. Петръ Лавровичъ, относившійся съ большой заботливостью къ моему здоровью, предложилъ, когда мы очутились на улицѣ, послать депешу Огареву и просить его назначить другой день. Но мнѣ не хотѣлось откладывать своего визита, я боялась, что такъ и не удастся съѣздить къ Огареву, потому что въ Лондонъ я пріѣхала на очень короткій срокъ. Темная мгла, насъ окружавшая, мнѣ не мѣшала, она находилась въ гармоніи съ моими грустными воспоминаніями и неоформленными опасеніями.

— Я все забываю—сказалъ П. Л. на мой рѣшительный отказъ отложить нашу поѣздку,—que c'est un pélerinage.

Сперва мы куда-то шли пѣшкомъ. Около насъ, точно изъ-подъ земли, сразу выдвигались черныя фигуры прохожихъ; невидимые омнибусы грохотали и тоже иногда внезапно проявлялись въ черно-желтой гущѣ воздуха, гигантскіе, фантастически облѣпленные черными, скорченными фигурами людей, низко наклонившимися точно подъ тяжестью вседавящаго тумана. Потомъ мы сѣли въ какой-то омнибусъ и ѣхали, долго ѣхали, прорѣзая туманъ. Иногда, какъ сквозь густой вуаль, просвѣчивали и точно текли мимо низкіе, темные дома, потомъ исчезали, какъ за спущенной занавѣсью, и снова мы рѣзали туманъ и ѣхали безъ дороги, безъ дали,—ни откуда и никуда... Жуткая тоска ныла въ груди, и голова болѣла.

Наконецъ, какими-то волшебными для меня путями мы прибыли въ Гринвичъ. Привѣтливаго въ обычную погоду городка, или квартала, гдѣ живутъ главнымъ образомъ отставные моряки, мы не увидѣли. Онъ еще глубже Лондона закутался въ непроглядный туманъ, хотя мнѣ казалось, что тутъ онъ не такой желтый, не такой удушливый. Петръ Лавровичъ, мой руководитель среди этого земного ада, оказался не твердъ въ пути, и мы только послѣ долгихъ скитаній по пустынѣ, тихимъ улицамъ и послѣ неумѣлыхъ разспросовъ доведены были какой-то женщиной, окутанной въ грязную рвань до дома Огарева. До этой конечной цѣли странствій мы добрались, когда почти совсѣмъ было темно.

Стукъ классическаго молотка англійской входной двери прозвучалъ четко и гулко, точно въ пустую бочку стучали. Дверь отворилась. Горничная въ бѣленькомъ фартучкѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ, чистая и припомаженная отворила дверь. Въ небольшой передней горѣлъ газъ. Сразу на меня пахнуло тепломъ, запахомъ каменно-угольнаго дыма, сразу охватила

особая атмосфера уютнаго, плотно запертаго отъ внѣшняго міра англійскаго дома, гдѣ тихо, удобно, тупо и уныло тянутся однообразныя, безцѣльныя жизни какихъ-нибудь зажиточныхъ старыхъ дѣвицъ, высокихъ, сухихъ, которыя рисуютъ акварелью, ѣздятъ въ Италію и въ опредѣленные дни посѣщаютъ бѣдныхъ своего прихода.

Въ гостиной, какъ бы подтверждая мое первое впечатлѣніе, насъ встрѣтила англичанка; но она была небольшого роста, темноволосая, менѣе угловатая и увѣренная въ манерахъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ англичанки [1]). Она упрекнула за поздній пріѣздъ, сказала, что Николай Платоновичъ насъ давно ждетъ, что онъ не особенно хорошо себя чувствуетъ, потому что былъ боленъ наканунѣ... Все это она выговорила сразу и, не давъ П. Л. времени меня представить ей, вышла въ другую комнату. Она имѣла видъ и не хозяйки дома и не служанки, а скорѣе человѣка исполняющаго какую-нибудь административную должность въ какомъ-нибудь учрежденіи.

Гостиная была по-англійски уютная, всюду на креслахъ лежали бѣлыя накидочки, все было чисто, скромно, обыкновенно, только со стѣнъ глядѣли какіе-то портреты, которыхъ въ ту минуту я не разсмотрѣла и не успѣла бы разсматривать: темноволосая англичанка почти немедленно вернулась и ввела насъ въ сосѣднюю, довольно большую комнату.

Навстрѣчу намъ шелъ нетвердыми шагами небольшой старичокъ въ синемъ, просторномъ пиджакѣ и протягивалъ Петру Лавровичу двѣ дрожащія руки. Лавровъ представилъ меня, какъ друга Бакунина.

— Очень радъ, очень радъ... говорилъ дрожащій глухой голосъ, и старичокъ безсильно и судорожно жалъ мою руку.

Мы всѣ сѣли около большого стола, который стоялъ посреди комнаты.

— Неужели это Огаревъ? подумала я, вглядываясь въ старческое лицо, съ тусклыми, точно не смотрящими глазами. Особенно меня поразили безсильныя, какъ бы уже умершія, руки, что лежали совсѣмъ близко около меня на столѣ.

Я начала говорить о Бакунинѣ, о томъ, что почти по его желанію я пріѣхала теперь сказать, какъ Мишель любилъ его до послѣднихъ дней жизни и какъ часто его вспоминалъ.

— Да. Бѣдный Мишель тоже умеръ, умеръ... заговорилъ Огаревъ и тутъ же замолчалъ. Я ясно видѣла, что онъ меня не слушалъ, и тоже замолчала.

Наступившее неловкое молчаніе прервалъ Петръ Лавровичъ заявленіемъ, что я недавно пріѣхала изъ Россіи.

---

[1]) Это была M-rs Southerland.

— Изъ Россіи? переспросилъ Огаревъ.

— А что такъ все еще будочники? Много ихъ? Все съ алебардами? И будки трехцвѣтныя?

Я даже не сразу поняла, что онъ хочетъ сказать, а онъ переспрашивалъ:—Съ алебардами?

— Нѣтъ—отвѣчала я серьезно,—будокъ нѣтъ, и алебардъ у будочниковъ нѣтъ, да и будочниковъ нѣтъ теперь; есть городовые...

— Ну, все равно, дребезжалъ старческій теноръ,—все же они будочники... Ужасно, что въ Россіи дѣлается... Всѣхъ хватаютъ... Онъ какъ-то безсильно заволновался, потомъ успокоился и опять заговорилъ:—Да бѣдный Мишель тоже умеръ...

На меня этотъ разговоръ производилъ подавляющее впечатлѣніе. Мнѣ хотѣлось чуть не плакать, во всякомъ случаѣ говорить я не могла, словъ не находила... Что я могла ему сказать?

Опять выручилъ Петръ Лавровичъ, завелъ разговоръ о Россіи, о свѣжихъ революціонныхъ новостяхъ, которыя дошли до него. Огаревъ слушалъ, приговаривалъ изрѣдка: „да, да... Ужасъ, что дѣлается!“ А я думала: неужели это Огаревъ? Неужели это поэтъ, восклицавшій:

Чего хочу?.. Чего?.. О! Такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!

Прямо передо мною, на стѣнѣ, висѣлъ большой портретъ Бѣлинскаго, и его лицо острое и жесткое, какъ изъ гранита высѣченное, смотрѣло смѣло, въ немъ была мощь, вѣра... Какъ разъ за Огаревымъ, въ углу комнаты, на невысокой подставкѣ помѣщался портретъ Герцена въ гробу. Минутами изъ-за синяго плеча Огарева мнѣ видѣлся то только высокій лобъ, то все усопшее, но непримиренное лицо, съ ввалившимися висками... „И они умерли, умерли“, повторяла я въ головѣ топомъ Огарева; и то всматривалась въ гранитное лицо Бѣлинскаго, то ждала, когда изъ-за плеча Огарева выдвинется высокій лобъ надъ сомкнутыми глазами... Какое-то полугипнотическое состояніе меня охватывало. Что говорилъ Лавровъ, я не слышала. Мнѣ было холодно и жутко.

Вошла англичанка и, пытливо посмотрѣвъ на Огарева, стала что-то въ полъ-голоса говорить Петру Лавровичу авторитетно и озабоченно. Такъ въ комнатѣ тяжко больного доктора говорятъ съ сидѣлками или съ близкими его родственниками. Мнѣ стало неловко, я взглянула на Огарева. Онъ не обращалъ на насъ никакого вниманія,—вѣроятно, ничего не слышалъ,—еще болѣе осунулся, лицо стало еще безжизненнѣе, весь осѣлъ и,

казалось, что подъ толстымъ темно-синимъ пиджакомъ нѣтъ никакого тѣла, что онъ пустой держится на стулѣ. Совсѣмъ помертвѣвшія руки, какъ мраморныя, лежали около меня на столѣ, все въ томъ же положеніи.

Англичанка предложила намъ чаю. Огаревъ нѣсколько оживился и началъ говорить: „Чаю? Это хорошо. Велите подать чай“. Но онъ чаю не пилъ. Англичанка отворила дверь въ гостиную, пропустила насъ впередъ, а сама осталась нѣсколько секундъ съ Огаревымъ и потомъ вышла къ намъ, притворивъ за собою дверь. Она объяснила, какъ бы въ свое извиненіе, что Николай Платоновичъ очень ослабъ со вчерашняго дня и что ему чрезвычайно утомительно видѣть постороннихъ людей въ такія минуты. „Давайте теперь пить чай,—закончила она,—а потомъ можно будетъ опять войти къ нему“.

Послѣ чашки горячаго и по-англійски крѣпкаго чая, я согрѣлась и ожила, но гнетущаго состоянія духа такъ и не могла сбросить... Петръ Лавровичъ началъ показывать интересныя вещи, которыхъ было немало въ домѣ Огарева. Бюсты, портреты. Бюстъ Герцена, портретъ Грановскаго, портретъ Станкевича... Опять и опять портреты Герцена смотрятъ со стѣнъ. Миніатюры, дагеротипы женщинъ, въ старомодныхъ, уже мною не виданныхъ костюмахъ, ютятся по уголкамъ, улыбаются надъ керосиновыми лампами, надъ столиками съ узорными шерстяными салфеточками... И кажется мнѣ, что нѣтъ на этихъ стѣнахъ ни одной живущей души, пусть мнѣ незнакомой, но для меня живой. Только знакомыя мысли, воплотившіяся въ лики учителей, да неизвѣстные, навсегда исчезнувшіе, навсегда позабытые люди, которые когда-то дѣлили жизнь этихъ учителей. Наши учителя были просто людьми съ этими неизвѣстными людьми; всѣ они вмѣстѣ шутили, веселились, ссорились, волновались не только мыслями, но и ежедневной тревогой непрерывно текущей жизни. Какъ они жили? Что ихъ волновало, о чемъ они думали? Этого мы уже никогда не прочувствуемъ, даже если и узнаемъ... Опять въ головѣ зазвучалъ голосъ Огарева: „они тоже умерли, умерли“. Нѣтъ, не одна преграда смерти между ними и мною, но еще болѣе неодолимая преграда—время. Для меня эти портреты надгробные памятники, а не умершіе люди.

— Какой тяжелый конецъ жизни,—сказалъ Петръ Лавровичъ,—какъ ему должно быть тяжело жить такъ одному, среди своихъ мертвыхъ...

А вѣдь для Огарева это дѣйствительно мертвые, подумала я, а не памятники... А можетъ быть, и не мертвые, а въ немъ живущее его время. Онъ самъ умеръ съ ними и съ ними еще живетъ, въ томъ, своемъ времени...

Мы начали прощаться. Англичанка вошла къ Огареву посмотрѣть, можно ли намъ проститься и съ нимъ. Вскорѣ они вышли вмѣстѣ въ гостиную. Николай Платоновичъ сердечно прощался съ Лавровымъ, оче-

видно, помнилъ, что есть и еще гость, обратился ко мнѣ привѣтливо, много разъ жалъ руку, желалъ счастливаго и благополучнаго пути, очевидно увѣренный, что я уѣзжаю въ Россію. Онъ проводилъ насъ до передней. Еще и сейчасъ вижу его хрупкую фигуру, освѣщенную сверху газовымъ рожкомъ, его неувѣренный прощальный жестъ. Рядомъ съ нимъ стояла англичанка, такая безличная, въ сѣромъ платьѣ и чистыхъ, туго накрахмаленныхъ рукавчикахъ...

Захлопнулась за нами дверь, и скоро мы снова ѣхали по улицамъ и мостамъ. Струился туманъ, пахло гарью. Передъ усталыми глазами мелькали лица только что покинутыхъ людей, въ полу-мракѣ плыли портреты; вспоминались обрывки мыслей, завѣщанныхъ намъ дѣдами, а подъ ритмическій тонъ копытъ звучалъ голосъ Огарева: „всѣ они умерли, умерли"... Я поняла, что соприкоснулась на мгновеніе съ инымъ міромъ, такимъ далекимъ и близкимъ. Все это прошлое, безвозвратное и столь недавнее... Такъ недавно умеръ Бакунинъ. Послѣднее звено блестящей дѣдовской плеяды еще дышетъ тамъ, въ небольшомъ домикѣ, точно отдѣленномъ отъ живущаго мврокомъ лондонскаго тумана...

Мы бодро вѣрили, въ надеждѣ благородной,
Что близокъ новый міръ, широкій и свободный,
И вотъ теперь разсѣялися мы...

Отчего они разсѣялись такъ быстро, такъ внезапно? Они вышли въ міръ во всеоружіи таланта, знаній, ума, съ твердой вѣрой въ себя. Что они сдѣлали? Чего достигли?

Часто молодые люди только тогда ясно понимаютъ существованіе смерти, когда въ первый разъ увидятъ, какъ умираетъ человѣкъ. Такъ и мнѣ тогда особенно ясно стало чудиться, что точно такъ же и наше поколѣніе сойдетъ со сцены жизни, спустится въ могилу исторіи, сдѣлавъ, пожалуй, еще меньше, чѣмъ они... Вѣдь ни ихъ талантовъ, ни ихъ умственныхъ силъ мы не насчитываемъ. Но гордыня молодости твердила, что *они* не понимали еще истинной задачи. Нашему поколѣнію суждено совершить сознательно то, что нѣкоторые изъ нихъ только предчувствовали.

Съ совершенной ясностью я вспомнила всѣ свои ощущенія и впечатлѣнія отъ этого почти мгновеннаго свиданія съ Огаревымъ, много лѣтъ спустя.

Въ Парижѣ, уже въ 1899 году, кажется, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, мнѣ пришлось встрѣтиться съ Д. А. К., по возвращеніи его изъ Сибири. Когда мы пересчитали всѣхъ *своихъ* покойниковъ, вспомнили *свою*

старину, на меня нашла такая же грусть, какъ въ гринвичскомъ домикѣ Огарева, только выразилось она въ иной формѣ.

— А возъ-то и нынѣ тамъ?—сказала я ему вопросительно.

— Тамъ!—отвѣчалъ онъ,—да еще какъ тамъ: всѣ четыре колеса въ грязи увязли.

А. Баулеръ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

(*Продолженіе* [1]).

VIII.

Повременная печать въ концѣ 50-хъ годовъ.—Отношеніе къ ней правительства —„Современникъ".—Разочарованіе Чернышевскаго.—Статьи Добролюбова.—„Русскій Вѣстникъ" Каткова.—Славянофильскіе журналы.—Настроеніе Ивана Аксакова.—Отношеніе консервативныхъ круговъ къ передовой журналистикѣ.

Пока шла созидательная работа въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, общественная мысль, проявленію которой въ печати была, наконецъ, предоставлена нѣкоторая свобода, развивалась съ неимовѣрной быстротой и стремительностью. Въ 1855—1857 годахъ въ старыхъ журналахъ и вновь возникавшихъ проповѣдывались, какъ мы видѣли, общіе просвѣтительные и гуманитарные взгляды. Само правительство, желавшее пробужденія общества, сочувствовало этому движенію и даже помогало ему, насколько могло и умѣло. Правительственные журналы: «Морской Сборникъ», «Журналъ министерства Нар. Просв.», «Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ», «Военный Сборникъ» и др. охотно печатали статьи прогрессивнаго направленія. Особенно «Морской Сборникъ» сознательно будилъ мысль и вызывалъ на обмѣнъ взглядовъ и даже подавалъ примѣръ обличенія различныхъ злоупотребленій и безобразій въ тогдашнемъ административномъ строѣ. «Современникъ» и другіе журналы въ Петербургѣ, «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда» въ Москвѣ спѣшили воспользоваться наступившей свободой, которая казалась вначалѣ гораздо шире, нежели была въ дѣйствительности. «Волнуясь и спѣша», «Современникъ» возстановлялъ забытые принципы 40-хъ годовъ и старался влить въ общество какъ можно больше просвѣтительныхъ и гуманныхъ воззрѣній и полезныхъ знаній...

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Февраль и Мартъ.

Между представителями различныхъ воззрѣній и литературныхъ партій преобладало вообще мирное и дружелюбное настроеніе, и даже полемика между славянофилами и западниками не обострялась и не касалась очередныхъ боевыхъ вопросовъ [1]). Первые споры, въ которыхъ послышалось отраженіе *злобы дня*, произошли по поводу статистическихъ изслѣдованій Я. А. Соловьева (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») и по вопросу объ общинномъ землевладѣніи между Ив. Вас. Вернадскимъ (редакторомъ „Экономическаго Указателя») и Ник. Гавр. Чернышевскимъ.

Однако правительство, несмотря на всю скромность и оптимизмъ тогдашней печати, не переставало относиться къ ней подозрительно. Самъ Александръ Николаевичъ никакъ не могъ стать съ полной искренностью на либеральную точку зрѣнія. Онъ охотно прислушивался уже и въ то время къ предостереженіямъ консерваторовъ, даже къ самымъ безсмысленнымъ, и легко приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ самыхъ невинныхъ статей [2]). Такъ статьи правовѣрнаго и православнаго славянофила Константина Аксакова вызвали закрытіе «Молвы» въ концѣ 1857 г. [3]).

---

[1]) Конечно, случаи столкновеній бывали и въ это время, но при этомъ подвергались дружному порицанію лишь статьи нѣкоторыхъ авторовъ, проявлявшихъ ретроградныя поползновенія, какъ В. Григорьевъ или Тертій Филипповъ.

[2]) Въ XVI т. біографіи Погодина, написанной *Н. Барсуковымъ*, помѣщено письмо къ Погодину одного заядлаго консерватора, галицкаго историка Дениса *Зубрицкаго*. Письмо это само по себѣ ничего, кромѣ зловѣщихъ карканій, свойственныхъ ретроградамъ вообще и глубокимъ старцамъ въ особенности, не содержитъ; но оно замѣчательно тѣмъ, что Погодинъ представилъ черезъ Блудова копію съ него Государю, и Александръ, прочтя его со вниманіемъ, испещрилъ его своими замѣтками, подчеркнувъ въ немъ всѣ фразы, имѣвшія характеръ доноса на либераловъ и прогрессистовъ. Одно мѣсто, гдѣ описывалось одно собраніе 1848 года въ Львовѣ, и употреблено было слово *возстаніе*, Александръ подчеркнулъ дважды и написалъ на поляхъ: „*этого-то и у насъ желаютъ сдѣлать наши бездомные прогрессисты*". Въ одномъ мѣстѣ Зубрицкій писалъ: „Еще разъ возвращаюсь къ возмутительнымъ писакамъ: у нихъ есть своя тактика. *Если они намѣреваются напасть на алтарь, то подтруниваютъ и издѣваются прежде всего надъ духовенствомъ; если же ихъ цѣль опровергнуть престолъ, то они прежде бросаются на чиновниковъ и возводятъ на нихъ всякаго рода злорѣчія.* Взятки вездѣ и всегда были, есть и будутъ. Спаситель избралъ только двѣнадцать апостоловъ—и одинъ изъ нихъ былъ взяточникъ. Я полагаю, что сего рода нападенія во время раздраженія умовъ неприличны и опасны..." Всѣ эти слова особо отмѣчены Александромъ; а между тѣмъ все это писалось въ началѣ 1858 г., когда въ Россіи все еще было совершенно смирно и не было ни малѣйшаго повода выражать и выслушивать подобныя опасенія. Все это отлично подтверждаетъ ту характеристику, которую недавно далъ Александру въ своихъ мемуарахъ кн. Кропоткинъ. Александръ II—писалъ онъ—конечно, не былъ заурядной личностью; *но въ немъ жили два совершенно различныхъ человѣка съ рѣзко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися другъ съ другомъ*. И эта борьба становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе старился Александръ II... Передъ лицомъ настоящей опасности Александръ II проявлялъ полное самообладаніе и спокойное мужество, а между тѣмъ онъ постоянно жилъ въ страхѣ опасностей, существовавшихъ только въ его воображеніи..." („Записки", стр. 231).

[3]) По поводу невинной статьи *К. Аксакова* „Публика и народъ" Александръ положилъ слѣдующую резолюцію на докладѣ Норова: „Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ тонѣ. Объявить редак-

Въ началѣ 1858 г. журналамъ было разрѣшено печатать статьи о крестьянской реформѣ, но какъ только они перешли отъ славословій по поводу рескриптовъ Назимову и Игнатьеву къ критикѣ и къ изложенію собственныхъ взглядовъ и соображеній, такъ правительство тотчасъ же показало когти [1]). Первая статья, вызвавшая репрессіи, была та самая статья Чернышевскаго, въ которой онъ такъ пылко прославлялъ Александра, сравнивая его съ Петромъ Великимъ [2]). На этотъ разъ царскій гнѣвъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во второй части этой статьи былъ напечатанъ проектъ Кавелина, ходившій по рукамъ и извѣстный правительству еще съ 1856 г. Кавелинъ былъ въ это время однимъ изъ преподавателей наслѣдника. Придворные интриганы, съ самаго начала недовольные его назначеніемъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы подкопаться подъ него и подъ главнаго воспитателя Титова, а кстати натравили правительство и на печать [3]). Отсюда произошла цѣлая буря въ цензурномъ вѣдомствѣ, кончившаяся выговоромъ петербургскому попечителю, кн. Щербатову, и отставкой Кавелина. Около того же времени возникло гоненіе противъ московскаго цензора Крузе, причисленнаго обскурантами — и не безъ основанія — къ сонму искреннихъ либераловъ. Крузе, послѣ цѣлаго ряда разныхъ служебныхъ непріятностей, былъ, наконецъ, отставленъ отъ должности, а московскіе литераторы съ Катковымъ и Кошелевымъ во главѣ устроили ему демонстративные проводы и собрали въ его пользу капиталъ по подпискѣ въ 50.000 рублей, несмотря на прямое запрещеніе правительствомъ этой подписки. Это былъ первый общественный протестъ противъ правительственныхъ распоряженій въ царствованіе Александра II [4]).

Петербургскіе литераторы пока воздерживались отъ явныхъ протестовъ и демонстрацій, но тѣмъ сильнѣе у нихъ накоплялось раздраженіе и недовѣріе къ правительству. Такъ исчезла понемногому та кратковременная entente cordiale между правительствомъ и литературой, которая водворилась было въ началѣ царствованія.

Подобные инциденты очень способствовали, конечно, и возникновенію оппозиціоннаго настроенія, и развитію въ литературѣ самостоятельной критической мысли. Но главнымъ источникомъ и двигателемъ этой послѣдней сдѣлались тѣ экономическіе во-

---

ціи „Молвы", что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнуться строгому взысканію". (Барсуковъ, назв. соч., т. XVI, стр. 285).

[1]) Уже въ іюлѣ 1858 г. Кошелевъ писалъ Черкасскому: „Два №№ „Сельскаго Благоустройства", 5 и 6, я издаю въ самомъ жалкомъ видѣ, а потомъ придется закрыть журналъ..." („Матерьялы для біографіи Черкасскаго", т. I, стр. 121).

[2]) „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", „Современникъ" за 1858 годъ, №№ 2 и 4.

[3]) Ср. „Дневникъ и Записки А. В. Никитенка", т. II, стр. 97 и „Воспоминанія" Ѳ. Я. Оома, „Архивъ" за 1896 г., № 6, стр. 248—250.

[4]) Разсказано у Барсукова, назв. соч., XVI, стр. 405—407.

просы, которые были выдвинуты на первый планъ крестьянской реформой. Первые признаки этого направленія мысли проявились, какъ мы уже указали, въ полемикѣ между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ» еще осенью 1857 г. Чернышевскаго въ этой полемикѣ увлекало не одно только отстаиваніе русской поземельной общины, но и критика фритредерской доктрины, выставлявшей фермерство идеаломъ сельскохозяйственнаго строя. Общину Чернышевскій отстаивалъ, видя въ ней возможный залогъ будущаго соціалистическаго устройства; однако, онъ, безъ сомнѣнія, не нападалъ бы на Вернадскаго съ такой яростью, если бы вопросъ касался только общины. Въ И. В. Вернадскомъ онъ видѣлъ защитника той системы, которая обезпечивала эксплоатацію народныхъ массъ командующими классами — и это послужило, конечно, главнымъ стимуломъ его безпощадной критики [1]).

Вскорѣ въ своекорыстныхъ и лукавыхъ поползновеніяхъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, затѣмъ въ отказѣ самого правительства отъ выкупа земель—онъ увидѣлъ проявленіе того же стремленія обезземелить народъ, чтобы тѣмъ удобнѣе его эксплоатировать. Вотъ почему при первомъ же прикосновеніи къ этому жизненному и злободневному вопросу съ Чернышевскаго такъ быстро слетѣли тѣ розовые очки, черезъ которые онъ смотрѣлъ на дѣйствія правительства Александра II, на готовящіяся реформы и на общественное пробужденіе до 1858 г.

Въ апрѣлѣ 1858 г. Чернышевскій еще расточаетъ похвалы правительству и пишетъ комплименты либеральнымъ помѣщикамъ [2]), а въ концѣ этого года онъ безповоротно становится уже непримиримымъ радикаломъ и озлобленнымъ врагомъ «лишнихъ людей». Въ апрѣлѣ 1858 г. — когда занятія губернскихъ комитетовъ почти еще не начинались—Чернышевскій въ «Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала» писалъ: «Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую статью,—къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія, отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои расчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу посе-

---

[1]) Въ „Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала“, напечатанномъ въ № 4 „Совр.“ за 1858 г., Чернышевскій писалъ: „То, чтобы всѣ наши землевладѣльцы имѣли поземельную собственность—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина-хозяина въ званіи поземельнаго собственника“. Стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

лянину? *Къ счастью Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много.* Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ» [1]). А въ концѣ 1858 г., когда Чернышевскій узналъ, можетъ быть, даже въ преувеличенныхъ краскахъ, какія суммы назначили нѣкоторые комитеты за уступку крестьянамъ усадьбъ, какъ многіе изъ нихъ отказывали крестьянамъ въ надѣлахъ и какіе опредѣлили оброки, то онъ съ отчаяніемъ и озлобленіемъ выразилъ свое впечатлѣніе въ слѣдующихъ аллегорическихъ строкахъ: «Представьте себѣ мои чувства, когда я, заботясь о приготовленіи хорошаго обѣда для васъ, вдругъ узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ, и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутъ съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, *но которыхъ вообще вы не можете платить безъ крайняго стѣсненія.* Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ странныхъ открытіяхъ? Человѣкъ самолюбивъ, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. «Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія! Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о *сохраненіи* собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность *достанется* въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?» Вторая моя мысль—о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго (т. е. будетъ ли то общинная или личная собственность) я такъ интересовался: «лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку, лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства» [1]).

Въ первой книжкѣ «Современника» за 1859 г. въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ земли?» Чернышевскій по поводу слуховъ о намѣреніи правительства отложить вопросъ о выкупѣ на будущее время писалъ: «По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ». Далѣе онъ, какъ будто нарочно дразня помѣщиковъ и уже бросивъ принципы кавелинскаго проекта, который требовалъ уплаты выкупа не только за землю, но и за личность крестьянина, выводитъ такія цифры выкупа, которыя были бы для помѣщиковъ явно разорительны. Опираясь на цифры Соловьевской статистики для Смоленской губерніи и на цифры Журавскаго для Кіевской,

---

[1]) Тамъ же, стр. 113.

[2]) „Современникъ" за 1858 г., № 12, стр. 579. Позднѣе въ неоконченномъ романѣ „Прологъ Пролога", весьма страннаго по содержанію, Чернышевскій устами Волгина прямо заявляетъ, что въ виду размѣровъ выкупа, принятыхъ правительствомъ, пожалуй безземельное освобожденіе крестьянъ было бы выгоднѣе для нихъ, нежели съ дорого стоющими надѣлами.

онъ доказываетъ, что было бы справедливо въ нечерноземныхъ губерніяхъ уплатить помѣщикамъ за полный душевой надѣлъ по 29 руб. серебромъ, а въ хлѣбородныхъ — по 49 руб.; но затѣмъ онъ предлагаетъ и иной, болѣе выгодный для помѣщиковъ, способъ оцѣнки надѣловъ для опредѣленія выкупной суммы. Онъ беретъ средній доходъ съ крѣпостной души, опредѣляя его довольно произвольно въ 12 рублей для всей Россіи, капитализируетъ его изъ $7^1/_2{}^0/_0$ и выводитъ среднюю стоимость имѣній въ 150 руб. на душу. «Изъ этого имущества — пишетъ онъ — *даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ*, какого мы желали бы, все-таки за помѣщикомъ останется и большая по пространству и лучшая по качеству часть крѣпостного имущества». Поэтому онъ выводитъ максимальную цифру для выкупа — 75 р. на душу, т. е. въ два раза меньше той, какая опредѣлена была по положенію 19 февраля за урѣзанные надѣлы [1]).

Въ сущности Чернышевскій не зналъ досконально русской дѣйствительности. Онъ никогда не изучалъ какъ слѣдуетъ сельскаго быта и русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній. Свои взгляды и аргументы онъ черпалъ изъ западныхъ арсеналовъ, но, конечно, не изъ манчестерскихъ, а изъ соціалистическихъ. По своему міросозерцанію онъ былъ фурьеристъ и это сообщало его построеніямъ нѣсколько отвлеченный характеръ, а положительные проекты его дѣлало весьма непрактичными при всей ихъ простотѣ и прямолинейности. За то весь строй его мыслей отличался необыкновенной послѣдовательностью, а критика его, особенно въ глазахъ читателей, не знавшихъ непосредственно русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, представлялась неизмѣнно побѣдоносной и неопровержимой. Но по той же причинѣ на ходъ работъ въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ непосредственнаго вліянія «Современникъ» имѣть не могъ. Въ помѣщичьей и правительственной средѣ онъ имѣлъ неизмѣримо меньше вліянія, нежели болѣе умѣренные московскіе журналы «Русскій Вѣстникъ» и, въ особенности, «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ», или спеціальный «Журналъ для землевладѣльцевъ», издававшійся «эмансипаторомъ» дворянскаго пошиба А. Д. Желтухинымъ. Послѣдніе два журнала издавались какъ бы съ прямой цѣлью вліять на членовъ губернскихъ комитетовъ и другихъ помѣщиковъ; «Современникъ» же вліялъ, главнымъ образомъ, на образованіе мнѣній въ широкой публикѣ. Цензурныя условія дѣйствовали гнетущимъ образомъ и на издателей «Сельскаго Благоустройства» и даже «Журнала землевладѣльцевъ», такъ что въ 1859 г. оба они вынуждены были прекратиться. Имѣя спеціальныя задачи, они не могли довольствоваться аллегоріями и разсчитывать, что ихъ читатели умѣютъ читать между строкъ, хотя они, разумѣется, по существу были чужды всякаго радикализма. Напротивъ, «Современникъ»

---

[1]) „Современникъ“ за 1859 г., № 1, стр. 3—48.

обрушивался на помѣщиковъ и ихъ интересы безпощадно и въ то же время ловко обходилъ разныя цензурныя препятствія. Къ тому же, какъ общій политическій и литературный органъ, онъ могъ проводить свои взгляды въ самыхъ разнообразныхъ статьяхъ и даже въ беллетристической формѣ.

На помощь Чернышевскому, который вывозилъ на себѣ журналъ въ предыдущіе три года, въ это время явился даровитый, почти геніальный юноша, Добролюбовъ, одаренный въ высшей степени тонкимъ эстетическимъ вкусомъ—чего какъ разъ не доставало Чернышевскому — и обладавшій отъ природы пылкимъ боевымъ темпераментомъ. Верховный распорядитель журнала, Некрасовъ, съ свойственнымъ ему практическимъ чутьемъ оцѣнилъ силу и значеніе этого дуумвирата и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій.

Въ 1858 г., съ началомъ крестьянской реформы, Чернышевскій рѣшилъ сосредоточиться на крестьянскомъ вопросѣ и на статьяхъ и изслѣдованіяхъ экономическаго характера, а отдѣлъ критики и библіографіи передалъ всецѣло въ руки Добролюбова. Этотъ отдѣлъ въ журналахъ того времени являлся центральнымъ, и лицо, имъ завѣдывавшее, имѣло въ журналѣ то же значеніе, что запѣвало въ хорѣ или первая скрипка въ оркестрѣ. Но роль Добролюбова въ «Современникѣ» была еще значительнѣе и шире, какъ потому, что подъ критикой онъ разумѣлъ въ сущности не только критику литературныхъ произведеній, но и критику всей современной общественной жизни, всей русской дѣйствительности, такъ и по силѣ его вліянія на остальныхъ сотоварищей по редакціи—Чернышевскаго и Некрасова. Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще за 2 года передъ тѣмъ пылкимъ двадцатилѣтнимъ юношей какъ разъ въ самый разгаръ блестящихъ надеждъ и розовыхъ упованій, которыми ознаменовались 1855—1857 годы въ Россіи. Въ литературу онъ перешелъ прямо со школьной скамьи. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ новаго времени; ему не пришлось испытать на себѣ того тяжелаго цензурнаго и полицейскаго гнета, подъ дѣйствіемъ котораго такъ долго томились и изворачивались старшіе его товарищи по журналу—Некрасовъ и Чернышевскій. Поэтому всякое отступленіе отъ тѣхъ началъ прогресса и свободы, которыя были провозглашены, или, по крайней мѣрѣ, всѣми были признаны въ началѣ царствованія Александра II, казалось Добролюбову гораздо болѣе возмутительнымъ и невыносимымъ, нежели искушенному жизнью Некрасову и даже Чернышевскому. Кромѣ того, Добролюбовъ обладалъ въ высшей степени страстнымъ темпераментомъ и по натурѣ былъ необыкновенно прямолинеенъ и послѣдователенъ не только въ идеяхъ, но и въ примѣненіи ихъ къ жизни. Онъ требовалъ, чтобы слово непремѣнно претворялось въ дѣло и чтобы дѣло тотчасъ же непосредственно слѣдовало за словомъ. Ему была свойственна въ высшей степени та плебейская честность, которая не терпитъ никакихъ компромиссовъ,

не щадитъ никакихъ позолоченныхъ традицій и переживаній и знать ничего не хочетъ, кромѣ непреклоннаго стремленія къ разъ признаннымъ идеямъ.

Поэтому въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 годовъ его уже совершенно не удовлетворяютъ тотъ либерализмъ *на словахъ*, тѣ надежды и упованіе на свѣтлое *будущее*, тѣ обличанія *безъ указанія имени и мѣста дѣятельности обличаемыхъ лицъ*, а потому и безъ непосредственнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность, которыми полна была наша литература и журналистика конца 50-хъ годовъ. Ему это начинало казаться уже тогда какимъ-то безполезнымъ и дряблымъ топтаньемъ на одномъ мѣстѣ, а иногда и просто обманомъ. Это настроеніе ярко и искренне вылилось у него въ ненапечатанныхъ въ то время стихахъ на тостъ въ память Бѣлинскаго, которыми онъ больно задѣлъ оставшихся въ живыхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, считавшихъ себя хранителями его завѣтовъ [1]). Это разочарованіе въ силѣ и прочности нашего прогрессивнаго движенія и признаніе общественной дряблости было тогда же высказано Добролюбовымъ и во всеуслышаніе—въ статьѣ о «Губернскихъ очеркахъ» Щедрина, въ которой онъ рѣзко и смѣло выразилъ мысль, что все наше передовое общество подходитъ въ сущности подъ типъ щедринскихъ «талантливыхъ натуръ», причемъ онъ увѣрялъ, что «лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ далѣе *теоретическаго* пониманія

---

[1]) Ср. воспоминаніе А. Н. Пыпина („Вѣст. Евр." за 1903, № 11). Стихи эти сохранились у М. А. Антоновича („Русская Мысль" за 1898 г., № 12., ч. 2, стр. 10). Приведемъ здѣсь эти интересные стихи:

И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньѣ молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Онъ грозно шелъ на грозный бой
Съ самоотверженной душой,
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ Лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силы
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезею правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньѣ
Виднѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

И умирая, думалъ онъ,
Что путь его уже свершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.

того, что нужно, и громкаго крика, *когда онъ не слишкомъ опасенъ.* Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ убѣжденіямъ. Самые самоотверженные замолчатъ и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ» [1]). Съ этихъ поръ скорбная и гнѣвная нота звучитъ, постепенно усиливаясь, почти во всѣхъ статьяхъ Добролюбова и достигаетъ своего апогея въ статьѣ «Что такое Обломовщина?» (1859 г.). Пользуясь знаменитымъ романомъ Гончарова, Добролюбовъ представилъ здѣсь оригинальный генезисъ современнаго ему дворянскаго либерализма и въ яркихъ чертахъ изобразилъ дряблость и пустоту нашего передового сословія, даже въ наиболѣе передовыхъ его представителяхъ отъ Онѣгина, Печорина до Бельтова, Рудина и, наконецъ, Обломова. Въ прежнихъ своихъ представителяхъ оно являлось—по выраженію Добролюбова—прикрытымъ «разными мантіями» и украшеннымъ «разными прическами», а въ Обломовѣ явилось разоблаченнымъ. Въ этомъ Добролюбовъ и видѣлъ главное достоинство романа Гончарова, котораго онъ ставилъ гораздо выше Тургенева. «Вопросъ, *что онъ* (т. е. Обломовъ) *дѣлаетъ? Въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?*—поставленъ прямо и ясно и не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому — писалъ Добролюбовъ,—что теперь уже настало или настаетъ неотлагательно время *работы* общественной...» Поэтому въ романѣ Гончарова онъ видѣлъ *знаменіе времени* [2]). Но образованное дворянство являлось до отмѣны крѣпостного права представителемъ всего русскаго общества, и Добролюбову казалось, что все оно безплодно и трусливо топчется на одномъ мѣстѣ, и потому онъ на все это общество, на все либеральное движеніе того времени распространяетъ уже въ 1859 году изобрѣтенное имъ понятіе *обломовщина.*

«Если я—писалъ онъ—вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ—Обломовъ.

Но молодыя поколѣнья
Полны и страха и сомнѣнья,—
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ
Въ смущеньѣ робкомъ суетятся
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только... любоваться!

Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только, только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!..“

[1]) Сочиненіе Добролюбова, т. 1., стр. 410.
[2]) Сочиненіе, т. II, стр. 498.

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и тому подобное, я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые анекдоты (а иногда и новые) о взяточничествѣ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

«Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?»—они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство,—они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что обломовцы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжите разговоръ съ ними и спросите: «что же вы намѣрены дѣлать?» Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...» и проч. (см. Тургенева Пов., ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

«Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ!»—говоритъ онъ устами Штольца и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ—скорбно заключаетъ Добролюбовъ—Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и еще рано писать намъ надгробное слово...» [1]).

Развѣнчивая современныхъ ему либераловъ и безпощадно преслѣдуя постепеновцевъ и ихъ склонность къ компромиссамъ, ихъ способность легко удовлетворяться дешевыми обличеніями квартальныхъ и прочихъ мелкихъ злоупотребителей и оставлять въ сторонѣ сильныхъ міра сего, [2])—Добролюбовъ становился все

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 501—502.
[2]) Въ статьяхъ о Пироговѣ и проч. и въ особенности въ „Свисткѣ“.

непримиримѣе и, наконецъ, рѣзко выразилъ свои симпатіи къ дѣятельному радикализму въ статьѣ «Когда же придетъ настоящій день?» (по поводу «Наканунѣ» Тургенева) и еще прямѣе въ своихъ статьяхъ объ Италіи, гдѣ тогда происходило широкое народное революціонное движеніе. Эти статьи написаны были Добролюбовымъ за границей (гдѣ онъ лѣчился за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти) и напечатаны въ «Современникѣ» за 1861 г. Написанная имъ тогда біографія Кавура представляетъ собой страстный и краснорѣчивый памфлетъ, гдѣ онъ еще разъ подвергъ разбору и развѣнчанію способъ дѣйствія либеральныхъ вождей всѣхъ странъ и народовъ и противопоставилъ ему, насколько позволяла цензура, политическую честность, осмысленность и плодотворность образа дѣйствія радикальныхъ вождей демократіи, такихъ, какъ Мадзини и Гарибальди.

Крестьянскимъ вопросомъ спеціально Добролюбовъ не занимался; сельскохозяйственной жизни онъ совершенно не зналъ, но исходъ крестьянской реформы интересовалъ и волновалъ его чрезвычайно, и чѣмъ отвлеченнѣе смотрѣлъ онъ на это дѣло, тѣмъ строже примѣнялъ къ нему радикальную точку зрѣнія. Въ статьѣ «Литературныя мелочи прошлаго года» онъ сурово осуждаетъ всѣ современные журналы за ихъ пристрастіе къ помѣщичьимъ интересамъ и особенно рѣзко нападаетъ на статьи А. А. Головачева въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—за его попытку выяснить откровенно, что помѣщики въ нечерноземныхъ губерніяхъ не могутъ удовольствоваться при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній вознагражденіемъ за однѣ только земли, отводимыя крестьянамъ, а должны быть вознаграждаемы и за потерю дохода отъ крѣпостного крестьянскаго труда. Головачевъ доказывалъ въ этомъ случаѣ тѣ самыя положенія, на которыхъ былъ построенъ либеральный проектъ тверского комитета, и которыя въ началѣ 1858 г. были выставлены самимъ «Современникомъ» въ выдержкахъ изъ записки Кавелина. Но Добролюбовъ не принималъ въ расчетъ никакихъ фактическихъ данныхъ и цифръ и, принимая за чистую монету правительственныя распоряженія о томъ, что за личность крестьянъ не можетъ быть назначено никакого вознагражденія, съ азартомъ отстаивалъ это положеніе со всѣми логическими выводами изъ него. Поэтому проекты и соображенія Головачева, Унковскаго, Кошелева и др. казались ему не болѣе какъ плантаторскими уловками. Разумѣется, не менѣе сурово и презрительно отзывался онъ и о тѣхъ публицистахъ изъ помѣщиковъ, которые стремились удержать какую-либо часть вотчинной власти или сохранить розгу для освобожденныхъ крестьянъ. Разочарованіе въ искренности и послѣдовательности помѣщичьяго либерализма не мало содѣйствовало у Добролюбова тому взгляду на дворянство и на либерализмъ, который былъ имъ изложенъ съ такой безпощадностью въ статьѣ «Что такое Обломовщина?»

Разочарованіе въ образованной части нашего общества заставило Добролюбова возложить всѣ надежды на народъ. Свои

мысли объ этомъ онъ съ обычной энергіей выразилъ въ статьѣ «Народное Дѣло» по поводу проявившагося въ 1859 г. во многихъ губерніяхъ движенія среди крестьянъ противъ виннаго откупа. «Да, въ этомъ народѣ,—писалъ тогда Добролюбовъ,—есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ. Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишки, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой-то способности—приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу—и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашей отвлеченной образованностью и привинвной гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, *всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ»* [1]).

Такимъ образомъ, уже въ концѣ 1859 г. Чернышевскій и Добролюбовъ пришли къ полному разочарованію въ силѣ и искренности либерализма образованнаго общества и всю свою надежду возложили на народъ. По своимъ положительнымъ взглядамъ Чернышевскій былъ убѣжденный соціалистъ, о Добролюбовѣ нельзя этого сказать съ такою же опредѣленностью: онъ не изучалъ спеціально экономическихъ вопросовъ и не бралъ на себя выбора той или другой соціальной системы для будущаго. Но онъ былъ несомнѣнно глубокимъ и восторженнымъ демократомъ. Въ нашей литературѣ, обыкновенно, придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что и Чернышевскій, и Добролюбовъ оба были разночинцами. Однако, было бы въ высшей степени ошибочно объяснять ихъ радикализмъ и безпощадное отношеніе къ помѣщичьимъ интересамъ личной озлобленностью и нетерпимостью голодныхъ пролетаріевъ. Ни тотъ, ни другой не были въ этомъ положеніи: оба они стояли въ сторонѣ отъ помѣщичьяго быта, оба прекрасно видѣли кричащія злоупотребленія крѣпостного права и, не будучи связаны съ нимъ никакими матеріальными отношеніями, могли

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 87.

смотрѣть и смотрѣли на ликвидацію крѣпостныхъ отношеній съ совершенно отвлеченной радикальной точки зрѣнія. Многія подробности и условія помѣщичьяго хозяйства были имъ неизвѣстны, и это усиливало строгость и безпощадность, а отчасти и непрактичность ихъ взгляда. Но въ то же время они умѣли высоко и тонко цѣнить все истинно благородное, что было въ образованномъ классѣ тогдашней Россіи. Чтобы понять и ясно почувствовать это, достаточно напомнить превосходную статью Добролюбова о Станкевичѣ и умѣнье его сохранить полное уваженіе къ личности и заслугамъ Пирогова въ пылу самой ожесточенной полемики съ его защитниками [1])

Итакъ, направленіе «Современника“, какъ органа русскаго демократическаго радикализма въ 1859 г., вполнѣ выяснилось. Публика явно одобрила новое направленіе «Современника»; вліяніе и распространеніе журнала росло весьма быстро, и до возникновенія Писаревскаго «Русскаго Слова» у него не было въ Петербургѣ серьезныхъ соперниковъ [2]). Безпринципныя «Отечественныя Записки» редакціи Дудышкина не могли съ нимъ тягаться. Изъ «Библіотеки для чтенія» Дружининъ пытался сдѣлать серьезный органъ консервативнаго направленія въ англійскомъ смыслѣ этого слова, но безъ большого успѣха.

Зато въ Москвѣ развивался и процвѣталъ въ это время «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Первоначально въ составъ его редакціи вмѣстѣ съ Катковымъ и Леонтьевымъ входили ближайшіе друзья Грановскаго—Кудрявцевъ и Евг. Коршъ, а въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ, на ряду съ такими западниками, какъ Чичеринъ и Соловьевъ, значились и славянофилы Аксаковы. Но направленіе журнала быстро опредѣлилось, и въ 1857 г. Аксаковы уже въ немъ не участвуютъ, а къ концу этого года по разногласіямъ чисто принципіальнаго характера отъ журнала отстали Чичеринъ и Коршъ, основавшіе съ 1858 г. свой журналъ «Атеней», придерживавшійся въ политическихъ вопросахъ болѣе консервативныхъ взглядовъ, нежели «Русскій Вѣстникъ».

«Русскій Вѣстникъ» становится съ того времени (и до конца 1861 г.) яркимъ выразителемъ политическаго либерализма и главнымъ проводникомъ въ обществѣ конституціонныхъ идей. Постоянными сотрудниками его становятся тѣ публицисты изъ дворянъ, которые по своимъ взглядамъ тѣсно примыкаютъ къ депутатамъ 1-го приглашенія. Среди нихъ часто попадаются имена: Головачева, Унковскаго, Салтыкова, В. П. Безобразова, Д. П. Хрущова, А. М. Жемчужникова (Арсенія Глѣбова) и др. Въ крестьянскомъ вопросѣ редакція обѣщала давать высказываться людямъ прогрессивнаго направленія разныхъ оттѣнковъ; но сама она довольно опредѣ-

[1]) Тѣ же черты можно указать въ статьѣ Чернышевскаго о Кавелинѣ. Нельзя этого, къ сожалѣнію, сказать только о странномъ романѣ Чернышевскаго „Прологъ Пролога“, написанномъ имъ въ тюрьмѣ въ 1863 г.

[2]) „Русское Слово“ въ 1859 г. до перехода подъ редакцію Благосвѣтлова было совершенно еще неустановившимся органомъ.

ленно высказала свой взглядъ въ первой же редакціонной статьѣ (въ № 5 за 1858 г.), указавъ, что конечною цѣлью реформы должна быть гражданская полноправность крестьянина, что онъ долженъ быть освобожденъ съ землей, приблизительно въ размѣрѣ существующаго надѣла, и что земля эта должна быть выкуплена при помощи кредитной операціи. На этой позиціи журналъ оставался до изданія положенія 19 февраля. Но главнымъ вопросомъ, по отношенію къ которому Катковъ держался особенно твердо и строго, былъ вопросъ достиженія политической свободы. Рельефнѣе всего настроеніе Каткова въ этомъ отношеніи выразилось въ любопытной перепискѣ съ Чичеринымъ, сохранившейся въ архивѣ послѣдняго и недавно опубликованной Барсуковымъ въ XVII т. біографіи Погодина. Между Катковымъ и Чичеринымъ возникло въ это время несогласіе изъ-за статьи Чичерина о Токвилѣ,— самомъ модномъ въ то время писателѣ,—въ которой Чичеринъ отнесся очень критически къ взглядамъ Токвиля на самоуправленіе и обнаружилъ нѣкоторую склонность къ политической централизаціи. Катковъ отказался напечатать эту статью и въ письмѣ къ Чичерину представилъ въ отвѣтъ на нее цѣлую диссертацію, въ высшей степени характерную для освѣщенія тогдашняго его образа мыслей.

«Истинное назначеніе централизаціи—писалъ тамъ, между прочимъ, Катковъ—собрать воедино, подъ замокъ и печать, всю *фактическую*, *внѣшнюю*, *принудительную силу*; подчинить *кесареви все кесарево*, но отнюдь не отдавать кесареви то, что никакъ принадлежать ему не можетъ; отнюдь не затѣмъ собрать эту силу, чтобы воспользоваться ею для порабощенія всѣхъ прочихъ началъ человѣческаго міра. Какъ скоро дѣло централизаціи приходитъ къ концу, такъ требуется возможно полное освобожденіе человѣческой жизни отъ государственной опеки. Но, къ сожалѣнію, не такъ бываетъ...»

Обрушиваясь далѣе на «практическихъ совершителей централизаціи», Катковъ писалъ: „имъ кажется, что собранной силой можно и должно пользоваться по личному благоусмотрѣнію диктатора, для подвиганія человѣчества по пути прогресса; имъ приходитъ въ голову убійственная мысль, что можно и должно осуществить идеи разума посредствомъ монаршаго скипетра или диктаторской булавы; имъ приходитъ странная мысль, что *депозитаріи* этой силы становятся какими то ангелами небесными, что стоитъ человѣку окунуться въ казну, какъ изъ него непремѣнно выйдетъ существо по образу и подобію божію, чиновникъ во всей формѣ, какого благодушно желаютъ для своихъ любезновѣрныхъ подданныхъ императоръ Іосифъ II и многіе другіе императоры...»

Послѣ блестящаго анализа революціонной централизаціи временъ Конвента и Наполеона и доказательства противорѣчій идей свободы и централизаціи, Катковъ переходитъ непосредственно къ злобѣ дня. «Говорятъ,—пишетъ онъ,—что диктатура

у насъ полезна и можетъ вести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Не спорю; но гдѣ и въ какихъ случаяхъ? Напримѣръ, говорятъ, какъ произвести освобожденіе крестьянъ безъ принужденія со стороны государства? Это мнѣніе основано на непонятномъ недоразумѣніи. Помѣщикъ у насъ есть чисто-на-чисто созданіе государства; онъ даже не то, что французскій gentilhomme, тщеславно ведущій себя отъ временъ феодальныхъ, когда онъ самъ былъ маленькимъ государемъ, а впослѣдствіи, уступивъ свое золото центральной власти, получилъ отъ нея взамѣнъ ассигнацію въ видѣ привилегіи; русскій помѣщикъ отъ начала созданъ централизаціей и поддерживается ею одной. Въ *сущности* онъ ничѣмъ не разнится отъ чиновника; у него есть даже свой мундиръ; онъ и былъ своего рода чиновникомъ; онъ—остатокъ старой системы администраціи; стало быть, онъ вполнѣ *кесаревъ*, а потому и слѣдуетъ *его* отдать *кесареви*. Отними государство хоть на минуту свою поддерживающую руку отъ помѣщика—и онъ исчезнетъ, какъ призракъ. Желательно однако, чтобы при этомъ имѣлась въ виду не просто смѣна династіи, а радикальное освобожденіе, не смѣна помѣщика становымъ, котораго уже и безъ того во многихъ мѣстностяхъ величаютъ не иначе, какъ бариномъ. Говорятъ еще о церкви у насъ, о томъ, слѣдуетъ ли давать ей свободу. Но церковь у насъ есть чисто государственный, почти полицейскій институтъ; безъ всякаго сомнѣнія, нельзя давать ей волю, какъ полицейскому институту. Совсѣмъ иное дѣло отпустить ее изъ государственной службы, отобрать у ней привилегіи, какъ прежде были отобраны имущества и самосудъ, предоставить религію не полицмейстеру, а совѣсти: въ этомъ смыслѣ требуется полнѣйшая свобода церкви, т. е. совѣсти и всего, что далѣе слѣдуетъ. Говорятъ также о нашихъ коллегіяхъ, о совѣщательныхъ и избирательныхъ собраніяхъ; но можно ли говорить серьезно объ этихъ жалкихъ комедіяхъ, объ этихъ каррикатурахъ общественныхъ льготъ въ мірѣ совершеннѣйшей централизаціи, гдѣ все чиновникъ или солдатъ, начиная съ будочника и ямщика и т. д. вверхъ?»

Мы сдѣлали эту длинную выписку потому, что она очень хорошо выясняетъ тогдашній образъ мыслей Каткова, который онъ проводилъ въ 1858—1861 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ большой послѣдовательностью и упорствомъ. При этомъ онъ постоянно расхваливалъ англійскіе порядки, но англоманство его тогда не имѣло ничего общаго съ тѣми англоманами-помѣщиками, которые мечтали объ образованіи въ Россіи аристократіи на манеръ англійскихъ лордовъ. Наоборотъ, «Русскій Вѣстникъ» отстаиваетъ въ то время безсословность самоуправленія, иначе въ немъ не могли бы и ужиться такіе писатели, какъ Головачевъ, Салтыковъ и др. Салтыковъ въ 1861 г. помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью по вопросу о сословности, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ обращаться въ члены тѣхъ сельскихъ обществъ и волостей, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такія

же проникнутыя демократическимъ духомъ статьи помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» А. М. Унковскій [1]). Вообще направленіе «Русскаго Вѣстника» конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ *политическомъ* отношеніи можно назвать либерально-демократическимъ; но въ соціальномъ отношеніи Катковъ всегда былъ охранителемъ, онъ никогда не раздѣлялъ соціалистическихъ идей и, стоя на почвѣ римскаго права, постоянно высказывался очень рѣзко противъ общиннаго землевладѣнія.

Совершенно особое положеніе занимали въ то время славянофильскія изданія: «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ», «Молва» и «Парусъ» Аксакова. Одни изъ нихъ были болѣе умѣренны и осторожны, другія болѣе радикальны въ способѣ изложенія своихъ взглядовъ, что зависѣло отъ темперамента ихъ руководителей, но направленіе у всѣхъ у нихъ было одно и то же. Съ одной стороны, это было направленіе въ высшей степени консервативное, старавшееся отыскать и очистить отъ всего наноснаго исконные устои русской жизни, чтобы на нихъ основать всѣ соціальные и политическіе свои взгляды и требованія. Въ этомъ именно смыслѣ Ю. Ф. Самаринъ писалъ въ 1859 году, что онъ считаетъ себя болѣе консерваторомъ, нежели Алексѣй Орловъ, Сергѣй Ланской и Яковъ Ростовцевъ. [2]) Но эта же точка зрѣнія не помѣшала тому же Самарину въ то же время быть лидеромъ extrême gauche въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ и пріобрѣсти въ помѣщичьемъ кругу репутацію злѣйшаго врага существующаго строя.

Въ отношеніи крѣпостного вопроса всѣ славянофилы были или казались въ то время рѣшительными эмансипаторами. Даже Добролюбовъ, не обинуясь, назвалъ «Сельское Благоустройство» «гуманнѣйшимъ и дѣльнѣйшимъ журналомъ по крестьянскому вопросу [3])». Извѣстно, что въ крестьянскомъ вопросѣ у славянофиловъ была еще спеціальная точка соприкосновенія съ радикалами «Современника», это—защита общиннаго землевладѣнія, хотя въ сущности между взглядами тѣхъ и другихъ на поземельную общину была цѣлая пропасть: Чернышевскій видѣлъ въ сельской общинѣ, какъ мы уже знаемъ, возможный залогъ будущаго соціалистическаго строя, тогда какъ славянофилы смотрѣли на общину, какъ на одинъ изъ старинныхъ устоевъ русскаго народнаго быта. Но разница въ основаніяхъ не мѣшала представителямъ обоихъ направленій многое прощать другъ другу изъ-за этой общей точки соприкосновенія.

Однако славянофилы, будучи консерваторами по основнымъ своимъ взглядамъ, считались—и не безъ основанія—врагами существующаго строя не въ одномъ только крестьянскомъ вопросѣ. Признавая самодержавіе также за одинъ изъ исконныхъ устоевъ

---

[1]) Ср. *Джаншіева* „А. М. Унковскій".
[2]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", ч. I, стр. 315.
[3]) Сочиненія, т. II, стр. 397.

русской жизни, они были въ то же время отъявленными врагами бюрократіи и правительственнаго гнета. Теоретически предоставляя царю «силу власти», они требовали полнаго освобожденія общества, общины и личности отъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, отъ всякой регламентаціи. Характерно въ этомъ отношеніи поясненіе Константина Аксакова относительно русской одежды. Считая важнымъ вопросомъ добиться права носить русское платье, онъ поясняетъ, что отнюдь не желалъ бы *обязательнаго введенія* русскаго платья вмѣсто нѣмецкой одежды и заявляетъ, что такое принудительное введеніе русскаго платья онъ считалъ бы такимъ же нарушеніемъ исконныхъ и священныхъ для него правъ русскаго народа, какъ и насильственное введеніе нѣмецкаго платья, бритья бороды и проч. Очевидно, что для него вопросъ заключался не въ платьѣ того или иного покроя, а въ правѣ русскаго человѣка одѣваться и вообще устраивать свою жизнь такъ, какъ ему самому кажется удобнѣе и лучше.

Признавая точно также православіе однимъ изъ устоевъ русской жизни, славянофилы являлись въ же время отъявленными врагами того принудительнаго казеннаго православія, того полицейскаго устройства церкви, которое существуетъ у насъ, и требовали полнаго освобожденія ея отъ государства и отъ всякой службы государственнымъ цѣлямъ.

Исходя изъ абсолютныхъ началъ, славянофилы въ своихъ освободительныхъ требованіяхъ были чрезвычайно радикальны. Имъ нужно было не смягченіе цензурныхъ условій, не замѣна одной цензурной системы другой, болѣе либеральной, а полная неограниченная свобода слова. Столь же категоричны были ихъ требованія и въ отношеніи свободы совѣсти и вообще свободы общественной и частной жизни. Эти же взгляды клали они въ основаніе своихъ проектовъ общиннаго и общественнаго самоуправленія. Понятно, какіе конфликты съ представителями бюрократической власти могли вызывать подобные взгляды. Когда они проводились людьми болѣе или менѣе уклончивыми, какъ Кошелевъ, дѣло еще могло итти нѣкоторое время, при желаніи правительства избѣгать насильственныхъ дѣйствій. Но когда выразителями славянофильскихъ взглядовъ являлись люди болѣе независимые и пылкіе по своему характеру, какъ братья Аксаковы, то тутъ ужъ конфликты съ бюрократіей, притомъ самые обостренные, были неизбѣжны. Къ этому надо прибавить, что въ концѣ 50-хъ годовъ И. С. Аксаковъ, раздѣляя всѣ либеральные выводы славянофильскаго міровоззрѣнія, далеко не раздѣлялъ еще всѣхъ консервативныхъ основъ этого ученія. Между тѣмъ другіе славянофилы-публицисты, какъ Кошелевъ и Самаринъ, были отвлечены въ 1859 г. отъ писательской и редакціонной работы непосредственнымъ участіемъ въ крестьянской реформѣ, Константинъ же Аксаковъ устранился отъ журнальной дѣятельности послѣ запрещенія «Молвы», и потому фактически руково-

дителемъ всѣхъ славянофильскихъ изданій того времени приходилось быть именно Ивану Аксакову. Взгляды, которые исповѣдывалъ въ то время И. С. Аксаковъ отразились съ замѣчательной полнотой и яркостью не только въ его статьяхъ, но, пожалуй, съ еще большею силою въ его перепискѣ съ родными и съ нѣкоторыми другими лицами. Нѣкоторыя выписки изъ его письма мы привели уже выше, но для характеристики его редакторскихъ взглядовъ позволимъ себѣ выписать еще нѣсколько мѣстъ изъ любопытнѣйшаго письма его къ гр. Блудовой (его заступницѣ въ придворныхъ сферахъ). Это письмо было писано уже въ ноябрѣ 1861 года по поводу неблагопріятнаго впечатлѣнія произведеннаго въ высшихъ сферахъ нападками Аксакова на Чичерина.

Вотъ что писалъ Аксаковъ своей высокопоставленной доброжелательницѣ: «Я иду своей дорогой: если вамъ и вашимъ приходится пройти со мной un bout de chemin по одной дорогѣ, я очень радъ, но я знаю и помню хорошо то, что вы не пойдете, не отважетесь итти туда, куда ведетъ меня моя дорога. Вашъ путь идетъ въ сторону, а я со своей дороги не сворачиваю и не сворочу...» «...Я вамъ всегда говорилъ, когда вы ручались за меня en haut lieu, что вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, что я не отступлю отъ своихъ убѣжденій ради деликатности; извольте меня знать и разумѣть, какимъ я есть, а сдѣлать изъ меня Hofpoët'а или Hofpublizist'а вамъ не удастся. Я пишу вовсе не для того, чтобы имъ нравилось,—а нравится имъ, что я пишу, тѣмъ лучше для нихъ. Что Евграфу Петровичу (Ковалевскому, м-ру народ. просв.) не нравится моя статья, это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно; а развѣ мнѣ его управленіе министерствомъ и все сочиненное имъ для университетовъ нравится? Нисколько. Это меня ни малѣйшимъ образомъ не смущаетъ. Что Делянову не нравится?—Въ порядкѣ вещей! Что Урусову не нравится? Я бы усумнился въ правдѣ своей статьи, если-бъ она ему понравилась. Что Долгорукову (шефу жандармовъ) не нравится? Слава Богу!...

По поводу намека въ письмѣ Блудовой, что Аксаковъ хотѣлъ будто бы своей статьей снискать благосклонность петербургской журналистики, Аксаковъ отвѣчалъ, что его газета, напротивъ, нападаетъ на матеріализмъ, «но она же при первомъ удобномъ случаѣ нападаетъ и на Св. Синодъ съ гр. Толстымъ, съ кн. Урусовымъ, съ Аскоченскими, Барковыми и т. д. Они хуже, они болѣе принесли зла, чѣмъ матеріалисты; матеріализмъ есть совершенно законное противодѣйствіе холопству и офиціальности, внесенной въ область вѣры и т. д... Нѣтъ! я ничьей благосклонности и сочувствія не заискивалъ и думать о томъ кому-либо, меня знающему — стыдно; но признаюсь вамъ, меня, напротивъ того, тяготитъ благосклонность и сочувствіе лицъ, которымъ не слѣдуетъ мнѣ сочувствовать. Если-бы Тимашевъ выразилъ мнѣ свое сочувствіе, оставаясь Тимашевымъ, я могъ

бы приписать это только недоразумѣнію и постарался бы вывести его изъ этого недоразумѣнія, хотя бы это было для меня невыгодно...»

«Поймите и помните, графиня, что если славянофильство имѣло и имѣетъ такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не дѣлая уступокъ ни обществу, ни правительству, не увлекаясь ни вашими дружескими зазывами, ни требованіями публики» [1]).

Правительство же фактами старалось доказать въ это время славянофиламъ, что самодержавіе неотдѣлимо отъ самовластной бюрократіи и что идеалъ славянофильскаго государственнаго устройства—чистая утопія: «Молва» была запрещена въ концѣ 1857 г., «Сельское Благоустройство» должно было прекратиться изъ-за постоянныхъ цензурныхъ урѣзываній и задержекъ въ началѣ 1859 г., а къ концу этого года прекратилась и сама «Русская Бесѣда». Въ томъ же году сталъ выходить еженедѣльный «Парусъ» Ивана Аксакова и былъ остановленъ на второмъ же номерѣ.

Въ «Парусѣ» Аксаковъ, горячо ратуя за свободу слова, писалъ въ первомъ же номерѣ, что если его газета сядетъ на мель, то «пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія...» Современный ему моментъ онъ характеризовалъ какъ «эпоху попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ: деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицаніе теоріи и науки во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску...» При этомъ онъ выражалъ опасеніе, что чиновники-доктринеры, склонные къ безтолковому заимствованію съ запада и презрительному отношенію къ народной жизни и ея устоямъ, губятъ дѣло реформъ, и что «новыя насажденія въ свою очередь *лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама...»* «Трудно же будетъ—восклицаетъ онъ—раскапывать всѣ эти слои, чтобы добраться, наконецъ, до материка, въ которомъ одномъ и заключается вся сила!..» [2]).

Никитенко разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ», что Тимашевъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ упрятать Аксакова въ Вятку. Но это ему не удалось; наоборотъ, Аксакову удалось имѣть съ нимъ слѣдующее любопытное объясненіе: «Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи», сказалъ Аксаковъ. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики».

«Какъ», спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ: «гдѣ они?»

«Въ третьемъ отдѣленіи», былъ отвѣтъ. «Третье отдѣленіе

---

[1]) *Барсуковъ*, т. XVIII, стр. 266—272.
[2]) *Барсуковъ*, т. XVI, стр. 312—314.

своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ» [1]).

Запретивъ «Парусъ», правительство само спохватилось, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на заграничныхъ славянъ и стало задабривать славянофиловъ, предлагая одному изъ нихъ—Чижову — открыть новый журналъ. Барсуковъ сообщаетъ объ этомъ курьезнѣйшую переписку между Егоромъ Ковалевскимъ и Чижовымъ. Когда славянофилы отказались отъ сдѣланнаго имъ предложенія, вслѣдствіе придирокъ варшавскаго намѣстника кн. М. Д. Горчакова, то арендатору «Петербургскихъ Вѣдомостей», А. А. Краевскому, было передано высочайшее повелѣніе открыть въ этой газетѣ отдѣлъ «Славянскія земли» [2]).

Новыя потребности жизни, развивавшіяся съ такой необыкновенной энергіей, находили себѣ отраженіе во всѣхъ передовыхъ органахъ нашей литературы. Они нашли себѣ признаніе даже въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности въ рѣчи предсѣдателя А. С. Хомякова, который сказалъ похвальное слово новой обличительной литературѣ, признавъ ее явленіемъ не только законнымъ, но необходимымъ и отраднымъ. Въ устахъ Хомякова этотъ отзывъ слѣдуетъ, вѣроятно, разсматривать, какъ своеобразный отпоръ идеямъ Добролюбова, но любопытно, что тогдашнимъ консерваторамъ кн. Вяземскому и Шевыреву почудилось въ этой рѣчи Хомякова какое-то трусливое заискиваніе передъ радикалами, при чемъ Шевыревъ съ ненавистью называетъ въ письмѣ къ Вяземскому Чернышевскаго «великимъ магистромъ ордена свистопляски, господствующей теперь въ нашей литературѣ». Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ гармонировало чрезвычайно характерное заключеніе въ отчетѣ о состояніи московской епархіи за 1859 г. митрополита Филарета, который, между прочимъ, писалъ: «Печальное зрѣлище представляетъ и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ порицательная и кощунственная литература, столько же, если не болѣе распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительной. Званія, должности, лица—все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи, до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы. Не нужно указывать многихъ примѣровъ: ими исполнены повременныя изданія... Господь да управитъ мудрость святѣйшаго Синода и православнаго правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ» [3]).

---

[1]) *Никитенко*, т. II, стр. 127.
[2]) *Барсуковъ*, т. XVI, стр. 428—429.
[3]) *Барсуковъ*, т. XVII, стр. 424—425.

IX.

„Колоколъ“ Герцена.—Его вліяніе.—Отношеніе къ нему современниковъ.—Нападеніе на „Колоколъ“ Б. Н. Чичерина.—Отношеніе Герцена къ „Современнику“.

Какъ ни быстро развивалась и прогрессировала наша печать въ началѣ царствованія Александра II, однако, потребности жизни развивались еще быстрѣе, и уже въ 1857 г. печать оказалась не въ состояніи удовлетворять имъ вполнѣ. Тогда на помощь ей своевременно выступилъ со своимъ «Колоколомъ» Герценъ, жившій въ то время въ Лондонѣ и основавшій тамъ при первыхъ же симптомахъ пробужденія русскаго общества «вольную русскую типографію». Публика съ жадностью хватала произведенія свободной русской мысли. «Работа—вспоминалъ потомъ Герценъ—не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. «Полярная Звѣзда» читалась на расхватъ». Въ іюлѣ 1857 г. Тургеневъ уже совѣтуетъ Герцену издать 1 и 2 книжки «Полярной Звѣзды» вторымъ изданіемъ. Видя успѣхъ своихъ изданій и справедливо полагая, что «безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой», Герценъ задумалъ издавать вмѣстѣ съ Огаревымъ журналъ. Онъ не ошибся: «Вліяніе «Колокола» въ одинъ годъ далеко переросло «Полярную Звѣзду». «Колоколъ» въ Россіи былъ принятъ—по выраженію самого Герцена—отвѣтомъ на потребность органа, неискаженнаго цензурными условіями». Первый № вышелъ 4 іюля 1857 г. До 1858 г. Герценъ выпускалъ номера ежемѣсячно, а съ начала 1858 г. сталъ выпускать ихъ разъ въ двѣ недѣли. Въ публикѣ нашей до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что «Колоколъ» былъ органъ революціонный, что онъ являлся будто бы представителемъ крайнихъ направленій. Еще недавно такое мнѣніе о немъ было высказано «ученымъ» историкомъ, біографомъ Александра II, Татищевымъ. Въ дѣйствительности «Колоколъ» съ перваго дня своего изданія и до пріѣзда въ Лондонъ Михаила Бакунина въ 1862 г. былъ органомъ либеральнаго движенія въ Россіи. Его программа, опубликованная въ первомъ же номерѣ, заключалась въ трехъ пунктахъ: освобожденіе слова—отъ цензуры; освобожденіе податныхъ состояній — отъ побоевъ; освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ. Въ то время Герценъ не требовалъ даже ограниченія самодержавія. Центральнымъ пунктомъ этой программы былъ крестьянскій вопросъ. Когда впослѣдствіи радикалы упрекали Герцена, что онъ не выставилъ никакой политической революціонной программы, Герценъ отвѣчалъ, что, увидѣвши на знамени новаго движенія въ Россіи не конституцію, не республику, не парламентъ, не муниципальную свободу, не войну съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобо-

жденіе крестьянъ съ землей, онъ бросилъ всё и *прилъпился* къ этому жизненному для Россіи вопросу... «Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него — писалъ онъ во 2 № «Колокола». Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство наткнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы». Разрѣшеніе этихъ вопросовъ онъ ожидалъ отъ правительства мирнымъ путемъ. «Имѣя власть въ рукахъ и опираясь, съ одной стороны, на народъ, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство —писалъ онъ—могло бы сдѣлать чудеса безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣлъ ни одинъ монархъ въ Европѣ». Мы уже видѣли, какъ привѣтствовалъ онъ Александра послѣ опубликованія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря. «Что касается до насъ — писалъ онъ тогда — нашъ путь впередъ назначенъ, *мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ;* въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ, живой голосъ и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ (въ первый разъ сказалъ это Огаревъ въ своей статьѣ), что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но ничего не прося,—прибавлялъ Герценъ—они желали бы, чтобы Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ дорого мнѣніе освободителя крестьянъ. Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Впослѣдствіи издатели «Колокола» не разъ мѣняли свое отношеніе къ Александру II по мѣрѣ полученія вѣчно мѣнявшихся слуховъ, а иногда и достовѣрныхъ извѣстій о совершенно непослѣдовательныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Своего апогея недовѣріе къ Александру II достигло у Герцена послѣ смерти Ростовцева и назначенія Панина на его мѣсто, когда Герцену, какъ и всѣмъ друзьямъ реформы, казалось, что все дѣло рухнетъ или совершенно исказится. Въ азартѣ Герценъ обвинилъ тогда Александра въ лицемѣріи. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣе успокоительныхъ извѣстій, довѣріе его къ Александру опять возстановилось, и послѣ обнародованія манифеста 19 февраля онъ опять привѣтствовалъ его именемъ Освободителя...

Во дворцѣ изданіе «Колокола» было замѣчено сразу и произвело довольно сильное впечатлѣніе. На основаніи его разоблаченій Александръ велѣлъ пересмотрѣть дѣло полтавскаго предводителя Кочубея, подстрѣлившаго своего управляющаго и успѣвшаго уклониться отъ правосудія. Министръ иностранныхъ дѣлъ,

князь Горчаковъ, «съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ «Колоколѣ» отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу...

«Кто же—говорилъ онъ—могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствующихъ» [1]).

Муравьевъ-Амурскій въ далекой Сибири прибѣгаетъ къ протекціи Бакунина, который жилъ въ то время въ Иркутскѣ, прося обѣлить его въ «Колоколѣ» отъ обвиненій, напечатанныхъ въ корреспонденціи, доставленной Герцену докторомъ Бѣлоголовымъ [2]). Ростовцевъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, считаетъ необходимымъ по пунктамъ оправдываться въ длиннѣйшемъ письмѣ передъ декабристомъ кн. Е. П. Оболенскимъ въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него «Колоколомъ» большей частью неосновательно [3]). Въ Москвѣ театральная дирекція вздумала прижать актеровъ, отнять у нихъ слѣдующія имъ деньги; актеры отправили старика Щепкина депутатомъ къ директору театровъ Гедеонову искать у него правды (молока отъ козла, по выраженію Тургенева). Тотъ наотрѣзъ отказалъ.

«Тогда—говоритъ Щепкинъ—остается пожаловаться «Колоколу».

«Гедеоновъ вспыхнулъ и деньги актерамъ возвратилъ. «Вотъ, братъ—писалъ Герцену Тургеневъ,—какія штуки выкидываетъ твой «Колоколъ».

«Колоколъ»—*власть*», говорилъ Герцену Катковъ въ Лондонѣ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу. «И прежде его — пишетъ Герценъ—повторяли то же Тургеневъ и Аксаковъ, и Самаринъ, и Кавелинъ, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. Боткинъ, — постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ,—умильно смотрѣлъ на «Колоколъ», какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями»...

Поэтъ Шевченко, когда увидѣлъ впервые «Колоколъ», благоговѣйно приложился къ нему, какъ къ евангелію. Молодое поколѣніе привѣтствовало Герцена письмами, «отъ которыхъ у него слезы навертывались на глаза»... Корреспонденціи изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества съ разныхъ сторонъ Россіи полетѣли къ Герцену массами. «На меня — вспоминалъ онъ

---

[1]) Изъ „Апогея и Перигея“, приведено у *В. П. Батуринскаго* „Герценъ, его друзья и знакомые“, стр. 80. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго собранія сочиненій Герцена. Заграничное десятитомное далеко неполно; въ русскомъ Павленковскомъ напечатано кое-что изъ статей, невошедшихъ въ заграничное изданіе и, между прочимъ, часть статей изъ „Колокола“, но зато выпущено кое-что изъ напечатаннаго въ заграничномъ изданіи—по цензурнымъ условіямъ 1904 г. Теперь, казалось бы, нѣтъ никакихъ препятствій къ изданію сочиненій Герцена полностью.

[2]) „Воспоминанія“, стр. 620 и слѣд.

[3]) „Русскій Архивъ“ за 1873 г., № 1, стр. 509 и слѣд.

впослѣдствіи — обрушился ливень писемъ и корреспонденцій изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало, одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ... Но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличеніи ежедневныхъ мерзостей».

Герценъ считалъ обличеніе злоупотребленій правительства и его агентовъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Онъ не щадилъ времени и труда на чтеніе всякихъ корреспонденцій, на внимательное ознакомленіе съ доставлявшимися къ нему въ копіяхъ цѣлыми «дѣлами» и канцелярскими переписками и воспроизводилъ въ яркихъ краскахъ и съ свойственнымъ ему одному остроуміемъ, и различныя безобразныя происшествія, и портреты, и характеристики тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, министровъ, статсъ-секретарей, губернаторовъ и проч. Для этого онъ завелъ въ «Колоколѣ» особый отдѣлъ «Подъ судъ», и попасть въ этотъ отдѣлъ многіе боялись болѣе, нежели попасть подъ судъ, дѣйствующій именемъ его величества. Значеніе этой стороны дѣятельности «Колокола» признавали не только его многочисленные друзья и почитатели, но и враги, даже такіе строгіе его критики, какъ Чичеринъ, съ одной стороны, Тютчевъ—съ другой [1]). Читался «Колоколъ» въ это время всѣми въ Россіи, отъ сановниковъ и до гимназистовъ включительно, людьми всѣхъ партій и направленій, свободно передаваясь изъ рукъ въ руки, а въ числѣ его корреспондентовъ и лицъ, черезъ посредство которыхъ онъ получалъ свои свѣдѣнія, мы видимъ, на ряду съ ближайшими друзьями Герцена, какъ Тургеневъ и Кавелинъ, и Аксакова И. С., и Чичерина, и Чернышевскаго, и молодого кн. Орлова, будущаго посла въ Парижѣ, и будущаго министра народнаго просвѣщенія Головнина (послѣдніе двое сообщали свои свѣдѣнія черезъ И. С. Тургенева и черезъ сыновей Я. И. Ростовцева), и многихъ другихъ лицъ, впослѣдствіи относившихся къ Герцену отрицательно или даже враждебно. Многіе нарочно ѣздили въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ Герценомъ, выразить ему свое сочувствіе и почтеніе, имѣть возможность сказать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Герценомъ въ кругу своихъ знакомыхъ. Самъ Герценъ впослѣдствіи писалъ (въ «Апогеѣ и Перигеѣ»): «Ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда, ни постоянно запертыя двери по утрамъ — ничего не помогало. Мы были въ модѣ».

---

[1]) Ѳ. И. Тютчевъ — извѣстный поэтъ и царедворецъ (консерваторъ по убѣжденію) подалъ въ ноябрѣ 1857 г. одному изъ членовъ государственнаго совѣта записку, въ которой выразилъ двѣ замѣчательныхъ мысли: 1) что Россія— это корабль, сѣвшій на мель, который можетъ быть сдвинутъ съ мели только приливающей волной народной жизни, и 2) что Герценъ, который въ это время ужъ очень безпокоилъ правительство, силенъ не своими соціальными „утопическими“ ученіями, а тѣмъ, что его газета („Колоколъ“) свободна отъ цензуры и есть единственная у насъ арена гласности. Отсюда Тютчевъ дѣлалъ тотъ выводъ, что необходимо уничтожить цензуру. („Русск. Арх.“ за 1873 г., № 4).

«Кого и кого мы не видали тогда! Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобы стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда, повторяю, *мы были въ модѣ*, и въ какомъ-то гидѣ туристовъ я былъ отмѣченъ между достопримѣчательностями Путнея...»

Однако, слава и значеніе, которыя пріобрѣлъ Герценъ въ то время, отнюдь не избавляли его отъ критики, иногда вдумчивой и дружеской, иногда рѣзкой, враждебной и раздражительной. Самымъ постояннымъ критикомъ-другомъ въ началѣ изданія «Колокола» былъ И. С. Тургеневъ. Мы не будемъ останавливаться на отношеніяхъ Тургенева къ Герцену въ это время, потому что они прекрасно выяснены въ книжкѣ М. П. Драгоманова, [1]) изъ которой теперь все наиболѣе существенное перепечатано въ Россіи В. П. Батуринскимъ въ книгѣ его: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые» (Спб. 1904); но считаемъ небезполезнымъ остановиться на гораздо менѣе извѣстномъ эпизодѣ столкновенія Герцена съ Б. Н. Чичеринымъ.

Чичеринъ посѣтилъ Герцена осенью 1858 г. уже послѣ своего выхода изъ «Русскаго Вѣстника» и основанія «Атенея», когда за нимъ начала утверждаться репутація консерватора-доктринера и сторонника государственной централизаціи. Тѣмъ не менѣе Герценъ принялъ его съ раскрытыми объятіями, какъ одного изъ любимѣйшихъ учениковъ Грановскаго, какъ друга Кавелина и Корша. Въ Лондонѣ они много спорили, но разстались мирно. Изъ Парижа Чичеринъ написалъ Герцену письмо, въ которомъ указывалъ на неточность и невѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ ему корреспондентами. По поводу словесныхъ споровъ съ Чичеринымъ и этого письма Герценъ помѣстилъ въ «Колоколѣ» замѣтку, въ которой писалъ: «насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

«Насъ упрекаютъ свирѣпо-красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

«Насъ упрекаютъ славянофилы въ западничествѣ.

«Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

«Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ,—на жару».

Послѣднія слова, развитыя въ остальной части статьи, Чичеринъ совершенно основательно принялъ на свой счетъ и отвѣтилъ на нихъ рѣзкимъ письмомъ, требуя, чтобы оно было напечатано въ «Колоколѣ». Герценъ исполнилъ это требованіе и назвалъ это письмо въ предисловіи къ нему *обвинительнымъ актомъ*. Это письмо замѣчательно по ясной формулировкѣ совер-

---

[1]) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену. Женева. Украинская типографія. 1892.

шенно опредѣленнаго взгляда на переживавшійся въ то время отечествомъ нашимъ моментъ и по суровой и безпощадной критикѣ «Колокола», въ которой многое было справедливо, хотя письмомъ этимъ Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ въ то время на руку врагамъ свободы и преобразованій.

«Заранѣе предупреждаю васъ—писалъ Чичеринъ,—что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить ихъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи. Послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собой. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ итти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ *одни* не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, *ни въ обществѣ* не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ-будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь, однако же, къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подчасъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны, народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лѣкарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя: правительство, ищущее опоры! народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличить злоупотребленіе, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ, вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы—сила, вы—власть въ русскомъ государствѣ.

«Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

«Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете его на показъ и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ.

«Вы человѣкъ, брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ, негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это

ваши собственныя слова. Но неужели это требуется отъ политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе; что впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ, прежде всего, требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и созидающій».

Далѣе онъ обрушивается на тѣ статьи, которыя Герценъ писалъ въ минуты разочарованія, въ минуты доходившихъ до него слуховъ о ретроградныхъ поворотахъ правительства, о побѣдѣ придворныхъ крѣпостниковъ, и съ особенной силой нападаетъ на одну корреспонденцію, въ которой крестьяне приглашались точить топоры на случай, если правительство предастъ ихъ интересы. Онъ сѣтуетъ, что Герценъ не попытался «умѣренностью, осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ вопросовъ» внушить правительству довѣріе къ себѣ, а вмѣсто этого только пугаетъ его. «Грустно сказать,—писалъ Чичеринъ,—что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства», и далѣе ставитъ вопросъ, что пришлось бы дѣлать правительству, если бы «въ нѣдрахъ нашего отечества (при свободѣ печати) завелось бы нѣсколько «Колоколовъ», которые всѣ въ разные голоса стали бы звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній...»

При всей вѣрности нѣкоторыхъ указаній и укоризнъ, заключающихся въ этомъ письмѣ, въ общемъ само оно представляло страстный и односторонній памфлетъ. Оно годилось бы при всей своей рѣзкости, какъ полезное для Герцена предостереженіе въ частномъ обмѣнѣ мыслей, но, потребовавъ напечатаніе его въ «Колоколѣ», Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ на руку его врагамъ. Онъ какъ будто задался цѣлью во что бы то ни стало доказать публикѣ, что это журналъ, таящій революціонныя цѣли и притомъ дѣйствующій весьма легкомысленно. Удивительно, какъ «обдуманный и точный» Чичеринъ могъ до такой степени увлечься желаніемъ дать Герцену сильную отповѣдь, что не сообразилъ, какой смыслъ можетъ имѣть его нападеніе на «Колоколъ», написанное какъ бы съ прямой и обдуманной цѣлью развѣнчать Герцена въ глазахъ читателей и подкрѣпить реакціонеровъ въ ихъ стремленіи доказать, что «Колоколъ» старается просто внести смуту въ русскую жизнь. Это хорошо понялъ и указалъ въ своемъ «Дневникѣ» даже такой умѣренный и ненавидѣвшій всякую смуту

человѣкъ, какъ Никитенко; онъ прямо высказалъ, что это письмо Чичерина еще вреднѣе самыхъ крайностей «Колокола», потому что можетъ быть прямо разсматриваемо, какъ поощреніе репрессивнымъ мѣрамъ правительства [1]). То же самое высказалъ въ своемъ письмѣ къ Чичерину его ближайшій другъ К. Д. Кавелинъ [2]).

«Вы говорите—писалъ, между прочимъ, Кавелинъ—что Герценъ равнодушенъ къ гражданскимъ реформамъ, что ему все равно, сдѣлается ли дѣло актомъ деспотизма или актомъ революціи. Вы фехтуете съ необыкновеннымъ искусствомъ противъ него его же собственными словами, чтобы доказать ему и убѣдить другихъ въ томъ, что реформа и революція для него все равно. А такъ какъ Герценъ давно уже пользуется у насъ репутаціей краснаго революціонера, и притомъ вы въ своемъ письмѣ ловко указываете на воззваніе къ топорамъ съ умолчаніемъ желаній мирной реформы, то и остается впечатлѣніе, что, собственно говоря, Герцену смертельно хочется революціи въ Россіи. Если вы хотѣли выразить эту мысль, то я могу поздравить васъ съ совершеннымъ успѣхомъ...»

Кавелинъ указываетъ, между прочимъ, на сочувствіе къ письму Чичерина крѣпостниковъ и реакціонеровъ, въ родѣ шефа жандармовъ кн. Долгорукова (который жалѣлъ только о томъ, что Чичеринъ не испросилъ разрѣшенія правительства на напечатаніе письма, которое непремѣнно послѣдовало бы), и министра юстиціи Панина, которому особенно долженъ былъ понравиться намекъ на то, что свободная литература будетъ раздувать пламя и разжигать страсти [3]).

Напечатавъ это письмо Кавелина, г. Барсуковъ увѣряетъ,

---

[1]) „Дневникъ и Записки“, т. II, стр. 124.

[2]) Необходимо отмѣтить здѣсь еще разъ ошибку М. П. Драгоманова, который въ своей книжкѣ „Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ“ по недоразумѣнію приписалъ Кавелину письмо, напечатанное въ „Колоколѣ“ въ отвѣтъ на Чичеринское, принадлежавшее, повидимому, перу Чернышевскаго. Подлинное письмо Кавелина, которому выразили свое сочувствіе проф. Бабстъ, Н. Н. Тютчевъ (пріятель Бѣлинскаго, а не поэтъ), П. В. Анненковъ, И. С. Тургеневъ и А. И. Скребницкій, не было напечатано въ „Колоколѣ“, хотя и было послано (въ копіи?) Герцену самимъ Чичеринымъ (по желанію Кавелина). Оно сохранилось въ архивѣ Чичерина и было передано имъ Н. П. Барсукову, который и напечаталъ его въ XV томѣ біографіи Погодина (стр. 261 и сл.). Тѣмъ не менѣе въ нашей литературѣ и до сихъ поръ ошибка эта остается незамѣченной; такъ ее повторилъ, напр., г. Ашешовъ въ „Образованіи“ за 1904 г. (№ 1, стр. 54—78).

[3]) „Я спрашиваю васъ—писалъ Кавелинъ,—думаете ли вы серьезно, положа руку на сердце, что Герценъ преднамѣренно раздуваетъ революцію въ Россіи и что въ Россіи есть революціонная партія? Если вы это думаете,—вы, можетъ быть, правы передъ своимъ убѣжденіемъ и своей совѣстью, что написали это письмо, но я съ вами не согласенъ и со скорбью долженъ удалиться отъ васъ, потому что считаю такое убѣжденіе не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ. Если же вы этого не думали, какъ же рѣшились написать? Какъ же вы могли доставить всей этой безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшаго круга, радость оправдывать свои отупѣлыя и злонамѣренныя инсинуаціи авторитетомъ вашего благороднаго имени? Вѣдь, это значитъ продать свое право первородства—и за что же? За блюдо чечевицы...“

что *большинство* друзей Чичерина было въ этомъ случаѣ за него, но утвержденіе это совершенно голословно, если друзьями Чичерина не считать кн. Долгорукова, гр. Панина и др.

Изъ письма Чичерина видно, что онъ не понялъ совершенно и истинныхъ задачъ «Колокола»; въ этомъ случаѣ онъ проявилъ себя дѣйствительно не только доктринеромъ, но и бюрократомъ, полагая, что редакторъ «Колокола» могъ изъ своего прекраснаго далека руководить и направлять по заранѣе обдуманному плану русское общественное движеніе и правительственныя мѣропріятія. На самомъ дѣлѣ задача «Колокола» была гораздо вѣрнѣе понята самимъ Герценомъ, который считалъ себя просто отголоскомъ русской свободной мысли и просто желалъ свободно выразить, со всей присущей ему энергіей, талантомъ и страстью, настроеніе и мнѣнія лучшей части проснувшагося русскаго общества, что онъ и дѣлалъ въ дѣйствительности. Задача его была какъ будто скромнѣе той, которую хотѣлъ ему навязать Б. Н. Чичеринъ, но огромное значеніе заслуги, оказанной имъ русскому обществу и народу, теперь очевидно каждому.

Въ просвѣщенной средѣ тогдашняго общества письмо Чичерина вызвало сильный отпоръ и долго не стихавшее противъ автора его негодованіе.

Между тѣмъ, Герценъ былъ въ это время чуждъ не только какихъ бы то ни было революціонныхъ замысловъ, онъ не одобрялъ даже и тѣхъ радикальныхъ тенденцій и взглядовъ, которыя развивались въ то время въ подцензурномъ «Современникѣ» Чернышевскимъ и, въ особенности, Добролюбовымъ. Онъ не только не присоединился къ нападкамъ «Современника» на либеральные круги нашего общества, но, какъ извѣстно, рѣзко призналъ эти нападки безтактными и несправедливыми. Защищая «лишнихъ людей» и либераловъ, жившихъ принципами 60-хъ годовъ, но плохо примѣнявшихъ ихъ къ дѣлу, Герценъ самъ написалъ много лишняго и по тому времени, пожалуй, болѣе безтактнаго, нежели нападки Добролюбова на либераловъ. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ эпизодѣ, потому что онъ уже извѣстенъ русской читающей публикѣ и по статьѣ г. Богучарскаго въ «Мірѣ Божьемъ» [1]) за 1901 г., и по книгѣ г. Батуринскаго о Герценѣ, изданной въ 1904 году въ Петербургѣ. Мы упомянули объ этомъ только для того, чтобы отмѣтить, что «Колоколъ» Герцена, по своему взгляду на текущія задачи тогдашней русской дѣйствительности, былъ въ 1859—1860 гг. гораздо умѣреннѣе «Современника».

«Какой умница, какой умница!—восклицалъ послѣ свиданья съ Герценомъ Чернышевскій—и какъ отсталъ... Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ

---

[1]) „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли". „Міръ Божій" 1901 г., ноябрь. Перепечатана въ книгѣ того же автора „Изъ прошлаго русскаго общества".

салонахъ и препираться съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ со страшной быстротой, *одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ!* Присмотришься—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!»

«Удивительно умный человѣкъ—говорилъ въ то же время Герценъ о Чернышевскомъ—и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь, онъ увѣренъ, что «Современникъ» представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну только, кажется, ужъ очень они торопятся нашей отходной—мы еще поживемъ! [1]).

Статья «Лишніе люди и желчевики», написанная Герценомъ по поводу этого свиданія, вызвала благодарность Тургенева; предшествовавшая же ей статья «Very dangerous», по поводу Добролюбовской обломовщины, ужасно обрадовала Аполлона Григорьева, который писалъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодину [1]).

Прежде чѣмъ оставить на время Герцена и его «Колоколъ», мнѣ хочется напомнить то впечатлѣніе, которое Герценъ произвелъ въ это время на Н. В. Шелгунова. Характеризуя Герцена въ своихъ воспоминаніяхъ, Шелгуновъ писалъ: «Онъ видѣлъ въ каждой вещи всѣ ея стороны и сразу находилъ отношеніе этой вещи ко всѣмъ другимъ вещамъ... Это былъ умъ глубокій, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывавшій идеальную и практическую сущность каждаго предмета и каждаго понятія». Указывая на то, что Герценъ въ это время не вѣрилъ въ революцію и находилъ ее невозможной, что онъ отрицалъ логику ломки и грубую силу, Шелгуновъ свидѣтельствуетъ, что Герценъ находилъ тогда нужными проповѣдниковъ и апостоловъ, поучающихъ своихъ и не своихъ, а не саперовъ разрушенія [3]).

---

[1]) „Изъ пережитого“ Павлова, приведено у *Батуринскаго*, стр. 103.

[2]) *Барсуковъ*, т. XVI.

[3]) *Шелгуновъ*, сочиненія, II, 701. Съ начала 1861 г. въ Парижѣ сталъ издаваться еще русскій заграничный журналъ „*Будущность*“ кн. *Н. В. Долгорукимъ*, представителемъ русской дворянской фронды. Журналъ этотъ былъ довольно плохъ и не имѣлъ успѣха. И. С. Тургеневъ и Ю. Ф. Самаринъ отзывались о немъ съ пренебреженіемъ (ср. письмо перваго къ Чичерину отъ 12 февраля 1861 г. у Драгоманова и у Батуринскаго, а также письмо Самарина къ Герцену въ „Руси“ за 1883 г. № 1). Свѣдѣнія о кн. Долгоруковъ (Bancal) въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, въ „Быломъ и думахъ“ Герцена, въ „Воспоминаніяхъ“ Н. А. Тучковой и у Барсукова (т. XV, стр. 111). Въ послѣднее время, въ февральской и мартовской книжкахъ „Былого“ за 1907 г, появились статьи о кн. Н. В. Долгоруковъ, составленныя М. К. Лемке. Въ замѣткахъ ген. М. Л. Дубельта (сына извѣстнаго инквизитора) объ Александрѣ II („Русск. Стар.“ за 1891, г. № 6, стр. 725) помѣщенъ любопытный разговоръ въ 1862 г. между Дубельтомъ и Александромъ. Александръ спросилъ Дубельта, кого изъ двухъ онъ предпочитаетъ: Герцена или Долгорукова, и когда Дубельтъ отозвался отрицательно объ обоихъ, то Александръ возразилъ, что онъ предпочитаетъ Герцена, потому что Долгорукій только бранится, а Герценъ, хотя и бранится, но иногда предлагаетъ и дѣльное.

Еще ранѣе, нежели сталъ выходить „Колоколъ“, а именно въ 1856 г., русскій нѣмецъ Поггенполь пріобрѣлъ въ Брюсселѣ французскую газету „Nord“,

X.

Окончаніе работъ по крестьянской реформѣ.—Манифестъ 19 февраля.— Итоги перваго періода царствованія.—

10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты, выработавъ проекты положеній, которые поступили въ главный комитетъ. Крестьянское дѣло вступило въ послѣдній фазисъ своего развитія, и глухая борьба, сосредоточившаяся около этого дѣла, напряглась до послѣдней степени. Александръ, видимо, собралъ всѣ свои силы и выдержалъ съ большою стойкостью послѣдній напоръ придворныхъ и сановныхъ крѣпостниковъ, которые интриговали у него подъ носомъ, но безъ большого успѣха. Въ дневникѣ П. А. Валуева, въ запискахъ Я. А. Соловьева, въ «Освобожденіи крестьянъ» Н. П. Семенова (т. III) и въ заграничныхъ «Матеріалахъ» Д. П. Хрущева, использованныхъ г. Иванюковымъ, разсказаны всѣ шашни и подвохи, которые пытались устроить крѣпостники въ то время, чтобы провалить проекты редакціонныхъ комиссій. Имъ удалось достичь очень немногаго. Главнѣйшія уступки, сдѣланныя имъ, частью еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ, частью въ главномъ комитетѣ, сводились къ нѣкоторому уменьшенію надѣльныхъ нормъ въ части уѣздовъ, къ введенію дарового четвертного надѣла по соглашенію съ крестьянами и къ измѣненію въ порядкѣ замѣщенія должностей мировыхъ посредниковъ. Передъ самымъ вступленіемъ дѣла въ главный комитетъ весьма кстати заболѣлъ предсѣдатель его кн. Орловъ, главный оплотъ крѣпостнической партіи, что дало возможность императору Александру назначить вмѣсто него брата Константина, который повелъ дѣло съ большой энергіей и мужествомъ. Въ послѣднемъ засѣданіи комитета и въ государственномъ совѣтѣ самъ Александръ проявилъ большую твердость и знаніе дѣла. Энергія его достигла здѣсь своего апогея... Какъ бы при восхожденіи на огромную почти неприступную гору, онъ сдѣлалъ послѣднія героическія усилія, достигнулъ вершины, и здѣсь силы его временно оставили. Непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста 19 февраля началась реакція...

Первый, самый трудный и самый сложный этапъ его царствованія былъ конченъ. Манифестъ 19 февраля явился *гранью*, отдѣлившей первый періодъ царствованія, періодъ, въ которомъ были заложены сѣмена всего общественнаго движенія, развивавшагося въ ближайшее затѣмъ двадцатилѣтіе.

Подведемъ же итоги этому періоду.

Послѣ крымской кампаніи пробудившееся общество русское

которая стала съ тѣхъ поръ заниматься преимущественно русскими дѣлами. Въ ней печатались иногда интересные документы и факты, но идейнаго значенія она не имѣла. Самъ Поггенполь пользовался весьма плохой репутаціей (ср. рѣзкій отзывъ о немъ Тургенева въ Женевскомъ изданіи его переписки съ Герценомъ, стр. 94, и эпиграмму Огарева у Батуринскаго, стр. 65).

представляло, какъ мы видѣли, довольно аморфную массу, съ неопредѣленными, но дружными и живыми стремленіями къ свѣту, прогрессу и свободѣ. Между обществомъ и правительствомъ новаго императора, сознавшаго необходимость коренныхъ преобразованій, существовала въ то время полнѣйшая entente cordiale.

Первая, огромная по своему историческому значенію реформа, предпринятая правительствомъ—освобожденіе крестьянъ—коснулась самыхъ существенныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ народа и общества. Отсюда сильное броженіе въ послѣднемъ, въ результатѣ котораго изъ амфорной массы, стремящейся къ свободѣ и къ свѣту, выдѣляются опредѣленныя общественныя направленія, отражающія сознаніе тѣхъ или другихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны, рѣзко опредѣляются политическія стремленія дворянства, которое не желаетъ болѣе сносить бюрократической опеки и правительственнаго самовластія. Съ другой стороны, защитники народныхъ интересовъ рѣзко выдвигаютъ экономическія потребности народа и стараются добиться не только освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права, но и обезпечить ихъ отъ экономической эксплоатаціи высшихъ классовъ. Отсюда соціально-демократическій радикализмъ «Современника».

И то, и другое направленіе очень быстро пріобрѣло характеръ оппозиціи по отношенію къ правительству. Первое изъ нихъ проявило свою оппозицію сперва въ видѣ заявленій и адресовъ, представленныхъ депутатами дворянскихъ комитетовъ, затѣмъ въ видѣ протестовъ и заявленій дворянскихъ собраній. Либеральная отрасль этого направленія опиралась въ литературѣ частью на «Русскій Вѣстникъ» Каткова, частью и на заграничный «Колоколъ» Герцена. Другая крѣпостнически-олигархическая отрасль того же направленія пока не имѣла въ литературѣ своего органа и въ политическихъ своихъ заявленіяхъ во многомъ сливалась съ первой, компрометируя ее этимъ въ глазахъ радикаловъ.

Второе, радикально-соціалистическое, направленіе пока не выходило изъ сферы литературной критики и выражалось главнымъ образомъ въ «Современникѣ».

Независимо отъ этихъ двухъ направленій, аналогичныхъ западно-европейскимъ направленіямъ и политическимъ партіямъ, а потому и аргументы свои черпавшихъ изъ западно-европейскихъ арсеналовъ, въ это время выступило съ категорической формулировкой своихъ положеній и общественныхъ взглядовъ, сложившееся еще въ сороковыхъ годахъ славянофильское направленіе. Это направленіе старалось найти въ русской исторіи и современномъ народномъ бытѣ особыя исконныя русскія начала, противополагавшіяся имъ западно-европейскимъ. Базисъ этого направленія былъ вполнѣ консервативный, но такъ какъ «исконныя начала» оно не принимало въ томъ видѣ, какъ они являлись въ современной уродливой жизни, а идеализировало ихъ,

стараясь очистить отъ всякихъ чуждыхъ имъ (по мнѣнію славянофиловъ) примѣсей и напластованій, и требовало въ концѣ концовъ коренного измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, то фактически и это направленіе оказалось въ явной оппозиціи съ существующимъ полицейско-бюрократическимъ правительствомъ.

Самъ Александръ II, выступая эмансипаторомъ и желая вывести страну изъ того положенія, въ которое она была приведена прежнею системою управленія, окончательно сформировавшеюся при Николаѣ, въ то же время не сочувствовалъ ни одному изъ опредѣлившихся общественныхъ направленій. Его воображеніе слишкомъ было напугано кошмаромъ революцій и народныхъ возстаній. Поэтому, предпринявъ рядъ широкихъ, коренныхъ преобразованій, имѣвшихъ значеніе либеральнаго и даже радикальнаго переворота въ отношеніи къ прежнему общественному строю, онъ въ то же время крѣпко держался за обветшалый бюрократическій строй и не рѣшался довѣриться ни одному изъ общественныхъ теченій и направленій, имъ же самимъ пробужденныхъ и вызванныхъ къ жизни.

Отсюда шаткость и безпочвенность его положенія. Окруживъ себя замкнутымъ кругомъ царедворцевъ и бюрократовъ, онъ дѣйствительно не имѣлъ на кого опереться,—на что самъ неоднократно жаловался. Отсюда и та глухая борьба, которая наполнила все его царствованіе и привела его въ концѣ концовъ къ трагической развязкѣ.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Происшествіе 29 сентября (1857 г.) между студентами (Московскаго) Университета и полиціей“.

3 октября 1857 г. Мин. Нар. Пр. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ далъ *секретное* предложеніе своему товарищу, кн. Петру Андреевичу Вяземскому, слѣдующаго содержанія:

„М. Г. князь П. А.! Въ Москвѣ между студентами университета случилось происшествіе, на которое по обстоятельствамъ надо обратить вниманіе. Подробнѣйшія свѣдѣнія о происшествіи извѣстны сенатору Ковалевскому [1]). Пользуясь отъѣздомъ Вашего Сіятельства въ Москву, я нахожу нужнымъ покорнѣйше просить Васъ, М. Г., объясниться о дѣлѣ съ г. попечителемъ округа и, если окажется надобность, съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ и наблюсти какъ за ходомъ дѣла, по которому производится уже слѣдствіе, такъ и за правильнымъ окончаніемъ онаго. Дѣло по важности своей таково, что, мнѣ кажется, обратитъ на себя вниманіе Государя Императора, и потому я полагаю, что полезно было бы Вашему Сіятельству дождаться въ Москвѣ прибытія Его Императорскаго Величества для личнаго всеподданнѣйшаго объясненія обстоятельствъ и для полученія Высочайшаго наставленія.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и совершенной преданности. А. Норовъ“.

---

[1]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, онъ замѣнилъ ген. Назимова, переведеннаго въ Вильно ген.-губернаторомъ. Въ тѣ времена о попечительствѣ Назимова ходила масса анекдотовъ (напр., о гиперболѣ, съѣдающей сто пудовъ сѣна), свидѣтельствовавшихъ о совершенной неподготовленности и несоотвѣтствіи къ посту, который онъ занималъ. Но съ другой стороны, Назимову ставили въ заслугу (напр., Кавелинъ), что только благодаря ему московскій университетъ не былъ совсѣмъ закрытъ въ 1849 г.

Вотъ въ чемъ, согласно офиціальнымъ документамъ, заключалось „происшествіе 29 сентября“ [1]).

Въ Москвѣ въ 1857 г. мѣщанка Соболева, проживавшая въ домѣ Кузнецовой (Мало-Сергіевскій переулокъ), держала у себя квартирантовъ студентовъ. 29 сентября по случаю именинъ одного изъ нихъ (кажется, Ганусевича) собралось нѣсколько товарищей. Уже поздно вечеромъ въ домъ Кузнецовой, подъ предлогомъ разысканія подозрительнаго человѣка (жулика), якобы въ немъ скрывшагося, явился квартальный поручикъ Симоновъ въ сопровожденіи лишь одного полицейскаго унтеръ-офицера. По приходѣ въ домъ Кузнецовой, Симоновъ вызвалъ Соболеву и осмотрѣлъ внизу всѣ мѣста, гдѣ могъ скрыться интересовавшій его субъектъ, но никого не нашелъ. Затѣмъ Симоновъ нѣсколько поднялся по лѣстницѣ; унтеръ-офицеръ съ Соболевой и здѣсь все осмотрѣли, но опять же никого не оказалось; потомъ всѣ остановились на площадкѣ у дверей квартиры, гдѣ жили студенты. Тутъ Симоновъ началъ „шумѣть“ на Соболеву; это услышали студенты и, выйдя на площадку, узнали отъ Симонова, что онъ ищетъ скрывшагося въ ихъ квартирѣ подозрительнаго человѣка. Студенты отвѣчали, что между ними нѣтъ никого такого и быть не можетъ. Въ происшедшемъ при этомъ разговорѣ Симоновъ, обращаясь по адресу одного изъ нихъ, сказалъ: „такъ ты-то и есть мошенникъ, взять его и связать!“ На это оскорбленіе студентъ Ганусевичъ отвѣтилъ ударомъ, а остальные студенты прогнали Симонова со двора. Скоро, однако, Симоновъ вернулся въ домъ Кузнецовой, на этотъ разъ уже въ сопровожденіи достаточной полицейской команды. Студенты заперлись; но Симоновъ взломалъ двери и ворвался въ квартиру студентовъ. Съ крикомъ: „бей и вяжи ляховъ бунтовщиковъ“ (студенты были большею частью поляки), онъ самъ первый съ обнаженной шпагой кинулся на студентовъ, двоихъ изъ нихъ ранилъ и, не могши достать Ганусевича, „въ порывѣ мести“ пустилъ въ него шпагу. Шпага была подхвачена на лету и осталась въ рукахъ студентовъ. Симонову однако

---

[1]) Съ неофиціальной стороны о „происшествіи 29 сентября“ есть разсказъ въ воспоминаніяхъ московскаго студента того времени А. А. Ауэрбаха (Историч. Вѣст. 1905 г. № 8). Къ сожалѣнію, въ немъ встрѣчаются крупныя неточности, способныя вызвать недовѣріе къ многимъ очень интереснымъ подробностямъ. Событіе отнесено къ 11 сентября, квартальный поручикъ Симоновъ, главный герой, совсѣмъ не упоминается, вмѣсто него на первомъ планѣ квартальный надзиратель Морозовъ, говорится, что Морозовъ (т. е. Симоновъ), учинивъ избіеніе студентовъ, лишь буквально выполнилъ приказъ мѣстнаго пристава Цвиленева,—между тѣмъ послѣдній появляется въ дѣлѣ, когда студенты были уже забраны; не могъ Ковалевскій еще въ бытность Государя въ Москвѣ (т. е. въ октябрѣ) сообщить на собраніи профессоровъ и студентовъ, что Государь приказалъ разжаловать въ солдаты безъ выслуги Цвиленева и Морозова, такъ какъ Высочайшее повелѣніе о преданіи ихъ суду состоялось 16 декабря, а конфирмація 5 іюня 58 г.; самая участь того и другого, какъ будетъ видно ниже, была иная.

удалось лично захватить Ганусевича и сдать его командѣ, которая за ноги стащила Ганусевича по лѣстницѣ, причемъ голова его билась о ступеньки лѣстницы. На дворѣ Ганусевича связали по рукамъ и по ногамъ и бросили на землю.

Повремени Симоновъ спустился на дворъ и, хотя приказалъ развязать у Ганусевича ноги, но лишь для того, чтобы отправить его въ часть, „прежде, однако, и самъ надругался надъ нимъ и приказалъ дѣлать то же и другимъ“ [1]).

Чтобы захватить и прочихъ студентовъ, Симоновъ уѣхалъ въ часть за новымъ подкрѣпленіемъ. Тамъ, бывшему въ этотъ день за частнаго пристава, Морозову онъ все дѣло объяснилъ въ томъ смыслѣ, что студенты избили его, Симонова. Не только Морозовъ повѣрилъ разсказу Симонова, но и бывшій при этомъ брандмейстеръ былъ настолько тронутъ участью Симонова, что по его просьбѣ отрядилъ на мѣсто происшествія часть пожарной команды.

Сопровождаемый Морозовымъ, Симоновъ вновь заявился въ квартиру студентовъ и тамъ принялся не только лично избивать студентовъ, но и возбуждалъ къ тому команду, „называя ихъ, конечно, не безъ намѣренія ляхами-мятежниками“, хотя студенты уже не сопротивлялись и нѣкоторые изъ нихъ были связаны по распоряженію Морозова. Послѣдній пытался было нѣсколько сдержать Симонова, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія, а, напротивъ, возразилъ, что онъ такой же офицеръ и самъ будетъ отвѣчать за свои дѣйствія.

Въ концѣ концовъ студенты были перевязаны и доставлены въ полицейскую часть [2]); по дорогѣ Симоновъ „продолжалъ бить и поносить студентовъ до самаго частнаго дома“.

Но вотъ въ дѣлѣ выступаетъ новое лицо— частный приставъ Цвиленевъ; его не было въ части, когда доставили туда студентовъ. Когда онъ пріѣхалъ въ часть (свое отсутствіе изъ части въ ночное время Цвиленевъ отказался потомъ объяснить въ военно-слѣдственной комиссіи), студенты бросились къ нему со словами: „посмотрите, какъ мы избиты“. Цвиленевъ обнаружилъ къ нимъ свое сочувствіе лишь тѣмъ, что предложилъ имъ свои папиросы. Студенты же разсчитывали на большее; они, по собственнымъ словамъ Цвиленева, „любили его за умѣнье обращаться съ ними“. Но Цвиленевъ, по укоренившемуся въ московской полиціи порядку, ранѣе чѣмъ были составлены актъ осмотра и, такъ называемое, „мѣстное поста-

---

[1]) Слова въ ковычкахъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, взяты изъ офиціальной „Выписки (изъ слѣдственнаго дѣла) о происшествіи 29 сентября“.

[2]) Нѣкоторымъ, однако, удалось этого избѣжать, и они на другой день оповѣстили весь университетъ о ночномъ происшествіи.

новленіе", основываясь лишь на словахъ Симонова (письменный рапортъ былъ поданъ позже) и Морозова, сперва словесно, а потомъ письменно донесъ оберъ-полицмейстеру (извѣстному Берингу), что студенты избили полицію. Берингъ въ свою очередь повѣрилъ Цвиленеву и, ни минуты не колеблясь, свое донесеніе военному ген.-губернатору озаглавилъ: „дѣло о буйствѣ студентовъ", и тѣмъ „опредѣлилъ характеръ происшествія прежде, нежели произведено было слѣдствіе". Тотъ же Цвиленевъ все первоначальное слѣдственное теченіе дѣла оставляетъ въ рукахъ Симонова и Морозова.

Къ счастью, благодаря настояніямъ попечителя округа ген.-губ. Закревскій отдалъ приказъ образовать особую слѣдственную комиссію при участіи депутата отъ университета (кажется, имъ былъ Баршевъ, проф. уголовнаго права). Ковалевскій 4 октября, сообщая о томъ мин. нар. просв., прибавлялъ: трое избитыхъ студентовъ, изъ коихъ Ганусевичъ и Демановскій находились въ довольно опасномъ положеніи, поправляются, и возникшее по означенному обстоятельству нѣкоторое волненіе между студентами прекратилось".

Подъ вліяніемъ впервые сказавшагося давленія общественнаго мнѣнія,—въ официальной „выпискѣ" изъ слѣдственнаго дѣла говорится: „во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ студенты пріобрѣли самаго краснорѣчиваго адвоката... общество требуетъ знаменательнаго удовлетворенія за это позорное дѣло", слѣдственная комиссія отнеслась къ своей задачѣ крайне внимательно, однѣхъ очныхъ ставокъ она дала 60. И въ результатѣ кругомъ виноватыми оказались полицейскіе чины, вѣрнѣе сказать, царствовавшіе тогда полицейскіе порядки. Комиссія не только установила незакономѣрность дѣйствій полиціи, но и раскрыла цѣлый рядъ подлоговъ въ той фазѣ дѣла, когда оно находилось въ рукахъ Цвиленева и К°. Подлогъ по службѣ былъ констатированъ въ отношеніи Симонова, штабъ-лекаря Лилѣева, Морозова и самого Цвиленева. „Симоновъ подалъ частному приставу фальшивый рапортъ о происшествіи, въ которомъ себя оправдывалъ, а студентовъ обвинялъ и подписалъ его заднимъ числомъ... Лилѣевъ сдѣлалъ осмотръ студентовъ и чиновъ полиціи лишь для вида и въ актѣ осмотра поврежденія первыхъ намѣренно уменьшилъ, а послѣднихъ увеличилъ [1])... Морозовъ внесъ въ свое мѣстное постановленіе рапортъ Симонова и актъ осмотра Лилѣева, зная, что они совершенно ложны и сверхъ того исказилъ и то, что не вошло въ нихъ, съ явнымъ намѣреніемъ свалить всю вину на студентовъ... Цвиленевъ виновенъ не только въ сокры-

---

[1]) Ложность акта медицинскаго осмотра, произведеннаго Лилѣевымъ, была установлена докторомъ Кетчеромъ, членомъ московской медицинской конторы отъ университета. За то Лилѣевъ засвидѣтельствовалъ, что студенты были пьяны, „чего никто не видѣлъ и не показывалъ".

тіи истины, но и въ намѣреніи искаженія ея... всѣ акты (т. е. рапортъ Симонова и постановленіе Морозова) составлены ложно по приказанію Цвиленева, и онъ даже самъ многое диктовалъ, лично присутствуя при составленіи ихъ".

По окончаніи слѣдствія оно было препровождено Закревскимъ черезъ военнаго министра на Высочайшее усмотрѣніе. 16 декабря Сухозанетъ лично писалъ Норову:—Милостивый Государь, Абрамъ Сергѣевичъ. Офиціальное увѣдомленіе на счетъ студентовъ вѣроподобно ранѣе двухъ дней до Васъ не достигнетъ, чтобъ успокоить Ваше заботливое попеченіе о ихъ участи, поспѣшаю препроводить заключеніе доклада моего, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія.

Душевно Васъ уважающій и преданнѣйшій слуга

Николай Сухозанетъ.

А на другой день Норовъ получилъ отъ Сухозанета и офиціальное сообщеніе слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленную московскимъ генералъ-губернаторомъ записку изъ слѣдственнаго дѣла о происшествіи, случившемся 29 сентября нынѣшняго года между студентами московскаго университета и чинами тамошней полиціи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Квартальнаго поручика Симонова, квартальнаго надзирателя Морозова, частнаго пристава Цвиленева и частнаго врача Лилѣева предать военному суду при московскомъ Ордонансъ-гаузѣ.

2) Поступки субъ-инспектора Цызырева предоставить усмотрѣнію университетскаго начальства [1]).

3) Хотя студентъ Ганусевичъ за поступки свои и подлежалъ бы строгому исправительному взысканію, но какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отъ нанесенныхъ ему Симоновымъ оскорбленій и притомъ претерпѣлъ жестокія истязанія свыше мѣры взысканія, которой онъ могъ бы подлежать по закону, то Ганусевича никакому наказанію не подвергать.

---

[1]) Въ чемъ заключалась провинность Цызырева—изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно. На бумагѣ есть помѣтка: Г. М. (Нар. Пр.)—3 сентября 1858 г. объявилъ, что Цызыреву сдѣланъ выговоръ.

Подписано: Гаевскій (Дир. Деп. М. Н. П.).

А. А. Ауэрбахъ называетъ субъ-инспектора Соханскаго, якобы принявшаго на себя унизительное посредничество въ попыткѣ полиціи уплатой 5 т. р. пострадавшимъ тремъ студентамъ затушить дѣло. Не смѣшалъ ли онъ Соханскаго съ Цызыревымъ?

Въ № 5 „Колокола" отъ 1 ноября 1857 г. въ статьѣ „полицейскій разбой въ Москвѣ" говорится:—*увѣряютъ*, что полиція черезъ одного университетскаго инспектора предлагала студентамъ значительную сумму, чтобъ они бросили дѣло.

4) остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу студентовъ отъ всякой отвѣтственности освободить.

5) предоставить московскому генералъ-губернатору, войдя въ подробное разсмотрѣніе поступковъ каждаго изъ нижнихъ чиновъ, рабочихъ и другихъ людей прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергнуть болѣе виновныхъ исправительнымъ наказаніямъ или внушеніямъ, по своему назначенію.

Долгомъ считая объ этомъ увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, имѣю честь присовокупить, что о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія вмѣстѣ съ симъ сообщено московскому генералъ-губернатору.

Военный Министръ
Ген.-Ад. Сухозанетъ.
Ген.-Аудиторъ Философовъ.

Въ заключеніе всего дѣла 9 іюня 1858 г. состоялся Высочайшій приказъ, въ силу котораго: „московской полиціи квартальный поручикъ, коллежскій секретарь Климентъ Дмитріевъ Симоновъ, квартальный надзиратель, титулярный совѣтникъ Александръ Ильинъ Морозовъ, частный приставъ, надворный совѣтникъ Петръ Ивановъ Цвиленевъ и частный врачъ, надворный совѣтникъ Алексѣй Моисеевъ Лилѣевъ по военному суду оказались виновными: Симоновъ въ буйствѣ противъ студентовъ императорскаго московскаго университета, въ возбужденіи къ тому нижнихъ полицейскихъ чиновъ и другихъ лицъ и сверхъ того въ подложномъ донесеніи начальству, съ сокрытіемъ истинныхъ обстоятельствъ происшествія, Морозовъ въ бездѣйствіи власти и подложныхъ поступкахъ къ сокрытію противузаконныхъ дѣйствій квартальнаго поручика Симонова и своихъ, Цвиленевъ въ упущеніяхъ по службѣ, происшедшихъ вслѣдствіе безпечности и нераспорядительности по занимаемой имъ должности, а Лилѣевъ въ составленіи неправильнаго свидѣтельства о болѣзни студентовъ и полицейскаго чиновника, Высочайшею конфирмаціею, послѣдовавшею въ 5-й день сего іюня на докладѣ генералъ-аудіоторіата по сему дѣлу, повелѣно: Симонова, лишивъ чиновъ и правъ, принадлежащихъ ему по происхожденію, написать въ рядовые съ опредѣленіемъ на службу по назначенію инспекторскаго департамента; титулярнаго совѣтника Морозова исключить изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять; надворнаго совѣтника Цвиленева уволить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь къ полицейскимъ должностямъ не опредѣлять, и надворнаго совѣтника Лилѣева отрѣшить отъ должности".

Съ этимъ окончательнымъ исходомъ „происшествія 29 сентября" интересно сопоставить случай изъ жизни кіевскаго университета, имѣвшій мѣсто незадолго до „29 сентября". Въ 1851 году государь, на возврат-

номъ пути изъ-за границы, былъ въ Кіевѣ. Тамъ 5 октября въ университетѣ, обращаясь къ студентамъ, онъ сказалъ: „частныя шалости и проступки могутъ быть прощаемы, но шалости и проступки въ массѣ и корпораціи не будутъ терпимы, понимаете ли?“ Эти слова были высказаны по поводу исторіи съ полковникомъ Бринкеномъ, котораго студенты почему-то сбросили съ лѣстницы. Однако, въ тотъ же день ген.-губ. Васильчиковъ отъ имени государя объявилъ студентамъ прощеніе за эту исторію. Студенты же при выѣздѣ государя изъ Кіева, 10 октября, массой вышли проводить его и при этомъ сдѣлали крайне сочувственную демонстрацію.

Слѣдственное дѣло констатировало, что московская полиція „всегда, какъ только вздумается ей, безъ всякаго законнаго повода входитъ въ обывательскіе дома для производства обыска и распоряжается въ нихъ вездѣ, гдѣ можетъ, на правахъ хозяина безъ церемоній. Если такая безцеремонность не нравится настоящему хозяину, и онъ протестуетъ противъ произвола, то полиція беретъ, вяжетъ его и представляетъ въ частный домъ; послѣ она сама пишетъ рапортъ, составляетъ постановленіе и подаетъ докладную записку начальнику, отъ котораго получаетъ приказаніе произвести слѣдствіе. Порядокъ совершенно домашній и крайне выгодный для полиціи, но, къ сожалѣнію, весьма невыгодный для обывателей; при этомъ порядкѣ полиція всегда должна быть права, а обыватели, особенно изъ простого класса, люди мелкіе и незначительные, но иногда весьма полезные для государства, всегда виноваты“.

По окончаніи слѣдствія, какъ только состоялось Высочайшее повелѣніе отъ 16 декабря, Берингу пришлось подать въ отставку, и она была принята.

„Происшествіе 29 сентября“ не только произвело громадное впечатлѣніе на московское студенчество, но и послужило толчкомъ къ крупнымъ измѣненіямъ въ направленіи его внутренней жизни. Всѣ, конечно, отдавали полную дань справедливости Ковалевскому, но главная роль отводилась самимъ студентамъ. При первомъ извѣстіи о ночномъ избіеніи студентовъ весь университетъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и энергическія настоянія попечителя передъ Закревскимъ и другими властями были внушены не только однимъ его личнымъ сочувственнымъ отношеніемъ къ жертвамъ полицейскаго произвола, но и сознаніемъ настоятельной необходимости дать нравственное удовлетвореніе всему студенчеству, громко заявившему требованіе полнаго и безпристрастнаго разслѣдованія дѣла. Катковъ писалъ тогда В. П. Безобразову: „не поступи студенты такъ энергически, какъ у насъ не привыкли поступать, дѣло было бы замято и оскорбленные же и были бы виноваты“.

Вотъ что говорится въ „Исторической запискѣ“, составленной Совѣтомъ московскаго университета по поводу безпорядковъ 1861 г.: „это событіе (т. е. 29 сентября 1857 г.), вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей... Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось, какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія и все грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по 2 депутата, которые могли бы постоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ и депутаціямъ“.

Л. Пантелѣевъ.

За полвѣка[1]).

(Глава изъ воспоминаній).

I.

Передъ переселеніемъ въ столицу.—Неожиданное наслѣдство.—Мой планъ зимняго сезона въ Петербургѣ. — Первыя впечатлѣнія писателя.—Журналъ „Библіотека для чтенія". — П. А. Плетневъ. — П. И. Вейнбергъ. — М. Л. Михайловъ.—А. В. Дружининъ. — А. Ѳ. Писемскій. — Театральный міръ.—Судьба „Однодворца" и „Ребенка".—Цензура „III-го Отдѣленія".— Цензоръ и А. Нордштремъ.—Первый сюжетъ русской труппы.—А. Снѣткова. — И. И. Сосницкій. — Самойловъ. — Максимовъ.—П. Каратыгинъ и Григорьевъ.—Леонидовъ. — Павелъ Васильевъ. — Ѳ. Бурдинъ. — Дебюты Нильскаго.—Старые театральные порядки.—Мои сверстники: Н. Потѣхинъ и актеръ писатель Чернышовъ. —Русская опера. — Французскій театръ.— Балетъ.—Свѣтскія знакомства.—На острову. — Студенческій кружокъ.— Университетъ.—Н. Неклюдовъ.—Жизнь писателей.—Манифестъ 19-го Февраля. — Въ аудиторіяхъ.—Прерванный экзаменъ.— Отъѣздъ.—

Писательское настроеніе возобладало во мнѣ окончательно въ послѣдніе мѣсяцы житья въ Дерптѣ, особенно послѣ появленія въ печати „Однодворца", и мой планъ, съ осени 1860 года, былъ быстро составленъ.

На лекаря или прямо на доктора не держать, дожить до конца 1860 года въ Дерптѣ и написать нѣсколько беллетристическихъ вещей.

Тогда драматическая форма владѣла всецѣло мною. Я задумалъ и выполнилъ, въ какихъ-нибудь три мѣсяца, цѣлыхъ четыре пьесы: одну

---

[1]) Первыя главы этихъ жизненныхъ итоговъ писателя появлялись въ другомъ мѣстѣ, въ журналѣ „Русская Мысль". Онѣ обнимали собою годы: отъ ученія въ нижегородской гимназіи (1846—1853) до выхода моего изъ Дерптскаго университета, въ декабрѣ 1860 года послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Казани, гдѣ я учился въ 1853—1855 г.г. на камеральномъ разрядѣ юридическаго факультета. Въ Дерптѣ я отъ спеціальныхъ занятій химіей перешелъ на медицинскій факультетъ и прослушалъ весь его курсъ. Но въ эти же годы (съ 1858) интересъ къ литературѣ сталъ во мнѣ преобладать, и два первыхъ моихъ писательскихъ опыта: комедіи „Фразеры" и „Однодворецъ" (напечатанный уже въ октябрѣ 1860 г., въ „Библіотекѣ для чтенія") подсказали мнѣ рѣшеніе—посвятить себя всецѣло призванію писателя-беллетриста.

Вступленіемъ на это поприще и начинается предложенная глава, послѣ

юмористическую комедію, одну бытовую пьесу съ драматическимъ оттѣнкомъ и двѣ драмы.

Изъ легкой комедіи „Наши знакомцы“ только одинъ первый актъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣкъ“; другая вещь „Старое зло“ цѣликомъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, дана потомъ въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и подъ другимъ заглавіемъ: „Большіе хоромы“; одна драма такъ и осталась въ рукописи „Доѣзжачій“ а другую подъ псевдонимомъ я напечаталъ уже будучи редакторомъ „Библіотеки для чтенія“, подъ заглавіемъ „Мать“.

Такая производительность кажется мнѣ теперь просто фантастической. Молодость творитъ чудеса. Разумѣется, эти пьесы, написанныя въ какихъ-нибудь три мѣсяца, не были „перлами созданія“. Но для всѣхъ этихъ пьесъ у меня оказался все-таки *реальный* матерьялъ, накопившійся незамѣтно еще въ студенческіе годы.

Помню и болѣе житейскій мотивъ такой усиленной писательской работы. Я рѣшилъ безповоротно быть профессіональнымъ литераторомъ. О службѣ я не думалъ, а хотѣлъ пріобрѣсти въ Петербургѣ кандидатскую степень и устроить свою жизнь—на первыхъ же порахъ не надѣясь ни на что, кромѣ своихъ силъ. Это было довольно таки самонадѣянно; но я *вѣрилъ* въ то, что напечатаю и поставлю на сцену всѣ пьесы, какія напишу въ Дерптѣ, до переѣзда въ Петербургъ.

Собственныхъ обезпеченныхъ средствъ у меня тогда не было. То, что я получалъ отъ отца, не превышало сносной студенческой субсидіи. Первый гонораръ изъ „Библіотеки для чтенія“ за „Однодворца“ по 50 р. за листъ составлялъ весьма скромную цифру.

Но надежда окрыляла. „Однодворецъ“ былъ уже сразу одобренъ къ представленію на императорскихъ сценахъ и находился въ театральной цензурѣ. Также *могли* быть одобрены и тѣ четыре вещи, которыя я такъ стремительно написалъ.

Подо всѣмъ этимъ были еще и другія соображенія и мечты.

переселенія моего въ Петербургъ, къ январю 1861 года. Съ тѣхъ поръ я не переставалъ быть профессіональнымъ писателемъ—и только писателемъ.

Подспорьемъ въ пересказѣ моихъ ученическихъ и студенческихъ годовъ служитъ мнѣ мой первый романъ „Въ путь—дорогу“, гдѣ и содержится вся эта полоса моей жизни, съ начала 50-хъ годовъ до начала 60-хъ. Но я долженъ предупредить читателя, что личныя испытанія героя романа и мои—не тождественны въ томъ, что составляетъ романическую сторону разсказа. Сходны только бытовая обстановка, подробности ученія и нравовъ въ гимназіи и въ университетахъ.

П. Боборыкинъ.

Эта часть воспоминаній П. Д. Боборыкина, являясь законченнымъ цѣлымъ, имѣетъ и совершенно самостоятельное, независимое отъ помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ другихъ частей воспоминаній того же автора, значеніе. *Ред.*

Мое юношеское любовное увлеченіе оставалось въ неопредѣленномъ *status quo*. Ему сочувствовала мать той еще очень молодой дѣвушки; но отъ отца все скрывали. Семейство это уѣхало за границу. Мы нерѣдко переписывались съ согласія матери; но ничто еще не было выяснено. Двагри года мнѣ нужно было имѣть передъ собою, чтобы стать на ноги, найти заработокъ и какое-нибудь „положеніе". Даже и тогда дѣло не обошлось бы безъ борьбы съ отцомъ этой дѣвушки, которой тогда шелъ всего еще шестнадцатый годъ.

Словомъ, я сжегъ свои корабли „бывшаго" химика и студента медицины, не чувствуя призванія быть практическимъ врачемъ, или готовиться къ научной медицинской карьерѣ. И передъ самымъ новымъ 1861 годомъ я переѣхалъ въ Петербургъ, изготовивъ себѣ въ Дерптѣ и гардеробъ „штатскаго" молодого человѣка. На все это у меня хватило средствъ. Жить я уже сладился съ однимъ пріятелемъ и выѣхалъ къ нему на квартиру, гдѣ мы и прожили весь зимній сезонъ.

И только что я водворился тамъ, какъ получилъ депешу изъ Нижняго: дядя мой по матери, П. Б. Григорьевъ, престарѣлый генералъ павловскихъ временъ, умеръ, оставивъ мнѣ, по завѣщанію, *прямо* (помимо того, что получала моя мать) два имѣнія въ черноземной полосѣ Нижегородской губерніи.

Я сразу дѣлался довольно состоятельнымъ землевладѣльцемъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, гдѣ значилось, по тогдашнему выраженію, сто съ чѣмъ-то „душъ" вскорѣ уже „временно обязанныхъ" крестьянъ.

Для меня это была совершенная неожиданность. Дѣдъ, когда я пріѣзжалъ въ Нижній на вакаціи, былъ ко мнѣ благосклоненъ; но ласковъ онъ не бывалъ ни съ кѣмъ, и не только въ разговорахъ со мною, но и съ взрослыми своими дѣтьми никогда не намекалъ даже на то: какъ онъ распорядится своимъ состояніемъ, сплошь благопріобрѣтеннымъ.

И вотъ я еще при жизни отца и матери — состоятельный человѣкъ. Выходило нѣчто прямо благопріятное не только въ томъ смыслѣ, что можно будетъ остаться навсегда свободнымъ писателемъ, но и для осуществленія мечты о бракѣ по любви.

Но эта, спавшая сверху благодать, не измѣнила ни на іоту моихъ ближайшихъ плановъ. Я не кинулся сейчасъ же въ Нижній получать наслѣдство, а оставилъ это до лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда сдамъ экзаменъ на кандидата.

И это ободрило меня больше всего, *какъ писателя* — прямое доказательство того, что для меня и тогда уже дороже всего была свободная профессія. Ни о какой другой карьерѣ я не мечталъ, уѣзжая изъ Дерпта,

не сталъ мечтать о ней и теперь, послѣ депеши о наслѣдствѣ. А могъ бы, по полученіи его, пріобрѣтя университетскій дипломъ, поступить на службу по какому угодно вѣдомству и, по всей вѣроятности, сдѣлать болѣе или менѣе блестящую карьеру.

Но я этимъ ни на минуту не прельстился и тотчасъ же попросилъ у матушки и тетки (какъ сонаслѣдницъ моихъ): освободить меня отъ хозяйственныхъ дѣлъ до іюня, когда я предполагалъ уже сдать экзаменъ.

Мнѣ предстояли въ Петербургѣ два ближайшихъ дѣла:

1) Сдать экзаменъ. 2) Сдѣлаться профессіональнымъ писателемъ.

Насчетъ экзамена я пріѣхалъ уже съ готовымъ планомъ.

Конечно, я могъ бы остаться и безъ всякаго диплома. Но мнѣ дѣлалось какъ-то жутко и какъ бы совѣстно передъ самимъ собою,—какъ же это я, послѣ семилѣтняго пребыванія въ двухъ университетахъ (Казани и Дерптѣ), послѣ того какъ, сравнительно съ своими сверстниками, отличался интересомъ къ серьезнымъ занятіямъ (для чего и перешелъ въ Дерптъ), послѣ того, какъ изучалъ спеціально химію, переводилъ научныя сочиненія и даже составлялъ *самъ* учебникъ, а на медицинскій факультетъ перешелъ изъ чистой любознательности и вдругъ останусь „не кончившимъ курса“, безъ всякаго званія и всякихъ „правъ“?

Сюда входилъ также и мотивъ моихъ брачныхъ плановъ. Слишкомъ уже я представлялъ бы изъ себя незначительную величину въ глазахъ отца дѣвушки, о которой продолжалъ мечтать.

Да и для *литератора* было бы въ собственныхъ же глазахъ неловко: не имѣть диплома высшаго учебнаго заведенія, хотя я и не разсчитывалъ ни на какія права и преимущества по службѣ.

И тутъ мнѣ пригодилось то, что я былъ въ Казани *камералистомъ*. Я зналъ, что въ тогдашнемъ петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ существуетъ, такъ называемый, „разрядъ административныхъ наукъ“, т. е. такое же камеральное отдѣленіе, только безъ естественныхъ наукъ и технологіи, которыя я слушалъ въ Казани.

Это былъ какъ бы *подъ-факультетъ политическихъ наукъ*, гдѣ слушались всѣ юридическіе предметы, кромѣ церковнаго и римскаго права, судебной медицины, уголовнаго и гражданскаго *судопроизводства*.

Наѣзжая въ Петербургъ еще дерптскимъ студентомъ, я завязалъ знакомство и съ тамошнимъ студенчествомъ, главнымъ образомъ черезъ братьевъ Бакстъ, у которыхъ, одинъ разъ, зимой, и гостилъ на Васильевскомъ Острову. И я былъ *au courant* многаго, что дѣлалось въ университетѣ, гдѣ тогда вѣяло уже новымъ духомъ, допущены были женщины, шло сильное *движеніе*, которое и разыгралось „событіемъ“ въ сентябрѣ 1861 года, когда университетъ былъ закрытъ на цѣлый годъ. Какъ разъ

въ эту полосу я и попалъ; но на сдачу экзамена я посмотрѣлъ только какъ на завершеніе моихъ студенческихъ экскурсій, въ теченіе многихъ лѣтъ, и пріобрѣтеніе диплома. Я рѣшилъ поступить въ вольно-слушатели на второе полугодіе 1860—1861 г. И надѣялся употребить эти мѣсяцы до мая включительно на усиленное чтеніе лекцій и учебниковъ; а экзаменъ сдать вмѣстѣ съ четверокурсниками отдѣленія „административныхъ наукъ". Изъ Дерпта я привезъ—кажется, единственное—рекомендательное письмо къ тогдашнему ректору, П. А. Плетневу, отъ профессора русской словесности Розберга. О Плетневѣ я, конечно, имѣлъ понятіе, какъ о другѣ Пушкина и когда-то издателѣ „Современника". Я явился къ нему, однако, не какъ будущій „вольный слушатель"—это для меня не составляло никакой важной статьи, а какъ начинающій *литераторъ*.

Случилось так, что вторая жена Петра Александровича была въ ближайшемъ родствѣ съ одной изъ моихъ тетокъ, свояченицей отца, А. Д. Боборыкиной. Тетка мнѣ часто говорила о ней, называя уменьшительнымъ именемъ: „Сашенька".

И когда я сидѣлъ у Плетнева въ его кабинетѣ—она вошла туда и, узнавъ, кто я, стала вспоминать о нашей общей родственницѣ, и потомъ сейчасъ же начала говорить мнѣ очень любезныя вещи по поводу моей драмы „Ребенокъ", только что напечатанной въ январьской книжкѣ „Библіотеки для чтенія" за 1861 годъ. Они съ мужемъ прочли наканунѣ „Ребенка", а послѣ жены и мужъ сталъ въ унисонъ съ женою хвалить мою драму. Выходило такъ, что рекомендательное письмо дерптскаго профессора пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Въ немъ говорилось о молодомъ *писателѣ*.

Плетневъ—тогда былъ уже пожилой человѣкъ, еще бодрый на видъ, хорошаго роста, съ просѣдью, съ выбритымъ лицомъ, держался довольно прямо, съ ласковымъ выраженіемъ глазъ; смотрѣлъ больше добрымъ пріятелемъ, чѣмъ университетскимъ сановникомъ—въ своемъ синемъ вицмундирѣ со звѣздою. Онъ только что пришелъ съ какого-то засѣданія и попросилъ позволенія снять вицмундиръ и надѣть домашній сюртучекъ. Все въ немъ отзывалось другой эпохой, вплоть до покроя короткихъ —только по щиколку—панталонъ и обуви на тонкихъ подошвахъ, какую носилъ и мой дѣдъ. Въ литературные кружки онъ меня не обращалъ и не разспрашивалъ, съ кѣмъ изъ петербургскихъ литераторовъ я уже знакомъ. Какъ и оказалось потомъ, онъ стоялъ тогда уже совсѣмъ въ сторонѣ отъ литературнаго движенія. Къ ректору у меня не было никакого дѣла, требующаго особой рекомендаціи. Я—по тогдашнимъ правиламъ—могъ свободно поступить въ вольные слушатели на второй семестръ, внеся плату—что-то въ родѣ двадцати пяти рублей. Эта цифра почему-то осталась у меня въ памяти.

Самый университетъ не настолько меня интересовалъ, чтобы я вошелъ, сразу же, въ его жизнь. Мнѣ было не до слушанія лекцій! Я смотрѣлъ уже на себя, какъ на литератора, которому надо—между прочимъ—выдержать на кандидата „административныхъ наукъ“.

Тянули меня къ себѣ два міра: журналы и театръ.

Первое ощущеніе того, что я уже писатель, что меня печатаютъ и читаютъ въ Петербургѣ—испыталъ я въ конторѣ „Библіотеки для чтенія“, помѣщавшейся въ книжномъ магазинѣ ея же издателя, В. П. Платкина, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, гдѣ теперь тоже какой-то, но не книжный магазинъ.

Я пришелъ получить гонораръ за „Ребенка“. Уже то, что пьесу эту помѣстили на первомъ мѣстѣ и въ первой книжкѣ—показывало, что журналъ дорожитъ мною. И гонораръ мнѣ также прибавили за эту—по счету—вторую вещь, которую я печаталъ, стало быть всего въ какихъ-нибудь три мѣсяца, съ октября 1860 года.

Въ магазинѣ я нашелъ и хозяина, самого Платкина—личность, которая,—увы!—сыграла довольно таки печальную роль въ моихъ испытаніяхъ литературнаго дѣятеля—о чемъ разскажу дальше.

Это былъ одинъ изъ членовъ обширной семьи мѣстныхъ купцовъ. Отецъ его—кажется, еще державшійся старообрядчества—былъ въ дѣлахъ съ извѣстнымъ когда-то книгопродавцемъ и издателемъ Ольхинымъ, какъ бумажный фабрикантъ, а къ Ольхину—если не ошибаюсь—перешли дѣла Смирдина и собственность „Библіотеки для чтенія“, основанной когда-то домомъ Смирдина, подъ редакціей Сенковскаго,—„барона Брамбеуса“

И вотъ одному изъ сыновей—Вячеславу—старикъ отдалъ книжное дѣло, вмѣстѣ съ журналомъ, а до того держалъ его по горной промышленности. Мнѣ объ этомъ разсказывалъ самъ издатель „Библіотеки для чтенія“, когда мы вступили въ переговоры по покупкѣ у него журнала въ началѣ 1863 года. Тогда такіе издатели журналовъ были еще въ рѣдкость. Теперь ихъ сколько хотите, т. е. промышленники купеческаго званія, не имѣющіе ничего общаго съ литературой. Къ чести Платкина надо сказать, онъ самъ сознавалъ, что совсѣмъ не въ своей роли, которая была ему навязана волей его родителя. Онъ считалъ себя „горнымъ инженеромъ“, хотя спеціальной подготовки не имѣлъ; но былъ грамотный человѣкъ, вѣроятно, учившійся въ какой-нибудь коммерческой школѣ. По типу онъ не отзывался купеческимъ бытомъ, смотрѣлъ петербургскимъ дѣловымъ человѣкомъ, очень старательно одѣвался, брилъ бороду, имѣлъ тонъ культурнаго человѣка, въ разговорѣ чуть-чуть заикался, держалъ себя солидно, чопорно, никакого запанибратства съ сотрудниками и съ кліентами магазина не позволялъ себѣ.

За то его главный приказчикъ въ магазинѣ, съ наружностью Щедринскаго „поручика Живновскаго"—какъ я его прозвалъ—былъ извѣстенъ въ литературномъ мірѣ, какъ самый неутомимый разсказчикъ и краснобай, одержимый страстью сообщенія всякихъ новостей, слуховъ и анекдотовъ.

Я знавалъ его не одинъ годъ; и никогда не былъ увѣренъ—какая у него фамилія. Даже и въ имени и отчествѣ его не былъ твердъ, но, кажется, его звали Николай Павловичъ. Извѣстно было, что онъ подверженъ „запою", но въ магазинѣ я не видалъ его въ скандальномъ образѣ; за то почти всегда очень возбужденнымъ и неистощимымъ на болтовню. Онъ ходилъ обыкновенно за прилавкомъ—отъ конторки до двери въ узкую комнатку магазина (гдѣ потомъ была, кажется, мѣняльная лавочка) и, размахивая руками, все говорилъ, представляя многое въ лицахъ. Зналъ онъ всю пишущую братію, начиная съ самыхъ крупныхъ писателей того времени. И, по своему роду занятій, имѣлъ постоянно дѣло съ персоналомъ нѣсколькихъ редакцій.

У магазина не было особенно бойкой розничной торговли; но кромѣ „Библіотеки для чтенія", тутъ была контора „Искры" и новаго еженедѣльника „Вѣкъ", только что пошедшаго въ ходъ, съ января 1861 г. и сразу очень бойко, подъ главнымъ редакторствомъ П. И. Вейнберга, передъ тѣмъ постояннаго сотрудника „Библіотеки", при Дружининѣ и Писемскомъ. О Вейнбергѣ я узналъ тогда же отъ этого приказчика, что называется, „всю подноготную". Онъ же мнѣ сообщилъ и его адресъ. А я уже слышалъ отъ своей родственницы, его знакомой по Тамбову, что П. И справлялся обо мнѣ у ней и очень желалъ бы пригласить меня въ сотрудники.

Съ этого литературнаго знакомства я и начну здѣсь мои воспоминанія о писательскомъ мірѣ Петербурга въ шестидесятыхъ годахъ, до моего редакторства и во время его, т. е. до 1865 года.

П. И. шелъ именно тогда—что называется—„полнымъ ходомъ". Затѣянный имъ еженедѣльникъ пошелъ также съ небывалымъ успѣхомъ; подписка—въ началѣ года—поднялась, кажется, до шести тысячъ, что—по тѣмъ временамъ—была цифра необычайная.

Я явился къ нему, предупрежденный—какъ сейчасъ сказалъ—о его желаніи имѣть меня въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Жилъ онъ и принималъ, какъ редакторъ, въ одномъ изъ переулковъ Стремянной, чуть ли не въ томъ же домѣ, гдѣ и Дружининъ, къ которому я являлся еще студентомъ. Помню, что квартира П. И. была въ верхнемъ этажѣ.

Встрѣтилъ онъ меня особенно любезно и повторилъ то, что я уже слышалъ отъ моей тетки—барыни, получившей тогда какъ разъ очень большое наслѣдство и переѣхавшей изъ Тамбова, гдѣ ея мужъ служилъ.

Кто знакомъ съ теперешней наружностью моего собрата—съ его обликомъ „Нестора“ петербургскаго писательскаго міра—врядъ ли могъ бы составить себѣ понятіе о тогдашнемъ его внѣшнемъ видѣ.

Онъ былъ рѣзкій брюнетъ, съ бородкой, уже съ рѣдѣющей шевелюрой на лбу и болѣе закругленными чертами лица, но съ тѣмъ же тономъ и манерами. Дома онъ носилъ длинный рабочій сюртукъ—родъ шлафрока, принималъ въ первой, довольно просторной, комнатѣ, служившей редакторскимъ кабинетомъ. Въ „Вѣкѣ“ появился разборъ моего „Ребенка“, написанный самимъ редакторомъ—очень для меня лестный. Оцѣнка эта исходила отъ такого серьезнаго любителя и знатока сценическаго дѣла. Онъ раньше—въ Петербургѣ же—игралъ Хлестакова въ томъ знаменитомъ спектаклѣ, когда былъ поставленъ „Ревизоръ“ въ пользу „Фонда“, и гдѣ Писемскій (также хорошій актеръ) исполнялъ городничаго, а всѣ литературныя „имена“ выступали въ нѣмыхъ лицахъ купцовъ, въ томъ числѣ и Тургеневъ.

Вейнберга я въ эту зиму 1860—61 года (или въ слѣдующую) видѣлъ актеромъ всего одинъ разъ, въ пьесѣ „Слово и дѣло“ на любительскомъ спектаклѣ, въ какой-то частной театральной залѣ.

Авторъ этой комедіи „съ направленіемъ“, имѣвшей большой успѣхъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, на казенныхъ театрахъ (другихъ тогда и не было)—приводился потомъ Вейнбергу својакомъ, женатымъ на сестрѣ его жены. Это былъ сынъ историка Устрялова, впослѣдствіи издатель газеты, кончившій совершеннымъ разореніемъ и нищетой. П. И. игралъ въ его комедіи роль резонера пьесы. У него были на казенныхъ сценахъ такіе конкуренты, какъ Самойловъ и Шумскій. Мнѣ тогда показалось, что роль была не совсѣмъ въ темпераментѣ исполнителя. Онъ держался на сценѣ свободно, „читалъ“ умно и значительно; но типа не создалъ. Съ Вейнбергомъ у меня сразу установились хорошія отношенія. Я ему написалъ какія-то сцены; а раньше у него появился и первый актъ моихъ „Знакомцевъ“. На слѣдующую зиму положеніе „Вѣка“ значительно покачнулось, послѣ исторіи съ громовой газетной статьей М. Л. Михайлова „Безобразный поступокъ Вѣка“.

Самъ П. И. какъ-то, въ „Союзѣ Писателей“, уже въ началѣ XX вѣка, счелъ нелишнимъ сдѣлать—хоть и заднимъ числомъ—сообщеніе *pro domo sua*, гдѣ онъ старался показать, до какой степени была преувеличена его *вина* передъ тогдашнимъ освободительнымъ настроеніемъ литературныхъ сферъ. Нѣкоторые изъ нашихъ общихъ пріятелей находили, что П. И. напрасно потревожилъ эту старину. Не слѣдовало—на ихъ оцѣнку—оправдываться.

Я не хочу рѣшать — кто правъ, кто не правъ въ этомъ вопросѣ;

я постараюсь только возстановить здѣсь, „изъ запаса памяти“, то, какъ разыгралась, въ общихъ чертахъ, вся эта исторія *тогда*.

Она свелась, въ сущности, къ обличенію со стороны Михайлова и не вызвала никакой громкой *коллективной* манифестаціи. Я не помню, чтобы *вся* тогдашняя либеральная пресса (въ журналахъ и газетахъ) встала „какъ одинъ человѣкъ“ противъ фельетониста журнала „Вѣкъ“ съ его псевдонимомъ *Каменъ Виногоровъ* (русскій переводъ имени и фамиліи автора) и чтобы его личное положеніе сдѣлалось тогда невыносимымъ. Даже „Искра“, игравшая въ Петербургѣ какъ бы роль „Колокола“, ограничилась юмористическимъ стихотвореніемъ редактора В. Курочкина, написаннымъ въ размѣрѣ пушкинскихъ „Египетскихъ ночей“, которыя г-жа Толмачева и читала гдѣ-то въ Ваткѣ или въ Перми.

Помню, до сихъ поръ, начало этихъ куплетовъ:

„Чертогъ сіялъ, стихи звучали
И проза мѣрная лилась,
Всѣ восхищались, всѣ зѣвали...“

И въ той же „Искрѣ“ явился каррикатурный рисунокъ, гдѣ Вейнберга въ одеждѣ кающагося грѣшника ведетъ на веревкѣ Михайловъ.

О М. Л. Михайловѣ я долженъ забѣжать впередъ, еще къ годамъ моего отрочества въ Нижнемъ. Онъ жилъ тамъ — одно время — у своего дяди, начальника Солянаго правленія, и уже печатался; но я гимназистомъ видалъ его только издали, привлеченный его необычайно некрасивой наружностью. Кажется, я еще и не смотрѣлъ на него тогда, какъ на настоящаго писателя, и его беллетристическія вещи (начиная съ разсказа „Кружевница“ и продолжая романомъ „Перелетныя птицы“) читалъ уже въ студенческіе годы.

Въ первый разъ я съ нимъ говорилъ у Я. П. Полонскаго, когда являлся къ тому, еще дерптскимъ студентомъ, авторомъ первой моей комедіи „Фразеры“. Когда я сказалъ ему у Полонскаго, что видалъ его когда-то въ Нижнемъ, то Я. П. спросилъ съ юморомъ:

— Вѣроятно, въ какомъ-нибудь неприличномъ мѣстѣ?

И я вспомнилъ тогда, что Михайлова считали авторомъ скабрезныхъ куплетовъ на Нижегородскую ярмарку, гдѣ есть слобода Кунавино.

„Ахъ, гдѣ та слобода,
Гдѣ живутъ безъ труда?“ и т. д.

Про него же въ Нижнемъ и Казани распѣвали куплеты:

„Михайловъ-піита
Тянетъ все Клико,
Не терпитъ Лафита—
Ибо не крѣпко“.

Послѣ знакомства съ Вейнбергомъ я столкнулся съ Михайловымъ у Писемскаго, вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ. Онъ, уходя, жаловался Писемскому на то, что у него совсѣмъ нѣтъ охоты писать беллетристику.

— А вѣдь я былъ романистъ!—вскричалъ онъ.

— Заучились, батюшка, заучились... вотъ и растеряли талантъ!—пожурилъ его Писемскій.

Въ эти годы Михайловъ уже отдавался публицистикѣ, въ цѣломъ рядѣ статей на разныя „гражданскія“ темы въ „Современникѣ“, и изъ-за границы, гдѣ долго жилъ, вернулся очень „краснымъ“ (какъ говорили тогда), что и сказалось въ его дальнѣйшей судьбѣ.

Сколько я могъ тогда замѣтить—какъ новичекъ-писатель въ Петербургѣ—изъ-за „безобразнаго поступка „Вѣка“ не вышло, повторяю, никакого поднятія мыслей; „Вѣкъ“ продолжалъ выходить, и ни одинъ изъ соредакторовъ Вейнберга ни Дружининъ, ни Безобразовъ, ни Кавелинъ не покинули журнала, продолжали въ немъ участвовать.

Это сказалось только на подпискѣ слѣдующаго года, которая вдругъ сильнѣйшимъ образомъ упала. Но я не думаю, чтобы это вызвано было *только* исторіей съ госпожей Толмачевой. Вообще журналъ издавался неисправно, и самъ П. И. впослѣдствіи горько жаловался мнѣ на то, *какъ* вели дѣло его пайщики-соредакторы.

Вся зима и лѣто прошли для издателя „Вѣка“ пестро и шумно; онъ былъ уже женихомъ, когда я съ нимъ познакомился, и праздновалъ свою свадьбу лѣтомъ, на дачѣ. Мнѣ пришлось даже танцовать тамъ и съ его женой, и съ свояченицей.

Судьбѣ угодно было столкнуть меня и съ той провинціальной львицей, надъ которой подсмѣялся Вейнбергъ въ своемъ фельетонѣ, и прозой, и припѣвомъ:

„Какъ ваше слово
Живо, ново,
Мадамъ Толмачева!“

Я ѣхалъ съ ней на пароходѣ, по Волгѣ, и былъ заинтересованъ ея видомъ, туалетомъ и манерой держать себя. Эта дама, какъ нельзя больше, подходила къ той фигурѣ эмансипированной чтицы, какая явилась въ злополучномъ фельетонѣ *Камня Виногорова*, хотя, кажется, П. И. никогда и нигдѣ не видалъ ее въ лицо.

Съ П. И. мы одинаково—онъ раньше нѣсколькими годами—попали сразу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ сотрудники „Библіотеки для чтенія“. Тамъ онъ, при Дружининѣ и Писемскомъ, дѣйствовалъ по разнымъ

отдѣлалъ, былъ переводчикомъ романовъ и составителемъ всякихъ статей, писалъ до десяти и больше печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ.

Съ дружининскаго кружка начались и его литературныя знакомства и связи. Онъ—до глубокой старости—любилъ возвращаться къ тому времени и разсказывать про „журфиксы“ у Дружинина, гдѣ онъ познакомился со всѣмъ цвѣтомъ тогдашняго писательскаго міра: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ, Некрасовымъ, Боткинымъ и др.

Онъ—также провинціалъ, какъ и я—испытывалъ вполнѣ „благоговѣйное“ чувство къ этому синклиту. И бесѣды за ужиномъ (гдѣ подавались неизмѣнно котлеты съ горошкомъ) были для него въ высшей степени интересными и развивающими.

Сколько разъ онъ повторялъ—до послѣднихъ годовъ,—что на *такіе* писательскіе ужины онъ уже потомъ не попадалъ, потому что ихъ и не бывало. Это были дѣйствительно *сливки* тогдашней литературы.

Но дружининскій кружокъ—за исключеніемъ Некрасова —уже и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оказался не въ томъ лагерѣ, къ которому принадлежали сотрудники „Современника“ и позднѣе „Русскаго Слова“. Мой старшій собратъ, и по этой части, очутился почти въ такомъ же положеніи, какъ и я. Мѣсто, гдѣ начинаешь писать, имѣетъ не малое значеніе, въ чемъ я, горькимъ опытомъ, и убѣдился впослѣдствіи.

Въ зиму 1860—61 г. дружининскіе „журфиксы“—сколько помню—уже прекратились. Когда я къ нему явился — кажется, за письмомъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, куда повезъ одну изъ своихъ пьесъ—онъ велъ уже очень тихую и уединенную жизнь холостяка, жившаго съ матерью, кажется, все въ той же квартирѣ, гдѣ происходили и ужины.

Онъ умеръ еще совсѣмъ не старымъ человѣкомъ (сорока лѣтъ съ чѣмъ-то), но смотрѣлъ старше, съ утомленнымъ лицомъ. Онъ и дома прикрывалъ ноги пледомъ, „полулежа“ въ своемъ обширномъ кабинетѣ, гдѣ читалъ почти исключительно англійскія книжки, о которыхъ писалъ этюды для Каткова, *тогдашняго* Каткова, либерала и англомана.

Но больнымъ Дружинина нельзя еще было назвать. Хорошаго роста, не худой въ корпусѣ, онъ и дома одѣвался очень старательно. Его портреты — изъ той эпохи — достаточно извѣстны. Несмотря на усики и эспаньолку (по тогдашней модѣ), онъ не смахивалъ на отставного военнаго, какимъ былъ въ дѣйствительности, какъ отставной гвардейскій офицеръ.

Говорилъ онъ довольно слабымъ голосомъ, шепеляво, медленно, съ характерными барскими интонаціями. Вообще же, всѣмъ своимъ *habitus*, похожъ былъ скорѣе на свѣтскаго, образованнаго петербургскаго чиновника изъ баръ, чѣмъ на профессіональнаго литератора.

Такихъ литераторовъ уже нѣтъ теперь—по тону и внѣшнему виду, какъ и вся та компанія, какая собиралась у автора „Полиньки Саксъ", „Записокъ Ивана Чернокнижникова" и „Писемъ иногородняго подписчика".

Къ 1861 году Дружининъ — какъ и Тургеневъ — пересталъ быть сотрудникомъ „Современника". Не знаю, разошелся ли онъ лично съ Некрасовымъ къ тому времени (какъ вышло это у Тургенева), но, по *направленію*, онъ, сдѣлавшись редакторомъ „Библіотеки для чтенія" (которую онъ оживилъ, но матеріально не особенно поднялъ), сталъ однимъ изъ главарей *эстетической* школы, противникомъ того утилитаризма и тенденціозности, какіе онъ усматривалъ въ новомъ руководящемъ персоналѣ „Современника"—въ Чернышевскомъ и его школѣ, въ Добролюбовѣ съ его „Свисткомъ" и въ томъ обличительномъ тонѣ, которымъ эта школа пріобрѣла огромную популярность въ молодой публикѣ.

Если Тургеневу принадлежитъ фраза о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ: „одинъ—простая змѣя, а другой—змѣя очковая", то Дружининъ, по своему тогдашнему настроенію, могъ быть также ея авторомъ. Онъ и въ всемірной литературѣ не признавалъ, напримѣръ, Гейне, потому что поэтъ, по его убѣжденію, не долженъ такъ уходить въ „злобы дня" и пускать въ ходъ сарказмъ и издѣвательство. Какъ критикъ, онъ уже сказалъ тогда свое слово и до смерти почти что не писалъ статей по текущей русской литературѣ. Въ „Вѣкѣ" онъ продолжалъ тогда свои юмористическіе фельетоны, утратившіе и ту соль, какая значилась когда-то въ его „Запискахъ Чернокнижникова".

Студентомъ въ Дерптѣ, усердно читая всѣ журналы, я знакомъ былъ со всѣмъ, что Дружининъ написалъ выдающагося по литературной критикѣ. Онъ до сихъ поръ, по моему, не оцѣненъ еще, какъ слѣдуетъ. Въ эти годы, передъ самой эпохой реформъ, Дружининъ былъ самый выдающійся критикъ *художественной* беллетристики, съ опредѣленнымъ эстетическимъ *credo*. И всѣ его ближайшіе собраты—Тургеневъ, Григоровичъ, Боткинъ, Анненковъ—держались почти такого же *credo*. Этого отрицать нельзя.

Позднѣе, когда я ближе познакомился съ Григоровичемъ (въ 1861 г. я только изрѣдка видалъ его, но близко знакомъ не былъ), я отъ него слыхалъ безконечные разсказы о тѣхъ „аѳинскихъ вечерахъ", которые „заказывалъ" Дружининъ.

Затрудняюсь передать здѣсь—со словъ этого свидѣтеля и участника тѣхъ эротическихъ оргій—подробности, напримѣръ, *елки*, устроенной Дружининымъ подъ Новый годъ... въ „семейныхъ баняхъ".

Григоровичъ извѣстенъ былъ за краснобая, и кое-что изъ его свидѣтельскихъ показаній надо было подвергать „очистительной" критикѣ;

но не могъ же онъ все выдумывать?! И отъ П. И. В. (оставшагося до поздней старости цѣломудреннымъ въ разговорѣ) я зналъ, что Дружининъ былъ *эротоманъ* и продѣлывалъ даже у себя въ кабинетѣ разные „опыты" — такіе, что я затрудняюсь объяснить здѣсь, въ чемъ они состояли.

Я узналъ обо всемъ этомъ позднѣе; но когда являлся къ нему и студентомъ, и уже профессіональнымъ писателемъ — никакъ бы не могъ подумать, что этотъ высокоприличный русскій джентельменъ, съ такой чопорной манерой держать себя и холодноватымъ тономъ — могъ быть героемъ даже и не похожденій только, а разныхъ эротическихъ затѣй.

Вообще, надо сказать правду (и ничего обсахаривать и прикрашивать я не намѣренъ): та компанія, что собиралась у Дружинина, т. е. самые выдающіеся литераторы 50-хъ и 60-хъ годовъ, имѣли старинную барскую наклонность къ скабрезнымъ анекдотамъ, стихамъ, разсказамъ.

Этимъ страдалъ, прежде всего, и самъ откровенный разказчикъ всякихъ интимностей о своихъ собратахъ — Григоровичъ. Не чуждъ былъ этого—особенно въ тѣ годы— и Некрасовъ, авторъ цѣлой поэмы (написанной, кажется, въ сотрудничествѣ съ М. Лонгиновымъ) изъ нравовъ монастырской братіи. Отличался этимъ и Боткинъ. И Тургеневъ, до старости, не прочь былъ разсказать скабрезную исторію, и я прекрасно помню, какъ уже въ 1878 г., во время международнаго конгресса литераторовъ въ Парижѣ, онъ насъ, болѣе молодыхъ русскихъ (въ томъ числѣ и М. М. Ковалевскаго, бывшаго тутъ), удивилъ за завтракомъ въ ресторанѣ и по этой части. Я его — передъ тѣмъ — зналъ лично уже около пятнадцати лѣтъ (съ 1864 г.) и не предполагалъ, чтобы онъ былъ въ состояніи услаждать себя *такими* вещами.

Въ этомъ сказывается эпоха, извѣстная генерація, пережитокъ нравовъ.

Всѣ они могли имѣть честныя идеи, изящные вкусы, здравыя понятія, симпатичныя стремленія; но они всѣ были продукты стараго *быта*, съ привычкой мужчинъ ихъ эпохи—и помѣщиковъ, и военныхъ, и сановниковъ, и чиновниковъ, и артистовъ, и даже профессоровъ къ „скоромнымъ" рѣчамъ. У французскихъ писателей до сихъ поръ—какъ только дойдутъ до дессерта и ликеровъ—сейчасъ пачнутся разговоры о женщинахъ и пойдутъ эротическія и прямо „похабныя" словца и анекдоты.

Все это могъ бы подтвердить, прежде всего, самъ П. И. Вейнбергъ. Онъ былъ уже человѣкъ другого поколѣнія и другого бытового склада, по лѣтамъ какъ бы мой старшій братъ (между нами всего шесть лѣтъ разницы), и онъ самъ служитъ рѣзкимъ контрастомъ съ такимъ барскимъ эротизмомъ и наклонностью къ скоромнымъ разговорамъ. А ему судьба какъ разъ и приготовила работу въ журналѣ, гдѣ сначала редакторомъ былъ такой

эротоманъ, какъ Дружининъ, а потомъ такой „Іона-Циникъ", какъ его преемникъ Писемскій.

Къ нему я теперь и перейду. Онъ былъ вѣдь главнымъ объектомъ моихъ писательскихъ плановъ и соображеній. До переѣзда въ Петербургъ, я лично съ нимъ не сносился. „Однодворца" снесъ къ нему мой товарищъ, музыкантъ М. Балакиревъ. Пьесу напечатали, мнѣ прислали гонораръ, еще въ Дерптъ, и я не помню, чтобы между мной и Писемскимъ установилась переписка. Я послалъ въ редакцію „Ребенка", который тотчасъ же былъ принятъ. До того я—попадая въ Петербургъ—врядъ ли гдѣ видалъ Алексѣя Ѳеофилактовича (или *Филатовича*, какъ его иные звали, особенно москвичи); но какъ писательская личность, онъ былъ мнѣ уже хорошо извѣстенъ. Я съ гимназическихъ годовъ читалъ все, что онъ печаталъ, начиная съ „Москвитянина". Особенно живо сохранились у меня въ памяти эпизоды его сатирической повѣсти изъ московской жизни 40-хъ годовъ „Бракъ по страсти". И потомъ—вплоть до „Тысячи душъ"—я читалъ его очень усердно. Его пьеса „Горькая судьбина", напечатанная уже въ „Библіотекѣ для чтенія" (и получившая Уваровскую премію вмѣстѣ съ „Грозой" Островскаго) захватила меня—въ своемъ родѣ такъ же сильно, какъ когда-то „Банерутъ" Островскаго. И все, что онъ раньше печаталъ въ „Современникѣ" и „Библіотекѣ", вызывало не въ одномъ мнѣ изъ молодыхъ читателей живѣйшій интересъ. Тогда—до начала 60-хъ годовъ—Писемскій считался, несомнѣнно, *либеральнымъ* беллетристомъ, съ завѣтами Гоголя, изобразителемъ всѣхъ темныхъ сторонъ „николаевщины". И по своимъ журнальнымъ связямъ онъ принадлежалъ къ либеральному кружку „Современника". Некрасовъ дорожилъ его сотрудничествомъ, и работа въ его журналѣ, дававшая хорошій гонораръ, побудила всего сильнѣе Писемскаго оставить службу въ провинціи и переселиться въ Петербургъ, какъ профессіональному литератору, *до* редакторства въ „Библіотекѣ". Та же самая тетушка, которая послужила trait d'union между мною и Вейнбергомъ, оказалась въ родствѣ съ женой Алексѣя Ѳеофилактовича, урожденной Свиньиной, дочерью того литератора 20-хъ годовъ, который впервые сталъ издавать „Отечественныя записки". И тутъ у меня вышло дальнее „свойство" съ женой, какъ и у П. А. Плетнева. Писемскій квартировалъ въ тѣ годы—до самаго своего переселенія въ Москву — въ томъ длинномъ трехъэтажномъ домѣ (тогда Куканова), что стоитъ на Садовой, противъ Юсупова сада, не доходя до Екатерингофскаго проспекта. Домъ этотъ по внѣшнему виду совсѣмъ не измѣнился, за цѣлыхъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, и я его видѣлъ, въ одинъ изъ послѣднихъ моихъ пріѣздовъ, въ октябрѣ 1906 года—такимъ же; только лавки и магазины нижняго жилья стали пофрантоватѣе.

Тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ, по сосѣдству съ нимъ, на углу Екатерингофскаго проспекта, помѣщалась *Управа Благочинія*, одно имя которой пахло еще николаевскими порядками. При ней значился и Адресный столъ.

Квартиру Писемскій нанималъ во второмъ этажѣ, по парадной лѣстницѣ, безъ швейцара—довольно обширную. Черезъ просторную залу вы проходили налѣво, въ его свѣтлый кабинетъ, съ двумя окнами на улицу. Отдѣлка этой комнаты стоитъ передо мной, какъ живая, точно я смотрю на ея изображеніе въ стереоскопъ. Прямо противъ двери у стѣны кресло передъ письменнымъ столомъ, гдѣ всегда принималъ хозяинъ. Направо и налѣво висятъ литографіи въ натуральную величину: Беранже и Жоржъ Зандъ—въ рамкахъ. Онѣ висѣли у него и въ Москвѣ, когда онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ домовъ, гдѣ я у него бывалъ. Слѣва—книжный шкафъ, и въ углу между шкафомъ и большимъ турецкимъ диваномъ висѣла шуба, а подъ шубой—ночной сосудъ. Эта житейская подробность какъ нельзя больше характерна для личности Писемскаго. „Жизнебоязненность" и помѣщичьи привычки! Шубу онъ держалъ, боясь, что у него ее украдутъ изъ передней, а „фіалъ гнѣва" (какъ называлъ одинъ мой пріятель въ Дерптѣ) потому, что лѣнь было удаляться изъ кабинета за естественной надобностью. Лѣвую отъ двери стѣну занималъ широкій клеенчатый диванъ.

Позднѣе я часто заставалъ Писемскаго совершенно по домашнему, т. е. въ халатѣ, въ ночной рубашкѣ и непремѣнно съ обнаженной, чуть не до пояса, жирной и мохнатой грудью. Въ такомъ видѣ онъ писалъ по цѣлымъ днямъ и вообще не имѣлъ привычки съ утра одѣваться. Но тутъ я его засталъ—это было уже не рано — одѣтымъ въ свѣтло-сѣрый костюмъ изъ мохнатой матеріи, хорошо сшитый. Наружность его была мнѣ уже знакома по литографированному портрету изъ коллекціи Мюнстера, появившемуся въ продажѣ незадолго до того. Позднѣйшіе портреты, (напр., знаменитый портретъ работы Перова въ Третьяковской галлереѣ) даютъ уже слишкомъ растрепаннаго и дикаго Писемскаго. Въ Москвѣ онъ сталъ бриться, когда поступилъ опять на службу, въ Губернское Правленіе. Превосходный портретъ Рѣпина—изъ послѣднихъ годовъ его московской жизни—изображаетъ уже человѣка обрюзгшаго, съ видомъ почти клиническаго субъекта и въ томъ „развращенномъ" видѣ, въ какомъ онъ сидѣлъ дома и даже по вечерамъ принималъ гостей въ Москвѣ.

Тогда же, въ январѣ 1861 г., онъ былъ мужчина еще молодой, съ интересной некрасивостью, плотный, но не ожирѣлый. Темные глаза съ блескомъ, нѣсколько курчавые волосы, бородка. Пальцы толстые и тогда уже были выпачканы въ чернилахъ. Профессіональнымъ писателемъ онъ не смотрѣлъ, а скорѣе помѣщикомъ; но и чиновничьяго не было въ

немъ ничего, сразу бросавшагося въ глаза, ни въ наружности, ни въ манерахъ, ни въ тонѣ, хотя онъ до переѣзда въ Петербургъ—все время состоялъ на службѣ въ провинціи, въ Костромѣ. Костромского можно было въ немъ распознать сразу—по говору. По этой части, онъ былъ человѣкъ чисто „бытовой", хотя и дворянскаго рода, помѣщикъ и сынъ помѣщиковъ. Но мѣстный говоръ удержался въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ костромскихъ изъ образованнаго класса, напр., его младшемъ сверстникѣ, покойномъ Максимовѣ, въ его ближайшемъ землякѣ Алексѣѣ Потѣхинѣ и его братьяхъ.

Какъ уроженецъ Нижняго, я съ дѣтства наслушался тамошняго народнаго говора на „онъ", и въ городѣ, отъ дворовыхъ, мѣщанъ, купцовъ, и въ деревнѣ отъ мужиковъ. Но нижегородскій говоръ отличается отъ костромского. Когда къ намъ въ домъ лѣтомъ приходили работники костромскіе (плотники изъ Галичскаго уѣзда, почему народъ, въ томъ числѣ и наши дворовые, всегда звали ихъ „галки"), я прислушивался къ ихъ говору и любилъ болтать съ ними.

Писемскій былъ родомъ изъ Кинешемскаго уѣзда, но у него сохранился говоръ „галокъ". Это звучитъ не особенно рѣзко на „онъ", а сказывается больше въ извѣстнаго рода пѣвучести и въ растяженіи и усѣченіи гласныхъ. Окончанія глаголовъ: „глотаетъ", „начинаетъ" и т. д. онъ произноситъ, какъ *аатъ*: у фамилію Плещеева—*Плещэевъ* съ открытымъ „э". Словомъ, никто уже въ писательскомъ мірѣ—и тогда, и позднѣе, за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ—не имѣлъ такого „акцента", какъ Писемскій, и только въ послѣдніе годы Максимъ Горькій не освободился отъ своего говора на „онъ", совершенно въ такомъ родѣ, какъ говорятъ у насъ въ Нижнемъ мастеровые, мѣщане, мелкіе лавочники, семинаристы.

Сопоставленіе этихъ писателей двухъ эпохъ, сохранившихъ народный говоръ—будетъ тутъ совершенно кстати, для характеристики Писемскаго. Въ авторѣ „На днѣ" чувствуется нижегородскій обыватель простого званія, прямо изъ міра босяковъ и скитальцевъ попавшій въ всесвѣтные знаменитости, безъ той выправки, какую даетъ принадлежность къ высшему сословію, средняя школа, университетъ. И въ Писемскомъ вы видѣли нѣчто въ такомъ же родѣ на почвѣ личныхъ и отчасти бытовыхъ особенностей. Но онъ былъ провинціальное, помѣщичье чадо, хватившее потомъ и жизни *Москвы*, гдѣ онъ учился въ университетѣ, типичный представитель дворянско-чиновничьяго класса 50-хъ годовъ. *Разночинцемъ* въ особенномъ смыслѣ отъ него не пахло. Это былъ—при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чувственномъ характерѣ—человѣкъ „умственный", природно *чрезвычайно умный* и острый, иногда съ циническимъ оттѣнкомъ. Но тутъ надо различать двѣ половины Писемскаго или лучше два его

состоянія: трезвое и возбужденное. Онъ былъ склоненъ къ возліяніямъ, хотя тогда еще вовсе не форменный алкоголикъ; по разсказамъ тѣхъ, кто зналъ его кутежи, бывалъ способенъ на самыя безпардонныя проявленія своего кутильно-эротическаго темперамента—и въ Россіи (въ особенности въ Петербургѣ, по водвореніи туда), и за границей, въ Парижѣ. П. И. Вейнбергъ сохранилъ въ своей памяти гомерическіе эпизоды, когда ему приходилось ѣздить за Писемскимъ въ такія мѣста, гдѣ онъ предавался вакханаліямъ не одни сутки, и увозить его оттуда. Но я его видѣлъ пьянымъ всего одинъ разъ—у него дома и по совершенно особому *случаю*, о чемъ разскажу дальше.

Обыкновенно, и днемъ въ редакціонные часы, и за обѣдомъ, и вечеромъ, когда я бывалъ у него—онъ не производилъ даже впечатлѣнія человѣка выпивающаго, а скорѣе слабаго насчетъ *желудочныхъ* страстей, какъ онъ самъ выражался. Поѣсть онъ былъ великій любитель и безпрестанно платился за это гастрическими схватками. Помню, кажется, на вторую зиму нашего знакомства, я нашелъ его лежащимъ на диванѣ, въ халатѣ. Ему подавалъ лакей какую-то минеральную воду, онъ охалъ, отдувался, пилъ.

— Что съ вами? спрашиваю я его.

— Охъ, батюшка!.. Уходилъ себя дикой козой! Увидалъ я ее въ лавкѣ у Каменнаго моста... Три дня приставалъ къ моей Катеринѣ Павловнѣ (имя жены его): „сдѣлай ты мнѣ изъ нея окорочекъ буженины и вели подать подъ сливочнымъ соусомъ". Вотъ и отдуваюсь теперь!

И вообще онъ былъ самый яркій ипохондрикъ (недаромъ онъ написалъ комедію подъ такимъ заглавіемъ), изъ всего своего литературнаго поколѣнія, присоединяя сюда и писателей постарше: Анненкова, Боткина, а въ особенности Тургенева, который тоже былъ мнителенъ, а холеры боялся до полнаго малодушія. Чуть что Писемскій валялся на диванѣ, охалъ, ставилъ горчишники, принималъ лѣкарство и съ своимъ костромскимъ акцентомъ взвывалъ:

— Понимаашь? Подпираатъ, братецъ, подпираатъ мнѣ всю нутренную!..

Но при всѣхъ этихъ курьезныхъ повадкахъ и слабостяхъ, онъ вообще велъ себя съ тактомъ, былъ скорѣе сдержанъ, я бы сказалъ даже, съ большимъ сознаніемъ того, *кто онъ*, но безъ напыщенности. Вы сейчасъ чувствовали, что это *крупный* писатель, и съ первыхъ словъ видѣли—какъ бойко и своеобразно игралъ въ немъ наблюдательный, часто насмѣшливый, умъ. Онъ могъ подаваться—особенно послѣ событій 1861 – 62 годовъ—въ сторону охранительныхъ идей, судить невѣрно, пристрастно обо многомъ въ тогдашнемъ общественномъ и чисто литературномъ движеніи;

наконецъ, у него не было широкаго всесторонняго образованія, начитанность, кажется, только по-русски (съ прибавкой, быть можетъ, кое-какихъ французскихъ книгъ), но въ предѣлахъ тогдашняго русскаго „просвѣщенія“ онъ былъ совсѣмъ не игнорантъ, въ немъ всегда чувствовался московскій студентъ 40-хъ годовъ; онъ былъ искренно преданъ всѣмъ лучшимъ *завѣтамъ* нашей литературы, сердечно чтилъ Пушкина, напечаталъ когда-то критическій этюдъ о Гоголѣ, увлекался съ юныхъ лѣтъ театромъ, считался хорошимъ актеромъ и былъ прекраснѣйшій чтецъ „въ лицахъ“. Въ немъ—если взять его *лучшее* время, до начала 60-хъ годовъ—сказывалось очень большое *соотвѣтствіе* между человѣкомъ и писателемъ. Онъ былъ чрезвычайно *похожъ* на свои произведенія — во всѣхъ смыслахъ—и въ положительную и въ отрицательную сторону. Сила, умъ, цѣпкая наблюдательность, своеобразная форма, безпощадный реализмъ всего міропониманія; а рядомъ съ этимъ: склонность къ *обличенію* того, что ему было не по душѣ въ новомъ строѣ общества и литературы, грубоватость пріемовъ, чувственность, чисто-русскіе слабости и пороки:—малодушіе, себѣ на умѣ, пріобрѣтательская жилка. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже на перепутьи: между общимъ либерализмомъ людей его эпохи и отчужденіемъ отъ того, что тогда представлялъ собою кружекъ Чернышевскаго, „Искры“ и другихъ центровъ петербургскаго радикализма. Но реакціонера въ немъ еще тогда *не было,* ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ, ни въ чисто-литературномъ смыслѣ. Онъ—я помню—сталъ мнѣ говорить—въ одно изъ первыхъ моихъ посѣщеній—о Токвилѣ, книга котораго переводилась тогда въ „Библіотекѣ для чтенія“, высказывался о всѣхъ нашихъ порядкахъ очень свободно, заинтересованъ былъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, вовсе не какъ крѣпостникъ.

Не нужно забывать, что Писемскій—по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ (значитъ, во второй половинѣ 50-хъ годовъ)—сталъ близокъ къ Тургеневу, который, одно время, сдѣлалъ изъ него своего любимца, чрезвычайно высоко ставилъ его, какъ талантъ, водилъ съ нимъ *пріятельское* знакомство, кротко выносилъ его разносы и участвовалъ даже *volens-nolens* въ его кутежахъ. Тургенева, какъ художника, Писемскій понималъ очень тонко и опредѣлялъ образно и даже поэтично обаяніе его произведеній.

— Это — благоухающій садъ... и въ немъ бесѣдка. Вы сидите въ ней, и надъ вами витаютъ свѣтлыя тѣни... его женщинъ.

Но онъ, хоть и добродушно, не прощалъ Тургеневу слабость его характера и *неустойчивость* его въ отношеніяхъ къ людямъ и даже въ идеяхъ, симпатіяхъ и убѣжденіяхъ.

— Человѣкъ въ жизни своей не имѣлъ ни семьи, ни жены, ни открытой любовницы, ни закадычнаго друга.

Онъ и на многолѣтній романъ съ Віардо смотрѣлъ, какъ на доказательство „тряпичности“ натуры своего пріятеля.

Не прощалъ онъ ему тогда и его петербургскихъ великосвѣтскихъ связей, того, что тотъ водился съ разными высокопоставленными господами изъ высшаго „монда“. Могу довольно точно привести текстъ разсказа Писемскаго, за обѣдомъ у него, чрезвычайно характерный для нихъ обоихъ. Обѣдалъ я у Писемскаго запросто. Сидѣли только, кромѣ хозяина, жена его и два мальчика гимназиста. Тургеневъ приглашалъ его къ себѣ провести вечеръ. Пришелъ и Огаревъ (тогда только что отпущенный за границу), а хозяинъ вскорѣ скрылся. Онъ извинился передъ нами, что ему надо непремѣнно куда-то ѣхать въ „мондъ“ и обѣщалъ пробыть не больше какъ съ часъ, много полтора. Остались мы вдвоемъ съ Огаревымъ. Я его тогда въ первый разъ видѣлъ. Парень душевный... Человѣкъ подалъ намъ водки и закуски. Мы съ съ нимъ опорожнили графинчикъ и спросили второй. И оба мы распалились на Ивана Сергѣевича за такое его малодушіе: пригласилъ пріятелей, а самъ полетѣлъ къ какой-нибудь кислой фрейлинѣ читать разсказъ. Сидимъ часъ, другой, спросили и третій графинчикъ. Звонокъ. Но вмѣсто самого Тургенева является какой-то великосвѣтскій баринъ въ званіи камеръюнкера (кажется, это былъ Маркевичъ — тогда еще пріятель Тургенева) въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ. Мы его спрашиваемъ: *пьете водку?* Онъ отказался и стушевался минутъ черезъ пять, увидѣвъ, на какихъ ребятъ онъ наскочилъ. И только въ часъ ночи возвращается Тургеневъ и начинаетъ извиняться. Вотъ мы его тогда съ Огаревымъ и принялись валять въ два жгута. А онъ только проситъ прощенія... И меня сильно хмельного привезъ домой и довелъ до передней.

— Да, папа, остановилъ Писемскаго его старшій сынъ Паша (впослѣдствіи профессоръ московскаго университета), ты былъ сильно выпивши, *и Тургеневъ внесъ самъ въ рукахъ твои калоши.* Ты ихъ растерялъ на лѣстницѣ.

Тургеневу онъ не прощалъ и пріятельства съ такимъ „лодыремъ“ (такъ онъ называлъ его), какъ Болеславъ М—вичъ — тогда еще не романистъ, а камеръюнкеръ, свѣтскій декламаторъ и актеръ-любитель, стяжавшій себѣ громкую извѣстность за роль Чацкаго въ великосвѣтскомъ спектаклѣ, въ домѣ Бѣлосельскихъ, гдѣ онъ игралъ съ Вѣрой Самойловой, въ роли Софьи.

— Не водитесь вы съ нимъ! — упрашивалъ онъ и меня. Навѣрно вытянетъ у васъ сто рублей безъ отдачи... а то хоть и бѣленькую. Я его не принимаю, а ежели онъ нахально станетъ клянчить—я ему говорю: „для васъ нѣтъ у меня денегъ“.

И каждый разъ Писемскій прибавлялъ:

— А Иванъ Сергѣевичъ водитъ пріятельство съ такой дрянью!

Мое знакомство съ великолѣпнымъ „Болеславомъ“ вышло вотъ какимъ образомъ, въ первую же зиму. Онъ жилъ на одной квартирѣ съ нѣкіимъ Казначеевымъ, бывшимъ чиновникомъ при гр. Закревскомъ, въ Москвѣ, какъ и Маркевичъ. А Казначеева я зналъ черезъ семейство кн. Д—выхъ. М—вичъ пожелалъ меня „шармировать“, сталъ разсказывать про свои свѣтскія связи и пріятельство съ „Иваномъ Сергѣевичемъ“, прохаживаясь на счетъ его безхарактерности и безпринципности. Между прочимъ, онъ мнѣ изобразилъ въ лицахъ (онъ былъ большой краснобай), какъ Тургеневъ во дворцѣ у Елены Павловны, на раутѣ, сначала ругательски ругалъ весь этотъ высшій мондъ; а когда одна вел. княгиня сказала ему нѣсколько любезностей, то „весь растаялъ“. Этимъ разсказомъ я воспользовался впослѣдствіи въ романѣ „Жертва вечерняя“, гдѣ у меня является нѣкій Балдевичъ, очень смахивающій на М—вича. Тогда Тургеневъ его уже отстранилъ отъ своей особы, и реакціонный романистъ мстилъ ему за это всю жизнь.

Водилъ онъ близкое пріятельство съ гр. В. Соллогубомъ, котораго я засталъ въ Петербургѣ одного, въ меблированной квартирѣ, въ домѣ Воронина, въ Фонарномъ переулкѣ, за чтеніемъ вслухъ моей драмы „Ребенокъ“. Сидѣлъ тутъ М—вичъ, и Соллогубъ заставилъ его докончить чтеніе. А когда мы шли отъ Соллогуба вдвоемъ, то М—вичъ всю дорогу сплетничалъ на него, возмущался: какую тотъ ведетъ безобразную жизнь, какъ онъ, на дняхъ, проигралъ ему у себя большую сумму въ палки и не могъ заплатить, и навязывалъ ему же какую-то нѣмку, актрису Михайловскаго театра. Я самъ не могъ и тогда понять—какъ Ив. Серг. Тургеневъ водитъ пріятельство съ такимъ индивидомъ и позволяетъ ему играть въ великосвѣтскомъ обществѣ роль присяжнаго чтеца его произведеній? Писемскій былъ сто разъ правъ въ своихъ грубыхъ, но справедливыхъ разносахъ.

Своеобычный Алексѣй Ѳеофилактовичъ жилъ въ Петербургѣ такъ, какъ жилъ бы въ Костромѣ помѣщикъ или видный чиновникъ: просторная квартира съ приличной обстановкой, но безъ всякой оригинальности, какъ говорится, „общеармейскаго“ типа. Была прислуга, какъ въ каждомъ барскомъ домѣ средней руки: лакей, поваръ, горничная. Вопреки своимъ кутильнымъ эксцессамъ не только по части Бахуса, но и по части Афродиты— онъ былъ *очень* семейный человѣкъ. И судьба послала ему превосходную жену. Екатерина Павловна и тогда еще была красивая женщина, съ яснымъ и добрымъ выраженіемъ лица, всегда спокойная, съ прекраснымъ тономъ, съ полнымъ отсутствіемъ какой-нибудь рисовки или жеманства. Такія женщины были не рѣдкость въ дворянскомъ кругу, особенно въ

провинціи, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Водились онѣ и раньше. Къ мужу своему Е. П. относилась съ неизмѣнной кротостью, хотя совсѣмъ не принадлежала къ натурамъ пассивнымъ и сладковатымъ. Она была къ нему искренно и честно привязана и прощала ему всѣ уклоненія отъ супружескаго credo. Привыкла она смотрѣть сквозь пальцы и на его кутильныя наклонности. И онъ ее весьма уважалъ, цѣнилъ ее по достоинству, по своему любилъ, въ молодости, навѣрно, былъ сильно влюбленъ въ нее. Въ Писемскомъ семейный инстинктъ сказывался очень ярко. Онъ нѣжно любилъ своихъ дѣтей, любовался ими, дрожалъ за ихъ здоровье, обходился мягко, съ юморомъ, баловалъ въ мѣру, слѣдилъ за ихъ успѣхами въ гимназіи.

У него было всего два сына. Тогда оба уже учились въ гимназіи и шли, по успѣхамъ, прекрасно. И оба кончили такъ трагически. Меньшій, еще при жизни отца, самоубійствомъ—въ Петербургѣ, блестящимъ учителемъ въ разныхъ заведеніяхъ. Онъ мальчикомъ былъ очень красивый, съ тонкими чертами лица. Старшій, Паша—наружностью больше въ отца—веселый, добродушный, здоровый мальчикъ. Кто бы подумалъ тогда, глядя на этого бойкаго и крѣпкаго гимназиста, что онъ кончитъ душевной болѣзнью, послѣ смерти отца, и въ такой длительной формѣ полнаго распаденія личности? И мать долгіе годы была его пестуномъ. Кажется, онъ еще, до сихъ поръ, не умеръ. При мнѣ—не разъ—когда мальчики прибѣгали къ нему въ кабинетъ, вернувшись изъ гимназіи — Алексѣй Ѳеофилактовичъ цѣловалъ ихъ, гладилъ по головѣ, весело шутилъ съ ними. Я рѣдко видалъ впослѣдствіи въ писательскомъ кругу такую нѣжную любовь отца къ дѣтямъ—уже довольно большимъ мальчикамъ—и такое любованіе ими, не лишенное, однако, разныхъ юмористическихъ замѣчаній и забавныхъ прозвищъ, которыя онъ имъ давалъ.

Для меня, какъ начинающаго писателя, который долженъ былъ совершенно заново знакомиться съ литературной сферой—домъ Писемскихъ оказался не малымъ рессурсомъ. Они жили не открыто, но довольно гостепріимно. Съ А. Ѳ. у меня установились очень скоро простыя хорошія отношенія и какъ съ редакторомъ. Я бывалъ у него и не въ редакціонные дни и часы, а когда мнѣ понадобится.

Когда у него собирались—особенно во вторую зиму—онъ всегда приглашалъ меня. У него я впервые увидалъ многихъ писателей съ именами. Прежде другихъ—А. Майкова, родственника его жены, жившаго съ нимъ на одной лѣстницѣ. Его болѣе частыми гостями были: изъ сотрудниковъ „Библіотеки"—Карновичъ, изъ тогдашнихъ „Отечественныхъ Записокъ"—Дудышкинъ, изъ Тургеневскихъ пріятелей—Анненковъ, съ которымъ я познако-

мился еще раньше, въ одной изъ тогдашнихъ воскресныхъ школъ, гдѣ я преподавалъ. Она помѣщалась въ казармѣ „Гальванической роты“.

Про Анненкова и Дудышкина Писемскій всегда говорилъ:

— Это мои присяжные критики. Я читаю имъ все, что напишу.

Тургеневъ въ тѣ двѣ зимы не наѣзжалъ въ Петербургъ, и я не могъ его видать у Писемскаго. Дружининъ что-то не бывалъ у него. Во вторую зиму, когда Писемскій сталъ приглашать на слушаніе первыхъ двухъ частей своего „Взбаломученнаго моря“—бывало больше народу. Тамъ я впервые видалъ и слышалъ Сѣрова, только что сдѣлавшагося музыкальнымъ критикомъ „Библіотеки“. Помню, онъ сильно *разносилъ* Антона Рубинштейна и называлъ его „таперъ“, съ очень злобной интонаціей. Главнаго критика журнала Еф. Зарина у Писемскаго я не встрѣчалъ и познакомился съ нимъ уже гораздо позднѣе.

Былъ ли Писемскій вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ редактора? Сравнительно съ тѣмъ, кто и теперь попадаетъ въ издатели-редакторы журналовъ и газетъ—скорѣе *да*. Онъ носилъ громкое тогда имя, любимое и публикой либеральнаго направленія. Не нужно забывать, какъ самъ Писаревъ даже и позднѣе высоко цѣнилъ его. Онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, любилъ литературу, какъ умный и наблюдательный человѣкъ, выработалъ себѣ довольно вѣрный вкусъ, преданъ былъ завѣтамъ художественнаго реализма, способенъ былъ оцѣнить все, что тогда выдѣлялось въ молодомъ поколѣніи. Я не стану напирать на то, что онъ оцѣнилъ автора „Однодворца“ и „Ребенка“. Но онъ изъ тогдашнихъ молодыхъ талантовъ „Современника“ всегда хвалебно отзывался о Помяловскомъ и отчасти о Николаѣ Успенскомъ. Глѣбъ явился позднѣе, и *въ Петербургѣ* я въ 1863 году пустилъ его въ ходъ *впервые*, разсказомъ „Старьевщикъ“. Я уже сказалъ выше, что до второй половины 50-хъ годовъ Писемскій состоялъ постояннымъ сотрудникомъ некрасовскаго „Современника“, передъ тѣмъ, какъ направленію этого журнала начали давать болѣе рѣзкую окраску Чернышевскій, и позднѣе, Добролюбовъ. Даже осенью 1861 года, когда я вернулся изъ деревни и пріѣхалъ разъ днемъ къ Писемскому, онъ мнѣ сказалъ:

— Сейчасъ засылалъ ко мнѣ Некрасовъ Салтыкова приторговать мою новую вещь. Я ему и говорю: „Съ кого и взять, какъ не съ васъ? Къ вамъ деньжища валятъ“.

А какая это была „новая вещь“? Романъ „Взбаломученное море“, котораго онъ писалъ тогда, кажется, вторую часть.

Конечно, если-бъ Некрасовъ познакомился *предварительно* со *всѣмъ* содержаніемъ романа, врядъ ли бы онъ попросилъ Салтыкова поѣхать къ

Писемскому позондировать почву; но это прямо показываетъ, что тогда и для „Современника“ авторъ „Тысячи душъ“, „Горькой судьбины“, разсказовъ изъ крестьянскаго быта не былъ еще реакціонеромъ, котораго нельзя держать въ сотрудникахъ. Къ нему *заслали* и заслали кого? Самого Михаила Евграфовича, тогда уже временно — *между двумя вицегубернаторствами*—состоявшаго въ редакціи „Современника“.

Салтыкова я послѣ не видалъ никогда у Писемскаго и вообще не видалъ его нигдѣ, въ тѣ двѣ зимы и даже послѣ, во время моего редакторства. Какъ руководитель толстаго журнала, Писемскій *запоздалъ*, совершенно такъ, какъ я самъ, два года спустя, *слишкомъ рано* сдѣлался издателемъ-редакторомъ „Библіотеки“

Въ тѣ годы вѣтеръ сталъ дуть, какъ и теперь, въ сторону „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“: и государственно-общественныхъ устоевъ, и экономическихъ, и нравственныхъ идеаловъ, и мышленія, и литературно-художественныхъ идей, запросовъ и вкусовъ.

Десять лѣтъ раньше Писемскій былъ бы совершенно на мѣстѣ и даже представлялъ бы собою прогрессивную силу въ журнализмѣ, хотя бы и безъ особенной научной или литературной подготовки. Вѣдь и Краевскій въ свое время далеко не представлялъ собою кладезя учености, а Пушкинъ считалъ его выдающейся личностью, и его знаменитый промахъ въ энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара (Доенъ д'Агё) [1]) не помѣшалъ ему сдѣлать изъ „Отечественныхъ Записокъ“ передовой органъ 40-хъ годовъ и привлечь даровитѣйшихъ и свободомыслящихъ людей отъ Герцена и Бѣлинскаго до Тургенева и того же Писемскаго.

„Библіотека для чтенія“ ко второй половинѣ 50-хъ годовъ подъ редакціей Дружинина оживилась, она стала органомъ тургеневско-боткинскаго кружка, въ которомъ защищались пушкинскія традиціи и завѣты Бѣлинскаго; но не того только, что дѣйствовалъ въ „Современникѣ“, а прежняго эстета, гегельянца, восторженнаго цѣнителя Пушкина. Съ этой окраской перешелъ журналъ и къ Писемскому. Самъ онъ не могъ дѣйствовать, какъ критикъ, что дѣлалъ Дружининъ; но онъ сталъ, какъ юмористъ (въ фельетонахъ „Статскаго Совѣтника Салатушки“) подсмѣиваться—къ наступленію 60-хъ годовъ—надъ крайностями тогдашняго „нигилистическаго духа“. При всей грубоватости его натуры, онъ высоко ставилъ искусство и художественную литературу, и ему не могло быть по душѣ направленіе критики, шедшее отъ Чернышевскаго. Онъ не любилъ рѣзкой тенденціозности въ беллетристикѣ, пропитанной извѣстными, хотя бы и очень мод-

---

[1]) Такъ онъ перевелъ терминъ „*doyen d'age*“.

ными темами, и боялся (быть можетъ, не такъ сильно, какъ Дружининъ), что „свистопляска“ въ „Современникѣ“ и „Искрѣ“ понизитъ уровень литературныхъ идеаловъ. Помню разговоръ въ его кабинетѣ, когда я познакомился съ его московскимъ пріятелемъ Эдельсономъ (впослѣдствіи рекомендованнымъ мнѣ Писемскимъ же, какъ критикъ) о тогдашнемъ фурорномъ романѣ Авдѣева „Подводный камень“, который печатался въ „Современникѣ“. Оба они—Эдельсонъ такъ же, какъ и Писемскій—отзывались объ этой вещи, какъ о тенденціозной „композиціи“, гдѣ нѣтъ настоящей художественной *правды*, гдѣ все подведено къ мотиву во вкусѣ жоржъ-зандовскихъ романовъ, значитъ, въ сущности, къ чему-то новому только въ Россіи; а во Франціи эта „жоржъ-зандовщина“ процвѣтала еще въ 30-хъ годахъ.

Могу привести довольно отчетливо слова Писемскаго:

— Я Тургенева не мало дразню: „Авдѣевъ-то, молъ, вашъ выученикъ; только онъ подражаетъ вамъ въ исканіи интересныхъ темъ, а не въ настоящей творческой работѣ“.

И, вѣдь, это была безусловно вѣрная оцѣнка.

Тогдашнія статьи Чернышевскаго своей разрушительной подкладкой прямо смущали его и даже *возмущали* тономъ, манерой на все смотрѣть „съ кондачка“, все валить.

Разъ, при мнѣ, Писемскій все повторялъ, обращаясь къ Карновичу, который писалъ и въ „Современникѣ“.

— Вы мнѣ скажите, хорошій ли онъ человѣкъ? Коли человѣкъ онъ хорошій, то ему многое можно простить.

А вся эта разростающаяся рознь между двумя лагерями—тѣмъ, гдѣ стояли Дружининъ, Писемскій, Боткинъ и Тургеневъ, и кружкомъ Чернышевскаго поддерживалась тѣмъ, что они нигдѣ уже не сходились. Не существовало никакого общаго дѣла, ни клуба, ни союза писателей, а „Фондъ“ былъ только благотворительнымъ учрежденіемъ, да и то чернышевцы и добролюбовцы врядъ ли смотрѣли на него дружественно. Вѣдь его основали „генералы“—все тотъ же Дружининъ и Тургеневъ съ своими ближайшими сверстниками. Вотъ все это и начало всплывать въ грубоватыхъ шуткахъ и сарказмахъ моего предшественника (какъ фельетониста „Библіотеки“) *Статскаго Совѣтника Салатушки*, который уже дѣйствовалъ „во всю“, когда я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „Библіотеки“, т. е. въ сезонъ 1860—1861 гг. Къ началу 60-хъ годовъ и разрослось въ Писемскомъ то недоумѣвающее, а потомъ и отрицательное отношеніе къ тогдашнимъ „нигилистамъ“ русскаго журнализма. Точно такой же внутренній процессъ произошелъ не только въ Фетѣ, Боткинѣ или Дружининѣ, но и въ Тургеневѣ, еще до напечатанія „Отцовъ и дѣтей“, послѣ того, какъ

онъ „разорвалъ“ съ Некрасовымъ. То же чувство находили вы и въ Москвѣ, въ кружкѣ бывшихъ пріятелей Герцена, особенно въ Кетчерѣ. Я помню еще въ концѣ 50-хъ годовъ (когда съ нимъ познакомился) раскаты его смѣха и безпощадные возгласы, направленные противъ „Современника“, причемъ и Некрасову досталось очень сильно, больше, впрочемъ, какъ человѣку.

Журналомъ въ зиму 1860—61 гг. Писемскій занимался, какъ говорится, „съ прохладцей“, что не мѣшало ему кряхтѣть и жаловаться, находить, что редакціонная работа ужасно мѣшаетъ писательству. Онъ и въ ту зиму писалъ, но не такъ, какъ въ слѣдующій сезонъ, когда онъ приступилъ къ „Взбаломученному морю“, задуманному въ шести частяхъ. Тогда вообще въ журналахъ не боялись большихъ романовъ, и мелкими разсказами трудно было составить себѣ имя [1]). Какъ истинный русакъ, Писемскій, отдавшись работѣ надъ вещью крупныхъ размѣровъ, писалъ запоемъ, просиживалъ цѣлые дни въ халатѣ за письменнымъ столомъ, и тогда уже не жаловался на то, что редакторство заѣдаетъ его, какъ романиста. Процессъ его работы былъ очень похожъ на всю его личность. Онъ писалъ сперва черновой текстъ, жена сейчасъ же переписывала, и я былъ свидѣтелемъ того, какъ Екатерина Павловна приходила въ кабинетъ съ листкомъ въ рукѣ и просила прочесть какое-нибудь слово. Почеркъ у него былъ крупный и чрезвычайно безпорядочный—другого такого я ни у кого изъ писателей не видалъ. Это было больше мазанье, чѣмъ писанье. Жена вставляла ему и французскія фразы въ свѣтскихъ сценахъ. Писемскій не владѣлъ ни однимъ иностраннымъ языкомъ. По-французски, можетъ быть, читалъ, но ни по-нѣмецки, ни по-англійски. Черновой текстъ, переписанный женою, Писемскій исправлялъ и перемарывалъ и дѣлалъ это такъ необузданно, что пальцы правой руки были у него, по цѣлымъ недѣлямъ, измазаны ниже вторыхъ суставовъ. Объ этомъ многіе знали и приводили всегда, когда разговоръ о Писемскомъ принималъ анекдотическій характеръ.

Для меня, какъ беллетриста, работа въ „Библіотекѣ“ и частыя свиданія съ ея редакторомъ были выгодны во многихъ смыслахъ. Тогда, за отсутствіемъ Тургенева, кромѣ Достоевскаго, въ Петербургѣ не было болѣе крупнаго романиста и драматурга. И талантъ, и своеобразный умъ, и юморъ сказывались всегда въ его разговорахъ. Передо мною въ его лицѣ стояла цѣлая эпоха, и онъ былъ однимъ изъ ея типичнѣйшихъ представителей: настоящій самородокъ изъ провинціально-помѣщичьяго быта, безъ всякихъ заграничныхъ вліяній, полный всякихъ чисто-россійскихъ чертъ антикультурнаго свойства, но все-таки талантомъ, умомъ и преданностью литературѣ, какъ

[1]) Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать развѣ для Тургенева, какъ автора „Записокъ Охотника“.

высшему, что создала русская жизнь, поднявшійся до значительнаго уровня. И онъ же былъ жертвой своихъ чувственныхъ инстинктовъ, въ немъ же засѣли разные виды бытовой жизнебоязненности, грубоватый и черезчуръ развитой пессимизмъ, недостатокъ высшихъ гражданскихъ идеаловъ, огромный недочетъ по части болѣе тонкихъ свойствъ души.

Но, повторяю, въ ту первую зиму въ Петербургѣ Писемскій оставался самымъ цѣннымъ для меня литературнымъ знакомствомъ.

П. Боборыкинъ.

(*Окончаніе этой главы въ слѣдующей книжкѣ*).

Одно из распоряженій Муравьева въ 1863 г.

(Изъ женевскаго архива „Бунда").

Дошло до свѣдѣнія генералъ-губернатора здѣшняго края, что въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ мѣстностяхъ, несмотря на сдѣланныя распоряженія строго наблюдать, чтобы ремесленники и мастеровые не производили никакихъ работъ для мятежниковъ,—оказывается, что евреи ремесленники, проживающіе въ мѣстностяхъ и деревняхъ, а иногда и городскіе мастера, вызываемые куда-либо на мызы, гдѣ полиція не можетъ имѣть за ними должнаго наблюденія, продолжаютъ производить таковыя работы и шьютъ для инсургентовъ полушубки, теплую одежду, обувь и другіе предметы обмундировки.

Г. генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ, признавая необходимымъ положить конецъ подобнаго рода промысламъ, предложилъ мнѣ, независимо отъ производства обысковъ въ открытыхъ мастерскихъ и складахъ одежды, гдѣ таковые имѣются, объявить цеховымъ управамъ въ городахъ, и депутатамъ еврейскихъ обществъ въ мѣстечкахъ, что въ случаѣ обнаруженія мастеровыхъ и промышленниковъ, заготовляющихъ для мятежниковъ одежду, кромѣ конфискаціи таковой и взысканій съ хозяина оной штрафа въ тройномъ размѣрѣ стоимости найденнаго товара, общество или цехъ, къ которому принадлежитъ виновный, будетъ въ свою очередь обложено штрафомъ отъ 100 до 500 рублей серебромъ, по ближайшему моему усмотрѣнію; въ такомъ же размѣрѣ будетъ наложенъ штрафъ и на помѣщиковъ и владѣльцевъ мызъ, въ имѣніи которыхъ производились эти работы независимо отъ личной каждаго изъ нихъ отвѣтственности.

Объявляя объ этомъ для всеобщаго свѣдѣнія, предваряю, что я съ своей стороны приму самыя строгія мѣры къ точному исполненію означеннаго распоряженія и къ поступленію съ виновными по всей строгости законовъ.

Минскій гражданскій губернаторъ Кажевниковъ.

Октября 24 дня 1863 года.

Геттингенскіе годы Николая Ивановича Тургенева.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы пытаемся прослѣдить благотворное вліяніе геттингенскаго университета на одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Россіи первой половины XIX вѣка. Занятія въ геттингенскомъ университетѣ и тѣсная связь съ западной наукой и ея представителями такъ сильно отразились на Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ и многихъ изъ его русскихъ университетскихъ товарищей, что трудно представить себѣ ясно политическіе взгляды Тургенева и его, къ сожалѣнію, краткую общественную дѣятельность, не изучивъ подробно всѣхъ многочисленныхъ его университетскихъ работъ и занятій. Мы пришли къ этому заключенію послѣ тщательнаго изслѣдованія, съ одной стороны, состоянія геттингенскаго университета въ описываемое время, а съ другой—занятій Тургенева, его братьевъ Александра и Сергѣя Ивановича и другихъ русскихъ молодыхъ людей въ Геттингенѣ, а также общественной ихъ дѣятельности въ Россіи. Результаты нашихъ изслѣдованій изложены въ книгѣ Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts. Названной книгой мы пользовались, какъ матеріаломъ и для настоящихъ очерковъ. Они являются, такимъ образомъ, переработкой и дополненіемъ первыхъ трехъ главъ нашей книги. Въ особенности мы пополнили главы объ университетскихъ занятіяхъ и впечатлѣніяхъ Н. И. Тургенева на основаніи тургеневскаго архива, поступившаго два года тому назадъ въ Императорскую Академію наукъ.

Первыя четыре главы нашего изслѣдованія касаются рускихъ студентовъ Геттингена конца XVIII и начала XIX вѣка, характера и вліянія на нихъ университета, а остальная посвящена изслѣдованію занятій самого Н. И. Тургенева, самой выдающейся и крупнѣйшей личности среди „геттингенцевъ“.

I.

Вліяніе западно-европейскихъ, и въ особенности нѣмецкихъ, университетовъ на умственное развитіе Россіи, на политическія воззрѣнія и общественные идеалы русскихъ образованныхъ круговъ не изслѣдовано до сихъ поръ соотвѣтствующимъ и исчерпывающимъ образомъ [1]). Оно является однимъ изъ главныхъ путей, черезъ которые проникла въ Россію культура Западной Европы. Извѣстно, что въ 18 вѣкѣ французскій раціонализмъ сильно повліялъ на взгляды высшихъ слоевъ русскаго общества, но практическіе результаты этого вліянія были весьма ничтожны. Герценъ называетъ ихъ даже вредными. Вотъ его слова по этому поводу:

«En France, les encyclopédistes émancipant l'homme des vieux préjugés, lui inspiraient des instincts moraux plus élevés. les faisaient revolutionnaire. Chez nous, en brisant les derniérs liens qui retenaient une nature demi—sauvage, la philosophie voltairienne ne mettait rien à la place des vieilles croyances, des devoirs moraux, traditionnels. Elle armait le Russe de tous les instruments de dialectique et d'ironie propres à le disculper—à ses jeux de son état d'esclave par rapport au souverain et de son état de souverain par rapport à l'esclave. Les néophytes de la civilisation se jetèrent avec avidité dans les plaisirs du sensualisme. Ils comprirent très-bien l'appel à l'epicuréisme, mais le son du tocsin solennel qui appela les hommes à une grande resurrection n'allait pas dans leur âme». [2])

Подъ этими словами Герценъ подразумѣваетъ, конечно, крупныя преобразованія общественнаго и политическаго строя Россіи. Если русское общество XVIII вѣка не возмущалось крѣпостнымъ правомъ, господствовавшимъ въ народѣ невѣжествомъ и произволомъ абсолютистскаго режима, то иначе относилась къ этимъ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни и думала бороться съ ними та часть слѣдую-

---

[1]) Отчасти это сдѣлано Ал. Веселовскимъ „Западное вліяніе на русскую литературу", 3-ое изд., 1906.

[2]) „Французскіе энциклопедисты, эмансипируя человѣка отъ старыхъ предразсудковъ, но внушая ему въ то же время болѣе высокія нравственныя чувства, сдѣлали его революціоннымъ. У насъ же случилось наоборотъ: вольтеріянская философія освободила полудикую натуру отъ послѣднихъ связывающихъ ее традицій, но не внушила ей ничего вмѣсто прежнихъ вѣрованій и нравственныхъ обязанностей. Эта философія дала русскимъ могучее орудіе діалектики и ироніи, которое они употребили на то, чтобы оправдать въ ихъ собственныхъ глазахъ рабскія чувства по отношенію къ государю и рабовладѣльческіе инстинкты по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Эти неофиты, слѣдуя по пути европейской культуры, жадно бросились на всякаго рода чувственныя наслажденія. Они легко отозвались на призывъ къ эпикуреизму, но они остались глухи къ торжественнымъ звукамъ набата, призывающаго людей къ нравственному возрожденію". A. Iscander, Du développement des idées révolutionnaires en Russie Paris 1851, стр. 47—48.

щаго поколѣнія, которая пропиталась въ нѣмецкихъ университетахъ идеями Запада и жаждала распространить прогрессивныя идеи, положительныя знанія и истинное просвѣщеніе въ темной, невѣжественной и реакціонной Россіи начала XIX вѣка. Уже начиная съ первой половины XVIII вѣка мы встрѣчаемъ русскихъ студентовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, — въ Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Геттингенѣ, Гейдельбергѣ и Галле. Особое значеніе имѣлъ геттингенскій университетъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Выдающіеся ученые этого университета, привлекавшіе, по словамъ русскаго студента фонъ-Фрейганга, иностранцевъ такъ же сильно, какъ прелестный замокъ въ Версали [1]; обширный планъ занятій, богатый выборъ учебныхъ пособій, космополитическій и чуждый всякихъ узкихъ мѣстныхъ вліяній характеръ университета; забота куратора университета, барона фонъ-Мюнхгаузена, о томъ, чтобы привлекать возможно больше слушателей изъ всѣхъ странъ, и въ особенности изъ Россіи,— вотъ главные моменты, которые мы должны имѣть въ виду при выясненіи вопроса, почему мы встрѣчаемъ столько русскихъ именъ въ университетскихъ спискахъ конца XVIII и начала XIX вѣка [2].

Первые годы самаго геттингенскаго университета (основанъ въ 1734 году) прошли весьма блѣдно, но начиная съ 50 годовъ развитіе университета идетъ гигантскими шагами и въ 70 и 80-хъ годахъ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Его преподаватели пользуются большой извѣстностью, и изъ всѣхъ странъ стремятся слушатели въ Геттингенъ. Мы назовемъ только нѣсколькихъ профессоровъ—анатома фонъ-Галлера, математика Кестнера, физика Лихтенберга и филолога Эрнести. Но особенно блестяще были поставлены юридическій и историко-политическій отдѣлы. Среди юристовъ выдѣляются Пюттеръ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкаго государственнаго права, пандектистъ Бемеръ и статистикъ Ахенваль [3]. Русскій студентъ Геттингенскаго университета А. Я. Полѣновъ даетъ по этому поводу слѣдующій отзывъ: „Геттингенскій университетъ можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими университетами и даже можетъ почесться первымъ относительно юридическихъ наукъ. Здѣсь всего десять профессоровъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по три и по четыре предмета, которые проходятъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Юристы со всѣхъ странъ

---

[1]) См. его брошюру „Notice sur l'université de Göettingue", Gottingen 1804, стр. 2

[2]) За періодъ, о которомъ мы говоримъ, именно отъ 1780—1815 года, слушали лекціи въ Геттингенѣ 81 русскихъ.

[3]) См. Rössler, „Die Gründung der Universität Göttingen, 1855, u Pütter Versuch einer-akademischen Gelehrtengeschichte von der Georgia-Augusta-Universität zu Göttingen", 1765, I—II, passim.

пріѣзжаютъ сюда для своего образованія и усовершенствованія [1])". Историческій факультетъ представленъ былъ извѣстными въ свое время, а отчасти и понынѣ, историками Гаттереромъ, Шлецеромъ и Шпиттлеромъ [2]). Первый считается основателемъ современной исторической науки. Онъ первый выдвинулъ необходимость для историка заниматься вспомогательными науками (Hilfswissenschaften) и онъ первый учредилъ историческій семинарій для научной разработки историческихъ вопросовъ. Заслуги Шлецера на поприщѣ общей, и въ особенности русской исторіографіи слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ подробно останавливаться. Шпиттлеръ замѣчателенъ тѣмъ, что впервые изслѣдовалъ роль третьяго сословія въ историческомъ развитіи. Политическая борьба партій, насколько можно о таковыхъ говорить въ XVIII столѣтіи, особенно интересовала выдающагося историка Шпиттлера, учителя Іоганна фонъ-Миллера, Герена, а также и другихъ извѣстныхъ представителей исторической науки XIX столѣтія. Высшаго расцвѣта университетъ достигъ, какъ мы уже упомянули, въ 80-ые годы XVIII вѣка. Финляндскій профессоръ Портганъ, побывавшій въ 1779 году въ Геттингенѣ, написалъ своимъ друзьямъ въ Финляндіи обширное письмо о тогдашнемъ состояніи Геттингена. „Университетъ, говоритъ Портганъ, находится въ самомъ блестящемъ положеніи: онъ имѣетъ выдающихся ученыхъ и посѣщается 900 студентами, которые очень усердно занимаются. Ежедневно читаются лекціи отъ 7 часовъ утра до 8 часовъ вечера, кромѣ воскресенья и второй половины дня въ субботу, но даже и тогда нѣкоторые профессора продолжаютъ чтеніе лекцій. Когда слышенъ бой городскихъ часовъ, всѣ улицы переполнены студентами. Во время лекцій на улицахъ ихъ почти не видно, лѣнтяи играютъ и пьянствуютъ у себя на дому. Я слушалъ разныя лекціи, ибо разрѣшается посѣщать нѣсколько разъ отдѣльныя лекціи безплатно, что здѣсь называютъ „hospitieren" (посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушателей). Такимъ образомъ студенты должны выяснить себѣ, какія лекціи имъ по душѣ; и въ особенности пользуются этой льготой новопріѣзжающіе. Студенты ведутъ довольно нравственную и приличную жизнь, если не говорить о томъ, что по вечерамъ они иногда шумятъ и что они довольно часто дуэлируютъ [3]).

Въ Геттингенѣ мы встрѣчаемъ русскихъ студентовъ уже

---

[1]) Русскій Архивъ 1865, стр. 572.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія въ только что упомянутомъ трудѣ Пюттера т. III passim и у Wegele „Geschichte der deutschen Historiographie" 1885, passim.

[3]) Полное заглавіе письма: „Zirkularausschreiben an die finnländischen Freünde, datiert Göttingen 22 Iuli 1779". Оно было опубликовано Арнгеймомъ въ журналѣ „Finnländische Rundschau" Leipzig, 1902, стр. 15 и сл., съ краткими біографическими свѣдѣніями о профессорѣ Портганъ.

въ серединѣ 40-хъ годовъ XVIII вѣка. Г. Т. Ашъ, извѣстный впослѣдствіи главный врачъ первой арміи, занимался въ Геттингенѣ отъ 1748—1750 подъ руководствомъ знаменитаго фонъ-Галлера. Тѣсная связь между нимъ и Ашомъ продолжалась и послѣ университетскихъ годовъ послѣдняго [1]). Ашъ подарилъ университетской библіотекѣ много книгъ по русской исторіи и собраніе этнографическихъ достопримѣчательностей. Такимъ образомъ завязались первыя сношенія между Россіею и Геттингеномъ. Въ 50-хъ годахъ тамъ занимались русскіе медики и естественники. Галлеръ пишетъ Ашу: „Мы имѣемъ здѣсь трехъ симпатичныхъ русскихъ, сыновей Григорія Демидова изъ Соликамска" [2]). Не умаляя значенія живого обмѣна мнѣній между русскими врачами и представителями медицинскаго факультета геттингенскаго университета и вліянія послѣднихъ на благотворное развитіе медицинскихъ наукъ въ Россіи, мы все-таки не думаемъ останавливаться на немъ подробнѣе. Насъ больше интересуетъ вліяніе политическихъ и общественныхъ взглядовъ геттингенскихъ профессоровъ на молодыхъ русскихъ и черезъ нихъ на русскую общественную жизнь. Послѣднее нужно принимать cum grano salis, потому что попытки „геттингенцевъ" распространять здравыя и прогрессивныя идеи Запада въ ихъ отсталомъ отечествѣ встрѣтили сильный отпоръ правительства и крѣпостнически настроеннаго дворянства. И „геттингенцы" часто напрасно пытались бороться съ неблагопріятными условіями русской жизни. Въ этомъ и состоитъ трагическая судьба храбрыхъ піонеровъ западной культуры, занимавшихся съ большимъ рвеніемъ въ Геттингенѣ и желавшихъ примѣнить свои знанія соотвѣтствующимъ образомъ.

Въ 1766 году въ Геттингенъ для завершенія юридическаго образованія послѣ окончанія имъ юридическаго факультета въ Страсбургѣ прибылъ А. Я. Полѣновъ. Онъ особенно интересовался леннымъ правомъ, которое слушалъ у профессора Рикціуса (Riccius), что указываетъ на существованіе у него уже въ то время интереса къ крестьянскому вопросу. Полѣновъ изучалъ въ то же время русскую исторію и законодательство, и по этому поводу онъ пишетъ академику Тауберту, между прочимъ, слѣдующее: „слѣдуя вашему совѣту, разбираю я указы и уложенія и, кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю и народу; однако, несмотря

[1]) См. Rössler, l. c. стр. 354; письма Галлера Ашу, стр. 534 и сл.
[2]) ib., стр. 356.

на все сіе, трудъ и благоразуміе все преодолѣть могутъ [1])". Въ маѣ 1767 Полѣновъ вернулся изъ Геттингена въ Петербургъ [2]), а въ февралѣ слѣдующаго года онъ представилъ изслѣдованіе Вольному Экономическому Обществу на заданную имъ тему: „Что полезнѣе для государства, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или только движимое имѣніе, и сколь далеко на то или другое его право простирается?"

Изъ семи русскихъ конкурсныхъ сочиненій самымъ лучшимъ оказалось сочиненіе Полѣнова, но онъ не получилъ первой награды, потому что рѣзко критиковалъ существующее крѣпостное право. Полѣновъ долженъ былъ передѣлать свою работу и вычеркнуть нападки на крѣпостное право. Но трудъ его и послѣ передѣлки не былъ оцѣненъ по достоинству и, что особенно характерно, онъ не былъ напечатанъ. Полѣновъ дослужился до чина статскаго совѣтника [3]), но ему не дали использовать прекрасную юридическую подготовку для блага народа, несмотря на то, что у него были связи съ академикомъ Таубертомъ и другими учеными. Въ царствованіе Екатерины II русскіе охотно посѣщали нѣмецкіе университеты, и въ особенности геттингенскій. Университетъ шелъ навстрѣчу этому желанію. Приглашеніе изъ Россіи Шлецера на кафедру исторіи было мотивировано желаніемъ имѣть побольше русскихъ слушателей [4]). У Шлецера были личныя связи съ ученымъ міромъ и съ русскимъ обществомъ [5]). Другой профессоръ геттингенскаго университета, извѣстный географъ Бюшингъ (Büsching), наоборотъ оставилъ Геттингенъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ состоялъ пасторомъ лютеранской церкви Св. Петра и директоромъ основаннаго имъ Петровскаго училища [6]). Одно время преподавалъ въ этомъ училищѣ Іоганъ Бекманъ, впослѣдствіи профессоръ политической экономіи въ Геттингенѣ, сохранившій навсегда теплыя чувства къ Россіи; по словамъ его ученика фонъ Фрейганга, онъ всегда радъ былъ выказать свое расположеніе къ русскимъ слушателямъ [7]).

---

[1]) Д. В. Полѣновъ, „А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка", Русскій Архивъ 1865, стр. 558 и сл. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX стол.", 1888. I, 81 и сл. О Рикціусѣ см. у Püttera'a l. c. I 140; II, 36—37.

[2]) Храповицкій, Дневникъ 1782—1793, СПБ. 1874, стр. 331.

[3]) Семевскій, l. c., стр. 48, 51, 81 и сл.

[4]) Frensdorff, Schlözer, Allgemenie deutsche Biographie, т. XXXI, стр. 571.

[5]) См. интересное описаніе его пребыванія въ Россіи въ автобіографическомъ отрывкѣ. Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben, I. Fragment, Göttingen 1804.

[6]) Pütter. l. c. I, 105; Храповицкій, l. c. 268.

[7]) Freygang, Notice, l. c. стр. 31.

Такимъ образомъ, связей между Геттингеномъ и Россiею было довольно много. Екатерина II очень интересовалась университетомъ и думала одно время пригласить въ члены комиссiи для составленiя Наказа геттингенскихъ юристовъ и историковъ Айрера, Мейстера, Ахенваля, Гаттерера и Пюттера [1]). Понятно, что геттингенскiе ученые относились съ большимъ уваженiемъ къ императрицѣ, и ея законодательная дѣятельность и литературные занятiя встрѣтили ихъ полное одобренiе. Въ геттингенскихъ ученыхъ запискахъ (Göttinger Gelehrte Anzeigen) мы читаемъ слѣдующiй отзывъ о Наказѣ императрицы: „съ глубокимъ уваженiемъ мы указываемъ въ этомъ журналѣ на сочиненiе, которое мы считали бы славою вѣка, если бы и не знали, что величайшая императрица является его авторомъ" [2]). Екатерина зорко слѣдила за всѣмъ, что происходило въ Геттингенѣ, и отъ ея вниманiя не ускользнула не очень лестная статья о Суворовѣ, появившаяся въ геттингенскомъ журналѣ, „Allgemeine politische Zeitung". Журналъ редактировался приватъ-доцентомъ Канцлеромъ. Въ статьѣ было, между прочимъ, сказано, что Суворовъ происходитъ изъ мѣстечка Гронау епископства Гильдесгеймъ, гдѣ отецъ его, извѣстный подъ именемъ Северина, былъ мясникомъ; въ статьѣ также упоминалось про полную приключенiй жизнь популярнаго полководца. Екатерина обратилась по этому поводу къ ганноверанскому лейбъ-медику Циммерману, съ которымъ она переписывалась, и потребовала, чтобы редакторъ изъялъ изъ обращенiя компреметирующую статью. Началась переписка между кураторомъ университета и профессоромъ Гейне (Heyne), идейнымъ руководителемъ умственнаго движенiя въ Геттингенѣ. Циммерманъ писалъ, между прочимъ, Шлецеру: „если требованiе императрицы не будетъ удовлетворено, она можетъ запретить своимъ подданнымъ посѣщенiе университета. Сдѣлайте изъ-за любви и преданности къ Геттингену все возможное, чтобы желанiе императрицы было удовлетворено". Редакторъ журнала согласился взять обратно статью, и русскiе получили возможность и на будущее время посѣщать геттингенскiй университетъ [3]).

Мы не знаемъ вполнѣ опредѣленно, кто изъ русскихъ, занимавшихся въ то время—послѣднiе годы царствованiя Екатерины—въ Геттингенѣ, игралъ впослѣдствiи видную роль въ общественной жизни Россiи. Въ университетскихъ спискахъ мы встрѣчаемъ по большей части фамилiи медиковъ

---

[1]) Frensdorff, Katharina II. von Russland nud ein Göttingischer Zeitungsschreiber, Nachrichten der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse 1905, Heft 3, 315 и сл.; Pütter, Selbstbiographie 1798, II, 488.

[2]) Frensdorff, l. c. 31.

[3]) Frensdorff, l. c.

и естественниковъ [1]). Изъ ихъ среды сталъ въ свое время извѣстенъ своей дѣятельностью на общественномъ и литературномъ поприщахъ масонъ Максимъ Невзоровъ, впослѣдствіи врагъ прогрессивныхъ идей. Онъ былъ отправленъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Колокольниковымъ на средства московскихъ масоновъ въ лейденскій университетъ, гдѣ они занимались медициной и получили степень доктора.

Послѣ того Невзоровъ и Колокольниковъ путешествовали по Германіи. Въ Страсбургѣ нѣкоторые соотечественники и одинъ страсбургскій житель предложили имъ вступить въ „патріотическое" общество, ставящее себя цѣлью распространеніе въ городѣ революціонныхъ идей. Невзоровъ и его товарищъ отклонили это предложеніе. Для завершенія образованія они пріѣхали на семестръ въ Геттингенъ [2]), гдѣ Невзоровъ былъ приглашенъ вступить въ масонскую ложу, но отказался.

Впослѣдствіи онъ былъ доволенъ своимъ рѣшеніемъ, когда узналъ, что поэтъ и профессоръ Бюргеръ, великій мастеръ геттингенской ложи, также сочувственно отзывался объ идеѣ равенства у французовъ. „Здѣсь, говоритъ Невзоровъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своей автобіографіи, мимоходомъ за нужное почитаю я сказать, что славные нѣмецкіе университеты, какъ напримѣръ: берлинскій, гальскій, лейпцигскій, вѣнскій, іенскій и всего болѣе геттингенскій, сіе молодое, но слишкомъ далѣе другихъ въ новомъ безуміи забѣжавшее дитя Германіи, были первѣйшими орудіями, разсадниками распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того послѣ столько покойнымъ, безсмертнымъ и... Штиллингомъ оплакивавшаго (емаго?) несчастія своего отечества [3])"!

Въ то время, когда Невзоровъ писалъ эти слова, онъ былъ приверженцемъ мрачнаго и ретроградного теченія русскаго масонства. Совсѣмъ иначе смотрѣли на университетскую науку запада масоны Новиковъ и И. П. Тургеневъ, пославшіе въ иностранные университеты Невзорова и его товарищей [4]).

---

[1]) Минералогъ академикъ Севергинъ, химикъ Сахаровъ, „первый русскій клиницистъ" Вазилевичъ, медикъ Рихтеръ и Г. А. Демидовъ. Біографическія свѣдѣнія въ словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) См. Буличъ, „Очерки по исторіи русской литературы", Казань, 1902, I, 249 и сл., Русскій біогр. словарь, 1902, ст. о Невзоровѣ.

[3]) Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву, Библіографическія записки, 1858, № 24, стр. 650—57.

[4]) Жизнь Невзорова и Колокольникова сложилась очень печально. Когда Екатерина начала преслѣдовать новиковскій кружокъ, опасаясь распространенія французскихъ революціонныхъ идей въ Россіи, Невзорову и Колокольникову было приказано вернуться въ Россію. Въ Ригѣ ихъ арестовали и перевели затѣмъ въ Петропавловскую крѣпостъ. Колокольниковъ умеръ въ крѣпости. Не-

Если правильно толковать приведенное нами выше мнѣніе Невзорова о геттингенскомъ университетѣ, то послѣдній именно явился самымъ яркимъ представителемъ прогресса, и въ этомъ отношеніи слова Невзорова не лишены интереса.

9 апрѣля 1798 г. послѣдовалъ указъ Павла I, запрещающій русскимъ посѣщать иностранные университеты. Указъ этотъ гласилъ: „Его Императорское Величество, по причинѣ возникшихъ нынѣ въ Иностранныхъ Училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ, Высочайше указать соизволилъ: отправленіе ихъ въ иностранныя воспиталища воспретить“ [2].

На Геттингенѣ замѣтно отразились послѣдствія этого указа: сократилось количество посѣтителей университета [3].

II.

Послѣ восшествія на престолъ Александра I указъ Павла былъ отмѣненъ. Извѣстно, что юный императоръ старался въ началѣ своего царствованія учреждать новые университеты и привлекать туда ученыя силы Запада. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что одновременно русскіе стали посѣщать нѣмецкіе университеты. Геттингенъ снова занялъ особое мѣсто. И недаромъ: учрежденія геттингенскаго университета, планъ занятій и содержаніе лекцій профессоровъ считались настолько цѣлесообразными, что московскій университетъ былъ реорганизованъ по образцу Геттингенскаго. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель Московскаго учебнаго округа, состоялъ въ перепискѣ съ асессоромъ геттингенскаго университета, профессоромъ Мейнерсомъ, близко знакомымъ съ организаціей нѣмецкихъ университетовъ вообще и геттингенскаго въ особенности. Муравьевъ охотно слѣдовалъ его указаніямъ и совѣтамъ и, кромѣ того, принималъ во вниманіе разсужденія Шлецера по этому вопросу, напечатанныя въ его автобіографическомъ очеркѣ [4]). Въ московскій университетъ были приглашены геттингенскіе профессора и приватъ-доценты: Буле (философія), Христіанъ фонъ Шлецеръ, сынъ историка (политическая экономія), Грельманъ (статистика), Иде (математика)

взоровъ сошелъ съ ума и выздоровѣлъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ Павелъ I освободилъ его вмѣстѣ съ остальными томившимися масонами [1]).

[1]) Tourgueneff, „La Russie et les Russes“ 1847, II, 376 и сл.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, г. XXV, № 18474.

[3]) Ernst Brandes, „Ueber den gegenwärtigen Zustand der Universität Göttingen,“ Göttingen 1802.

[4]) Ср. Сухомлиновъ. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ“, т. I. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I, passim.

и Рейсъ (химія) [1]). Изъ нихъ Буле, авторъ высоко цѣнимыхъ въ свое время книгъ по исторіи философіи, выдѣлялся живой и энергичной дѣятельностью въ качествѣ университетскаго лектора и издателя „Московскихъ ученыхъ вѣдомостей" и „Журнала изящныхъ искусствъ". Буле читалъ курсы по русской исторіи. Вліяніе этого дѣятельнаго геттингенца сильно отразилось на Грибоѣдовѣ и „едва не направило Грибоѣдова на путь спеціальнаго служенія наукѣ" [2]). Христіанъ фонъ-Шлецеръ переписывался съ отцомъ, сообщая ему новости московской жизни [3]). Тогда же, въ 1804 году, появился трудъ Шлецера „Лѣтописецъ Несторъ", важное событіе въ хроникѣ русской исторіографіи. Въ это время опять возстановилась живая идейная связь между Геттингеномъ и Россіею. Но не будемъ уклоняться отъ темы. Насъ интересуетъ здѣсь вліяніе геттингенскихъ профессоровъ на русскихъ студентовъ въ самомъ Геттингенѣ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Необходимо и умѣстно поэтому дать картину тогдашняго состоянія университета и познакомиться со взглядами наиболѣе видныхъ его преподавателей.

Университетскую жизнь въ Геттингенѣ въ 1810—1812 г. нужно назвать блѣдной сравнительно съ послѣдними десятилѣтіями XVIII вѣка, когда университетъ достигъ полнаго расцвѣта. Лучше другихъ поставленъ въ это время философскій факультетъ. Изъ старыхъ профессоровъ, читавшихъ въ концѣ XVIII вѣка, и теперь еще пользуются большимъ успѣхомъ филологъ Гейне и упомянутые нами Шлецеръ и Бекманъ. Среди преподавателей историческаго отдѣла выдѣляется Геренъ, одинъ изъ любимѣйшихъ геттингенскихъ профессоровъ, авторъ донынѣ еще замѣчательнаго труда «Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt» [4]). Геренъ читалъ по исторіи культуры и торговли и о новѣйшей политикѣ европейскихъ государствъ. Сильно стала увлекать его исторія торговли еще въ Бременѣ, гдѣ онъ провелъ гимназическіе годы. Постоянные разговоры объ открытіяхъ новыхъ земель, съѣзжавшіеся со всѣхъ странъ свѣта корабли глубоко повліяли на будущаго историка торговыхъ сношеній древняго міра. Геренъ читалъ, кромѣ того, лекціи по статистикѣ, гдѣ онъ разсматривалъ политическія, общественныя и административныя учрежденія Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи и Россіи. Интересно, что онъ не придавалъ особаго значенія статисти-

[1]) Pütter, III, 195, 120, 173, 247. Freygang, Notice 35, 38—39.

[2]) Веселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", 3-е изд., Москва 1906, стр. 144.

[3]) Ch. von Schlözer, August L. von Schlözers Oeffentliches und Privatleben, Leipzig 1828, I, 409 и сл.

[4]) См. его автобіографію въ I т. Gesammelte Werke, 1821; Pütter II, 194—195; III, 342—48; Wegele, „Geschichte der deutschen Historiographie", 683.

ческимъ вычисленіямъ [1]). Онъ пишетъ въ своей автобіографіи, что о числахъ почти что ничего не упомянуто въ его лекціяхъ по статистикѣ, а Н. И. Тургеневъ записываетъ въ своемъ геттингенскомъ дневникѣ, что Геренъ выразилъ однажды большое неудовольствіе по поводу какихъ-то статистическихъ таблицъ [2]). Въ упомянутой автобіографіи Геренъ предостерегаетъ историковъ, чтобы они не придавали слишкомъ большого значенія источникамъ. Они должны вносить индивидуальную точку зрѣнія въ освѣщеніе историческихъ явленій [3]). Научное значеніе Герена очень мѣтко охарактеризовалъ его слушатель А. И. Тургеневъ [4]).

Восточные языки и литературу Востока преподавалъ Эйхгорнъ. Онъ читалъ, кромѣ того, обширный курсъ по исторіи всемірной литературы отъ классическихъ временъ до новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ включительно. Эйхгорнъ былъ иниціаторомъ и въ первое время и главнымъ редакторомъ обширнаго коллективнаго труда „Allgemeine Geschichte der Künste und Wissenschaften bis zum Ende des 18 Jahrhunderts“ [5]). Интересно читалъ, по многократнымъ упоминаніямъ Н. И. Тургенева въ геттингенскомъ дневникѣ, профессоръ политической экономіи и исторіи, Людеръ; своимъ лекціямъ онъ далъ общее названіе: „Der Geist der Geschichte“ (Взглядъ на развитіе исторіи) [6]).

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія по этимъ сторонамъ научной его дѣятельности въ автобіографіи, l. c. LII и сл.

[2]) Дневники находятся въ Тургеневскомъ архивѣ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

[3]) Autobiographie l. c. LX—LXL.

[4]) Въ письмѣ къ брату Николаю изъ Лейпцига 3 сентября 1827: „Вчера ввечеру познакомился я съ Ваксмутомъ (знаменитый профессоръ исторіи Лейпцигскаго университета). Онъ въ родѣ Герена; но не дозрѣлъ до него, хотя и очень уважаетъ его. Онъ далъ мнѣ прочесть отвѣтъ Герена боннскому Шлегелю на его три печатныхъ письма о Гереновой книгѣ объ Индіи. Шлегель упрекаетъ ему, что онъ все заимствовалъ отъ Робертсона, даже не назвалъ его въ историческихъ своихъ изысканіяхъ объ Индіи. Геренъ, съ чувствомъ оскорбленной чести, но безъ оскорбительныхъ выраженій, доказалъ ему числами, что его комментаріи объ Индіи, въ коихъ тѣ же предметы, что и у Робертсона, но подробнѣе объясняются, вышли за годъ до появленія книги Робертсона объ Индіи; что онъ первый въ Германіи отдалъ справедливость Робертсону, и именно за сію книгу и на все привелъ мѣста изъ комментарій и числа. Торжество его тѣмъ разительнѣе, что Шлегель хвастался, что все прочелъ и все знаетъ что̀ было написано объ Индіи, особливо въ Германіи. Я прочелъ брошюру Герена съ удовольствіемъ и въ ней опять увидѣлъ различіе антикварной учености Шлегеля отъ историческихъ замашекъ—grosse Manier—Герена. Тамъ много Wortklauberei, которая мнѣ никогда и въ Гейнѣ не нравилась; здѣсь Sachkenntniss; отъ того книги Герена о торговлѣ, о сношеніяхъ между народами, о колоніяхъ такъ практически полезны. Онъ, въ самомъ началѣ своего ученаго поприща, постигъ это и перестлалъ комментировать древнихъ и принялся иначе учить и учиться исторіи.“

Письма А. И. Тургенева къ Ник. Ив. Тургеневу, Лейпцигъ 1872, 112—113.

[5]) Pütter II, 541—42; III, 332 и сл.

[6]) Дневникъ 1810 г. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ, кн. 205, стр. 3 и 4.

Философія представлена была Фридрихомъ Бутервекомъ. Первыя лекціи, которыя онъ читалъ о философіи Канта, когда былъ еще молодымъ привать-доцентомъ, имѣли громадный успѣхъ. Большая аудиторія всегда была переполнена слушателями. Бутервекъ послалъ конспектъ своихъ лекцій Канту, который очень радъ былъ этому вниманію [1]). Надо помнить, что въ Геттингенѣ вначалѣ относились отрицательно къ философіи Канта, и первые его труды подвергались строгой критикѣ въ „Göttinger Gelehrte Anzeigen“. Лекціи Бутервека по разнымъ отдѣламъ философіи, а въ особенности по эстетикѣ, охотно посѣщались братьями Тургеневыми, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и другими „геттингенцами“.

Кромѣ Бекмана, читавшаго курсъ камералистичныхъ наукъ, какъ въ XVIII в. принято было называть политическую экономію, выдвигается въ это время Сарторіусъ, приверженецъ новой тогда теоріи Адама Смита. Его лекціи были, собственно говоря, переработкой и изложеніемъ классическаго сочиненія „Богатство народовъ“ [2]). Сарторіусъ читалъ, кромѣ того, лекціи о „политикѣ“, въ которыхъ онъ говорилъ о политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ, камералистической и финансовой наукахъ и о Polizeiwissenschaft. Но, помимо всего, онъ отводилъ особое мѣсто теоретической политической экономіи, о чемъ у Шпиттлера и Шлецера въ соотвѣтствующихъ курсахъ трактовалось гораздо меньше. Основные принципы науки о политикѣ изложены Сарторіусомъ въ „Введеніи въ политику“, читанномъ имъ впервые въ 1793 году. Политика есть, по его мнѣнію, эмпирическая наука, и она не можетъ поэтому извлекать пользы изъ естественнаго права и общаго государственнаго права, потому что въ политической реальности все зависитъ отъ времени, состоянія климата и тому подобныхъ условій [3]). Сарторіусъ руководилъ практическими занятіями по разнымъ вопросамъ политики и политической экономіи. Сохранились нѣкоторые рефераты, писанные однимъ изъ его самыхъ ревностныхъ учениковъ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, которые разбирались въ семинаріѣ Сарторіуса. Два реферата касаются налоговъ и арендной системы, а третій, болѣе обширный, разсматриваетъ новый австрійскій финансовый законъ 1810 г. („Was will Österreich mit dem Finanzedikt von 20 Februar 1810 J.“ [4]). О методѣ преподаванія Сарторіуса мы читаемъ лестные отзывы

---

[1]) См. его автобіографію въ „Kleine Schriften philosophischen, ästhetischen und literarischen Inhalts, I, 41 и сл.

[2]) Frensdorff, Sartorius, Allgemeine deutsche Biographie XXX; Roscher, Geschichte der Nationalökonomie 615 и сл; Wegele, l. c. 920; Schmoller, Grundriss der Volkswirtschaftslehre I. 113; Pütter III, 581.

[3]) Roscher l. c. 617, прим. 1.

[4]) Бумаги А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, тетрадь 39. Рукописно отд. Имп. Публ. библіотеки.

въ геттингенскомъ дневникѣ Н. И. Тургенева. И, дѣйствительно, какъ популяризаторъ теоріи Смита, Сарторіусъ несомнѣнно имѣетъ за собою неоцѣнимую заслугу.

Юридическій факультетъ университета въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, прекрасно поставленъ. Самымъ выдающимся профессоромъ является Гуго, одинъ изъ основателей исторической школы въ юридической наукѣ. Онъ не могъ однако вполнѣ отречься отъ естественнаго права, и въ этомъ отношеніи на него оказала большое вліяніе теорія Канта [1]). Государственное и международное право преподавалъ Георгъ Ф. фонъ-Мартенсъ, лекціи и практическія занятія котораго посѣщались особенно охотно иностранцами, желавшими посвятить себя дипломатической дѣятельности [2]). Среди младшихъ юристовъ выдѣляется на первомъ мѣстѣ „геніальный", по словамъ Николая Ивановича Тургенева, криминалистъ Геде (Göde) [3]), рано умершій и не оставившій поэтому труда съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на уголовное право, которые Н. И. Тургеневъ такъ высоко цѣнилъ. Въ „La Russie et les Russes" Тургеневъ, живя въ изгнаніи въ Парижѣ, помѣстилъ краткій эскизъ о любимомъ своемъ учителѣ Геде, пользуясь записками геттингенскаго періода. Общая характеристика Геде заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Goede, homme d'un esprit aussi profond qu'élégant, et savant hors ligne, est mort, encore jeune, sans avoir laissé aucun écrit sur le droit criminel, qu'il professait avec un talent admirable" [4]). Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ взглядовъ Геде на цѣли и рамки уголовнаго права. Цѣль наказанія, которому подвергается виновный въ совершеніи преступленія, по мнѣнію Геде, должна состоять въ возстановленіи общественнаго порядка, нарушеннаго преступленіемъ. Эту, такъ называемую, теорію моральнаго принципа (théorie du principe moral) разсматривающую каждое преступленіе по степени вреда, нанесеннаго имъ общественному строю, Геде энергично защищаетъ. Онъ считаетъ примѣненіе наказанія логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ противозаконнаго дѣйствія. Наставленіе, предостереженіе и исправленіе,—дѣйствія, которыя неизбѣжно влечетъ за собой система предостереженій (Théorie de la prévention), но всѣ онѣ не достигаютъ цѣли, преслѣдуемой уголовнымъ правомъ, какъ эту цѣль понимаетъ Геде [5]).

---

[1]) Pütter, III, 295 и сл.; см. краткое изложеніе его теорій и научной дѣятельности въ ст. Нечаева, въ энцикл. словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) Pütter II, 137; III, 184; Freygang, Notice I. c. 21.

[3]) Pütter, III, 71; Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. IX.

[4]) „Геде, глубокій и ясный умъ, ученый въ истинномъ смыслѣ этого слова, умеръ очень молодымъ, не оставивъ никакого труда по уголовному праву, которое онъ читалъ такъ интересно".

[5]) La Russie et les Russes, 1847, I, 560—64.

Геде читалъ лекціи и по другимъ отраслямъ права. Курсъ церковнаго права сохранился въ бумагахъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Николай Тургеневъ восхищался, какъ видно изъ его дневника, лекціями Геде о краснорѣчіи. „Порядокъ, говоритъ онъ въ томъ же дневникѣ, лекцій у Геде всѣхъ лучше, и кажется и для него всего легче“ [1]).

Относительно общей характеристики университета въ разсматриваемый здѣсь періодъ слѣдуетъ сказать, что въ немъ господствовало то же направленіе, что и въ XVIII вѣкѣ. Юридическія и государственныя науки занимаютъ, какъ и прежде, самое обширное мѣсто въ обозрѣніи университетскаго преподаванія. Мы встрѣчаемъ тамъ не уступающіе юристамъ научныя силы и въ области историко-филологическихъ наукъ. О профессорѣ анатоміи и ботаники Блюменбахѣ и другихъ представителяхъ медицины мы не упомянемъ, такъ какъ это не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія, но и эти отрасли университетской науки стояли на высотѣ тогдашнихъ требованій. Методъ преподаванія не измѣнился замѣтно сравнительно съ принятымъ въ XVIII вѣкѣ, но духъ, сказывающійся въ лекціяхъ Гуго, Герена, Сарторіуса, Бутервека и другихъ—новый, юный и соотвѣтствующій современному имъ направленію въ европейской наукѣ. Философія Канта побѣдила, наконецъ, несмотря на долгія противодѣйствія со стороны старыхъ профессоровъ; она нашла, наконецъ, полное одобреніе, ею прониклись и юристы Гуго и Геде. Теорія Адама Смита пользовалась съ самаго начала полнѣйшимъ сочувствіемъ. Новый и свѣжій духъ повѣялъ въ аудиторіяхъ почтенной Georgia Augusta (названіе университета). Въ лекціяхъ молодыхъ профессоровъ мы не замѣчаемъ болѣе педантичности и строгой научности, которая была присуща профессорамъ XVIII вѣка, но за то молодымъ профессорамъ удается сильнѣе увлекать аудиторію. Они, быть можетъ, менѣе самостоятельны, но они искусно популяризируютъ теоріи великихъ мыслителей.

Геттингенскій университетъ никогда не былъ разсадникомъ ретроградныхъ и отсталыхъ идей. Теологическій факультетъ не игралъ такой роли, какъ въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Въ Геттингенѣ можно было свободно высказать свое мнѣніе, и Шлецеръ пользовался этимъ довольно часто. Отмѣтимъ, что въ Геттингенѣ учились выдающіеся прусскіе государственные дѣятели: баронъ Штейнъ, князь Гарденбергъ и министръ народнаго просвѣщенія Альтенштейнъ. Благотворное вліяніе университета на братьевъ Тургеневыхъ, Куницына и остальныхъ русскихъ, занимавшихся въ Геттингенѣ, нами еще будетъ указано.

---

[1]) Дневникъ 1810—11 года, № 205 Тургеневскаго архива въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

Характерная особенность геттингенскаго университета заключалась въ томъ, что ему съ самаго начала его существованія придали универсалистическія и космополитическія тенденціи. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ тѣсной связи ганноверанскаго курфиршерства съ Англіею (курфирстъ былъ англійскимъ королемъ) и въ желаніи попечителей поставить университетъ на должную высоту и привлечь слушателей изъ всѣхъ странъ. Если къ тому примемъ во вниманіе, что геттингенскіе профессора много путешествовали, что въ богатой университетской библіотекѣ охотно занимались пріѣзжіе ученые изъ другихъ университетовъ, и что составъ студентовъ по ихъ принадлежности къ разнымъ націямъ и государствамъ былъ дѣйствительно пестрый, то станетъ вполнѣ ясно, что здѣсь господствовало космополитическое настроеніе, рѣзко отличающееся отъ настроенія университетовъ, находящихся въ другихъ нѣмецкихъ городкахъ. Геттингенъ, дѣйствительно, сталъ всемірнымъ университетомъ. Наполеонъ выразился о немъ, что онъ не принадлежитъ особому государству, ни даже Германіи, а всей Европѣ [1]). Ганноверецъ Эрнестъ Брандесъ, воспитанникъ геттингенскаго университета, глубоко образованный человѣкъ и тонкій наблюдатель общественныхъ и литературныхъ явленій, состоявшій долгіе годы дѣятельнымъ членомъ совѣта университета, говоритъ въ интересной книгѣ „Über den gegenwärtigen Zustand der Universität Göttingen“ (1802), что нѣмецкіе университеты не должны быть и дѣйствительно не являются національными университетами. Они должны быть проникнуты общечеловѣческимъ духомъ. „Ходъ великихъ міровыхъ событій,—говоритъ Брандесъ, развивая свою мысль,—показываетъ намъ, что Европа, несмотря на событія послѣднихъ лѣтъ, выступаетъ всегда, какъ система союзныхъ государствъ, и поэтому очень важно и даже необходимо для большого класса студентовъ, которымъ придется въ ближайшемъ будущемъ занимать болѣе или менѣе отвѣтственныя должности въ разныхъ государствахъ,—познакомиться съ чужими нравами, образомъ мыслей и взглядами, для того, чтобы въ нихъ пробудился либеральный духъ, и чтобы они всюду видѣли проявленіе одного и того же всечеловѣческаго духа. Слѣдуетъ сглаживать рѣзко проявляющіяся националистическія тенденціи и привычки въ родномъ городѣ, а этому удачно способствуетъ смѣшеніе многихъ молодыхъ людей изъ разныхъ странъ [2]) Близкое участіе такого яркаго космополита, какъ Брандесъ, въ завѣдываніи университетскими дѣлами должно было глубоко отразиться на общемъ духѣ, го-

---

[1]) Цитировано у Pütter'a, III, 49.
[2]) Zustand der Universität Göttingen, l. c. 87 и сл.

сподствовавшемъ въ Геттингенѣ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что для матеріальнаго процвѣтанія университету выгодно было привлекать студентовъ-иностранцевъ въ возможно большемъ количествѣ.

Въ студенческихъ спискахъ 1801 года въ Геттингенѣ числилось 456 иностранцевъ на 701 слушателя, тогда какъ въ Галле почти въ то же время изъ 720 слушателей было только 76 иностранцевъ. [1]) Геттингенскіе студенты отличались большимъ рвеніемъ къ занятіямъ и хорошимъ поведеніемъ. Историкъ Фридрихъ фонъ-Раумеръ, слушавшій лекціи въ 1800 и 1801 годахъ въ Геттингенѣ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, чѣмъ отличались студенты Геттингена отъ слушателей университета въ Галле. „Профессора и студенты, говоритъ онъ, ведутъ себя лучше, благороднѣе и аристократичнѣе, чѣмъ въ Галле. Если въ Геттингенѣ менѣе замѣтна грубость студенческой жизни, и лекціи посѣщаются аккуратнѣе, то здѣсь нѣтъ того вдохновенія къ наукѣ. Въ Галле рѣзко отличаются нерадивые (Liederliche) отъ студентовъ способныхъ и съ благороднымъ образомъ мыслей; въ Геттингенѣ, наоборотъ, все смѣшалось въ однородную массу съ менѣе восторженнымъ и даже равнодушнымъ отношеніемъ къ лекціямъ“ [2]). Въ брошюрѣ анонимнаго автора Göttinger Student, появившейся въ 1813 году, мы читаемъ, что характерными чертами геттингенскаго студента являются „большое прилежаніе, хорошій тонъ и нравственное поведеніе“. А офиціальное лицо кураторіума университета, Эрнстъ Брандесъ, подчеркиваетъ, что „въ Геттингенѣ долженъ царить болѣе строгій и натянутый тонъ, если хотятъ, чтобы нравы не испортились“. „Извѣстно, говоритъ онъ, что многіе студенты неохотно разстаются съ геттингенскимъ университетомъ, вначалѣ имъ мало понравившимся. Большое скопленіе студентовъ и особенно наплывъ иностранцевъ не могутъ въ первое время пріятно дѣйствовать на всякаго болѣе тонко чувствующаго человѣка, и ему здѣсь неуютно. Но какъ дороги становятся ему послѣ нѣкотораго времени геттингенскіе годы, „полные — по дальнѣйшему описанію Брандеса—своеобразныхъ прелестей, оставляющіе пріятныя воспоминанія на всю жизнь“ [3]). Такіе восторженные отзывы, основанные, какъ у Брандеса, на личныхъ воспоминаніяхъ, мы найдемъ еще въ дневникахъ Тургенева и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

---

[1]) Ib., 86—87.
[2]) Lebenserinnerungen und Briefwechsel, Leipzig, 1861, I, 38.
[3]) Ernst Brandes, Ueber die gesellschaftlichen Vergnügungen in den vornehmsten Städten des Kurfürstentums Hannover, Annalen der Braunschweigisch—Lüneburgischen Kurlande Iahrgang 1789. 2, 795.

III.

За зимній семестръ 1802—1803 г. слушало лекціи въ геттингенскомъ университетѣ 10 русскихъ, а лѣтомъ 1804 даже 12. Если въ слѣдующіе семестры цифра эта сильно падаетъ и доходитъ до 2 въ лѣтній семестръ 1806 г., то въ зимнемъ семестрѣ того же года число русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ опять поднимается, и въ каждый изъ трехъ лѣтъ 1808—1811 ихъ можно насчитать отъ 8—11. [1]) Рѣзкая разница объясняется, быть можетъ, войнами 1805—1807 года.

Среди молодыхъ людей, прибывшихъ въ 1802 году въ Геттингенъ, нѣкоторые обращаютъ на себя вниманіе солидной работой на университетской скамьѣ; это тѣ, которые впослѣдствіи выдвинулись, какъ видные общественные дѣятели на поприщѣ русской литературы и общественности. На первомъ планѣ слѣдуетъ упомянуть Александра Ивановича Тургенева, сына масона и директора московскаго университета Ивана Петровича Тургенева. Кипучую и многостороннюю дѣятельность А. И. Тургенева, личныя его сношенія съ литературнымъ и научнымъ міромъ, все то, что онъ сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ европейской и въ особенности нѣмецкой культурой, трудно описать въ тѣсныхъ рамкахъ нашего изслѣдованія. А. И. Тургеневъ оставилъ обширную переписку, большей частью неизданную, дневники и записки, и на основаніи этого богатаго матеріала будущій его біографъ сумѣетъ изучить жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ „геттингенца". [2]) Нѣмецкая культура и годы, прожитые въ Геттингенѣ, оставили неизгладимыя впечатлѣнія въ душѣ А. И. Тургенева и оказали глубокое вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность. Еще въ дѣтствѣ Александра, въ родительскомъ домѣ, было много разговоровъ о достойнѣйшихъ представителяхъ нѣмецкой литературы. При мальчикѣ упоминали много славныхъ именъ, и онъ сумѣлъ проникнуться къ нимъ уваженіемъ.

Воспитателемъ его былъ швейцарецъ Тоблеръ. [3]) Въ письмѣ къ брату 1827 года изъ Цюриха Александръ вспоминаетъ своего воспитателя, друга Лафатера: „... я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владимировичъ, какъ въ Камбрѣ думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учите-

---

[1]) Этотъ подсчетъ сдѣланъ на основаніи списка русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка.

[2]) Ср. замѣчательно удачную характеристику кн. П. А. Вяземскаго, Русскій Архивъ, 1875, I, 57.

[3]) Ср. краткую біографію А. И. Тургенева, нап. Майковымъ въ его изданіи сочиненій Батюшкова, 1887, I, 355 и сл.

лемъ, сколько другомъ нашимъ, то-есть брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣну ему, но сохранилъ всѣ его письма къ брату, котораго онъ любилъ и разставшись съ нимъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Александръ Тургеневъ говоритъ о вліяніи на него швейцарскаго поэта Геснера: „Ни одинъ изъ авторовъ не оставилъ во мнѣ такихъ благодѣтельныхъ, располагающихъ къ добру и къ сельской жизни впечатлѣній, какъ Геснеръ, коего читали мы въ Тургеневѣ съ незабвеннымъ Тоблеромъ. Вообще мы, Тургеневы, съ благодарностію воспоминаемъ о Цюрихѣ: это отчизна Тоблеровъ, Лафатера, съ коимъ отецъ мой былъ въ дружеской и религіозной перепискѣ, отчизна Геснера, воспитавшаго въ насъ любовь къ сельской природѣ, къ сельскимъ нравамъ въ грустное время ссылки нашего отца“. [2]) Во время своего пребыванія въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ А. И. Тургеневъ занимался съ Кайсаровыми и Жуковскимъ переводами нѣмецкихъ поэтовъ. Но научную подготовку, послужившую исходной точкой его міровоззрѣнія, онъ получилъ въ Геттингенѣ, гдѣ занимался подъ руководствомъ Шлецера (исторія), Буле (философія), Эйхгорна (исторія словесности), Герена, Гейне и другихъ профессоровъ. Въ теченіе всей своей жизни Ал. Тургеневъ часто вспоминалъ объ этихъ годахъ и за четыре года до смерти писалъ: „Геттингенъ, Геттингенъ! Ты еще и теперь жизнь моего *отжившаго* сердца; ты еще и теперь раздѣляешь господство надъ нимъ съ Симбирскомъ и Волгою“ [3]). А братъ его, Николай, пишетъ въ глубокой старости: „Братъ мой, какъ видно изъ его писемъ, много жилъ съ нѣмцами. Наиболѣе онъ зналъ этотъ народъ съ самой лучшей его стороны, со стороны ученой образованности“ [4]).

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ отправился въ Геттингенъ состоявшій уже въ чинѣ капитана Андрей Кайсаровъ, впослѣдствіи профессоръ русской словесности Юрьевскаго университета. [5]) Ихъ связывала любовь къ историческимъ занятіямъ. Впослѣдствіи они вмѣстѣ путешествовали по славянскимъ странамъ. [6]) Изъ геттингенцевъ менѣе интереса представляетъ фонъ-Фрейгангъ, занимавшійся, главнымъ образомъ,

---

[1]) Письма А. И. Тургенева къ брату Николаю, Лейпцигъ 1872, 152; цитир. у Майкова, тамъ же.

[2]) Письмо изъ Флоренціи въ Симбирскъ—въ Моск. Наблюдателѣ 1835, I, 302—303; цитировано Майковымъ въ I т. Сочин. Батюшкова, стр. 356.

[3]) Современникъ 1841, т. XXI, стр. 23, тамъ же.

[4]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу l. c., стр. VIII.

[5]) Сухомлиновъ, „Кайсаровъ и его литературные друзья въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, отдѣлъ русск. яз. и слов. 1897, I, 1—33; Иконниковъ“, „Замѣтка о Кайсаровыхъ“, Русскій Архивъ 1902, I, 366 и слѣд. Левицкій, Біографическій словарь Юрьевскаго университета 1902, II, 315 и сл.

[6]) Русская Старина 1882, т. 44, стр. 449—450. Путешествіе въ славянскія страны интересно, какъ первый признакъ славянофильскихъ тенденцій. Кайсаровъ былъ одно время въ Шотландіи.

международнымъ правомъ и избравшій послѣ окончанія университета дипломатическую карьеру. Фрейгангъ получилъ степень доктора геттингенскаго университета. [1]) Привязанность къ Геттингену выражена въ написанной имъ еще студентомъ брошюркѣ, «Notice sur l'université de Goettingue». Фрейгангъ рисуетъ въ общихъ чертахъ состояніе университета и прелести геттингенской жизни. Интересно указать ближе на А. М. Тургенева (онъ не былъ родственникомъ А. И. Тургенева), который послѣ 17 лѣтней военной службы,— онъ въ то время состоялъ ротмистромъ и адъютантомъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Салтыковѣ [2])—по совѣту княгини Салтыковой собрался въ Геттингенъ, чтобы заниматься философіей, юридическими и естественными науками.

А. М. Тургеневъ, кромѣ того, основательно изучалъ французскую и нѣмецкую литературу. На немъ удобно прослѣдить вліяніе геттингенскаго университета. А. М. Тургеневъ не былъ ни ученымъ, ни литераторомъ, ни государственнымъ дѣятелемъ, вслѣдствіе чего не могъ проявить себя въ общественной жизни. Но онъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ лучшими людьми изъ передовыхъ современниковъ, а въ его домѣ на Милліонной собирались въ 50 годахъ, когда почувствовались новыя вѣянія въ русской жизни, И. С. Тургеневъ, Л. Н. Толстой, Гончаровъ и другіе представители литературы пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь бывалъ часто Н. А. Милютинъ, и, вѣроятно, здѣсь шли горячія пренія по поводу крестьянской реформы. Какъ истинный „геттингенецъ“ А. М. Тургеневъ ненавидѣлъ крѣпостное право, подобно Н. И. Тургеневу, Полѣнову, Кайсарову и многимъ другимъ геттингенцамъ. „Когда, говоритъ его біографъ, заговорили объ освобожденіи крестьянъ, Александръ Михайловичъ явился его защитникомъ. Явленіе было многознаменательное: 90-лѣтній старикъ, родовой дворянинъ, всѣмъ и каждому доказывалъ, что „нельзя продавать людей, какъ скотину, и что „освобожденіе крестьянъ не уничтожитъ дворянства, которое всегда останется опорою престола“. А. М. Тургеневъ получилъ приглашеніе явиться къ шефу жандармовъ, кн. Вас. Анд. Долгорукову, для объясненій. Конечно, ничего преступнаго въ его рѣчахъ не было найдено. Долгоруковъ передъ нимъ извинился. Но, несмотря на то, что это объясненіе не навлекло на Тургенева никакихъ непріятныхъ послѣдствій, онъ съ горечью оставилъ родину.

---

[1]) Русскій біографическій словарь 1901. „Русская Старина“ 1870, 2 т., стр. 94—95

[2]) См. его біографію въ Русской Старинѣ, 1885, т. 47, 365 и сл. и статью Пыпина, Новые мемуары“, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1887, XII, 703 и сл. А. М. Тургеневъ оставилъ цѣнные мемуары, напечатанные съ 1885 года въ „Русской Старинѣ“.

Приведемъ, наконецъ, отзывъ о немъ Пыпина, высказанный по поводу появившихся въ 1885 году интересныхъ записокъ А. М. Тургенева о царствованіи Екатерины II. „Записки Тургенева, говоритъ Пыпинъ, исполнены своеобразнаго интереса. Въ лицѣ ихъ автора дожилъ до нашихъ дней представитель екатерининскаго вѣка, сохранивъ лучшія черты тогдашнихъ общественныхъ инстинктовъ, укрѣпленныхъ въ немъ нѣмецкой университетской школой, и, являясь поучительнымъ примѣромъ того преемства идей, которое связываетъ конецъ прошлаго столѣтія съ нашимъ настоящимъ. Онъ не заявилъ себя въ литературѣ; въ своемъ служебномъ положеніи не имѣлъ случая и возможности дѣйствовать на складъ общественнаго мнѣнія,—между тѣмъ въ немъ олицетворилась нить преданія, соединившаго лучшія мысли прошлаго вѣка съ тѣмъ, что волновало новыя поколѣнія. Въ своемъ возбужденіи новое поколѣніе склонно было считать свои мысли какъ бы новымъ открытіемъ,—но исторія напоминала, что были и въ прошедшемъ зачатки тѣхъ же самыхъ стремленій, а, наконецъ, оказывалось, что были и живые представители этого стараго преданія. Таковъ былъ А. М. Тургеневъ, таковъ былъ, въ нѣсколько болѣе поздней эпохѣ, другой Тургеневъ, Н. И., и съ нимъ цѣлый рядъ доживших до прошлаго царствованія и вернувшихся изъ ссылки декабристовъ“ [1]). Эти „зачатки“ были на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ, заложены Геттингеномъ, воспитавшимъ и А. М. и Н. И. Тургеневыхъ и косвенно черезъ нихъ всю передовую молодежь александровской эпохи.

Что касается остальныхъ русскихъ, занимавшихся въ самомъ началѣ XIX вѣка въ Геттингенѣ, то мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Но во время пребыванія въ Геттингенѣ имъ обща была одна черта: это—усердіе къ научнымъ занятіямъ и глубокое уваженіе, съ какимъ они относились къ геттингенскимъ профессорамъ. Въ особенности они полюбили Шлецера. Онъ ихъ вдохновлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ, несмотря на преклонность его возраста. „Они его любили, какъ отца родного, и онъ любилъ ихъ, какъ своихъ дѣтей“, заявляетъ вполнѣ справедливо его сынъ Христіанъ, профессоръ московскаго университета [2]).

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1887, XII, 704—705.

[2]) Ch. von Schlözer., Aug. L. von Schlözers Oeffentliches und Privatleben, Leipzig, 1828, I, 409. Небезынтересно слѣдующее мѣсто изъ письма князя фонъ-Гогенлоге-Кирхбергъ къ Шлецеру 20 февраля 1806 г.: „Мой придворный священникъ, пишетъ князь, навѣрно сообщилъ вамъ, что 13 мая прошлаго года пріѣхали туда (въ Кирхбергъ) четыре русскихъ господина, которые на слѣдующій день уѣхали. Послѣ обѣда они пошли на гору Софіи, осматривали изъ маленькаго бельведера окрестность и написали карандашемъ на одномъ столбѣ бельведера „Ici 4 braves Russes ont bû à la santé de Schlözer, qui est né à Kirchberg, il y a déjà 60 ans, et qui est fameux par ses annales historiques, surtout pour les Russes“. Вечеромъ они поѣхали въ Ягштадтъ (Jaggstadt) и ве-

Живая и смѣлая рѣчь историка глубоко западала въ души его слушателей. Фрейгангъ съ тонкимъ пониманіемъ характеризуетъ степень вліянія идей Шлецера въ слѣдующихъ словахъ: „Sa manière est originale; son débit si piquant, si prononcé et si juste, que soit à le lire soit à l'entendre on ne peut se defendre du sentiment de vénération qu'inspire le digne interprète de la vérité“ [1]).

Особенно интимными были отношенія между Шлецеромъ и А. И. Тургеневымъ, помогавшимъ ему при изданіи лѣтописи Нестора. Шлецеръ думалъ даже въ случаѣ, если бы понадобилось издавать Нестора въ Петербургѣ, рекомендовать для этой работы „своего Тургенева“. Въ 1804 г. Тургеневъ написалъ статью „Критическія примѣчанія, касающіяся до древней славяно-русской исторіи (напеч. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804 г.). Въ „Утренней Зарѣ“ за 1805—1806 г., кн. III и IV, появились въ переводѣ два отрывка изъ замѣчательнаго въ свое время введенія Шлецера во всеобщую исторію [2]).

Неразлучный товарищъ А. И. Тургенева, Андрей Кайсаровъ, усердно занимался подъ руководствомъ Шлецера историческими науками. Плодами этихъ занятій явились два интересныхъ въ свое время сочиненія „Опытъ славянской миѳологіи“ и докторская диссертація „Объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи“. Во время путешествія по славянскимъ странамъ Кайсаровъ познакомился съ бытомъ и съ литературой славянскихъ народовъ. Подъ этими впечатлѣніями у него созрѣла мысль изложить главныя миѳологическія преданія, сохранившіяся у славянъ. Книга появилась въ 1804 году на нѣмецкомъ языкѣ и была переведена 4 года спустя на русскій языкъ, безъ указанія автора. Сочиненіе Кайсарова обратило на себя вниманіе ученыхъ. Это объясняется тѣмъ, что славянская наука была еще въ зачаточномъ состояніи [3]). Кайсаровъ писалъ свою книгу съ сознаніемъ, что онъ обнаружилъ „зарытые клады“. Онъ надѣялся, что его книга послужитъ толчкомъ къ распространенію историческихъ свѣдѣній о славянахъ и въ особенности о Россіи. „Ибо, говоритъ онъ, Россія XIX столѣтія не

лѣли себѣ показать въ тамошней церковной книгѣ, когда вы родились...“ Слѣдуютъ имена: А. Кайсаровъ, капитанъ, Александръ Гуссіятниковъ, именитый гражданинъ города Москвы, А. Тургеневъ, ротмистръ, и Іоанъ Кассіусъ, докторъ юридическихъ наукъ изъ Бѣлоруссіи. II т., стр. 205.

[1]) „Онъ читаетъ оригинально; его изложеніе такъ ясно, мѣтко и привлекательно, что, когда читаешь или слушаешь его, невольно проникаешься чувствомъ уваженія къ этому достойному поборнику истины“.

Notice sur l'université de Goettingue, стр. 30—31.

[2]) Майковъ, сочиненія Батюшкова, l. c., стр. 357 и Schlözers Oeffentliches und Privatleben, l. c., I, 414.

[3]) См. указанную статью Сухомлинова.

имѣетъ еще своего историка" [1]). Кайсаровъ посвятилъ первое свое научное изслѣдованіе своему учителю Шлецеру, „другу русскаго народа" и „безсмертному возстановителю безсмертнаго Нестора".

Гораздо больше интереса представляетъ докторская диссертація Кайсарова объ освобожденіи крестьянъ [2]). Изъ нея можно сдѣлать заключеніе о вліяніи геттингенскаго университета на его русскихъ слушателей. На первыхъ страницахъ Кайсаровъ замѣчаетъ, что онъ намѣренъ разсуждать о вольности, къ которой онъ не относитъ, однако, вольность, проявившуюся въ эпоху французской революціи, въ видѣ необузданнаго фанатизма: подъ вольностью онъ подразумѣваетъ только ту, которая достойна носить это названіе, которая возвышаетъ душу, стоитъ на стражѣ справедливости и не допускаетъ жестокости. Только при осуществленіи такой вольности можетъ процвѣтать земледѣліе, промышленность и рости народное благосостояніе. Въ этихъ именно разсужденіяхъ мы видимъ отраженіе взглядовъ геттингенскихъ историковъ и юристовъ на задачи и средства культурной дѣятельности передовыхъ слоевъ общества. Она должна, по ихъ мнѣнію, происходить въ духѣ свободы, но свободы умѣренной. Такую свободу Кайсаровъ желалъ бы видѣть господствующей въ Россіи, точно такъ же, какъ ею пользуются жители другихъ европейскихъ странъ [3]).

На тему объ освобожденіи крестьянъ натолкнула Кайсарова появившаяся въ 1803 году записка лифляндскаго дворянина фонъ-Унгерна-Штернберга [4]), утверждающаго „наглымъ образомъ", что рабство коренится въ человѣческой природѣ, что оно соотвѣтствуетъ принципамъ разума и что рабство нужно поддерживать, даже если бы приходилось прибѣгать для этой цѣли къ вооруженной силѣ. Кайсаровъ весь возмущенъ этимъ разсужденіемъ и съ своей стороны высказываетъ убѣжденіе, что именно открытымъ насиліемъ или хитростью лишили людей естественной свободы. Какимъ образомъ въ Россіи, гдѣ, по словамъ Шлецера, въ царствованіе царя Ивана Васильевича жило нѣсколько милліоновъ свободныхъ крестьянъ, послѣдніе стали рабами, трудно опредѣлить, такъ какъ вопросъ о возникновеніи крѣпостного права, по мнѣнію, Кайсарова, еще не вполнѣ выясненъ. Но какъ бы то ни было, говоритъ онъ, въ данный моментъ, въ XIX вѣкѣ,

---

[1]) Versuch einer slavischen Mythologie, Göttingen, 1804, стр. 9—10.

[2]) Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis. День защиты диссертаціи: 3 мая 1806 г.

[3]) Dissertatio, стр. 1—2.

[4]) Ist die von einigen des Adels projektierte Emführung der Freiheit unterdem Bauernstande in Livland dem Staatsrecht Russlands Konform? Eine Abhandrlung, den Landtag in Riga von 1803 betreffend. Ср. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ", I, 287 и сл.

рабство безусловно должно быть уничтожено. Нельзя допустить, чтобы одно сословіе обогащалось на счетъ другого. Предъ общимъ благомъ должны быть принесены въ жертву притязанія отдѣльныхъ личностей.

Во избѣжаніе недоразумѣній Кайсаровъ заявляетъ, что онъ будетъ говорить только о гражданской свободѣ, а политической свободы вовсе не намѣренъ касаться. Онъ указываетъ на то, что отсутствіе элементарныхъ гражданскихъ свободъ въ такихъ странахъ, гдѣ ничтожное меньшинство пользовалось широкими политическими правами, приводило всегда эти страны къ гибели. Поучительнымъ примѣромъ служитъ Польская Рѣчь Посполита. Нужна, главнымъ образомъ, полная личная свобода всѣхъ гражданъ страны, и именно въ монархическихъ государствахъ она лучше осуществляется и процвѣтаетъ. Эту мысль Кайсарова Николай Тургеневъ еще опредѣленнѣе выразилъ въ слѣдующей фразѣ: „Грѣшно помышлять о политической свободѣ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной".

Переходя непосредственно къ своей темѣ, Кайсаровъ указываетъ на различіе между барщиннымъ и свободнымъ трудомъ. Послѣдній болѣе производителенъ, какъ доказываетъ опытъ. Кайсаровъ требуетъ для крестьянскаго сословія большей заботливости и поддержки со стороны государства, потому что это сословіе есть источникъ благосостоянія всего населенія. Но смѣшно объ этомъ думать при существующемъ въ Россіи крѣпостномъ правѣ, когда крестьянинъ даже не можетъ жениться по своей свободной волѣ, а лишь по указанію своего владѣльца-помѣщика. Крестьянскія дѣти выростаютъ въ жалкой обстановкѣ, никто о нихъ не заботится, они плохо питаются и никто ихъ не воспитываетъ, потому что родители должны обрабатывать господскія земли. Такимъ образомъ преждевременно гибнетъ много дѣтей. Кайсаровъ указываетъ дальше еще на одно ненормальное явленіе. Правительство привлекаетъ въ страну иностранныхъ колонистовъ, но гораздо раціональнѣе поощрять внутреннюю колонизацію, которую легко можно было бы проводить послѣ уничтоженія крѣпостного права, когда крестьяне сумѣютъ свободно переходить изъ одной мѣстности въ другую. Съ какой бы стороны ни разсматривать крѣпостное право, говоритъ Кайсаровъ, видно лишь, какое необычайное количество вреда приноситъ оно странѣ. Цвѣтущее состояніе промышленности, предполагающее населеніе съ болѣе или менѣе культурными требованіями, немыслимо въ странѣ, въ которой народная масса едва зарабатываетъ на насущный хлѣбъ. Торговля и денежное обращеніе также разростутся лишь послѣ упраздненія крѣпостного права, потому что крестьянинъ при теперешней обстановкѣ скорѣе зароетъ свои деньги въ землю, чѣмъ пуститъ ихъ въ оборотъ, чтобы онѣ только не попались въ

господскія руки. Нельзя, наконецъ, продолжаетъ Кайсаровъ, упускать изъ виду моральную сторону вопроса. Свободный русскій крестьянинъ будетъ нравственно выше жалкаго раба. Русскій солдатъ будетъ съ бо́льшимъ самопожертвованіемъ защищать свое отечество, если съ малыхъ лѣтъ будетъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости и сможетъ надѣяться, что по возвращеніи со службы въ родную деревню онъ устроитъ себѣ свободный домашній очагъ. Отвѣчая на возраженія, которыя онъ предвидитъ со стороны защитниковъ крѣпостного права, Кайсаровъ указываетъ на предпринятую правительствомъ крестьянскую реформу въ Лифляндіи въ 1804 году, которую онъ радостно привѣтствуетъ. Было бы, конечно, безуміемъ, даровать свободу сразу 20 милліонамъ населенія, но можно надѣяться, что Александръ I сумѣетъ современемъ и постепенно завершить это великое дѣло, если онъ будетъ долго царствовать [1]).

Въ заключеніе Кайсаровъ касается вопроса о томъ, въ какой степени занятія въ западно-европейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вліяютъ на взгляды молодыхъ русскихъ на крѣпостное право. Въ Россіи многіе даже рекомендовали молодымъ русскимъ посѣтить иностранные университеты, присмотрѣться къ правовому положенію и экономическому быту тамошнихъ крестьянъ и судить тогда, насколько ихъ положеніе лучше положенія крестьянъ въ Россіи. Кайсаровъ самъ зналъ нѣсколькихъ русскихъ товарищей по университету, которымъ свобода крестьянъ въ Западной Европѣ не очень нравилась [2]). Обоснованія этого мнѣнія Кайсаровъ не приводитъ, но мы можемъ догадаться, что отрицательное отношеніе неизвѣстныхъ молодыхъ русскихъ происходило изъ слѣдующаго соображенія. Въ то время, какъ русскаго крестьянина содержитъ въ неурожайное время помѣщикъ, въ Германіи крестьянинъ оставленъ на произволъ судьбы. Что касается извѣстныхъ намъ геттингенцевъ, то мы не можемъ указать ни на одного изъ нихъ, который предпочиталъ бы рабство русскихъ крестьянъ политической и экономической свободѣ послѣднихъ въ Германіи. Наоборотъ, они даже, быть можетъ, слишкомъ увлекались одной личной свободою, не требуя или не настаивая въ то же время на матеріальномъ обезпеченіи свободнаго крестьянина. Кайсаровъ самъ все время говоритъ о личной свободѣ, а болѣе талантливый и дѣятельный его современникъ Николай Тургеневъ долгое время проповѣдывалъ прежде всего необходимость личной свободы крестьянъ.

Кайсаровъ посвятилъ свою дисертацію Александру I., лелѣя въ душѣ надежду, подобно многимъ другимъ со-

---

[1]) Dissertatio, passim.
[2]) Dissertatio, стр. 31.

отечественникамъ, что молодой императоръ упразднитъ крѣпостное право. Эта надежда была всеобщей; всѣ ожидали также крупныхъ реформъ въ другихъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Кайсаровъ получилъ отъ Александра бриллiантовый перстень, но диссертацiя не была переведена на русскiй языкъ, несмотря на то, что она касалась такого жгучаго въ то время вопроса. Она и осталась неизвѣстной широкой публикѣ. Правда, диссертацiя довольно бѣдна по фактическому матерiалу, но все же рѣзкiя нападки на существующее крѣпостное право и полемика съ его защитниками могли расшевелить и направить общественную мысль на обсужденiе злободневнаго вопроса [1]). Тотъ фактъ, что брошюра не была переведена, показываетъ намъ, что влiянiе геттингенскаго университета на общественную жизнь Россiи начала XIX столѣтiя сказалось бы гораздо замѣтнѣе, если бы русскимъ питомцамъ этого знаменитаго университета была дана возможность высказать свободно и громко свое мнѣнiе о необходимости крупныхъ политическихъ и соцiальныхъ реформъ, мнѣнiе, повторяемъ, назрѣвшее и развившееся подъ впечатлѣнiемъ живой рѣчи геттингенскихъ профессоровъ и основанное, кромѣ того, на солидной научной подготовкѣ.

Два года до выхода въ свѣтъ диссертацiи Кайсарова фонъ-Фрейгангъ напечаталъ краткое разсужденiе о крестьянскомъ вопросѣ, озаглавленное «Sur l'affranchissement des serfs [2])». Оно не претендуетъ на научныя достоинства, а прямо излагаетъ нѣсколько общихъ мыслей молодого автора, тогда еще студента, о томъ, насколько полезно было бы упразднить крѣпостное право. Главнымъ образомъ эта реформа должна отразиться благотворно на развитiе торговли и промышленности. Фонъ-Фрейгангъ также надѣялся на то, что Александръ I упразднитъ рабство и будетъ царствовать надъ свободными людьми.

IV.

Въ 1804 году Христiанъ фонъ-Шлецеръ писалъ своему отцу изъ Москвы: „Здѣсь все болѣе входитъ въ моду посѣщенiе геттингенскаго университета“ [3]). Эти слова онъ могъ съ еще большимъ правомъ высказать четыре года спустя. Въ 1808—1811 годахъ мы встрѣчаемъ самое большое количество русскихъ въ Геттингенѣ. Изъ московскаго университета прiѣхало двое студентовъ, занимавшихъ впослѣдствiи тамъ же кафедры: востоковѣдъ А. Болдыревъ и филологъ-классикъ Романъ Тим-

---

[1]) Семевскiй l. c. 287.
[2]) Геттингенъ 1804, стр. 8.
[3]) Oeffentliches und Privatleben, l. c. I, 419.

ковскій. Они выѣхали изъ Россіи уже въ 1806 году и занимались раньше два года въ Галле и Лейпцигѣ. Въ Геттингенѣ они работали подъ руководствомъ такихъ опытныхъ руководителей какъ Гейне, Митшерлихъ, Эйхгорнъ и др. [1]). Въ особенности многимъ былъ обязанъ геттингенскому университету, рано умершій талантливый профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ классической словесности Тимковскій. Въ воспоминаніи о немъ его ученика, А. М. Кубарова, мы читаемъ слѣдующія интересныя строки о впечатлѣніяхъ Тимковскаго, вынесенныхъ имъ о геттингенскомъ періодѣ: „Когда онъ говорилъ о чужихъ краяхъ, то любилъ распространяться въ похвалахъ славнѣйшимъ нѣмецкимъ ученымъ, но въ особенности своему учителю, знаменитому Гейне, который былъ для него идеаломь ученой и нравственной жизни. Съ удовольствіемъ особенно онъ говорилъ о его добросердечіи, ласковомъ и привѣтливомъ обращеніи, въ особенности съ иностранцами, слушавшими его лекціи; удивлялся его равнодушію къ несправедливостямъ, оказаннымъ ему Вольфомъ, и чрезвычайно жалѣлъ о невознаградимой потерѣ писемъ, которыя, будучи уже здѣсь въ Москвѣ и имѣя каѳедру, онъ получалъ еще отъ своего славнаго учителя, и которыя вмѣстѣ съ его прекрасной библіотекой были истреблены въ 1812 г. московскимъ пожаромъ" [2]).

Педагогическій институтъ, который впослѣдствіи былъ переименованъ въ С.-Петербургскій университетъ, отправилъ лѣтомъ 1808 году 12 студентовъ I отдѣленія „отличныхъ дарованіями, знаніемъ наукъ и иностранныхъ языковъ" въ иностранные университеты, чтобы они въ теченіе трехъ лѣтъ подготовились къ профессорской дѣятельности въ с.-петербургскомъ университетѣ: „1) Кайдановъ для исторіи, географіи и статистики, 2) Галичъ для философіи во всемъ ея пространствѣ, 3) Плисовъ для политической экономіи и коммерціи, 4) Куницынъ для дипломатики, 5) Бутырскій для словесности вообще и въ частности для эстетики, 6) Чижовъ для чистой математики 7) Воронковскій для практической астрономіи, 8) Карцовъ для физики и прикладной математики, 9) Соловьевъ для химіи, 10) Ржевскій для зоологіи, 11) Кастальскій для ботаники и минералогіи и 12) Подзорскій для технологіи и сельскаго домоводства" [3]). Въ „начертаніи объ отправленіи студентовъ С.-Петербургскаго университета въ чужіе края",

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, Москва, 1855, ч. I. 95 и сл., ч. II 486 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 495.

[3]) См. сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, СПБ. 1864, т. I., № 98 (23 035), мая 23 Объ отправленіи студентовъ С.-Петербургскаго Педагогическаго института въ чужіе края, стр. 458—474.

между прочимъ, очень подробно изложено, въ какомъ объемѣ названные студенты должны проходить намѣченные курсы, и какой изъ иностранныхъ университетовъ рекомендуется для полнаго изученія отдѣльныхъ наукъ. Интересно, что геттингенскій университетъ въ этихъ указаніяхъ почти по всѣмъ наукамъ занимаетъ первое мѣсто, и вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что здѣсь занимались двѣ трети изъ числа отправленныхъ студентовъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ или большую часть этого времени. Что касается историческихъ наукъ, то, указывая на необходимость широкихъ знаній не только по исторіи и вспомогательнымъ для нея наукамъ, но и по философіи, правовѣдѣнію и политической экономіи, составители „начертанія“ приходятъ къ слѣдующему заключенію: „Геттингенскій университетъ давно уже отличился предъ прочими тѣмъ, что историческія науки и для дипломатическихъ знаній нужныя свѣдѣнія въ немъ процвѣтаютъ. Кому неизвѣстны въ семъ отношеніи Шлецеръ, Эйхгорнъ, Планкъ, Геренъ, Гуго, Сарторіусъ и Мейнерсъ? Сверхъ того рѣдкая тамошняя библіотека послужитъ весьма важнымъ пособіемъ къ усовершенію наукъ историческихъ“. Философу слѣдуетъ заниматься въ Гельмштетѣ (университетъ недалеко отъ Геттингена) два года и годъ въ Геттингенѣ, „дабы тамъ особенно для природнаго права воспользоваться уроками Гуго, одного изъ извѣстнѣйшихъ учителей права“. Въ разныхъ областяхъ политической экономіи, „коммерціи и дипломатики“ (подразумѣвается юриспруденція) „въ Геттингенѣ можно получить полныя свѣдѣнія“. Здѣсь студентъ долженъ пробыть минимумъ одинъ годъ. Чтобы изучать словесность и въ частности эстетику, тоже необходимо быть два года въ Геттингенѣ, чтобы „выслушать для сихъ наукъ уроки геттингенскихъ учителей, между коими уже давно Гейне со славою отличился“. Для изученія „технологіи и сельскаго домоводства, которыя можно обѣ соединить вмѣстѣ“, „удобнѣе всего ѣхать въ Геттингенъ, дабы приготовиться у извѣстнаго Бекмана, имѣющаго тамъ для обѣихъ сихъ частей публичныя чтенія, и который равно даетъ особые уроки“. Но и для студентовъ, изучающихъ физико-математическія и естественныя науки, весьма полезно было бы заниматься подъ руководствомъ геттингенскихъ ученыхъ, астронома Гаусса и др. Всѣмъ студентамъ, и въ особенности „историкамъ и философу“, рекомендовалось прослушать лекціи по „энциклопедіи наукъ“ и педагогикѣ. Для каждаго изъ нихъ требовалось 1500 рублей ежегодно, а имъ было вмѣнено въ обязанность каждые четыре мѣсяца присылать въ Конференцію Педагогическаго Института подробные отчеты о своихъ занятіяхъ.

Въ августѣ 1808 года пріѣхали въ Геттингенъ 7 изъ названныхъ студентовъ, а въ слѣдующемъ году къ нимъ

присоединился еще восьмой, Карцовъ [1]). Въ спискахъ (матрикулахъ) нѣтъ Галича, Чижова, Ржевскаго и Соловьева. О жизни восьми студентовъ, занимавшихся въ Геттингенѣ, мы почти ничего не знаемъ. Сохранились только письма А. Куницина къ А. И. Тургеневу въ тургеневскомъ архивѣ. Одно изъ нихъ, написанное 17 іюля 1809 г., отчасти любопытно выраженіемъ со стороны Куницина и его товарищей недовольства наставленіями и указаніями Конференціи и нежеланіемъ ея пойти на встрѣчу просьбамъ ея „студентовъ". „На просьбу нашу, пишетъ Куницынъ, между прочимъ, о прибавкѣ жалованья изъ оставшихся 300 руб. Конференція сдѣлала удовлетвореніе съ горькими укоризнами. Она думаетъ, что наши донесенія несправедливы, и безпрестанно изъявляетъ неудовольствіе на излишніе расходы. Я началъ обучаться италіянскому языку, но такъ какъ оный не положенъ въ инструкціи, то Конференція приказала оставить и издержки на сей предметъ не хочетъ принять на свой счетъ. Какая странная угроза! Конференція знаетъ, что я не имѣю никакихъ постороннихъ доходовъ, а между тѣмъ съ учителемъ долженъ разставаться непремѣнно. И такъ въ семъ случаѣ я не могу иначе поступить, какъ разложить сіи издержки на другіе позволенные предметы и прислать ложное донесеніе. Конференція заставляетъ быть безсовѣстнымъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой нужды". Въ этомъ же письмѣ мы находимъ еще нѣсколько словъ о самомъ Куницынѣ, несомнѣнно одномъ изъ выдающихся въ этой группѣ молодыхъ людей. „Я живу здѣсь, пишетъ Куницынъ, другой семестръ, по окончаніи котораго намѣреваюсь отправиться въ Галле. Здѣсь нѣтъ профессора дипломатики, иначе я прожилъ бы въ Геттингенѣ еще годъ, ибо въ разсужденіи воспомогательныхъ наукъ нигдѣ по моей части кажется нельзя найти лучше профессоровъ". О томъ, былъ ли онъ въ Галле, мы не знаемъ, но въ апрѣлѣ 1811 онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Геттингенъ [2]), чтобы черезъ нѣсколько дней вернуться съ другими товарищами на родину. „Парижъ, записываетъ Н. И. Тургеневъ въ геттингенскомъ дневникѣ, не перемѣнилъ его въ одномъ отношеніи. Говоритъ о Беккаріи, о Бентамѣ все такъ же, какъ за три года и за годъ... Въ субботу онъ съ другими ѣдетъ въ Петербургъ. Posterité heureuse! Точно просвѣщеніе разольется по всей Россіи! Со стороны досадно, больно и жаль самихъ ихъ".

Возвратившись въ Россію, Куницынъ и его товарищи заняли каѳедры въ Педагогическомъ институтѣ, переименованномъ въ 1816 году въ Главный Педагогическій институтъ, а въ 1819 въ С.-Петербургскій университетъ [3]).

---

[1]) На основаніи университетскихъ матрикуловъ.

[2]) Поѣздка въ Парижъ и въ Англію была положена въ инструкціи Конференціи, см. Сборникъ I. с passim.

[3]) В Григорьевъ „Исторія С.-Петербургскаго университета 1870", стр. 4.

Куницынъ, Кайдановъ, и Карцовъ преподавали и въ Царскосельскомъ лицеѣ. Извѣстно вліяніе Куницына на Пушкина и декабриста Пущина. Вообще онъ не скрывалъ своихъ либеральныхъ взглядовъ. Онъ писалъ статьи въ конституціонномъ духѣ въ журналѣ „Духъ Журналовъ“ и выпустилъ въ 1818 году серьезный трудъ „Естественное право“, который скоро былъ конфискованъ, такъ какъ, по мнѣнію Гл. Правленія училищъ, книга была признана „противорѣчащею явно истинамъ Христіанства, и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“ [1]). Иначе отозвался объ этой книгѣ Градовскій: „Трудъ свидѣтельствуетъ о большомъ талантѣ автора, сильной логикѣ и замѣчательной для того времени научной самостоятельности, хотя школа, ученію которой онъ слѣдовалъ (Руссо и Кантъ) и тогда уже могла считаться отжившею вѣкъ, а другія позднѣйшія ученія оставались ему, повидимому, неизвѣстны“ [2]). Итакъ, видно, что Куницынъ много заимствовалъ у Канта. Въ Геттингенѣ о естественномъ правѣ читалъ Гуго, находившійся подъ вліяніемъ Канта. Черезъ него и Бутервека, непосредственнаго ученика Канта, Куницынъ познакомился съ кантовскимъ ученіемъ. Вскорѣ преподавательская дѣятельность Куницына была прервана. Началась мрачная эпоха дѣятельности Магницкаго и Рунича. Сначала былъ отставленъ Куницынъ въ мартѣ 1821 и вслѣдъ за нимъ другіе профессора университета: Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и извѣстные намъ Галичъ и Плисовъ [3]). Мы опять стоимъ передъ вопросомъ, какъ благотворно отразилось бы вліяніе геттингенскаго университета, если бы Куницыну и его друзьямъ не ставили такихъ препятствій, если бы они могли свободно продолжать свою научную дѣятельность. Удары, нанесенные реакціей Куницыну [4]) и его друзьямъ,—одинъ изъ печальнѣйшихъ фактовъ русской жизни начала XIX вѣка. Много представлялось тогда возможностей къ широкой и свободной культурной дѣятельности, и однимъ изъ главныхъ ея двигателей явился бы геттингенскій университетъ.

Особое мѣсто въ средѣ своихъ товарищей по геттингенскому университету занимаетъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій. Онъ оставилъ много бумагъ, касающихся его пребыванія въ Геттингенѣ, такъ что мы въ состояніи подробно слѣдить за его умственнымъ развитіемъ въ геттингенскій періодъ. Особенно много онъ слушалъ лекцій у Бутервека, Герена, Гуго, Геде и Сарторіуса.

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

[2]) Цитировано Григорьевымъ, тамъ же, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 39.

[4]) О Куницынѣ слѣдовало бы написать болѣе подробный очеркъ. Мы ограничились самыми общими указаніями на его дѣятельность, чтобы не выйти изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія.

Въ семинаріяхъ послѣдняго онъ читалъ рефераты по финансовому вопросу, о чемъ было уже упомянуто. Рефераты Михайловскаго-Данилевскаго свидѣтельствуютъ о его серьезныхъ занятіяхъ финансовой и политической науками. Авторъ весь проникнутъ взглядами Адама Смита. Михайловскій-Данилевскій задумалъ даже трудъ о государственномъ кредитѣ и написалъ нѣсколько главъ. Вообще онъ много читалъ и по другимъ отраслямъ знаній: по исторіи, праву, политическимъ теоріямъ и философіи. Сохранилось нѣсколько тетрадей съ выписками изъ многочисленнаго ряда книгъ, прочитанныхъ имъ за этотъ періодъ [1]). У Михайловскаго-Данилевскаго завязались тѣсныя связи съ профессорами Геде, Сарторіусомъ и Вундерлихомъ. Любопытные отзывы о бесѣдахъ съ Геде мы читаемъ въ дневникѣ Михайловскаго-Данилевскаго, Mélanges littéraires et sentimentales écrits pendant les moments de désoeuvrement à l'université de Goettingue. 18 апрѣля 1810 года онъ записываетъ, что Геде пришелъ къ нему въ 8 часовъ утра, чтобы вмѣстѣ отправиться въ лежащій неподалеку городокъ Нертенъ. Въ 5 часовъ дня они вернулись обратно въ Геттингенъ. „Я бы не записалъ этого дня, продолжаетъ Данилевскій, если бы не провелъ его столь пріятно. Безъ сомнѣнія въ моей жизни мало проводилъ я такихъ дней, но мало и людей подобныхъ Г... Монтескье, Буркъ, Ѳукидидъ, Полибій, Тацитъ, Цицеронъ, Махіавель, вы насъ занимали почти цѣлый день, и мысли ваши, объяснялся мнѣ Г..., не въ состояніи ли дѣлать на это время человѣка счастливымъ?“ А два дня спустя, 20 апрѣля, онъ записываетъ: „Вчера въ это время пошелъ я съ Геде за городъ. Завтракали... Потомъ пошли мы въ близъ находящійся лѣсъ, сѣли на камень и смотрѣли на развалины древняго замка Плессы, стоявшаго противъ насъ на высокой горѣ. Сколько пріятныхъ разговоровъ! сколько для меня нравоучительнаго; никогда не забуду это время!“ Въ другомъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „Горе тѣмъ государствамъ, сказалъ мнѣ вчера Геде, гдѣ все основано на римскомъ правѣ, и я почитаю съ этой стороны Россію счастливою, что она имѣетъ по сихъ поръ свое собственнѳе законоположеніе“ [2]). Интимныя сношенія съ молодымъ, но, по словамъ Тургенева, „геніальнымъ“ Геде дѣйствительно не могли не вызвать такихъ восторженныхъ отзывовъ у увлекающагося и любознательнаго Михайловскаго-Данилевскаго.

---

[1]) Большая часть бумагъ Данилевскаго находится въ рукописномъ отдѣленіи Импер. Публ. Библіотеки, см. списокъ бумагъ въ отчетахъ И. П. Б. за 1885, стр. 6—12, 1889, 95 и сл.; 1899, 150 и сл. Сохранились переписанными лекціи Сарторіуса (Политика), Гуго (Римское право) и Геде (Церковное право), ср. очеркъ Н. К. Шильдера, „А. И. Михайловскій-Данилевскій“, Русская Старина, т. 71, стр. 471 и сл.

[2]) Mélanges littéraires... Бумаги Данилевскаго, тетрадь 38.

Но онъ, кромѣ того, сблизился еще съ Сарторіусомъ, и они переписывались даже послѣ университетскихъ годовъ Данилевскаго [1]). Среди товарищей-нѣмцевъ онъ тоже пріобрѣлъ друзей, въ томъ числѣ одного очень интимнаго,—швейцарца I. Песталоцци (насколько намъ говорятъ объ этомъ оставшіяся послѣ него письма въ бумагахъ Михайловскаго-Данилевскаго). Въ письмѣ отъ 29 сентября 1811 года, черезъ четыре мѣсяца послѣ оставленія Данилевскимъ университета, Песталоцци пишетъ ему: „Я долженъ Вамъ признаться, что съ вашимъ отъѣздомъ образовалась какая-то пустота въ здѣшней моей жизни. Насъ всегда связывали дружескія узы, поэтому естественно, что вашъ отъѣздъ былъ для меня тяжелой утратой". И спустя три года, когда Михайловскій-Данилевскій находился въ Базелѣ, въ главной квартирѣ союзныхъ армій, онъ получилъ отъ своего друга Песталоцци, тогда учителя въ Цюрихской гимназіи, очень трогательное письмо, въ которомъ тотъ говоритъ, что, несмотря на разстояніе, раздѣлившее ихъ въ послѣдніе годы, въ немъ очень живы воспоминанія о Данилевскомъ: „Я, говоритъ Петалоцци, тосковалъ за Вами, незабвенный другъ, и хотѣлось съ Вами бесѣдовать, какъ дѣлали мы въ Геттингенѣ, уединившись въ саду или при пылающемъ каминѣ; хотѣлось поговорить съ Вами о замѣчательныхъ событіяхъ нашихъ дней, наводящихъ на столь полезныя размышленія" [2]). Неудивительно послѣ этого, что Михайловскому-Данилевскому тяжело было разстаться съ Геттингеномъ, гдѣ онъ послѣ двухгодичнаго пребыванія, по его собственному признанію въ дневникѣ, настолько измѣнился, что самъ себя не узнавалъ. И вполнѣ понятна глубокая скорбь, звучащая въ его записи послѣ отъѣзда изъ любимаго Геттингена. Вотъ подлинныя слова изъ его журнала за 1811 годъ: „10 іюня вечеромъ я выѣхалъ изъ Геттингена обратно въ Россію, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, три года неразлучнымъ товарищемъ моимъ въ университетѣ. Я не въ состояніи описать ужасной грусти, обладавшей мною при мысли, что я навсегда оставлялъ Геттингенъ, гдѣ я провелъ счастливо тотъ возрастъ моей жизни, который можно назвать цвѣтомъ нашего земного существованія, то-есть отъ семнадцати до двадцати лѣтъ, и въ которомъ я, такъ сказать, переродился. Нѣсколько соотечественниковъ нашихъ провожали насъ до трактира, называемаго das deutsche Haus, а когда мы съ ними простились и остались двое въ колаекѣ, мнѣ представилось все, чего я лишился, всѣ

---

[1]) Бумаги Данилевскаго, т. 16—„Путешествіе въ Ахенъ въ 1818 г." и т. 30, Письма къ А. И. Михайловскому-Данилевскому въ 1814 г.

[2]) Оба письма въ бумагахъ Данилевскаго,—письма къ нему за 1814 г. тетрадь 30.

удовольствія, которыхъ уже ввѣкъ не надѣялся вкушать съ такимъ наслажденіемъ, и которыя можетъ цѣнить только тотъ, кто живалъ въ нѣмецкихъ университетахъ и не употреблялъ времени своего во зло. Горькія слезы прерывали поминутно наши слова. Въ такомъ положеніи мы провели ночь" [1]).

Михайловскій-Данилевскій не пошелъ дальше словъ: онъ не пытался примѣнять свою прекрасную научную подготовку и проводить въ жизни идеи, внушенныя ему геттингенскими профессорами. Очутившись скоро въ качествѣ офицера въ придворномъ кругу во время Наполеоновскихъ войнъ, онъ быстро сдѣлалъ карьеру и постепенно оставилъ мысль о научной и просвѣтительной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы писать крупный трудъ по финансовому вопросу, онъ сталъ заниматься описаніемъ отечественной войны и посвятилъ себя всецѣло военной исторіи. Новые люди, придворная атмосфера вызвали у Михайловскаго-Данилевскаго постепенное охлажденіе юношескаго пыла геттингенскихъ годовъ [2]). Онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ тайныхъ обществъ. „Неразлучнаго" геттингенскаго товарища, Н. И. Тургенева, онъ называетъ въ своихъ воспоминаніяхъ „столь преступнымъ, находяся въ 1825 году въ числѣ заговорщиковъ". Самъ онъ въ свое время имѣлъ случай вступить въ Союзъ Спасенія. Александръ Муравьевъ пришелъ къ нему поговорить объ участіи въ Союзѣ, но Данилевскаго какъ разъ въ это время пригласили къ знакомой, и разговоръ ихъ не состоялся. „Я о семъ обстоятельствѣ, говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ воспоминаніяхъ за 1827 годъ, совсѣмъ позабылъ, но, читая донесеніе слѣдственной тайной комиссіи о заговорѣ, угрожавшемъ Россіи въ 1825 году, и видя изъ онаго, что полковникъ Ал. Муравьевъ былъ однимъ изъ учредителей первоначальныхъ тайныхъ обществъ въ 1816 году, именно тогда, когда онъ просилъ у меня свиданія, увѣрился, что онъ приходилъ ко мнѣ приглашать меня въ участники. Ручаюсь за себя, что я никогда не совратился бы съ пути истиннаго сына Россіи и вѣрноподаннаго моего государя, за котораго я имѣлъ счастіе пролить и кровь мою, но могу ли я исчислять всѣ погубныя послѣдствія и связи, въ которыя бы дальнѣйшее знакомство съ Муравьевымъ могло меня завлечь" [3]).

Такимъ образомъ, Михайловскій-Данилевскій не раздѣлилъ горькой участи Н. И. Тургенева и А. Куницына, потерпѣвшихъ за свои убѣжденія. Онъ отнѣкивался даже отъ

---

[1]) Бумаги Михайловскаго-Данилевскаго.
[2]) См. статью Шильдера, l. c.
[3]) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго, Русскій Вѣстникъ, 1890, IX, 147—150.

сочувствія стремленіямъ декабристовъ, хотя самъ чуть не попалъ въ члены перваго тайнаго общества—Союза Спасенія—и сильно повліялъ на умственное развитіе одного очень симпатичнаго декабриста, А. фонъ-Бриггена. Михайловскій-Данилевскій руководилъ его изученіемъ сочиненій Адама Смита и Монтескье, когда самъ находился еще подъ живымъ впечатлѣніемъ геттингенскихъ годовъ [1]). Сохранились письма фонъ Бриггена къ Михайловскому-Данилевскому, свидѣтельствующія наглядно о поворотѣ, происшедшемъ въ его міровоззрѣніи въ сторону радикализма.

Въ 1814 г. онъ ему пишетъ: „Vous m'écrivez si peu de Goettingue; ceci me fache, votre zéle serait il déjà refroidi?—le mien s'augmente chaque jour et j'ai le même désir de voir Goettingue comme les Israélites en avaient pour la terre sainte [2])“. Интетесныя выдержки изъ писемъ къ нему фонъ-Бриггена отъ 1816 по 1818 годъ приводитъ Михайловскій-Данилевскій въ воспоминаніяхъ:“... il part pour l'Italie et moi je reste encore ici, je ne vois pas les rives du Tibre, je ne vois pas le tombeau de Virgile!... Je respire l'air du despotisme, tandis que je suis né libre... Sachez qu'on peut mépriser le monde au milieu de l'hermitage de la cour... O que l'espèce humaine est vile, cette idée me dégoûte quelquesfois de l'étude de l'histoire, pour un Titus on voit cent Neron, partout le vice triomphe et la vertue est opprimée“ [3]).

Въ Геттингенѣ слушалъ также лекціи другъ Пушкина, Петръ Каверинъ, и младшій братъ Н. И. Тургенева, Сергѣй. Рано сойдя въ могилу, онъ не могъ проявить себя такъ ярко въ общественной и культурной жизни, какъ его старшіе братья [4]). Но у него были истинно либеральные взгляды, и онъ былъ близко знакомъ съ выдающимися современниками, какъ съ кн. Вяземскимъ и др. И его краткую дѣятельность слѣдовало бы изучить подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ тургеневскомъ архивѣ сохранилось много его писемъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 147; Русская Старина, т. 113, стр. 451—65. Біографическій очеркъ фонъ-Бриггена.

[2]) Бумаги М.-Данилевскаго, тетрадь 30.

„Вы пишете такъ мало о Геттингенѣ; это меня смущаетъ. Неужели Ваша любовь къ Геттингену уже охладѣла? Меня влечетъ къ нему все сильнѣе и сильнѣе, и я такъ мечтаю очутиться въ Геттингенѣ, какъ мечтали Израильтяне войти въ обѣтованную землю“.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1890, IX, 148.

„... Онъ ѣдетъ въ Италію, а я долженъ еще оставаться здѣсь, мнѣ не видѣть береговъ Тибра, я не увижу могилу Виргилія... Я задыхаюсь въ атмосферѣ деспотизма, тогда какъ я родился свободнымъ... Знайте же, что можно презирать міръ и въ придворной средѣ... О, сколько пошлости въ людяхъ! Когда вспомню объ этомъ, мнѣ дѣлается постылымъ изученіе исторіи. Вмѣсто одного Тита видимъ сотню Нероновъ. Всюду торжествуетъ порокъ и стоптана въ грязь добродѣтель“.

[4]) См. краткую о немъ біографическую замѣтку въ Остафьевскомъ архивѣ кн. Вяземскихъ, 1903, I, стр. 399.

записки о Германіи, Англіи и о положеніи дѣлъ въ Турціи во время Греческаго возстанія (С. Тургеневъ служилъ при разныхъ посольствахъ). По любви къ западной наукѣ и радикализму онъ не уступаетъ старшимъ братьямъ. Геттингенскія письма Сергѣя Тургенева говорятъ о неутомимыхъ его занятіяхъ по историческимъ и юридическимъ наукамъ. Перечисливъ въ письмѣ къ брату Александру отъ 24 апрѣля 1811 года цѣлый рядъ лекцій, которыя онъ началъ слушать у Герена, Гуго, Сарторіуса и другихъ, онъ продолжаетъ: „Это не помѣшаетъ мнѣ продолжать лечиться. Но если бъ и помѣшало, такъ я бы оставилъ лекарства до Россіи, потому что лечиться и тамъ можно, а учиться порядочно едва ли“. Послѣ окончанія университетскихъ занятій Сергѣй Тургеневъ оставался нѣсколько лѣтъ за границей и служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, главнокомандующаго русской арміи, оставшейся во Франціи до 1818 года. Когда онъ вернулся въ Россію, многое ему не понравилось. „Онъ все сѣтуетъ о нашемъ невѣжествѣ и о томъ, что мы въ Азіи“ [1]).

Н. И. Тургеневъ особенно выдѣляется въ средѣ своихъ университетскихъ товарищей, такъ что о немъ придется говорить отдѣльно и болѣе обстоятельно. Относительно остальныхъ „геттингенцевъ“ мы сдѣлаемъ тутъ же въ заключеніе первой статьи нѣсколько общихъ и краткихъ замѣчаній.

Атмосфера и все milieu въ Геттингенѣ должны были сильно и своеобразно подѣйствовать на попавшихъ туда русскихъ. Многіе изъ нихъ выросли подъ тяжелыми впечатлѣніями крѣпостныхъ нравовъ. Передъ ихъ умственнымъ взоромъ носились образы несчастныхъ, замученныхъ крестьянъ. Ихъ преслѣдовали стоны истязуемыхъ дворовыхъ. Нѣкоторые студенты были дѣтьми поповъ, а умственный уровень тогдашняго духовенства намъ извѣстенъ. Исключеніе изъ всѣхъ русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ, составляли братья Тургеневы, у которыхъ отецъ, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ своего времени. Но и у него были крѣпостные, и есть основаніе предполагать, что и имъ жилось не легче, чѣмъ всякимъ другимъ крестьянамъ, зависѣвшимъ отъ произвола помѣщика и его приказчика. Вѣроятно, и молодымъ Тургеневымъ приходилось быть свидѣтелями отвратительныхъ картинъ тѣлеснаго наказанія. Молодые русскіе, жаждавшіе послужить своей родинѣ на общественномъ поприщѣ, желавшіе видѣть въ Россіи свободныя и полезныя народу государственныя учрежденія, не могли не относиться съ отвращеніемъ къ крѣпостному праву. Тѣмъ сильнѣе должны были запасть имъ въ душу и

---

[1]) Слова Булгакова въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому 29. III, 1820, Историческій Вѣстникъ 1881, V, стр. 30.

произвести тамъ коренной переворотъ впечатлѣнія отъ геттингенскихъ лекцій и путешествій по западнымъ странамъ. Неудивительно, что молодые, воспріимчивые и легко увлекающіеся студенты восхищались всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ ими въ университетскіе годы.

Свободныя научныя занятія русскихъ „геттингенцевъ", теоретическое познаніе европейскихъ и русскихъ государственныхъ учрежденій и ознакомленіе съ ходомъ и результатами европейскаго просвѣтительнаго движенія конца XVIII и начала XIX столѣтія, отношенія профессоровъ къ русскимъ студентамъ, иногда очень интимныя, общеніе съ студентами разныхъ странъ и тѣсная дружба съ нѣкоторыми изъ нихъ,— все это способствовало свободному и многостороннему умственному развитію. Мы должны это подчеркнуть, такъ какъ изъ записокъ, дневниковъ, писемъ и разныхъ изреченій геттингенцевъ ясно видно, что геттингенскіе годы были самыми лучшими и свѣтлыми годами ихъ жизни.

Послѣ 1812 года мы не встрѣчаемъ больше русскихъ въ „почтенной Георгіи Августѣ". Наступили годы отечественныхъ войнъ, и трудно было заниматься въ университетахъ. Блестящіе успѣхи внѣшней политики смѣнились тремя годами непродолжительнаго общественнаго подъема, когда многіе ожидали, что императоръ Александръ I приступитъ къ проведенію коренныхъ реформъ. Мечтали о томъ, что наступятъ свѣтлые дни внутренняго расцвѣта государства. Но какъ горько разочаровалось скоро русское общество!

Наступающая реакція сильнѣе всего обрушилась на геттингенцевъ, не давая имъ, вкусившимъ плоды свободной западной науки и восторгавшимся либеральными идеями, работать въ своемъ отечествѣ для проведенія въ жизнь этихъ идей. Правительству всюду мерещилось революціонное настроеніе. Молодыхъ людей перестали посылать на казенный счетъ для образованія за границу, свободомыслящихъ профессоровъ лишили каѳедръ. Воцарился мрачный инквизиціонный духъ, приносившій все въ жертву догматамъ религіи; дошло до того, что въ преподаваніи естественныхъ наукъ было запрещено касаться всего, что противорѣчитъ библейскому описанію сотворенія міра [1]).

Съ этими печальными явленіями русской жизни послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I пытались бороться „геттингенцы". Весьма дѣятельное участіе въ этой борьбѣ принялъ Н. И. Тургеневъ, самый видный русскій либералъ первой половины XIX столѣтія.

М. Вишницеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) La Russie et les Russes II, 361.

Изъ дальнихъ лѣтъ [1]).

(Отрывки изъ воспоминаній 1874—1877 гг.)

I.

Охватившій меня въ „каменномъ мѣшкѣ“ свинцовый сонъ длился недолго. Хотя я не снималъ съ себя ни одежды, ни ботинокъ, ни даже пальто,— однако, холодъ весьма чувствительно меня пробралъ. Эти „каменные мѣшки“, вѣроятно, или вовсе не отапливались, или отапливались очень плохо ради „экономіи“. Такъ какъ пришлось лежать на каменномъ полу, на который постлана была лишь весьма тоненькая, изрядно-таки вывѣтрившаяся подстилка, то я черезъ нѣсколько времени почувствовалъ дрожь во всѣхъ членахъ. Я, какъ ошпаренный, вскочилъ и принялся усиленно шагать по камерѣ, чтобы какъ-нибудь согрѣть свои окоченѣвшіе члены.—Энергически шагая взадъ и впередъ и усиленно потирая руку объ руку, я кое-какъ съ трудомъ, хотя и въ самой слабой степени, согрѣлся, но уже ни прилечь, ни присѣсть не могъ, такъ какъ меня тогда немедленно насквозь пронизывалъ холодъ, и я серьезно боялся замерзнуть. Такъ я прошагалъ до ранняго утра, до „повѣрки“, когда смотритель тюрьмы въ сопровожденіи надзирателей и конвоя обходитъ камеры для провѣрки наличности заключенныхъ.

„Повѣрка“ эта, какъ общее правило, происходитъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, и производится въ самыхъ камерахъ, но по отношенію къ „одиночкамъ“ и въ особенности къ „каменнымъ мѣшкамъ“ дѣлается исключеніе—ограничиваются повѣркою черезъ дверное окошечко.

---

[1]) Печатаемые воспоминанія участника знаменитаго процесса 193-хъ С. Л. Чудновскаго раздѣлены имъ на очерки, изъ которыхъ каждый представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое. Въ настоящемъ очеркѣ авторъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Одесской тюрьмѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія и Петропавловской крѣпости. Кто пожелалъ бы ознакомиться съ предшествовавшей тюремному заключенію жизнью и дѣятельностью С. Л. Чудновскаго, тому мы рекомендуемъ его статьи, печатавшіяся въ журналѣ „Былое“ и „Историческомъ Сборникѣ“. *Ред.*

Такъ было и на этотъ разъ. Когда „повѣрка“ удалилась, надзиратель моего коридора подалъ мнѣ черезъ окошечко „порцію“ ржаного хлѣба (кажется, $2^1/_2$ фунта) и кружку кипятку, предложивъ мнѣ, буде я пожелаю, купить для меня на мой счетъ чаю и сахару—на деньги, отобранныя у меня при обыскѣ въ конторѣ.—Сильно проголодавшись, я съ жадностью набросился на хлѣбъ, который оказался довольно доброкачественнымъ и хорошо выпеченнымъ. Посыпанный крупной солью, онъ показался мнѣ весьма вкуснымъ, и я съ наслажденіемъ улепетывалъ его, съѣвъ заразъ около фунта и запивъ кружкой теплой воды.—Насытившись и немного согрѣвшись, я опять прилегъ на свою подстилку, поручивъ надзирателю передать отъ моего имени смотрителю, что я боленъ и прошу поставить въ мое подземелье какую-нибудь койку и выдать мнѣ мою постель.

При одной мысли, что мнѣ придется длинный божій день (а по всѣмъ вѣроятіямъ, и цѣлый рядъ такихъ дней) провести въ этомъ холодномъ, промозгломъ подземельѣ одинъ на одинъ, безъ книгъ, безъ всякихъ развлеченій, всецѣло во власти своихъ печальныхъ думъ и размышленій, я впадалъ въ крайне удрученное состояніе,—я вскакивалъ и принимался бѣгать по камерѣ, стараясь всячески отвлечься и сосредоточиться на какихъ-либо воспоминаніяхъ.

Но „на волѣ“, очевидно, обо мнѣ заботились родные и друзья.—Часовъ около 11-ти послышались шаги въ коридорѣ,—шаги приближались къ моей камерѣ. Загромыхалъ замокъ, заскрипѣлъ засовъ,—дверь открылась, и я увидѣлъ въ своей „секретной“ смотрителя тюремнаго замка въ сопровожденіи человѣка въ статскомъ платьѣ, который, отрекомендовавшись мнѣ тюремнымъ врачемъ, предложилъ мнѣ „показать языкъ“, пощупалъ мой пульсъ, разспросилъ меня о моемъ самочувствіи и тутъ же при мнѣ заявилъ смотрителю, что я боленъ, что для моего здоровья сырое и темное помѣщеніе, въ которое меня заключили, очень опасно, и что необходимо перевести меня въ больницу. Смотритель отвѣтилъ, что онъ собственной властью этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ я „серьезный политическій“ и заключенъ въ одиночную секретную по распоряженію прокурора судебной палаты, но если докторъ заключеніе свое изложитъ на бумагѣ, онъ его тотчасъ же и лично отвезетъ къ прокурору и разсчитываетъ, что въ такомъ случаѣ переведутъ въ больницу.

Этотъ тюремный врачъ былъ никто иной, какъ докторъ Григорій Розенъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность между „политическими“. Но я долженъ констатировать, что относительно меня онъ въ теченіе всего времени пребыванія моего въ Одесскомъ тюремномъ замкѣ проявлялъ большую и, казалось мнѣ, безкорыстную заботливость.

Смотритель сдержалъ слово. Въ тотъ день, къ вечеру, я переведенъ

былъ по распоряженію прокурора судебной палаты въ верхній 2-й этажъ тюремнаго зданія, въ одной половинѣ котораго помѣщалась больница. Мнѣ предоставлена была отдѣльная, довольно уютная, чистенькая, веселая и свѣтлая комнатка въ одной изъ угловыхъ башень. Здѣсь я нашелъ кровать со всѣми постельными принадлежностями, столикъ и стулъ.—Переходъ изъ страшной подземной „секретной“ въ эту свѣтлую комнатку съ ея блестящимъ крашеннымъ поломъ, къ которой велъ большой свѣтлый съ крашеннымъ же поломъ коридоръ, былъ такъ рѣзокъ и неожиданъ, что я какъ бы воскресъ изъ мертвыхъ, почувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе и преисполнился признательности къ доктору. По праву больного я получилъ на ужинъ бѣлый хлѣбъ, прекрасную кашу на маслѣ и даже маленькую порцію вина. Я подкрѣпился, съѣвъ съ большимъ аппетитомъ весь свой ужинъ, съ наслажденіемъ раздѣлся, растянулся въ своей маленькой постели и заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, и мнѣ не приснилось даже мое подземелье.

На положеніи „больного“ я пробылъ въ своей башнѣ около четырехъ мѣсяцевъ. Мнѣ разрѣшили разъ (а то и два раза) въ недѣлю свиданія съ братомъ, снабжавшимъ меня книгами и обильной провизіей.

Ежедневно съ утра являлся регулярно въ тюрьму Розенъ. Прежде всего онъ заходилъ ко мнѣ на двѣ-три минуты, затѣмъ бралъ меня съ собой, какъ бы въ качествѣ ассистента, и отправлялся со мною по больничнымъ палатамъ. Обращеніе его съ больными-уголовными было довольно таки небрежное, чтобы не сказать больше. Весь „осмотръ“ ограничивался созерцаніемъ... языковъ больныхъ. Войдетъ онъ въ палату и монотонно повторяетъ: „покажи языкъ, покажи языкъ!“ Высунетъ больной языкъ, Розенъ мелькомъ *на разстояніи* взглянетъ на этотъ жалкій языкъ, обернется къ слѣдующему за нимъ по пятамъ фельдшеру, продиктуетъ ему рецептъ (довольно однообразный) и шагаетъ дальше. А между тѣмъ, въ этихъ палатахъ на койкахъ лежали обыкновенно довольно серьезные больные, такъ какъ въ Одесской тюрьмѣ рѣдко обращалось вниманіе на „пустыя“ болѣзни, при которыхъ—въ лучшемъ случаѣ—довольствовались амбулаторнымъ ихъ леченіемъ съ отпускомъ въ камеры больничныхъ порцій, которыми (особенно бѣлымъ хлѣбомъ) арестанты очень дорожили, такъ какъ общая пища бывала до нельзя плохая и скудная...

На что докторомъ обращалось особенное вниманіе,—это на чистоту больничныхъ палатъ.—Полы какъ въ нихъ, такъ и въ коридорахъ всегда блестѣли, какъ зеркало,—они составляли предметъ особой заботливости и сугубой гордости Розена; эти блестящіе полы создали ему въ глазахъ администраціи прекрасную репутацію очень ревностнаго врача. Поддерживать же полы, потолки и окна палатъ въ образцовой чистотѣ въ тюрем-

ной больницѣ не представляло особенной трудности при подневольномъ и безплатномъ трудѣ служителей-арестантовъ, крайне дорожившихъ улучшенной больничной пищей и той относительной свободой, которой они здѣсь пользовались, и сильно боявшихся, съ другой стороны, расправы смотрителя Зубачевскаго въ случаѣ жалобы на нихъ со стороны врача. Больничные служителя продавали обыкновенно за жалкіе гроши свои больничныя порціи болѣе имущимъ арестантамъ, довольствуясь взаимно скверной пищей послѣднихъ (классической „баландой" съ плавающими въ ней рѣдкими волокнами мяса) и употребляя вырученныя за свои „порціи" деньги на табакъ, а главнымъ образомъ—на игру въ карты, которая сильно распространена была въ тюрьмѣ, не взирая на строжайшій запретъ...

II.

Моя камера-башня днемъ совсѣмъ не запиралась. Я свободно расхаживалъ по всѣмъ палатамъ и по коридору, имѣлъ свободный доступъ въ камеры „дворянскаго коридора" и имѣлъ возможность гулять во всякое время. Ставилось мнѣ лишь въ обязательство, въ случаѣ прибытія въ тюрьму (о чемъ немедленно всякими путями давалось всюду знать) какихъ-либо властей административнаго или прокурорскаго персонала, заходить немедленно въ свою камеру и приказать надзирателю запирать меня на замокъ, пока власти не уѣдутъ.

На второй половинѣ верхняго (2-го) этажа находились „дворянскія камеры".—„Дворяне" пользовались здѣсь особыми привилегіями какъ по положенію, такъ и потому, что смотритель тюрьмы—Зубачевскій, отставной юнкеръ, лишенный всякаго образованія, даже мало-грамотный, свое „дворянское званіе" высоко цѣнилъ, и, будучи до жестокости свирѣпъ и взыскателенъ къ низшаго ранга (мѣщанскаго и крестьянскаго званія) уголовнымъ арестантамъ, къ которымъ онъ неизмѣнно относился съ глубочайшимъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, онъ въ то же время очень благоволилъ къ „дворянамъ", хотя бы и заключеннымъ за рѣшетку, всѣ они были въ его глазахъ „благородные люди", и самыя преступленія, за которыя большинство „дворянъ" попадалось подъ судъ (подлоги, поддѣлки, злоупотребленія по службѣ) въ глазахъ Зубачевскаго пользовались какъ бы нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ преступленія, присущія—преимущественно—„благороднымъ людямъ". Дворянскія камеры очень рѣдко посѣщались тюремной администраціей,—„повѣрка" „для одной лишь формы проходила мимо этихъ камеръ. Здѣсь образъ жизни заключенныхъ никѣмъ и ничѣмъ не регулировался; изо дня въ день (правильнѣе, изъ ночи въ ночь) „дворяне" играли въ карты; спали они поздно, обѣдали, когда

угодно, безвозбранно получали пищу изъ дома и даже изъ ресторановъ. Всѣ они носили собственную одежду и собственное бѣлье, безвозбранно курили и безъ труда добывали во всякое время даже спиртные напитки.

Какъ только въ „дворянскихъ" камерахъ узнали о появленіи въ башнѣ „политическаго", болѣе „образованные" дворяне стали наносить мнѣ „визиты".—Почти всѣ они, по ихъ словамъ, являлись жертвами „недоразумѣній", „интригъ", „продажности чиновниковъ", „подвоховъ", „стеченія несчастныхъ обстоятельствъ" и т. п. Я не намѣренъ останавливаться на характеристикахъ этихъ „дворянъ", такъ какъ они ничѣмъ особеннымъ отъ общихъ типовъ уголовныхъ, заключенныхъ по многочисленнымъ нашимъ тюрьмамъ, не отличались,—а типы эти неоднократно уже изображали перья гораздо болѣе вѣскія и талантливыя, чѣмъ мое скромное, чисто-мемуарное перо. Но съ нѣкоторыми изъ нихъ я все-таки позволю себѣ познакомить читателей.

Однимъ изъ первыхъ посѣтилъ меня отставной поручикъ, панъ *Болеславъ Лепинскій.*—Это былъ длинный, худой, весь изсохшій полякъ-католикъ лѣтъ 50-ти, недавно еще передъ этимъ весьма состоятельный помѣщикъ Подольской губерніи (онъ былъ владѣльцемъ имѣнія стоимостью свыше 200000 рублей), окончательно раззорившійся и впавшій въ бѣдность, съ которой онъ никакъ не могъ свыкнуться и которая довела его до подложной подписи на векселѣ (въ 1300 р.), а затѣмъ и до тюрьмы, когда подлогъ обнаружился.

Это былъ чрезвычайно типичный шляхтичъ старыхъ временъ, не признававшій человѣка внѣ шляхетскаго званія и видѣвшій въ мѣщанинѣ и хлопѣ существо низшей породы, презрѣнное быдло, котораго благородный шляхтичъ не долженъ и не можетъ, не роняя своего достоинства, удостаивать даже пожатіемъ своей „благородной" руки. Хотя я не имѣлъ чести принадлежать къ „дворянскому" сословію и былъ даже не христіаниномъ, но я былъ „политическій", а это въ глазахъ пана Лепинскаго приближало уже человѣка къ шляхтѣ, такъ какъ „политика", какъ „благородное" занятіе, приличествуетъ, по его мнѣнію, однимъ лишь привилегированнымъ классамъ, а если ею занимается кто-либо иной, въ жилахъ котораго не течетъ шляхетская кровь, то онъ уже *eo ipso* немного приближается къ этому „благородному" сословію. Къ тому же пану Болеславу давно уже не приходилось бесѣдовать о „политикѣ", и появленіе „политическаго", казалось ему, должно значительно пополнить этотъ чувствительный для него пробѣлъ.

Панъ Болеславъ неоднократно путешествовалъ по Европѣ, побывалъ почти во всѣхъ столицахъ и другихъ крупныхъ европейскихъ городахъ и не одинъ разъ встрѣчался на всевозможныхъ торжествахъ и празднествахъ

съ императоромъ Наполеономъ III и императрицей Евгеніей и со многими другими знаменитостями политическаго міра. О путешествіяхъ своихъ онъ разсказывалъ часто и много, но удивительное дѣло! Панъ Лепинскій цѣлыми часами съ особеннымъ наслажденіемъ, смакуя повѣствовалъ о всевозможныхъ увеселительныхъ домахъ, о всякихъ спортахъ и развлеченіяхъ, объ игорныхъ домахъ и кафе-шантанахъ, о всѣхъ видахъ утонченнаго европейскаго разврата и пошлости, но ничего—рѣшительно ничего—ему неизвѣстно было ни о знаменитыхъ европейскихъ библіотекахъ и читальняхъ, ни объ ученыхъ, ни о выдающихся общественныхъ дѣятеляхъ,—ни даже о музеяхъ и выставкахъ художественныхъ произведеній. Его въ Европѣ всюду интересовали лишь кокотки и игроки, которыхъ онъ изучалъ—повидимому—довольно тщательно. Слушая повѣствованія пана Болеслава, можно бы было подумать, что, кромѣ широкаго разгула, разврата и самаго безшабашнаго прожиганія жизни, ничего иного въ Европѣ и не найдешь...

Панъ Лепинскій ниоткуда никакой денежной помощи не получалъ, а такъ какъ онъ былъ очень большой любитель „трубки", длиннаго чубука которой онъ почти никогда изо рта не выпускалъ, въ то же время страстно любилъ поиграть въ карты и считалъ необходимымъ для сохраненія своего престижа разъ или два раза въ недѣлю посылать за обѣдомъ въ ресторанъ, то естественно, что онъ отъ полученія казенной „дворянской" пищи отказывался, предпочиталъ получать на руки причитающіяся „дворянскія кормовыя" деньги (15 к. въ день), хотя благодаря этой операціи, ему приходилось дня три-четыре въ недѣлю голодать, изрѣдка присаживаясь къ кому-либо изъ сосѣдей, и какъ бы удостаивая ихъ „пробой" ихъ пищи. Правда, временами у него появлялись деньги,—это тогда, когда ему „везло" въ его благородномъ, дворянскомъ, времяпрепровожденіи—въ игрѣ въ преферансъ... Вотъ эпизодъ, ярко характеризующій типъ, который представлялъ собой панъ Лепинскій.

Хозяинъ ресторана, въ который привилегированные жильцы дворянскихъ камеръ время отъ времени посылали за обѣдомъ, узналъ какъ-то разъ отъ посланнаго тюремнаго служителя, что обѣдъ берется, между прочимъ, и для пана Лепинскаго. Оказалось, что этотъ рестораторъ во время-оно былъ крѣпостнымъ этого самаго Лепинскаго,—и вотъ онъ, по простотѣ сердечной, попросилъ служителя передать Лепинскому, что тотъ можетъ посылать въ его ресторанъ когда угодно за какими угодно кушаньями, которыя будутъ отпускаться ему безплатно. Панъ Лепинскій разсвирѣпѣлъ: какъ смѣлъ служитель передать ему такое унизительное для „благороднаго" человѣка предложеніе, исходившее къ тому же (о, ужасъ!) отъ бывшаго его холопа, котораго онъ и на конюшнѣ наказывалъ... Черезъ нѣ-

сколько дней послѣ этого вбѣгаетъ въ мою башню въ большой ажіотаціи панъ Болеславъ и убѣдительно проситъ ссудить ему 40 копѣекъ: оказалось, что этотъ самый ресторaторъ явился къ нему въ тюрьму на свиданіе, и онъ, панъ Лепинскій, считаетъ необходимымъ, когда бывшій его „хлопъ“ „поцѣлуетъ ему руку“, подарить ему 40 копеекъ!.. Всѣ мои резоны не подѣйствовали. Панъ въ своихъ „убѣжденіяхъ“ былъ непоколебимъ. Конечно, ресторaторъ 40 коп. отъ него не принялъ и къ „пану“ своему больше не являлся...

Самой важной персоной въ „дворянскомъ“ отдѣленіи былъ бывшій секретарь одесскаго полицейскаго управленія Болотовъ, процессъ котораго надѣлалъ въ свое время большой шумъ по всей Россіи. Попалъ онъ на скамью подсудимыхъ и въ тюрьму изъ-за... публичныхъ домовъ и проститутокъ, изъ которыхъ онъ путемъ самыхъ возмутительныхъ и дикихъ мѣропріятій создалъ для себя чрезвычайно своеобразную и необыкновенно гнусную статью дохода обширныхъ размѣровъ, на много лѣтъ предвосхитивъ въ этомъ отношеніи „героевъ“ тыла въ манчжурскую войну. На судѣ передъ публикой и присяжными засѣдателями развернулась такая картина безграничной и безцеремонно-циничной эксплоатаціи несчастныхъ „жертвъ общественнаго темперамента“, что этому бывшему московскому частному ходатаю по бракоразводнымъ дѣламъ, при всей его беззастѣнчивой ловкости, никакъ нельзя было отдѣлаться отъ ссылки въ Сибирь.

Это былъ въ высшей степени изящный и представительный мужчина высокаго роста, прекрасно сложенный, даже красивой наружности, съ весьма гордой осанкой. „Шпанка“ при встрѣчѣ съ Болотовымъ невольно останавливалась и отвѣшивала ему низкіе поклоны, видя въ немъ важную особу высшаго полета. Ему протежировала вся одесская полиція, начиная съ полицмейстера и вплоть до околоточнаго надзирателя; оказывалъ ему особое почтеніе и сугубое покровительство и смотритель Зубачевскій, котораго въ высокой степени восхищали молодецкіе подвиги Болотова во время его секретарства. Зубачевскій видѣлъ въ Болотовѣ необыкновенно ловкаго, талантливаго и выдающагося дѣльца, виртуозно-искуснаго въ созиданіи „доходовъ“, страсть къ которымъ не чужда была и ему, и всячески афишировалъ свою благосклонность къ этому фавориту полицмейстера Антонова.

Болотовъ пользовался (конечно, въ районѣ тюрьмы) неограниченной и полной свободой. Ему одному разрѣшались во всякое время свиданія съ женой и знакомыми на квартирѣ смотрителя безъ всякихъ свидѣтелей и безъ всякаго надзора. Онъ брезгалъ „казеннымъ“ содержаніемъ и кормилъ себя очень обильно и вкусно на собственный счетъ (на сколоченныя, оче-

видно, денежки отъ „дѣвушекъ"). Держалъ онъ себя чрезвычайно важно и даже сановито, удостаивая своей бесѣдой лишь очень немногихъ и подчеркивая явно, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое превосходство надъ окружающими.

Вставалъ Болотовъ (какъ подобаетъ „барину") очень поздно, облачался въ бархатные сапоги и великолѣпный халатъ на шелковой подкладкѣ, торжественно распивалъ изъ собственной хрустальной посуды прекраснѣйшій чай, закусывая при этомъ прекрасныя печенія самымъ аппетитнымъ образомъ; затѣмъ съ часъ времени посвящалъ тщательному туалету и отправлялся на прогулку, послѣ которой его вызывали, обыкновенно, на свиданія къ женѣ, просиживавшей у него по 2—3 часа, а то и больше. Послѣ свиданія служитель камеры накрывалъ ему отдѣльный столикъ чистой скатертью снѣжной бѣлизны, и Болотовъ въ величественномъ одиночествѣ поглощалъ обѣдъ въ нѣсколько вкусно приготовленныхъ блюдъ. Послѣ обѣда этотъ „сановникъ" отдыхалъ часа два-три, почитывалъ переводные иностранные романы, усаживался за вечерній чай, послѣ котораго онъ съ „отборной" компаніей принимался за карты и лишь поздней уже ночью ложился спать въ свою мягкую постель съ пріятнымъ чувствомъ человѣка, исполнившаго посильно свой долгъ.

Этотъ Болотовъ, котораго вся тюрьма презирала и въ то же время очень боялась въ виду его близкихъ и интимныхъ отношеній къ Зубачевскому, былъ пошлякъ и циникъ 96-й пробы. Для него на свѣтѣ не существовало буквально ничего святого. Въ цинизмѣ своемъ онъ былъ до крайнихъ предѣловъ откровененъ и наглъ. Онъ съ апломбомъ изрекалъ такія великія истины, что на свѣтѣ (по его „глубокому убѣжденію") все можно покупать и продавать, что свѣтъ созданъ и существуетъ только для „умныхъ людей", а „дуракамъ" (къ нимъ онъ авторитетно причисляетъ всѣхъ тѣхъ, кто не сумѣлъ создать себѣ карьеру изъ-за разборчивости въ средствахъ) на этомъ свѣтѣ не должно быть мѣста, что никому ни до кого не должно быть никакого дѣла и т. д.

Естественно, что я избѣгалъ сближенія съ этимъ отборнымъ экземпляромъ homo sapiens, но отъ бесѣдъ съ нимъ оградить себя, конечно, не могъ. И онъ не стѣснялся и передо мною демонстративно развивать свою „философію", выработанную „большимъ житейскимъ опытомъ": для человѣка, по его „глубокому убѣжденію", существуетъ и можетъ существовать одинъ лишь интересъ—деньги, такъ какъ на нихъ и держится весь міръ; идеи, идеалы, долгъ, мораль, обязанность, этика—все это вздорныя и пустыя слова, сочиненныя для дураковъ и вовсе въ дѣйствительности не существующія конкретно. Всѣ эти фантастическія отвлеченности не больше, какъ удочки, на которыя „умные люди" улавливаютъ глупцовъ.

Единственная и неотъемлемая добродѣтель Болотова состояла въ полнѣйшей откровенности, граничившей съ наглостью и цинизмомъ. Онъ бравировалъ своей безнравственностью и своей пошлостью, демонстративно разоблачая ихъ передъ всѣмъ и каждымъ, всячески при этомъ иронизируя и даже издѣваясь надъ „добродѣтелью" и „праведниками," надъ „честью" и „честностью". Онъ не скрывалъ своего полнѣйшаго презрѣнія къ тѣмъ, кто интересуется „политикой" и изъ-за нея рискуетъ своимъ личнымъ благополучіемъ: это, по его „глубокому убѣжденію", легкомысленнѣйшіе фантазеры, напускающіе на себя блажь. „Помилуйте", — патетически восклицалъ онъ,—„какое мнѣ до другихъ дѣло! Чортъ съ ними со всѣми, пусть всѣ пропадаютъ, пусть всѣхъ перевѣшиваютъ и перестрѣляютъ, лишь бы мое благополучіе не страдало, лишь бы я благоденствовалъ!" Въ этихъ сентенціяхъ исчерпывалась вся житейская философія Болотова. При всемъ томъ этотъ морально-патологическій субъектъ (должно быть, въ силу притяженія контрастовъ) благоволилъ ко мнѣ и даже неоднократно предлагалъ устроить мнѣ (при помощи ежедневно посѣщавшей его супруги) побѣгъ изъ тюрьмы. Само собою разумѣется, что услуги его были отклонены мною по многимъ причинамъ.

Рѣзкимъ диссонансомъ въ обширной „дворянской" камерѣ являлся еще очень—сравнительно—молодой (28-лѣтній) губернскій секретарь Владиміръ Алексѣевичъ Марушевскій. Это былъ чрезвычайно кроткій, глубоко-религіозный и добродушный человѣкъ, въ высшей степени мягкій и предупредительный ко всѣмъ—не только „дворянамъ", но и „шпанкѣ", чѣмъ онъ очень выгодно отличался отъ прочихъ гг. „дворянъ".

Марушевскій держалъ себя особнякомъ, всегда на приличной дистанціи отъ своихъ сожителей, въ близкія отношенія ни съ кѣмъ изъ нихъ не вступалъ, въ карты не игралъ, а все свое время дѣлилъ между книгами, свиданіями съ женой и... голубями, которыхъ онъ какъ-то умудрился приручить: ежедневно они являлись къ окну его камеры, располагались на подоконникѣ, на которомъ всегда находили заботливо приготовленный для нихъ Марушевскимъ кормъ. Марушевскій въ общеніи съ этими голубями находилъ какое-то особенное наслажденіе, пестовалъ и лелѣялъ ихъ цѣлыми часами.—О своемъ „дѣлѣ" онъ говорить не любилъ; видимо, оно его мучило, и онъ чуть ли не единственный изъ „дворянъ" никогда не выставлялъ себя жертвой „несправедливости", онъ вполнѣ сознавалъ свою вину и кротко, со смиреніемъ ждалъ должнаго за нее возмездія.

Марушевскій, по профессіи, былъ частный адвокатъ и, какъ таковой, совершилъ нѣсколько подлоговъ, злоупотребивъ довѣріемъ своихъ кліен-

товъ.—Съ перваго же момента, какъ подлоги его обнаружились, онъ призналъ фактъ своей вины; на слѣдствіи, а затѣмъ и на судѣ онъ во всемъ чистосердечно сознался и даже отъ защитника отказался. На судѣ онъ искалъ лишь смягчающія обстоятельства въ крайне критическихъ обстоятельствахъ и, во имя своей семьи, просилъ у присяжныхъ не оправданія, а лишь снисхожденія. Чуткій судъ общественной совѣсти его совершенно оправдалъ...

Въ верхнемъ же этажѣ тюремнаго флигеля, по близости отъ „дворянскихъ" камеръ, находилась еще одна камера,—такъ сказать, полу-дворянская. Въ ней помѣщалось нѣсколько человѣкъ, обвинявшихся въ поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій. Запомнилась мнѣ смутно лишь фамилія *Мойсеева* и вполнѣ ярко фигура и обликъ *Наера*.

Какъ-то разъ, во время прогулки по тюремному двору, ко мнѣ робко подошелъ плотный, откормленный арестантъ средняго роста съ окладистой рыжей бородой, съ чрезвычайно типичной еврейской физіономіей и отрекомендовался мнѣ, какъ купецъ изъ Геническа, по фамиліи Наеръ. На мой вопросъ, по какому дѣлу онъ попалъ въ тюрьму, онъ, лукаво прищурившись, полу-таинственно отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ тюрьмѣ очутился „немножко по политическому, немножко по уголовному дѣлу", присовокупивъ шепотомъ, что его обвиняютъ въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ, которыя фабриковалъ сидящій въ одной съ нимъ камерѣ Мойсеевъ—его граверъ и техникъ... Черезъ нѣсколько дней Наеръ предложилъ мнѣ услуги его жены, которая ежедневно имѣла съ нимъ свиданія. И дѣйствительно, въ тотъ же день жена его отнесла мое письмо Желябову, съ которымъ у меня завязалась такимъ образомъ постоянная переписка, продолжавшаяся до самаго его ареста. И я долженъ сказать, что услуги Наера были совершенно безкорыстны, жена его наотрѣзъ отказалась отъ всякаго вознагражденія, хотя очень аккуратно и регулярно являлась на назначаемыя ей Желябовымъ свиданія, передавая ему мои письма и получая письма для меня. Наеръ въ своихъ услугахъ усматривалъ инстинктивно нѣчто его возвышающее и облагораживающее...

По профессіи часовой мастеръ и ювелиръ, Наеръ соблазнился перспективой легко и быстро обогатиться и занялся фабрикаціей и сбытомъ фальшивыхъ ассигнацій. Однако, онъ очень скоро попался съ поличнымъ и теперь собирался въ Сибирь въ каторжныя работы. Въ тюрьмѣ онъ занимался кое-какими мелкими гешефтами, ссужалъ арестантамъ небольшія суммы подъ умѣренные проценты, починялъ часы и т. п., зарабатывая такимъ образомъ маленькія деньги, на которыя онъ содержалъ себя и своего бывшаго „техника" Мойсеева. Какъ часовой мастеръ, онъ оказывалъ без-

возмездныя услуги смотрителю тюрьмы и за это пользовался льготами относительно свиданій и помѣщенія.

Чрезвычайно типичную фигуру представлялъ *О. М. Лернеръ* (нынѣ уже покойный), впослѣдствіи пріобрѣвшій столь печальную извѣстность на поприщѣ „публицистики", какъ ближайшій сотрудникъ Озмидова въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ" въ самый реакціонный періодъ его изданія, а затѣмъ и какъ наиболѣе видный сотрудникъ „Вѣдом. Одесскаго Градоначальства" при градоначальникахъ гр. Шуваловѣ и знаменитомъ Нейдгартѣ, когда „Вѣдомости" переполнялись всевозможными провокаціями...

Лернеръ попалъ въ тюрьму за подлогъ, а потому уже въ силу свойства его преступленія долженъ былъ очутиться въ благородномъ „дворянскомъ" отдѣленіи, но такъ какъ въ то время онъ въ христіанство еще не перешелъ (ради свободной пропаганды—разрѣшенія еврейскаго вопроса путемъ ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ, какъ онъ объяснялъ этотъ переходъ), а пребывалъ еще въ іудействѣ, то онъ былъ помѣщенъ въ ту камеру, въ которую водворяли привлекавшихся по преступленіямъ „немножко политическихъ и немножко уголовныхъ", т. е. въ камеру Наера и его К°.

Лернеру было тогда 24—25 лѣтъ. Это былъ еще очень молодой и юркій человѣчекъ. Профессія его была отчасти учительство, отчасти частная адвокатура; но уже и тогда этотъ невзрачный, маленькаго роста, всей своей внѣшностью мало располагавшій къ себѣ человѣкъ лелѣялъ грандіозныя мечты о выступленіи на журнальное поприще, и не какъ-нибудь, а съ трескомъ и эффектомъ. Уже и тогда, присоединяясь ко мнѣ во время моихъ прогулокъ по тюремному двору, онъ осторожно и интимно посвящалъ меня въ свой планъ, состоявшій ни больше и ни меньше какъ въ томъ, чтобы по выходѣ изъ тюрьмы издавать періодическій „дневникъ писателя" и явиться, нѣкоторымъ образомъ, продолжателемъ на литературномъ поприщѣ... Достоевскаго!!. При всей личинѣ наружной скромности, которую этотъ не лишенный дарованія журналистъ всячески силился принимать на себя въ бесѣдахъ со мною, я уже тогда чуялъ въ немъ неисчерпаемый запасъ тщеславной наглости и шарлатанскаго нахальства, который при крайней неразборчивости въ средствахъ долженъ далеко его завести; но все-таки я не думалъ, чтобы онъ дерзнулъ осуществить этотъ, по истинѣ, кощунственный планъ. Однако, г. Лернеръ дерзнулъ и въ самомъ скоромъ времени, какъ только онъ отбылъ свой срокъ заключенія за подлогъ и вышелъ „на волю", онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе, и мнѣ доставленъ былъ въ тюрьму первый номеръ его „Дневника писателя"...

Ограничиваюсь бѣглымъ наброскомъ этихъ нѣскольких уголовныхъ фигуръ и возвращаюсь къ своему „дѣлу".

III.

Мѣсяца черезъ три или четыре послѣ моего переселенія въ тюремный замокъ прибылъ въ Одессу членъ московской судебной палаты *Крахтъ* для производства предварительнаго слѣдствія по моему дѣлу, такъ какъ въ то время по общеустановленному порядку производство предварительныхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ возлагалось на членовъ Петербургской и Московской Судебныхъ Палатъ по очереди. Послѣ двухъ-трехъ допросовъ въ присутствіи прокурора Одесской Судебной Палаты Г. А. Евреинова мнѣ дали очную ставку съ старымъ евреемъ *Зейликовичемъ*.

Когда я былъ предъявленъ послѣднему, онъ какъ бы послѣ нѣкоторыхъ колебаній заявилъ слѣдователю, что я совершенно не похожъ ни по росту, ни по внѣшнему облику, ни по голосу на то лицо, которое подъ именемъ Иванова являлось къ нему на его квартиру за справками о контрабандной посылкѣ изъ-за границы. Признаюсь, что когда составленъ былъ протоколъ объ этой очной ставкѣ, у меня какъ будто отлегло отъ сердца, такъ какъ послѣ этого противъ меня оставалась уже одна лишь улика,—появленіе въ засаду вмѣстѣ съ Симхой и въ гримѣ, что было, разумѣется, слишкомъ недостаточно для осужденія человѣка. Но на послѣднемъ допросѣ ловкій прокуроръ Евреиновъ меня крайне огорчилъ неожиданно поставленнымъ мнѣ вопросомъ: жилъ ли я въ Вѣнѣ въ Josephstadt'ѣ на Landsgasse? Я почуялъ въ этомъ вопросѣ что-то серьезно-угрожающее и ухватился инстинктивно за случайную ошибку и отвѣтилъ, что я, дѣйствительно, жилъ въ участкѣ Josephstadt, но не на Landsgasse, а Lammgasse. Впослѣдствіи разъяснилось, что послѣ моего отъѣзда изъ Вѣны туда доставлены были по моему адресу предварительной посылкой для распространенія нѣсколько экземпляровъ перваго номера „Впередъ". Посылка эта получена была въ Вѣнѣ уже послѣ моего отъѣзда оттуда, а лицо, которому, по указанію моему, посылочка эта была передана, переслало ее въ Подволочискъ на имя К—ского, который въ свою очередь не потрудился даже вынуть номера „Впереда" изъ холста, на которомъ написанъ былъ адресъ, и цѣликомъ присоединилъ посылочку къ общему доставленному для меня въ Подволочискъ транспорту, такъ что, когда прокуратура разобралась въ „дѣлѣ", она обратила вниманіе на это обстоятельство, являвшееся добавочной противъ меня уликой.

Послѣ очной ставки съ Симхой, слѣдователь, выдавъ мнѣ копіи моихъ показаній, заявилъ мнѣ, что слѣдствіе имъ закончено, и что меня, вѣроятно, „черезъ 3—4 недѣли" повезутъ въ Петербургъ, такъ какъ согласно существовавшаго тогда порядка я подлежу суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената.

Пророчеству Крахта о „скоромъ судѣ“ не суждено было, однако, оправдаться такъ же, какъ не оправдалось прежнее пророчество товарища прокурора Аристова о „скоромъ освобожденіи“.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время шли уже усиленные аресты по всей Россіи. Въ средѣ „чайковцевъ“ таковые начались еще до моего ареста въ концѣ 1873-го года (однимъ изъ первыхъ чайковцевъ арестованъ былъ *Синегубъ*;) потомъ послѣдовали аресты въ Москвѣ, въ Саратовѣ, въ Самарѣ и во многихъ пунктахъ Поволжья. У насъ на Югѣ нѣкоторое время все обстояло благополучно, но лѣтомъ 1874 года произошли аресты въ Кіевѣ, а за ними (вслѣдствіе перехваченной въ Москвѣ какой-то переписки) былъ арестованъ и отвезенъ въ Москву *Ф. В. Волховскій*, а черезъ короткое послѣ этого время пошли аресты и въ Одессѣ: арестовали нѣкоего *Завадскаго*, который совершенно самостоятельно велъ соціальдемократическую пропаганду между наборщиками въ открытой имъ уже послѣ моего ареста типографіи и не примыкалъ ни къ одному изъ находившихся въ Одессѣ кружковъ, захвачены были бр. *Жебуневы*, заперли подъ замокъ *Щербину*, *Бутовскую* и нѣкоторыхъ другихъ, а въ концѣ концовъ (но уже значительно позже) арестовали и *Желябова*. Въ виду многочисленныхъ арестовъ на обширной территоріи Россіи, зародилась въ правящихъ сферахъ мысль о грандіозномъ политическомъ процессѣ. Въ сферахъ принято было рѣшеніе соорудить такое „сообщество“, которое охватило бы если уже не всю Россію, то весьма импозантную ея часть, этакъ 30—40 губерній. И вотъ для созданія того монстръ-процесса, который впослѣдствіи занесенъ былъ въ лѣтописи нашей юстиціи подъ названіемъ „процесса 193-хъ“, повелѣно было начальнику Московскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанту Слезкину подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева произвести дознаніе по дѣлу о преступной пропагандѣ по всей Имперіи... Хотя я привлекался по собственному „дѣлу“, по которому не обнаружена была прикосновенность какихъ-либо другихъ лицъ, и по которому не только „дознаніе“, но и „предварительное слѣдствіе“ уже совершенно закончено было, власти тѣмъ не менѣе признали и нужнымъ, и возможнымъ, и законнымъ пріостановиться съ моимъ судомъ, дабы такъ или иначе и меня пріобщить къ „Большому процессу“ и судить меня совмѣстно съ другими.

И вотъ, я продолжалъ сидѣть—сидѣть за рѣшеткой безъ конца. Регулярно въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца я вызывался, по моему требованію, въ тюремную контору, писалъ тамъ прошенія, протесты на имя министра юстиціи по поводу безконечнаго моего заключенія, не взирая на давно законченное предварительное слѣдствіе, при чемъ также регулярно получался на эти прошенія одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: объявить

такому-то, что прошеніе его оставлено безъ послѣдствій. И я продолжалъ сидѣть.

Нѣкоторое, самое короткое, время послѣ появленія въ одесской тюрьмѣ новыхъ „политическихъ“ я еще продолжалъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ своимъ и оставался въ башнѣ подъ ближайшимъ попеченіемъ д-ра Розена. Положеніемъ этимъ я, разумѣется, не могъ не пользоваться, чтобы всячески облегчать и положеніе другихъ: тюремные надзиратели свободно допускали меня въ ихъ камеры, я доставлялъ имъ книги, передавалъ имъ и отъ нихъ письма, дѣлился съ ними пищею и т. д. Но въ одинъ непрекрасный день меня лишили, наконецъ, моихъ привилегій: по распоряженію посѣтившаго тюрьму прокурора одесскаго окружнаго суда Полторацкаго меня изгнали изъ владѣній д-ра Розена и перевели хотя и не въ „секретную“, но въ одиночную камеру, и я очутился подъ замкомъ, какъ и другіе „политическіе“. Однако, сношенія между нами отъ этого не прервались: сначала они велись черезъ посредство камерныхъ служителей, и въ скоромъ времени, когда въ видахъ болѣе тщательнаго и строгаго за ними присмотра, нашихъ надзирателей замѣнили жандармами, черезъ посредство послѣднихъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ жандармовъ намъ удалось настолько приручить и воспитать, что они всецѣло перешли на нашу сторону; они передавали „на волю“ наши письма [1]) и приносили намъ отвѣты, не запирали нашихъ камеръ и свободно допускали насъ другъ къ другу. Какъ „жандармы“, они считали себя независимыми отъ всякой иной власти и совершенно не подчиненными тюремной администраціи, которая въ свою очередь изъ традиціоннаго страха передъ чинами III-го Отдѣленія и въ виду нѣкоторыхъ своихъ грѣшковъ боялась жандармовъ и предпочитала въ ихъ дѣйствія вовсе не вмѣшиваться, смотря на нихъ сквозь пальцы. Разъ вышелъ пассажъ, отъ котораго сильно могъ бы пострадать отличавшійся особенной отвагой и безшабашностью жандармъ Ор—въ. Какъ-то въ одинъ изъ послѣ-праздничныхъ дней онъ явился къ намъ на дежурство совершенно соннымъ въ виду разгульно проведенной ночи; отперевъ наши камеры и задвинувъ лишь ихъ дверныя задвижки, чтобы мы могли свободно ходить другъ къ другу и оставивъ дверь моей камеры совершенно открытой, онъ самъ завалился на моей кровати спать. Вдругъ сигналъ, что пріѣхалъ въ тюрьму

[1]) Одинъ изъ этихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ Ор—въ, явившись къ пріятелю одного изъ заключенныхъ съ письмомъ отъ послѣдняго и замѣтивъ въ встрѣтившемъ его братѣ этого пріятеля нѣкоторое смущеніе, сурово напустился на него и поразилъ его слѣдующимъ демонстративнымъ заявленіемъ. „Вы что думаете,—я дуракъ, ничего не понимаю, я свое подлое начальство вотъ какъ понимаю, и какъ будетъ бунтъ, и начнутъ мерзавцевъ вѣшать, я первый ихъ повѣшу“!..

прокуроръ. Бѣгу въ свою камеру, но Ор—въ спитъ мертвецкимъ сномъ. Принялся усиленно я его будить, и не малаго труда стоило мнѣ разбудить его, такъ что онъ еле-еле успѣлъ позапирать камеры къ моменту появленія въ нашей камерѣ прокурора...

Послѣ годичнаго почти пребыванія моего въ заключеніи въ Одессѣ совершилось „событіе“: ее удостоилъ своимъ посѣщеніемъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ (бывшій до того шефомъ жандармовъ) генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Сообщено было, что онъ побываетъ и въ тюремномъ замкѣ. Пошла, разумѣется, усиленная чистка и уборка. Полы больничныхъ палатъ и коридоровъ натирали съ остервенѣніемъ, они блестѣли, какъ зеркало [1]), всюду мыли, скребли, подмазывали, освѣжали, подновляли. Въ одинъ прекрасный день въ тюрьмѣ съ ранняго утра поднялась небывалая суета; по всѣмъ коридорамъ дано было знать, что сегодня „онъ“ непремѣнно будетъ; надзиратели принарядились, наши жандармы явились въ мундирахъ, въ артистически вычищенныхъ сапогахъ, тщательно причесанные и съ нафабренными усами. Наконецъ, свершилось: явился Тимашевъ и въ сопровожденіи чиновъ прокурорскаго надзора, полковника Кнопа, полицейскихъ и тюремныхъ властей принялся обходить тюремныя зданія и камеры... Щелкнулъ замокъ у дверей моей камеры, и въ камеру въ сопровожденіи Евреинова и Кнопа вошелъ въ полной парадной формѣ и во всемъ своемъ блескѣ генералъ Тимашевъ, который хотя и не болталъ о „полнотѣ власти“, но таковою дѣйствительно пользовался тогда въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣшніе министры, то и дѣло кичащіеся этой пресловутой „полнотой“.

Въ ожиданіи властей я стоялъ въ глубинѣ камеры у окна и, при ихъ входѣ, на ихъ поклонъ отвѣтилъ таковымъ же, не двинувшись съ мѣста. Тимашевъ, остановившись посреди камеры, обратился ко мнѣ съ сурово-грубо-повелительнымъ вопросомъ: по какому дѣлу и какъ давно я арестованъ? Я отвѣтилъ: „по подозрѣнію въ покушеніи на распространеніе въ Россіи книгъ запрещеннаго содержанія“.—„Только по подозрѣнію“, саркастически переспросилъ Тимашевъ,—„а въ дѣйствительности, вы, конечно, ни въ чемъ не виновны?“.—„Это выяснитъ судъ“, холодно отвѣтилъ я: „пока же дѣло идетъ лишь о подозрѣніи, такъ какъ уликъ противъ меня никакихъ нѣтъ“.—„Ваше Высокопревосходительство“, подскочилъ тогда къ Тимашеву полковникъ Кнопъ, „г. Чудновскій хотѣлъ перевезти черезъ границу восемь пудовъ запрещенныхъ книгъ, которыя мы перехватили“. „Что же такъ мало?“ иронически обратился ко мнѣ Тимашевъ. Я удивленно пожалъ плечами. Желая положить конецъ неловкому

---

[1]) Д-ръ Розенъ удостоился особенной благодарности за эти полы!

положенію, которое могло бы принять нежелательное направленіе, вмѣшался тактичный Евреиновъ и замѣтилъ: „В. В—во, предварительное слѣдствіе по дѣлу уже закончено и, вѣроятно, скоро состоится судъ надъ г. Чудновскимъ“. Тогда всесильный министръ, вновь обратившись ко мнѣ, язвительно замѣтилъ: „можете не безпокоиться, если уликъ противъ васъ нѣтъ, то мы ихъ найдемъ—найдемъ“, затѣмъ быстро повернулся и удалился.

Впослѣдствіи я узналъ отъ смотрителя Зубачевскаго, что по выходѣ изъ моей камеры Тимашевъ обозвалъ меня „невѣжей“ за то, что я въ бесѣдѣ съ нимъ ни разу не величалъ его по титулу, и при его входѣ не приблизился даже къ нему...

IV.

Время шло. Оно тянулось однообразно, тоскливо-долго, цѣлой безконечностью. Я продолжалъ сидѣть за рѣшеткой.

Прошло больше полутора лѣтъ, а я все еще томился за тюремной оградой, разнобразя свое томленіе... „пропагандой“ въ средѣ заключенныхъ. „Пропагандировали“ собственно вѣчно не унывающій Сергѣй Жебуневъ и нѣкоторые другіе наши соузники-политическіе. Я же отъ времени до времени набрасывалъ рефераты по разнымъ вопросамъ политическаго и соціально-экономическаго содержанія и передавалъ ихъ въ распоряженіе Жебунева и К°, какъ дополнительное, такъ сказать, пособіе для ихъ „пропаганды“. Сознаюсь, что я лично очень скептически относился къ плодотворности „пропаганды“ въ средѣ уголовныхъ,—преимущественно „шпанки“ [1]), но я не считалъ возможнымъ отказывать въ посильномъ своемъ содѣйствіи тѣмъ, которыхъ я любилъ и глубоко уважалъ, и которые смотрѣли на это иначе, чѣмъ я,—благо досужаго времени у меня было болѣе, чѣмъ достаточно...

Меня очень поддерживала постоянная переписка съ друзьями-товарищами по кружку, которая велась очень аккуратно и регулярно, благодаря вѣчно бодрому и энергическому Желябову, привыкшему исполнять всѣ принимаемыя на себя обязательства съ щепетильной добросовѣстностью и полнотой,—въ данномъ же случаѣ имъ руководило не въ малой степени и личное дружеское расположеніе... Онъ посылалъ мнѣ довольно часто длинныя письма, въ которыхъ посвящалъ меня (пользуясь шифромъ) во всѣ перипетіи жизни нашего кружка. Съ большимъ удовлетвореніемъ и съ радостью я узнавалъ, что—не взирая на всѣ невзгоды—нашъ кружокъ,

---

[1]) Были, конечно, исключенія, въ родѣ *Никиты*, о которомъ такъ правдиво и сердечно разсказано Жебуневымъ въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Быломъ“...

лишившись такихъ организаторскихъ силъ, какъ Волховскій,—все же безпрестанно развивался, расширялся и пускалъ глубокіе корни въ не совсѣмъ благопріятную почву. Меня очень радовало, когда я узнавалъ о присоединеніи къ нему новыхъ силъ: Попко, Ланганcы, Я—ко и другіе. Особенно я радъ былъ, когда узналъ, что къ кружку нашему примыкаютъ нѣкоторые изъ честнаго культурно-просвѣтительнаго кружка и въ томъ числѣ одинъ изъ наиболѣе идеально-нравственныхъ и весьма вліятельныхъ его членовъ Р—нъ...

Въ одинъ невеселый, чисто тюремный, день мы узнали, что къ намъ въ Одессу ѣдетъ самъ *Жихаревъ*, о которомъ у насъ уже заранѣе составилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе, какъ о суровомъ, сухомъ и черствомъ чиновникѣ-формалистѣ, который имѣетъ твердое намѣреніе изъ возложеннаго на него порученія сдѣлать фундаментъ и прочную ступень для своей служебной карьеры. Съ нетерпѣніемъ ждали мы своего гостя.

Давно жданный день насталъ. Въ коридоры заключенныхъ поданъ былъ сигналъ о прибытіи начальства: пріѣхалъ Жихаревъ и отправился по камерамъ политическихъ.

Вотъ загремѣлъ замокъ у моихъ дверей,—въ камеру властной поступью вошелъ плотный мужчина высокаго роста съ крупными и весьма энергическими чертами лица. Это и былъ прокуроръ Жихаревъ, котораго сопровождалъ довольно еще юный и весьма юркій товарищъ прокурора (кажется, саратовскаго же) окружнаго суда—*Шубинъ*, которому предшествовала слава „молодого, да изъ раннихъ", примостившагося къ тріумфальному шествію Жихарева, чтобы на судьбѣ сотенъ заключенныхъ за рѣшетку урвать малую толику и для своей только что начинающейся карьеры.

Поздоровавшись и отрекомендовавшись, Жихаревъ съ Шубинымъ грузно усѣлись на поданныхъ имъ стульяхъ, и Жихаревъ предложилъ мнѣ изложить ему обстоятельства „дѣла", приведшаго меня за рѣшетку. Я повторилъ всѣ тѣ же показанія, которыя приведены въ 4-ой главѣ, которыя даны были мною и на дознаніи, и на предварительномъ слѣдствіи,—и которыя врядъ ли могли быть неизвѣстны Жихареву, который выслушалъ меня до конца спокойно, ни разу не прерывая моего изложенія. Когда я кончилъ и умолкъ, Жихаревъ тономъ торжествующаго побѣдителя, абсолютно увѣреннаго въ своемъ всемогуществѣ, не безъ наглости сказалъ мнѣ: „неужели вы думаете, г. Чудновскій, что *мы* можемъ повѣрить правдивости вашихъ показаній? Нѣтъ же у васъ никакихъ основаній считать насъ глупѣе себя и видѣть въ насъ, представителей власти, наивныхъ простаковъ! Если бы еще вы попались *намъ* въ первый разъ, можетъ быть, мы и приняли бы ваши показанія за чистую монету. Но можете

мнѣ повѣрить на слово, что когда *мы* скажемъ суду, что вы *ре-ци-ди-вистъ*, что вы уже участвовали въ студенческихъ безпорядкахъ—и участвовали, какъ коноводъ и подстрекатель, такъ что понесли кару въ высшемъ размѣрѣ,—повѣрьте, что тогда судъ никогда не повѣритъ вашимъ измышленіямъ. Вы думаете, что *намъ* неизвѣстны всѣ ваши преступныя похожденія, что *мы* не знаемъ, что вы ѣздили въ Румынію, вели тамъ агитацію противъ русскаго правительства, всячески его злословя и дискредитируя. Вы глубоко заблуждаетесь. *Мы* все знаемъ, мы знаемъ всю вашу подноготную и мы все разскажемъ суду, который послѣ этого уже конечно не повѣритъ вашимъ неправдоподобнымъ объясненіямъ. Совѣтую вамъ, г. Чудновскій, хорошенько обдумать сказанное мною и въ собственныхъ же своихъ интересахъ перемѣнить свои показанія...“—„Но“, отвѣтилъ я Жихареву, „вѣдь, я здѣсь сижу уже больше полутора лѣтъ, для обдумыванія у меня было слишкомъ достаточно времени, и если я до сихъ поръ не перемѣнилъ своихъ показаній, то, очевидно, одно изъ двухъ: или мнѣ нечего въ нихъ мѣнять, или я не желаю ихъ мѣнять. Допустимъ даже, что показанія мои не правдивы, но законъ вѣдь къ правдивости меня не обязываетъ. Что же касается вашего заявленія относительно моей революціонной агитаціи въ Румыніи, то на этомъ заявленіи я могу только видѣть, какъ и насколько достовѣрны имѣющіяся у васъ обо мнѣ свѣдѣнія, ибо въ Румыніи я даже никогда не былъ“. И теперь, по прошествіи больше 30 лѣтъ, когда всему прошли всякія давности, и я пишу одну голую и строгую правду, я подчеркиваю, что это „достовѣрное свѣдѣніе“ г. Жихарева было абсолютно ложное, такъ какъ я *никогда*—ни раньше, ни даже позже—въ Румыніи не бывалъ, никакихъ знакомствъ и связей тамъ не имѣлъ и не имѣю, и никогда даже косвенно не пытался вести тамъ какую бы то ни было агитацію. „Освѣдомленныя“ власти, очевидно, перепутали Сербію съ Румыніей и гордо кичились своимъ всевѣдѣніемъ. Въ концѣ концовъ Жихаревъ всталъ, отвѣсилъ мнѣ небрежный поклонъ, и, направляясь съ своимъ адъютантомъ къ дверямъ, сурово-наставительно сказалъ мнѣ: „Вы пробыли въ тюрьмѣ полтора года. Это, конечно, не мало; но повѣрьте мнѣ, вы пробудете въ заключеніи до суда еще гораздо больше времени и будете имѣть еще много досуга, чтобы передумать и перемѣнить свои показанія“...

Съ этими словами всесильный въ тотъ моментъ Жихаревъ, съ высоко поднятой головой (въ сопровожденіи Шубина) удалился и скоро оставилъ тюрьму. Оказалось, что и съ другими „политическими“ онъ былъ также суровъ, какъ и со мною,—и лишь одинъ Желябовъ, который только за нѣсколько недѣль передъ этимъ былъ арестованъ безъ всякихъ уликъ, очень понравился Жихареву и сумѣлъ убѣдить этого самонадѣяннаго пред-

ставителя прокуратуры въ полнѣйшей своей невиновности и непричастности къ какой бы то ни было организаціи, такъ что тотъ пообѣщалъ ему, что онъ будетъ черезъ нѣсколько дней освобожденъ на поруки, что—дѣйствительно—и было исполнено. Такая, сравнительно, снисходительность къ Желябову, помимо отсутствія всякихъ осязательныхъ уликъ (съ этимъ и тогда уже не особенно считались) и умѣнія Желябова гипнотизировать своего собесѣдника (даже такихъ толстокожихъ, какъ Жихаревъ), можетъ быть до извѣстной степени объяснима и условіями его ареста, происшедшаго въ вечеръ того самого дня, когда состоялось его вѣнчаніе съ Ольгой Семеновной Яхненко...

До глубины души возмущенный и преисполненный негодованія, я вслѣдъ за отъѣздомъ Жихарева изъ тюрьмы вызвался въ контору и написалъ тамъ на имя министра юстиціи обширную жалобу по поводу сдѣланныхъ мнѣ Жихаревымъ возмутительныхъ угрозъ безконечнымъ заключеніемъ, пока я не перемѣню своихъ показаній. Я заявилъ министру, что я не могу не считать подобную угрозу замаскированной пыткой, между тѣмъ какъ таковая отмѣнена еще императрицей Екатериной II,—я требовалъ скорѣйшаго надъ собой суда и свою жалобу закончилъ обычнымъ замѣчаніемъ, что хотя и заранѣе знаю, что и настоящая моя жалоба, подобно всѣмъ предыдущимъ, оставлена будетъ министромъ „безъ послѣдствій“, но я разсчитываю, что она послужитъ будущему историку матеріаломъ для сужденія о мѣрѣ „правосудности“ нашего времени. Министерство оказалось, какъ всегда, чрезвычайно аккуратнымъ: въ самомъ непродолжительномъ времени мнѣ объявлено было по приказанію министра юстиціи, что моя „жалоба оставлена безъ послѣдствій“.

V.

Прошло еще около года.

Уже перевалило за 2 $^1/_2$ года съ того момента, когда я былъ арестованъ.

Наступило лѣто 1876 г., а я все еще продолжалъ сидѣть за рѣшеткой одиночки одесскаго тюремнаго замка.

Давно уже закончился судъ надъ паномъ Лепинскимъ, который, благодаря его изможденному и крайне болѣзненному виду и краснорѣчивой защитѣ талантливаго присяжнаго повѣреннаго Я. И. Вейнберга, былъ оправданъ. Давно уже закончился судъ и надъ знаменитымъ Болотовымъ, который угодилъ на житье въ Тобольскъ и въ письмахъ оттуда ярко описывалъ свое благоденствіе въ странѣ Ермака Тимофѣевича. Найеръ съ К° направлялись уже „немножко за политическое и немножко за уголовное“ по исторической „Владимиркѣ“—въ каторжныя работы. „Дворянскія“

камеры уже давно наполнились новыми постояльцами, а „политическіе" и между ними и я—наистарѣйшій все—еще продолжали сидѣть и томиться.

Наконецъ, вспомнили и о насъ. Увезли изъ тюрьмы Жебунева, за нимъ Бутовскую и другихъ. Дошла очередь и до меня, и лѣтомъ 1876 г. я былъ препровожденъ подъ конвоемъ околодочнаго надзирателя на вокзалъ, посаженъ въ вагонъ и черезъ нѣсколько дней преблагополучно прибылъ въ Петербургъ, изъ котораго я отбылъ 7 лѣтъ тому назадъ въ такой же обстановкѣ—подъ конвоемъ полицейскихъ на свой югъ...

Немалое удовольствіе испытывалъ я отъ проѣзда по улицамъ Петрограда, въ который всего какихъ-нибудь 8 лѣтъ назадъ такъ жадно устремлялись всѣ мои помыслы и мечты,—въ особенности когда я очутился на Литейномъ проспектѣ и (хотя издали) увидѣлъ свою alma mater—Военно-Медицинскую Академію. Воспоминанія изъ прожитого овладѣли мною...

Вотъ и Шпалерная, и я очутился въ конторѣ незадолго еще передъ этимъ отстроеннаго и достаточно уже на всю Россію прославившагося „Дома предварительнаго заключенія". Здѣсь меня самымъ тщательнымъ образомъ обыскали, хотя я и прибылъ не изъ „воли", а изъ тюремнаго замка и въ сопровожденіи конвоира, записали мои примѣты и помѣстили въ одной крошечной каморкѣ во 2-мъ, кажется, этажѣ.

Единственное маленькое, но очень высокое окно съ покатымъ подоконникомъ, прикрѣпленная къ стѣнѣ желѣзная кровать, единственный желѣзный табуретъ, газовый рожокъ и тутъ же... ватерклозетъ,—вотъ, въ какой роскошной обстановкѣ я очутился. Хотя я очень усталъ отъ дороги, но заснуть въ эту первую ночь я никакъ не могъ: непонятный для меня ритмическій безпрерывный глухой гулъ, раздававшійся по всѣмъ направленіямъ крайне тягостно дѣйствовалъ на мои нервы. Мнѣ казалось, что стучатъ сами всѣ стѣны, весь потолокъ, весь подоконникъ, что все кругомъ превратилось въ сплошной терзающій меня стукъ. Этотъ безостановочный нервный гулъ чуть не свелъ меня съ ума въ эту первую ночь моего пребыванія въ „Предварилкѣ", какъ заключенные прозвали это послѣднее слово „науки". Лишь къ разсвѣту я, наконецъ, крѣпко заснулъ на нѣсколько часовъ.

Возобновившійся гулъ рано утромъ разбудилъ меня. Я освѣжилъ разболѣвшуюся голову холодной водой и принялся порывисто шагать по своей крошечной каморкѣ. Вдругъ въ дверяхъ неожиданно открылась форточка. Я моментально подскочилъ. Кто-то (вѣроятно, надзиратель) передалъ черезъ форточку хлѣбъ и тутъ же моментально кинулъ въ камеру свернутую бумажку и крошечный кусочекъ карандаша. Прошептавъ еле слышно: „друзья просятъ приготовить отвѣтъ",—надзиратель захлопнулъ дверцу и побрелъ дальше.

Сомнѣваюсь, чтобы какой-нибудь (даже сибирскій) именинникъ чувствовалъ себя когда-либо такъ радостно и хорошо отъ подносимыхъ ему подарковъ, какъ я отъ полученной маленькой записочки и крошечнаго карандашика! Съ невыразимымъ чувствомъ признательности и благодарности къ невѣдомымъ „друзьямъ“ я развернулъ записочку, въ которой мнѣ сообщался ключъ къ перестукиванію съ сосѣдями и сообщалось неоднократно уже изображавшееся въ печати оригинальное устройство „клубовъ“ въ „Предварилкѣ“. Нужно ли объяснять, что я безотлагательно принялся за промывку своего ватерклозета, дабы поскорѣе пріобщиться черезъ его посредство къ своему районному „клубу“. Вмѣстѣ съ нимъ я быстро усвоилъ азбуку для перестукиваній и принялся за практику. Теперь стѣны, какъ и ночью, посылали по всѣмъ направленіямъ стуки, но теперь я уже не содрогался отъ этихъ стуковъ, а любовно прислушивался къ нимъ,—они для меня ожили и облеклись въ соотвѣтствующую плоть и кровь. Первые „разговоры“ мои по этой азбукѣ не отличались особенной плавностью и отчетливостью,—я неоднократно путалъ, недостаточно громко отбивалъ удары, соотвѣтствующіе даннымъ буквамъ и словамъ, но мало-по-малу и довольно скоро я пріобрѣлъ нужный навыкъ и уже на другой день могъ „разговаривать“ съ своими сосѣдями, не вызывая съ ихъ стороны раздраженія. Я узналъ отъ нихъ, что нѣкоторые изъ привлекавшихся по дѣлу объ обширномъ, якобы разбросанномъ по всей имперіи, сообществѣ находятся въ Петропавловской крѣпости, что по этому искусственно созданному монстръ-процессу еще даже дознаніе не закончено, а предварительное слѣдствіе по этому дѣлу, взятому въ цѣломъ, даже и не начиналось еще и возможно, что его и вовсе не будетъ, а дознаніе по Высочайшему повелѣнію превращено будетъ (какъ оно и случилось) въ слѣдствіе, что о времени судебнаго разбирательства еще ничего не слышно, и что суда, повидимому, можно ждать далеко еще не такъ скоро и т. д. Далѣе я узналъ, что изъ одесситовъ въ Домѣ предварительнаго заключенія еще продолжаетъ содержаться несчастный *Завадскій*: онъ былъ арестованъ въ Одессѣ еще въ 1874 году и, сильно нервно потрясенный, онъ вскорѣ послѣ ареста сошелъ съ ума. Во всѣхъ своихъ окружающихъ онъ видѣлъ шпіоновъ, такъ что когда я какъ-то послѣ перевода его въ одесскій тюремный замокъ подошелъ къ форточкѣ его камеры и отрекомендовался ему, онъ самымъ серьезнымъ тономъ, полнымъ горечи и укоризны, сказалъ мнѣ: „какъ же вы, Чудновскій, о которомъ я отъ всѣхъ слышалъ столько хорошаго, могли такъ низко пасть, что сдѣлались шпіономъ и теперь, подосланные жандармами, приходите ко мнѣ для предательства!..“ Уже въ Одессѣ всѣми обращено было вниманіе на его сумасшествіе, и тѣмъ не менѣе его отправили въ Петербургъ подъ усиленнымъ конвоемъ и заперли въ ужасную

одиночную камеру. И вотъ черезъ два года я узнаю, что этотъ несчастный, вся вина котораго состояла въ распространеніи ученія Карла Маркса между наборщиками открытой имъ (уже послѣ моего ареста) въ Одессѣ типографіи, все еще мучится въ заключеніи! Несмотря на черезчуръ явно обнаружившіеся признаки неизлечимой душевной болѣзни, принявшей въ знаменитомъ „Домѣ“ еще болѣе грозные размѣры, жестокая администрація не довѣряла заключеніямъ врачей,—она не довѣряла очевидности и продолжала держать подъ замкомъ въ строжайшемъ одиночествѣ несчастнаго больного, нуждавшагося въ сугубо-тщательномъ врачебномъ уходѣ и попеченіяхъ близкихъ людей. Завадскій упорно, не взирая на репрессіи, отказывался отъ прогулокъ, не позволялъ провѣтривать свою камеру, въ которой вѣчно стоялъ отчаянно-удушливый и спертый воздухъ, онъ отказывался отъ всякихъ свиданій, не соглашался даже выходить на свиданія съ женой, онъ не принималъ почти никакой пищи, а „правосудіе“ было неумолимо и ни за что не выпускало его изъ своихъ когтей. Жена Завадскаго обивала пороги всѣхъ властей—административныхъ и судебныхъ, она слезно умоляла и прокуроровъ, и департаментъ полиціи, и самого министра юстиціи Палена, но все было тщетно: ей не вѣрили, врачамъ не вѣрили, тюремной администраціи не вѣрили,—гр. Паленъ подозрѣвалъ во всемъ симуляцію, онъ почти издѣвался надъ несчастной женой Завадскаго,—безчеловѣчная администрація собиралась даже отправить его этапнымъ порядкомъ въ ссылку, въ Сибирь...

VI.

Я сталъ было уже совсѣмъ привыкать къ образцовому „Дому“, намѣреваясь прочно осѣсть въ немъ (время перешло для меня уже въ безконечность и я пересталъ его считать) и завести свой режимъ, какъ вдругъ въ одну прекрасную ночь, когда я ворочался въ своей постели, но еще не заснулъ, вошли въ мою камеру и предложили мнѣ одѣться и отправиться въ контору.

Сборы мои были, конечно, очень недолгіе и несложные. Минутъ черезъ десять я былъ уже въ конторѣ, гдѣ меня передали въ распоряженіе молодого жандармскаго офицера, который, приказавъ вынести мои вещи, не говоря мнѣ ни слова, вышелъ вмѣстѣ со мною на улицу, гдѣ насъ ждала закрытая карета.

По приглашенію офицера, я сѣлъ въ карету, въ которой находился уже нижній жандармскій чинъ. Вслѣдъ за мною, въ карету сѣлъ офицеръ. Захлопнули дверцы, и мы покатили. Я догадывался, что начинается новый актъ моего заключенія, и что меня отправляютъ въ ту самую Петропав-

ловскую крѣпость, про которую я наслышался уже немало „хорошаго". Стражи мои хранили гробовое молчаніе. Ночь была темная, сторы на окна были спущены, и я лишь смутно чувствовалъ, когда мы проѣзжали черезъ мостъ.

Долго мы ѣхали. Наконецъ, карета остановилась. Отомкнули дверцы, вышелъ офицеръ, а за нимъ—по его приглашенію и я. Передо мною очутились какія-то ворота, которыя весьма гостепріимно раскрылись. Я вошелъ въ небольшой дворъ.

Опять обыскъ, и еще болѣе тщательный и усовершенствованный,— искали даже въ мѣстахъ неудобо-называемыхъ. Мнѣ предложили разоблачиться до-гола, забрали собственную мою одежду, взамѣнъ которой выдали „казенную": нижнее бѣлье сравнительно недурного качества, обширныхъ размѣровъ халатъ и такихъ же размѣровъ туфли и длинные чулки.

Опять повели меня, раба божьяго, по полукруглому мрачному коридору. Возлѣ одной камеры сопровождавшіе меня смотритель и „присяжные" остановились, отодвинули засовъ, любезно пропустили меня впередъ, и я очутился на новосельѣ, мгновенно возстановляя въ своей памяти все слышанное мною про „Петропавловку".

Камера, отведенная въ мое распоряженіе, по размѣрамъ своимъ была значительно больше (и въ длину, и въ ширину) моихъ прежнихъ квартиръ-камеръ въ одесскомъ замкѣ и въ „Предварилкѣ"; но свѣта здѣсь было гораздо меньше: окно расположено было очень высоко и выходило, какъ и во всѣхъ камерахъ крѣпостной тюрьмы, къ окружавшей послѣднюю со всѣхъ сторонъ толстой стѣнѣ, такъ что въ камерахъ получался отраженный свѣтъ, падавшій сверху сквозь незначительное рѣшетчатое окно. Смежныя съ сосѣдними камеры были очень толсты, съ внутренними пустотами, наполненными чѣмъ-то мягкимъ (какой-либо, вѣроятно, мягкой матеріей), такъ что звуки отъ стука въ нихъ заглушались. Въ камерѣ стояла кровать съ матрацомъ, которая не прикрѣплена была къ стѣнѣ и оставалась такимъ образомъ въ распоряженіи заключенныхъ въ теченіе цѣлаго дня, находился небольшой крошечный столикъ, одинъ табуретъ, и какъ неизбѣжная принадлежность—клозетъ далеко не усовершенствованнаго типа, обусловливавшій почти неизмѣнный тяжелый спертый воздухъ. Постельное бѣлье отпускалось также казенное, довольно доброкачественное, смѣнявшееся разъ въ недѣлю: простыня, наволока для подушки, одѣяло и полотенце. Вообще, если бы не крайне чувствительная и неизбѣжная сырость и не отраженный, весьма вредный для зрѣнія свѣтъ, да рѣшетка, можно бы было считать обстановку крѣпостной тюрьмы довольно сносной. Хуже всего дѣйствовалъ „глазокъ" въ дверяхъ, который мгновенно подымался каждыя три-четыре минуты, чтобы имѣть заключеннаго подъ безпрерывнымъ на-

блюденіемъ. Этотъ „глазокъ", да монотонныя мелодіи, отбивавшіяся крѣпостными часами каждую четверть часа, до-нельзя тягостно дѣйствовали на нервную систему заключенныхъ, доводя нѣкоторыхъ изъ нихъ до полнаго изступленія и потери самообладанія.

Кормили въ то время въ крѣпостной тюрьмѣ [1]) очень недурно.— Тогда отпускалось отъ казны на содержаніе каждаго заключеннаго, кажется, 85 коп. въ день (вмѣсто 10 и 15 коп. отпускавшихся въ другихъ тюрьмахъ), и, хотя безъ всякаго сомнѣнія далеко не вся эта сумма расходовалась по назначенію, но все же пища отпускалась довольно доброкачественная, и въ сравненіи съ пищей въ другихъ тюрьмахъ даже роскошная. Утромъ и вечеромъ намъ давали по кружкѣ чаю и по три куска сахару и по двойной бѣлой булкѣ къ чаю. Въ 12 часовъ давали обѣдъ, состоявшій обыкновенно изъ трехъ блюдъ: 1) борщъ или супъ съ мясомъ, 2) жаркое, котлеты, бифштексъ, телятина,—вообще второе мясное разнообразилось, и 3) сладкое. Часовъ въ 8 вечера подавалось къ ужину что-либо мясное. Курящимъ отпускались даже казенныя папиросы (кажется, десятокъ въ день). Въ воскресные и праздничные дни къ чаю подавался даже свѣжій филипповскій калачъ, а обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ. Помимо этого, разрѣшалось передавать для заключенныхъ смотрителю деньги, и можно было выписывать хоть ежедневно за свой счетъ безвозбранно все, что угодно. Само собой разумѣется, не полагалось ни ножей, ни вилокъ: блюда подавались въ металлической (оловянной) посудѣ, и полагалась лишь деревянная ложка для жидкаго. Мясо подавалось разрѣзаннымъ на мелкіе кусочки.

Разъ въ мѣсяцъ водили насъ въ находившуюся во дворѣ очень недурную баню, гдѣ каждому отпускалось мыло и мочалка, и къ услугамъ находился даже казенный баньщикъ.

Словомъ, все было бы хорошо въ „Петропавловкѣ", если бы не отсутствіе всякой жизни, если бы не эта гнетущая мертвечина, это полное строжайшее одиночество, въ которомъ я очутился въ крѣпостной тюрьмѣ на первыхъ порахъ. Первыя недѣли прошли въ абсолютнѣйшей, безусловнѣйшей изолированности, какъ бы разсчитанной на то, чтобы я имѣлъ возможность составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе объ этомъ геніальномъ продуктѣ „прогрессирующей" мысли человѣчества въ сферѣ уголовнаго права и „государственнаго" воспитанія. Выпадали минуты, когда положительно становилось страшно отъ кругомъ царящей во-истину могильной тишины. Въ такія минуты невольно охватывали отчаяніе и чув-

---

[1]) Впослѣдствіи все коренныи образомъ измѣнилось, пищевой режимъ не отличался отъ обще-тюремнаго отвратительнаго режима.

ство обиднѣйшей безпомощности и безысходности, безвозвратности жизни, содрогалось сердце, и мутился разсудокъ...

Насквозь пронизывающая сырость, противъ которой своеобразная и обязательная „казенная" одежда представляла слишкомъ плохую защиту, вѣчный полумракъ, не дававшій возможности безъ опасности для зрѣнія долго предаваться чтенію, холодный асфальтовый полъ, безпрерывное подыманіе и опусканіе „глазка" въ двери, монотонный бой каждую четверть часа крѣпостныхъ часовъ,—все это дѣйствовало крайне подавляюще на нервы, и безъ того уже сильно истрепавшіеся за слишкомъ $2^1/_2$-годичное заключеніе въ тюрьмѣ.—„Присяжные", какъ и служителя-солдаты, убиравшіе подъ ихъ наблюденіемъ камеры, строжайше хранили гробовое молчаніе, которое нарушалъ одинъ лишь смотритель подполковникъ Богородскій на 5—10 минутъ: ежедневно посѣщалъ онъ меня, усаживался на табуретъ или кровать и шепотомъ заводилъ бесѣду о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, по-отечески утѣшалъ заключенныхъ и успокаивалъ ихъ.

Прогулки черезъ день на четверть часа. Торжественно „присяжный" вносилъ въ камеру изъ цейхгауза хранившуюся тамъ собственную одежду, заключенные сбрасывали ненавистную казенную одежду и облачались въ собственную, послѣ чего ихъ выпускали (разумѣется, подъ конвоемъ) въ круглый небольшой дворикъ, по которому они монотонно прохаживались по-одиночкѣ, дѣлая опредѣленное число круговъ, а въ камерѣ каждаго подневольнаго жильца производился, пока онъ оставался во дворѣ, тщательный обыскъ, о чемъ свидѣтельствовала обыкновенно помятая постель, сдвинутая съ обычнаго мѣста подушка, немного выдвинутый ящикъ стола и т. п.

Сердце сжималось отъ боли, когда выпущенные изъ камеры, мы проходили мимо ряда дверей съ тщательно опущенными на окошки „глазками". Знаешь, что за этими дверями находятся близкіе тебѣ по духу люди,—знаешь, что они, какъ и ты, мечутся какъ травленные по своимъ камерамъ, не находя себѣ успокоенія,—но кто именно здѣсь находится, ты не знаешь, и ни у кого узнать не можешь—и ничѣмъ, абсолютно ничѣмъ ты имъ помочь не можешь: это—ужасное, мучительное сознаніе!..

И на прогулкахъ, и въ камерахъ приходилось волею-неволею жить однимъ прошлымъ и былымъ, — воспоминаніями о прошломъ и быломъ, анализомъ и рефлексіей. И благо тому, у кого въ его прошломъ и быломъ накопилось достаточно матеріаловъ для вторичнаго и третичнаго мысленнаго ихъ переживанія! Это спасало отъ многихъ тяжелыхъ и очень горькихъ минутъ, — это спасало не одного отъ отчаянія и безумія. Цѣлыми часами шагаешь себѣ по камерѣ, и въ памяти твоей воскресаютъ образъ за образомъ изъ далекаго и близкаго прошлаго, фантазія твоя ра-

зыгрывается, и ты дѣйствительность и реальность дополняешь желательнымъ и возможнымъ,—мысленно благословляешь однихъ и проклинаешь другихъ, комбинируешь минувшіе и безвозвратные факты и обстоятельства и соображаешь на всѣ лады; что и какъ было бы, если бы эти факты и обстоятельства сложились не такъ, а иначе— на одинъ, другой, третій ладъ,— и шагаешь—шагаешь—шагаешь взадъ и впередъ безъ конца!..

Прошло недѣли три - четыре, и у меня появились сосѣди: „заговорили“ подоконникъ и спинки желѣзной кровати. Оказалось, что надъ моей головой—въ верхнемъ этажѣ помѣщался *Мышкинъ*, и путемъ постукиванія въ желѣзную спинку кровати или въ подоконникъ, на который съ трудомъ вскарабкаешься, рискуя каждую минуту быть захваченнымъ надзирающимъ окомъ, мы скоро познакомились и „переговаривались“ по нѣсколько разъ въ день усвоеннымъ въ „Предварилкѣ“ способомъ. Такъ какъ моя камера являлась какъ бы центральной, то мнѣ пришлось принять на себя роль передаточнаго пункта изъ одного края тюрьмы въ другой: вызываетъ меня стукомъ никогда не унывавшій *Аверкіевъ*, помѣщавшійся въ лѣвомъ отъ меня краѣ, подѣлиться со мною (обыкновенно послѣ свиданій) разными „новостями“ и сообщеніями—я вызываю помѣщающагося въ крайней камерѣ праваго края и передаю ему полученныя „новости“,— и послѣдними, само собой разумѣется, пользуются и всѣ находившіеся въ промежуточныхъ между нами камерахъ...

Въ крѣпостной тюрьмѣ практиковался нами еще одинъ способъ для сношеній—путемъ книгъ и журналовъ, выдававшихся намъ изъ крѣпостной библіотеки, довольно богатой по части беллетристики и періодическихъ журналовъ за предыдущіе годы (за текущій годъ журналы вовсе не выдавались, какъ и газеты вообще). Книги можно было мѣнять ежедневно,—и стоило только, заранѣе условившись, опредѣленнымъ образомъ подчеркивать соотвѣтствующія буквы на опредѣленныхъ страницахъ, чтобы этимъ путемъ завести регулярную „корреспонденцію“. Но приходилось соблюдать при этомъ большую осторожность, такъ какъ смотритель всѣхъ насъ предупредилъ, что за подобную провинность насъ будутъ лишать права пользоваться библіотекой, что составляло, разумѣется, весьма чувствительное лишеніе [1]). „На ловца и звѣрь бѣжитъ“! Въ первыхъ же выданныхъ мнѣ изъ библіотеки книжкахъ какого-то журнала (кажется, „Дѣла“) я наткнулся на „письмо“ *Нечаева*: прослѣдивши и выбравъ подчеркнутыя ногтемъ на разныхъ страницахъ буквы, я получилъ скорбное повѣствованіе о чрезвычайно-суровомъ заключеніи въ ужасномъ Алексѣевскомъ раве-

---

[1]) Меня однажды лишили этого права на двѣ недѣли, такъ какъ въ возвращенной мною книгѣ нашли подчеркнутыя буквы, хотя на этотъ именно разъ подчеркивалъ не я...

линѣ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ этого желѣзнаго по волѣ и безпримѣрнаго по энергіи человѣка. Повѣствованіе это меня глубоко поразило и потрясло. Я какъ будто услышалъ голосъ съ того свѣта,—голосъ, отъ котораго я весь содрогнулся, сознавая, что помочь этому „заживо погребенному" буквально ничѣмъ не могу. Все, что я могъ сдѣлать, это то, что я подѣлился этой скорбной повѣстью съ своими соузниками.

Помимо выдававшихся намъ изъ тюремной библіотеки книгъ, многимъ изъ насъ родственники и друзья доставляли книги „съ воли", но при этомъ разрѣшалось имъ доставлять однѣ лишь новыя, не разрѣзанныя еще книги, которыя уже „на волю" обратно не возвращались, а оставлялись въ тюремной библіотекѣ, какъ собственность, постепенно обогащая такимъ образомъ библіотеку [1]).

Свиданія разрѣшались только съ самими близкими родственниками, давались разъ въ двѣ недѣли въ особой комнатѣ въ присутствіи жандармскаго офицера Лѣсникова: посреди комнаты, во всю ея ширину, помѣщался длинный и широкій столъ; по одну сторону этого стола усаживались посѣтители, являвшіеся на свиданіе, по другую сторону vis-a-vis заключенный, къ которому явились на свиданіе, а около него располагался Лѣсниковъ, такъ что бесѣда фактически и обязательно происходила громко и черезъ столъ. Умудрялись, однако, несмотря на всѣ предосторожности, передавать иногда при свиданіи и записочки, но тогда приходилось хранить ихъ во рту, такъ какъ на свиданіе насъ выводили въ собственной одеждѣ, которая—по окончаніи свиданія—снималась въ присутствіи „присяжнаго" и передавалась послѣднимъ обратно въ цейхгаузъ. Врядъ ли нужно прибавить, что каждый изъ насъ по возвращеніи со свиданія дѣлился обязательно съ другими своими „новостями".

Наконецъ не могу не отмѣтить еще одного источника для „новостей". Я уже замѣтилъ, что намъ строжайше запрещалось получать газеты, а между тѣмъ, находясь за рѣшеткой жажда знать, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, превращается просто въ страсть. И вотъ, бывало, когда по утрамъ доставляются въ камеру небольшіе лоскутки газетной бумаги для извѣстныхъ надобностей—по пословицѣ: „голь на выдумки хитра!"—принимаешься тщательно сортировать и прилаживать эти лоскутки и иногда удается такъ ихъ подобрать, что кое-какъ, при помощи догадокъ возстановляешь съ нѣкоторою приблизительностью кое-какія газетныя сообщенія, иногда даже очень интересныя—хотя бы за истекшую недѣлю или даже за истекшій мѣсяцъ. О, тогда полное торжество: безотлагательно

---

[1]) Мнѣ разъ принесли 4 тома психологіи Спенсера, которые, по прочтеніи мною, поступили въ собственность библіотеки.

взбираешься на подоконникъ и принимаешься телеграфировать направо и налѣво „послѣднія новости“... Бывало и такъ: принесутъ кому-либо „съ воли“ провизію (одно время это разрѣшалось), тщательно завороченную въ нѣсколько газетъ; при осмотрѣ верхнія газеты отбираютъ, нижняя же совершенно замасленная и въ жирныхъ пятнахъ все-таки до тебя доходитъ; она же оказывается наиболѣе интересной,—и опять дѣйствуетъ „телеграфъ“, опять разносятся стукомъ „послѣднія извѣстія“.

Такимъ образомъ, за отсутствіемъ реальной жизни, мы искусственно всяческими способами старались создавать для себя какой-либо суррогатъ этой жизни,—и хотя суррогатъ этотъ очень плохо замѣнялъ реальную жизнь, но онъ, тѣмъ не менѣе, былъ незамѣнимымъ кладомъ для запертыхъ въ „Петропавловку“ и цѣлые годы томившихся за тюремной оградой. — Нервы разстраивались, многіе доходили до галлюцинацій, до потери всякаго самообладанія, даже до безумія, — и не одинъ разъ сердце обливалось кровью, когда изъ той или другой камеры раздавались неистовые, искусственно заглушаемые стоны и крики больныхъ товарищей.

Изъ памяти моей никогда не изгладится слѣдующій эпизодъ. Какъ-то разъ надъ головой моей началась необычная возня, послышались отчаянные стуки, какіе-то неистовые, нечеловѣческіе крики, — до меня долетало даже отчаянное истерическое взвизгиваніе: „прокурора, прокурора, про-ку-ро-ра!“ Ясно было, что съ моимъ верхнимъ сосѣдомъ случилось что-то экстраординарное, что-то неладное. Разыгралась фантазія, разбушевалось воображеніе, больная память принялась возсоздавать разные легенды и разсказы о жестокихъ насиліяхъ и звѣрствахъ за крѣпостными стѣнами... И вотъ я чувствую, что достаточно уже истрепавшіеся нервы мои до нельзя напрягаются и натягиваются, что я какъ бы раздвоился на два субъекта, внутренній и внѣшній: послѣдній чувствуетъ, что въ первомъ все клокочетъ и трепещетъ, — но онъ, однако, собой еще владѣетъ и даже сознаетъ, что ему необходимо, что для него обязательно слѣдить за внѣшнимъ „я“, забрать его въ руки, не давать ему разойтись хотя бы ради спокойствія окружающихъ его сосѣдей-товарищей. Однако, внѣшній субъектъ моего „я“ мало-по-малу начинаетъ чувствовать, что не совладать ему съ внутреннимъ „я“, что онъ, наоборотъ, уже всецѣло захватывается послѣднимъ, онъ уже отчетливо сознаетъ, что назрѣваетъ скандалъ, котораго уже никакими силами не остановишь... И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я очутился около двери, принялся неистово топать и стучать ногами, отчаянно забарабанилъ въ дверь кулаками, книгой, всѣмъ своимъ корпусомъ. „Смотрителя, смо-т-ри-теля!“ кричалъ я неистово, какъ бы не своимъ голосомъ. „Прокурора, про-ку-ро-ра, прокурора требую, ско-рѣе прокурора!“ неистово ревѣлъ внутренній „я“ къ

ужасу внѣшняго „я“... Прибѣжалъ конвой, явились „присяжные“, пришелъ смотритель. Онъ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ, заявивъ, что въ крѣпости не полагается требовать прокурора, да еще такимъ способомъ, а въ наказаніе „за буйство“ перевелъ меня въ одну изъ дальнихъ камеръ, гдѣ по сосѣдству никого не было. Когда я немного успокоился, зашелъ ко мнѣ старикъ-смотритель; онъ усѣлся на мою кровать и ласково-отечески принялся урезонивать, разсказалъ, что съ Мышкинымъ случился нервный припадокъ: онъ мылся въ банѣ,—вдругъ онъ рванулся и выскочилъ оттуда совершенно голый и принялся въ этомъ видѣ бѣшено кружиться по двору. Съ величайшимъ трудомъ удалось увести его въ камеру, въ которой онъ произвелъ полный разгромъ и требовалъ во что бы то ни стало и немедленно прокурора для объясненій по поводу убійственнаго замедленія съ судомъ...

Да, много требовалось жизнерадостности, вѣры въ лучшее будущее и грядущее человѣчества,—требовалось очень много самообладанія, чтобы какъ-нибудь сжиться и мириться съ гнетущей обстановкой. Однажды я „разговорился“ съ своимъ сосѣдомъ; изъ характера его „разговора“ я почуялъ (чуткость въ одиночкѣ страшно развивается!) что-то неладное, я инстинктивно догадался, что съ сосѣдомъ плохо. Я завелъ съ нимъ длинную „бесѣду“, неоднократно прерывавшуюся замѣчаніями „присяжныхъ“, я принялся „разсказывать“ ему всевозможные веселые анекдоты, разспрашивалъ его о разныхъ-разностяхъ,—мало-по-малу втянулъ его въ „разговоръ“, который затянулся до глубокой ночи. На другой день сосѣдъ признался мнѣ, что онъ наканунѣ близокъ былъ къ самоубійству, и что только своими „разговорами“ я отвлекъ его отъ мрачныхъ мыслей и поспособствовалъ успокоенію его нервовъ...

VII.

Боже мой, какъ тоскливо, какъ безконечно-грустно тянулось время, а мы все сидѣли за рѣшеткой и ждали!

Настала Св. Пасха 1877-го года. Въ 1-й день мой верхній сосѣдъ *Мышкинъ* стукомъ своимъ разбудилъ меня рано утромъ. Онъ поздравилъ меня съ праздникомъ, съ Воскресеньемъ Христовымъ, и выразилъ увѣренность, что скоро и нашъ Христосъ воскреснетъ, и мы всѣ возродимся къ новой жизни за одно съ нашей общей дорогой родиной. На эту тему мы долго „бесѣдовали“ съ нимъ и съ другими товарищами.—Этотъ символическій праздникъ навѣвалъ на насъ во все время нашего заключенія (какъ впослѣдствіи и въ ссылкѣ) особое торжественное настроеніе,—онъ какъ бы возрождалъ нашу бодрость, нашу вѣру и наши надежды.

Да, мы вѣрили и надѣялись. Прошла, однако, весна, приближалось къ концу лѣто, а мы все еще томились за рѣшеткой и ждали. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день въ тюрьму нашу явился первоприсутствующій Особаго Присутствія Правительствующаго Сената—сенаторъ *Петерсъ*, обошелъ всѣ камеры, каждому изъ насъ вручилъ обвинительный актъ по историческому „процессу 193-хъ", предлагая желающимъ избрать себѣ въ законный срокъ защитниковъ и заявляя каждому о его правѣ знакомиться со всѣмъ дѣлопроизводствомъ, которое въ опредѣленные часы будетъ доставляться въ крѣпость. Я отъ защитника отказался, заявивъ, что намѣренъ самъ себя защищать, и просилъ, чтобы мнѣ разрѣшено было пользоваться для этого письменными принадлежностями и вообще всѣмъ нужнымъ для подготовки къ защитѣ.

Заявленіе мое было уважено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ обвинительный актъ, согласно обѣщанію Жихарева, не преминулъ особенно подчеркнуть мое участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1869 г., какъ обстоятельство, какъ бы предрѣшавшее мою будущую политическую неблагонадежность, я испросилъ свидѣтельство отъ Особаго Присутствія П. С. на истребованіе изъ Медико-Хирургической Академіи справки о характерѣ этихъ безпорядковъ, а также свидѣтельство на истребованіе, черезъ посредство нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, справки отъ вѣнской полиціи о томъ, что въ Вѣнѣ въ Josephstadt'ѣ я проживалъ не въ Landsgasse, а Lammgasse,—и засѣлъ затѣмъ за составленіе защитительной рѣчи.

Мнѣ выданы были письменныя принадлежности и опредѣленное количество листовъ бумаги. Я усердно засѣлъ за работу. Планъ моей защиты былъ таковъ: открыто признать себя соціалистомъ и врагомъ существующаго неограниченно-самодержавнаго строя и въ то же время доказывать всю свою *юридическую* невиновность и отсутствіе всякихъ прямыхъ уликъ, кромѣ показаній завѣдомаго сыщика, какимъ оказался по обстоятельствамъ дѣла Симха, да нѣкоторыхъ жандармовъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ Симхой въ изловленіи Иванова. Защитительная рѣчь вышла довольно объемистая—около двадцати мелко-исписанныхъ листовъ бумаги. Мнѣ были доставлены въ крѣпость затребованныя мною справки, которыя также послужили для меня матеріаломъ. Довольно долго ходили мы въ особое помѣщеніе при крѣпостной тюрьмѣ, куда періодически доставлялось наше подлинное „дѣло", съ которымъ мы и знакомились подъ наблюденіемъ одного изъ сенатскихъ чиновниковъ. Хотя и предлагали намъ знакомиться лишь съ тѣми отдѣлами, которые касались лично каждаго изъ насъ въ отдѣльности, но мы настаивали на своемъ правѣ знакомиться со всѣмъ дѣломъ, разъ уже прокуратура объединила насъ въ одно сообщество. Надо

правду сказать, что насъ при этомъ интересовали не столько подробности подлиннаго дѣла, сколько возможность сходиться съ живыми людьми—товарищами (водили насъ группами), изъ которыхъ я, напр., кромѣ одесситовъ, зналъ очень немногихъ...

Въ концѣ сентября или въ самыхъ первыхъ числахъ октября 1877 года всѣхъ привлекавшихся къ процессу 193-хъ, содержащихся въ Петропавловкѣ (около 40 чел.), въ томъ числѣ и меня, перевели изъ крѣпости въ „Домъ предварительнаго заключенія". Здѣсь я въ первый же вечеръ былъ пріятно удивленъ, услышавъ въ своемъ „клубѣ" голосъ *Желябова*: онъ все время находился на порукахъ, и лишь передъ самымъ судомъ былъ арестованъ и доставленъ изъ Одессы лишь за нѣсколько дней передъ переселеніемъ моимъ изъ крѣпости въ „Предварилку", а теперь мы очутились въ одномъ „клубѣ".—Желябовъ познакомилъ меня (конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ) съ своей жизнію за послѣдніе два года. Оказалось, что послѣ женитьбы онъ рѣшилъ окончательно опроститься и не только быть „народникомъ", но и слиться съ народомъ и жить одной общей съ нимъ жизнію, такъ что въ последнее время безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Желябовъ съ любовнымъ восторгомъ разсказывалъ о своемъ полутарагодоваломъ „сынишкѣ", который-де уже „какъ казакъ гарцовалъ на конѣ". Говорили мы очень долго, говорилъ собственно почти одинъ Желябовъ, а я давалъ лишь реплики. Уже изъ этой „бесѣды", какъ и изъ дальнѣйшихъ до суда и во время суда, я замѣтилъ, что хотя Желябовъ держитъ еще крѣпко въ своихъ рукахъ знамя „народничества", но что оно уже не вполнѣ его удовлетворяетъ,—что онъ въ немъ уже въ сильной степени разочаровался и находится на перепутьи къ новому направленію своей дѣятельности: онъ уже тогда высказалъ мнѣ, что онъ собирается разстаться съ деревней, опять переселиться въ городъ и приступить къ непосредственной активной борьбѣ съ правительствомъ, не принявшей еще, однако, опредѣленныхъ очертаній въ его планѣ... Съ душевной болью я только тогда узналъ отъ Желябова о незадолго передъ этимъ разыгравшейся въ „Предварилкѣ" трагической исторіи съ *Боголюбовымъ*, который былъ наказанъ розгами по распоряженію жестокаго временщика Трепова,—а также о томъ, какъ реагировали на эту исторію политическіе заключенные „Предварилки", которые (и въ ихъ числѣ и безъ того изможденный Волховскій) были при этомъ жестоко избиты и лишь теперь кое-какъ оправились отъ нанесенныхъ имъ безчеловѣчныхъ побоевъ и истязаній [1],—и что послѣ этой варварской расправы прокуратура вмѣшалась и значительно смягчила режимъ „Дома".

---

[1]) Эта печальная трагедія подробно описана была въ „Быломъ".

Да, обстановка „Предварилки" за это время совершенно измѣнилась. Прежняго строжайшаго изнуряющаго одиночнаго режима и намека не осталось. Громадная масса политическихъ заключенныхъ (по одному процессу 193-хъ свыше полутораста человѣкъ) вынудила администрацію пойти на большія уступки.—Окна во всѣхъ камерахъ выставлялись въ теченіе цѣлаго дня; узники забирались на подоконники, и общія бесѣды лились безъ перерыва, и прибѣгать къ перестукиванію не было уже надобности. Надзиратели, правда, для очистки совѣсти являлись отъ времени до времени въ наши камеры и требовали ухода съ подоконниковъ и прекращенія бесѣдъ подъ угрозой всевозможныхъ репрессій, но угрозы однѣми угрозами оставались, а „самовольно" установленный заключенными новый режимъ сохранялся незыблемымъ. Послѣ того строгаго одиночнаго заключенія, съ которымъ я только-что разстался въ крѣпости, меня положительно, поразилъ „республиканскій" строй „Предварилки". Я чуть не свалился отъ хохота съ подоконника, когда на другое утро очутился передъ такой картиной: одинъ заключенный (если не измѣняетъ мнѣ память, *Никифоровъ*), перекинувъ къ сидѣвшему подъ нимъ—въ нижнемъ этажѣ—пріятелю длинную веревочку, торжественно переправлялъ послѣднему по этой веревочкѣ сапогъ для починки!..

Въ опредѣленный часъ неизмѣнно являлся на окошко бодрый, жизнерадостный и вѣчно улыбающійся *Коваликъ*, вызывалъ своего пріятеля *Лазарева* и, въ качествѣ обще-признаннаго разъ-на-всегда предсѣдателя, предлагалъ ему, какъ исполнительному при немъ органу, созвать народъ „на сходку", т. е. созвать всѣхъ на подоконники. Лазаревъ своимъ зычнымъ голосомъ оповѣщалъ предложеніе предсѣдателя,—публика „собиралась", и „засѣданіе" открывалось... На этихъ „засѣданіяхъ" обсуждались всѣ вопросы дня, всѣ новѣйшія политическія событія и, главнымъ образомъ, все относившееся къ приближавшемуся, наконецъ, суду надъ нами!..

Уже на второй день послѣ моего перевода въ „Предварилку" мнѣ сообщили, что группа подсудимыхъ по нашему дѣлу рѣшила бойкотировать судъ, отказаться отъ защиты и всякаго въ немъ участія, и спросили моего мнѣнія по этому поводу. Я заявилъ, что хотя это рѣшеніе является для меня полной неожиданностью, и я уже много времени потратилъ на свою защитительную рѣчь, которая уже почти готова, но идею о бойкотѣ я одобряю; думаю, однако, что для того, чтобы бойкотъ этотъ имѣлъ серьезное общественное значеніе, необходимо, чтобы въ немъ участвовала очень значительная часть подсудимыхъ и участіе свое—по возможности—мотивировали бы, и что лично я присоединюсь къ нему въ томъ лишь случаѣ, если за него выскажется не менѣе ста человѣкъ (включая и меня). Черезъ нѣсколько дней сообщено было, что „протестантовъ" набра-

лось свыше ста человѣкъ, и что каждый обязуется мотивировать свой отказъ отъ суда и всѣми мѣрами добиваться удаленія изъ залы суда, если бы даже пришлось прибѣгать для этого къ оскробленіямъ по адресу суда. Я присоединился къ группѣ протестантовъ и защиту свою, столь тщательно подготовленную, похерилъ. Изъ членовъ одесскаго кружка къ бойкоту присоединились всѣ, кромѣ Желябова, который подчинился нашему общему требованію: не отказываться отъ суда и защиты въ виду отсутствія какихъ-либо противъ него уликъ и наличности слишкомъ многихъ шансовъ на оправдательный для него приговоръ...

Настало 18-е октября 1877 года, и открылся судъ надъ 193-мя подсудимыми.

С. Чудновскій.

Саратовскій семидесятникъ.

(*Окончаніе* [1]).

При недостаткѣ свѣжихъ впечатлѣній отъ окружающаго, при изнуряющемъ душу однообразіи жизни своего маленькаго мірка, ссыльный съ жаднымъ нетерпѣніемъ ждетъ почты и набрасывается на газету и на журналъ, какъ изголодавшійся волкъ на добычу. Пока онъ держитъ въ рукахъ этотъ листъ съ привычнымъ заголовкомъ „своей" газеты, онъ чувствуетъ себя въ связи съ Россіей, съ человѣчествомъ, со всѣмъ ходомъ всемірной исторіи. Тамъ, „на волѣ", все живетъ, борется, стремится къ побѣдѣ. Что ни день—то здѣсь то тамъ прорывается наружу таившееся въ душахъ недовольство: сегодня въ Самарѣ, завтра въ Псковѣ, послѣзавтра въ Черниговѣ; гдѣ въ какомъ-нибудь „смѣломъ" (по тогдашнему времени) постановленіи земства, гдѣ въ горячей рѣчи либеральнаго дворянина на губернскомъ съѣздѣ (что же...— и Гэмпденъ былъ дворяниномъ! и Мирабо былъ дворяниномъ! да и самъ Сенъ-Жюстъ)... Тогда именно начали пріобрѣтать широкую извѣстность имена гласнаго Петрункевича, таврическаго земца Винберга и прочихъ представителей русскаго конституціонализма, ранѣе незамѣтно существовавшаго въ никому невѣдомыхъ губернскихъ кружкахъ чисто дворянскаго характера... Наряду съ этими, новыми для тогдашняго слуха, именами и съ новыми фактами легальнаго протеста противъ господствующаго произвола, газеты этого періода (79—80 годы), чуть не съ каждой почтой приносили извѣстія, еще болѣе волнующія ссыльнаго,—извѣстія о революціонныхъ фактахъ неслыханной раньше смѣлости и потрясающаго драматизма, который тогда воспринимался еще свѣжими, не обмозолившимися сердцами. Въ этихъ сообщеніяхъ иногда проскальзывали имена, хорошо знакомыя Поливанову, и легко понять, съ какой мучительной тревогой онъ спрашивалъ себя, отрываясь отъ газетнаго листа: „этотъ уже

---

[1]) См. Минувшіе Годы. Январь, Февраль и Мартъ.

погибъ... а не былъ ли съ ними Степа? или Евгеній?... кто былъ этотъ „Неизвѣстный", раненый въ голову?"... Какія дѣла! „Какой размахъ пріобрѣтаетъ движеніе!.. А мы тутъ"... Бѣжать ему, однако, не было смысла, т. к. всѣ данныя говорили за то, что его продержатъ недолго, и онъ ждалъ, но ждалъ нетерпѣливо, всей душой уносясь на волю, къ тѣмъ, которые съ такой героической энергіей идутъ на штурмъ мрачныхъ твердынь ветхой, но все еще грозной всероссійской Бастиліи...

А газеты, что дальше—то больше, доносили до засыпаннаго снѣгами Кадникова какія-то громовыя вѣсти: вотъ 2-го апрѣля, совершенно неожиданно для революціоннаго міра, грянулъ выстрѣлъ Соловьева... Соловьевъ?... Вѣдь онъ былъ въ Саратовѣ... Разъ-другой Поливановъ съ нимъ встрѣчался... „Гдѣ же у меня были глаза?.. какъ я не догадался, что этотъ человѣкъ рѣшилъ отдать свою жизнь... А я-то болталъ съ нимъ, какъ со всякимъ... А вотъ: съ нимъ оказался и Орестъ Веймаръ,—любимецъ Гофа... Что-то Старикъ теперь думаетъ?.."

Выступленіе Соловьева среди ссыльныхъ того времени еще вызывало сомнѣнія: не было ли это единичнымъ фактомъ? Быть можетъ, Соловьеву съ двумя-тремя друзьями стало невтерпежъ, но какъ отнесутся къ этому въ руководящихъ кружкахъ? въ организаціи „Земли и Воли"?.. Но вотъ, 19-го ноября того же года произошло событіе, показавшееся тогда прямо грандіознымъ: организаціей былъ пріобрѣтенъ домъ; оттуда велся подкопъ по всѣмъ правиламъ миннаго дѣла. Взрывъ поѣзда!.. Въ Москвѣ!..

Тутъ ужъ никакихъ сомнѣній оставаться не могло. Очевидно, на волѣ созрѣло новое теченіе, чисто боевое; создалась организація, мощная, обширная, таинственная... Для другихъ она еще долго оставалась таинственной, но Поливанову вскорѣ же стало извѣстно, что Степанъ Ширяевъ, уже давно съ англійскимъ паспортомъ вернувшійся изъ-за границы, принималъ въ московскомъ дѣлѣ самое близкое участіе... Гартмана онъ тоже зналъ по Саратову... „Наши!.. Вотъ какъ они теперь дѣйствуютъ!.. Это ужъ не разговоры въ „Утрѣ Венеціи" [1]) съ двумя-тремя мастеровыми, съ оглядкой: не подслушалъ бы сыщикъ"... Еще нѣсколько мѣсяцевъ,—и вновь ударъ, до того неожиданный для правительства, обставленный съ такимъ, превосходящимъ фантазію всякаго романиста, искусствомъ замысла, что все прежнее казалось рядомъ съ этимъ только шуткой: взрывъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ... въ моментъ пріема высокихъ посѣтителей... Какъ все обдумано!.. какія у нихъ тамъ связи!.. „Исполнительный

---

[1]) „Утро Венеція"—трактирчикъ, существовавшій близъ Ильинскаго моста; тамъ часто пропагандисты устраивали свиданія съ рабочими.

Комитетъ",—это грозное имя облетѣло всю Россію. Неуловимый, неумолимый въ своихъ страшныхъ приговорахъ, неотвратимо наносящій свои удары!

Тогдашняя народная масса, оглушенная этимъ, невѣдомо для нея откуда налетѣвшимъ кровавымъ ураганомъ, еще ничего не могла понять: что это? кто это? исчадія ада или титаны, дерзнувшіе вступить въ борьбу съ Олимпомъ?,—но она смутно чувствовала, что наросло въ исторіи что-то новое и что это новое—сила, безпощадно-враждебная Олимпу.

До ссылки доносился лишь отдаленный громъ событій. Изрѣдка, съ появленіемъ какого-нибудь новичка, загадочный по газетамъ фактъ нѣсколько освѣщался, но полныхъ свѣдѣній, вскрывающихъ всю подноготную историческихъ актовъ и всю психологію дѣйствующихъ лицъ, въ тундры сѣвера не проникало. Многое оставалось непонятнымъ. Чувствовалось каждымъ ссыльнымъ, что за всѣмъ, что ему извѣстно, есть что-то еще, за отдѣльными фактами борьбы есть самый духъ момента, который можно прочувствовать только находясь въ рядахъ борцовъ. Это было тяжело. Душа рвалась на волю... Но воля, казалось, была близка.

За взрывомъ Зимняго Дворца почти тотчасъ же послѣдовало нѣчто еще болѣе невѣроятное, чѣмъ все предыдущее: изъ-за висѣлицъ, за которыми укрылась власть, взвился бѣлый флагъ. Власть растерянная, безпомощная, испытавшая, какъ тогда думали, уже всѣ средства устрашенія, вдругъ, безъ всякихъ переходныхъ полутоновъ, заговорила вдругъ инымъ тономъ—и объявила... „диктатуру сердца". Генералъ-губернаторы, казни, неистовства цензуры, массовыя ссылки, и... „диктатура сердца"!

Либеральныя колокольни внезапно народившихся прогрессивныхъ газетъ („Молва", „Страна", „Порядокъ" и пр.) залились малиновымъ звономъ, привѣтствуя Свѣтлое Христово Воскресенье. Наступилъ, по мѣткому словечку начинавшаго писателя Протопопова, „медовый мѣсяцъ либерализма"... Сами будочники, влача людей въ кутузку, стали дѣлать это со всей доступной имъ граціей и галантностью. При арестѣ одного моего пріятеля, именно въ это время бѣжавшаго изъ ссылки и пытавшагося сопротивляться, старшій жандармъ не схватилъ его грубо за кудри, а мягко и деликатно посовѣтовалъ своему товарищу „попридержите ихъ за волосы"...

Въ московской газетѣ „Русскій Курьеръ" (подъ редакціей беллетриста-народника Нефедова), открылся новый отдѣлъ, немыслимый въ легальной газетѣ раньше: извѣстія изъ ссылки. Тамъ умиленные россіяне ежедневно могли читать, что оттуда-то освобождено два человѣка, оттуда-то три, и это на языкѣ тогдашней либеральной печати называлось: уничтоженіе административной ссылки. Сколько и куда за тѣ же дни

сослано, объ этомъ россіянамъ властями не сообщалось, дабы не напоминать имъ о мрачномъ „прошломъ“, въ виду развертываемыхъ передъ ними „сердечно диктаторствующимъ“ начальствомъ радостныхъ перспективъ будущаго.

Ссыльныхъ, „освобождая“, не отпускали на всѣ четыре стороны, а отправляли обыкновенно на родину, подъ гласный надзоръ полиціи, и въ Саратовѣ начали все чаще поговаривать: „а скоро и нашего Поливанова должно быть пришлютъ къ намъ; пора бы ужъ!“

... И дѣйствительно. Въ одинъ хмурый осенній день сидѣлъ я у себя на квартирѣ, по обыкновенію читая книгу, когда дверь распахнулась и за своей стѣной я услышалъ знакомый, радостно возбужденный голосъ: „Ваничка! живъ? цѣлъ?.. А вотъ и я!“

Поливановъ стоялъ передо мной, сильно возмужавшій за тѣ два года, которые мы не видались, съ обвѣтрившимся въ дорогѣ лицомъ, одѣтый въ какой-то необыкновенный картузъ, въ столь же необыкновенномъ, забрызганномъ дорожною грязью пальто, въ высокихъ сапогахъ, которыхъ никогда не носилъ прежде. Онъ имѣлъ видъ дорожный, нѣсколько загрубѣвшій въ пути, но глаза его сіяли и во всѣхъ его движеніяхъ, въ поспѣшной, сбивчивой рѣчи, въ бодрыхъ, но срывающихся тонахъ голоса еще чувствовалась та стремительность, съ которой онъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ несся навстрѣчу жданной свободѣ.

Вотъ она, наконецъ,—свобода! Вотъ Саратовъ!.. „Ну, что же? какъ теперь?.. много ли здѣсь нашихъ?.. вѣдь всѣ разъѣхались!.. кому теперь дѣйствовать?.. ведется ли дѣло?.. какъ вы работаете?.. Вѣдь ты, надѣюсь, уже не лавристъ?.. а кто же?.. народоволецъ! уже! давно ли?.. А я право и самъ не знаю: что я такое сейчасъ?.. голова кругомъ идетъ...“

Новый міръ. Новые люди. Новыя отношенія. Все оказалось ново для Поливанова.

Гдѣ старые пріятели?—одинъ въ Москвѣ, медикъ второго курса, другой — тамъ же, техникъ, третій все еще не возвращенъ изъ ссылки. Въ Саратовѣ нашъ милѣйшій Иванъ Петровичъ Ювенальевъ. Онъ уже вернулся съ сѣвера и даже допущенъ учителемъ женской гимназіи. Съ нимъ попрежнему всегда пріятно поговорить и о политикѣ и о его любимой математикѣ. Онъ и теперь готовъ оказать всякую услугу, но въ постоянной работѣ участія не принимаетъ: черезчуръ ужъ философъ. Притомъ, онъ надѣется послужить революціи именно своей математикой: занятъ изобрѣтеніемъ управляемаго воздушнаго снаряда; вѣритъ въ свою идею—комбинація винтового паруса и подвижного груза; — пресерьезно говоритъ о томъ, какъ Исполнительный Комитетъ долженъ будетъ воспользоваться его изобрѣтеніемъ... Кто его знаетъ: можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ... Вѣдь въ Кіевѣ, передъ

ссылкой, ему профессора каѳедру сулили... Зато близкое участіе теперь принимаетъ его братъ—Алексѣй Петровичъ...

— Какъ? Этотъ „славный малый",—пѣвецъ, добрякъ, мечтатель... онъ теперь активный революціонеръ?!

— А вотъ ты бы посмотрѣлъ, что изъ этого добряка сдѣлали всѣ эти казни да расправы... Онъ теперь прямо говоритъ: „съ такимъ звѣрьемъ иначе нельзя... Они, кажется, Россію въ Дагомейское королевство хотятъ превратить?!.. Если дождемся возстанія, то посмотри:—онъ впереди всѣхъ пойдетъ.

— А кто же у васъ еще?,—тутъ ужъ пришлось называть Поливанову, наряду съ кое-какими знакомыми, совершенно новыя для него имена и объяснять многое, что происходило въ Саратовѣ лѣтомъ и въ началѣ осени. Въ упоминавшемся раньше очеркѣ „о саратовскихъ кружкахъ" перечисленъ личный составъ образовавшагося въ этотъ періодъ „центральнаго кружка" (то именно, что теперь называется Комитетъ), и указано, въ чемъ состояла его дѣятельность. Поэтому здѣсь я не стану говорить обо всемъ этомъ вторично. Достаточно будетъ упомянуть, что въ кружокъ вошли лица, частью мало знакомыя, а частью вовсе незнакомыя раньше другъ съ другомъ, и что въ кружкѣ было два убѣжденныхъ народника фракціи „Чернаго Передѣла" и два члена съ опредѣлившимися народовольческими симпатіями, а остальные члены все-еще нѣсколько колебались между программами „Народной Воли" и „Чернаго Передѣла". До пріѣзда Поливанова въ кружкѣ было постановлено войти въ сношенія съ редакціями и съ центральными учрежденіями обѣихъ группъ и распространять въ своемъ краѣ литературу обоихъ направленій. Оба народовольца разсчитывали, однако, что ихъ товарищи не долго останутся въ нерѣшимости и, подчиняясь духу времени, примкнутъ всѣ цѣликомъ къ „Народной Волѣ".

Поливанову все это показалось до-нельзя страннымъ. Онъ зналъ и любилъ эти прежніе кружки школьныхъ товарищей и добрыхъ пріятелей, связанныхъ не формальнымъ договоромъ, а крѣпкимъ товарищескимъ чувствомъ и общимъ энтузіазмомъ. Какъ тамъ жилось въ этихъ прежнихъ кружкахъ! какъ вольно дышалось!.. А неужели теперь: „я, какъ членъ кружка, обязуюсь дѣлать то-то и то-то, а вы (вы, а не ты) обязаны выполнить то-то"... И въ спорѣ: вмѣсто: „дичь ты, братецъ, мелешь!"—„позвольте съ вами не согласиться"... Неужели при такихъ отношеніяхъ можно все-таки дружно итти рука объ руку... и куда?—на смертный бой; вѣдь не въ шутку, а на самомъ же дѣлѣ—на смертный бой... Вѣдь мы же не чиновники!

Возникновеніе кружка изъ совершенно разнородныхъ элементовъ, зрѣлый возрастъ нѣкоторыхъ членовъ, большая культурность и меньшая задушевность во взаимныхъ отно-

шеніяхъ,—это все, какъ внѣшность, прежде всего бросалось въ глаза человѣку, только что прибывшему и все еще полному старыхъ, полунигилистическихъ традицій чисто народническаго періода. Но за новою внѣшностью скрывалось нѣчто гораздо болѣе глубокое, и такой чуткій и интеллигентный человѣкъ, какъ Поливановъ, конечно, сразу же это почувствовалъ. Въ ссылкѣ ему казалось, что всѣ факты послѣдняго времени: отчаянныя вооруженныя сопротивленія, безпрерывныя покушенія, наконецъ, терроръ, какъ система,—все это только проявленія возмущеннаго чувства. И это онъ понималъ. Его собственное сердце сжималось мучительной болью, когда онъ читалъ о казни совершенно неизвѣстнаго ему лично юноши Розовскаго, повѣшеннаго въ Кіевѣ такъ-таки рѣшительно ни за что: въ примѣръ другимъ. А дѣло Ефремова и Яцевича въ Харьковѣ? Въ революціонномъ мірѣ всѣ хорошо знали, что тамъ руководителемъ былъ Колодкевичъ, что онъ писалъ объ этомъ прокуратурѣ, что Лорисъ-Меликовъ лучше всякаго другогозн алъ, что Ефремовъ и Яцевичъ тутъ почти не причемъ, и... смертный приговоръ одному, вѣчная каторга другому... семнадцатилѣтнему! И сколько ихъ еще такихъ фактовъ!.. Штыки и висѣлицы... кровь и кровь... О! какъ онъ понималъ тогда Вильгельма Телля, Шарлотту Кордэ... Но тутъ,—теперь ему это очевидно,—что-то другое... Вотъ этотъ самый „Ваничка", котораго онъ раньше зналъ вдоль и поперекъ, вотъ его новые товарищи: у нихъ явно звучатъ ноты изъ „Вильгельма Телля", но лейтъ-мотивъ не оттуда. Тутъ не простая перемѣна тактики, а рѣзкій разрывъ съ прошлымъ,—какая-то новая идея... Въ чѣмъ же она состоитъ?.. Скорѣе выкладывай передъ нимъ ея теоретическія основы. Докажи, что эта новая идея, дѣйствительно, все та же идея соціализма, а не ересь.

Долго пришлось бесѣдовать съ Поливановымъ на эти темы. Такой убѣжденный народникъ, какъ онъ, съ его начитанностью, съ его благоговѣйнымъ отношеніемъ къ идейнымъ святынямъ, ковчегомъ которыхъ являлись „Историческія Письма", отступалъ только шагъ за шагомъ, все время крѣпко прижимая къ груди свое знамя. Но въ чемъ не убѣждали слова, въ томъ убѣждали факты, и главный фактъ,—простое сравненіе того, что было два года тому назадъ, и того, что есть теперь. Какъ все это возникло? Чѣмъ все это вызвано?.. Ужъ не краснорѣчіемъ ли нашихъ словъ? не литературностью ли нашихъ прокламацій?.. Просто было бы дѣлать революціи, если бы стоило для этого не полѣниться—написать „горячую" прокламацію!

Настали для Поливанова дни душевной ломки и тяжелыхъ вопросовъ. Что же изъ стараго, съ которымъ успѣлъ сродниться, приходится отринуть? что изъ новаго, хочешь-

не-хочешь, а принимай, потому что такъ жизнь велитъ?.. И дѣйствительно ли жизнь велитъ именно это?

Политическая свобода!?.. Какое это было священное слово во времена Демулена! „Liberté liberté chérie"... И что же?—не только для Демулена, и для Кавеньяка она оказалась священнымъ словомъ... И во французской „республикѣ" наши идейные братья-коммунары очутились въ какой-то проклятой Кайэнѣ... А народъ? „Le Peuple-Souverain"?... въ какихъ мансардахъ онъ ютится? какимъ каторжнымъ трудомъ вырабатываетъ себѣ нѣсколько сантимовъ на хлѣбъ насущный?.. и съ какимъ презрѣніемъ смотритъ на этого „суверэна" любой epicier,. у котораго и состоянія-то всего двѣ-три африканскихъ акціи да билетъ какого-нибудь персидскаго займа!.. И стоитъ ли намъ, послѣ Герцена, Чернышевскаго, Прудона, Бакунина, класть головы за этотъ миражъ? создавать изъ своихъ тѣлъ ступеньки для возвышенія какого-нибудь россійскаго Тьера?... Одинъ добролюбовскій „Кавуръ" чего стоитъ для оцѣнки этакой „свободы"...

Это была старая точка зрѣнія. На нее теперь возражали:

— А ты скажи, пожалуйста: за что ты пошелъ въ ссылку? за соціализмъ?.. Вѣдь ничуть! Ты пошелъ за студенческія столовыя. А Митька? А Викторъ?.. да и всѣ?.. Что они: вели вооруженныя массы на іюльскія баррикады? объявляли въ Москвѣ коммуну?.. Они только мечтали о соціализмѣ. Мечтали когда-нибудь, при неизвѣстно какъ наступившихъ обстоятельствахъ, повести народъ въ бой съ буржуазіей... А ты говоришь: „коммунары въ Кайэнѣ"!... Такъ они вѣдь сражались! у нихъ были пушки... они владѣли столицей, да какой?—Парижемъ!... А Мышкинъ? а Рогачевъ?,—одинъ печаталъ книжечки, а другой читалъ ихъ съ крестьянами... и обоимъ каторга, т. е. та же Кайэна... Подумай-ка въ самомъ дѣлѣ: что ты можешь сдѣлать въ Россіи собственно для соціализма? Газету издавать можешь?.. Публичную лекцію прочитать можешь?.. Какую-нибудь ассоціацію здѣсь, въ Саратовѣ, открыто, легально,—попробуй-ка!—основать можешь? Ну-ка, молъ, братцы,—столяры, сапожники!—довольно вамъ своимъ потомъ хозяевъ кормить! объединяйтесь! учитесь обходиться безъ капиталистовъ!.. Петръ-то Иванычъ Гусевъ что на это скажетъ?.. Да и съ какой это тумбы ты къ „народу" въ Саратовѣ обратишься?!.. Трибуны-то вѣдь у насъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо не буржуазія, а начальство за этимъ бдитъ... Тьеръ коммунаровъ законопатилъ, а вся Францiя теперь кричитъ: „вернуть коммунаровъ!".. и вѣдь вернутъ!.. А ты пойди-ка, крикни: вернуть намъ Мышкина!.. Долго ли покричишь?.. А затѣмъ: „мансарды"?.. Полетарій-то со своей мансарды куда идетъ?—

на митингъ... какого-нибудь Валлеса слушать. А тотъ, братъ, не по нашему „пропагандируетъ“: не шепоткомъ, не съ оглядкой... во все горло такъ и оретъ: „граждане! васъ околпачиваютъ! граждане, не будьте дураками! граждане, глядите за правительствомъ въ оба, а пуще всего—держите кулаки на готовѣ!“... Вотъ это я называю—пропаганда!... И если Францiя не возстаетъ, то это потому, что въ ней большинство народа еще не понимаетъ соцiализма. Тутъ ужъ не „обманчивость политической свободы“, а реальность невѣжества и глубина человѣческаго эгоизма виноваты... А у насъ? ну, представь себѣ: всѣ россiяне сплошь только о коммунахъ и мечтаютъ,—а начальство „не хотитъ“... Ну, и что же? Какъ тогда будетъ съ коммуной-то?... Запретятъ употреблять это слово въ печати,—и только... Пока у насъ политической свободы нѣтъ, до тѣхъ поръ „пропаганда соцiализма въ народныхъ массахъ“—иллюзiя... самообманъ! Мы до сихъ поръ „промежъ себя революцiю пущали“. Петинька Ваничкѣ, а Ваничка Санечкѣ, вотъ и вся наша пропаганда... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ здѣсь, въ Саратовѣ, мы бьемся, какъ рыба объ ледъ, а подсчитай-ка: много ли у насъ рабочихъ?—вѣдь, стыдъ одинъ! А развѣ можно сказать, чтобы они не были отзывчивы?... Тутъ причины совсѣмъ не тѣ, что во Францiи: тамъ многiе не хотятъ слушать, а тутъ—никому не даютъ говорить. Такъ добьемся же прежде всего, чтобы намъ можно было говорить... полной грудью, какъ Валлесъ... это съ нашими-то слушателями!.. подумай-ка: что будетъ?

— Ну такъ! Предположимъ, что у насъ, въ Россiи, гдѣ „всѣ народы на всѣхъ языкахъ молчатъ, бо... благоденствуютъ“, нужно прежде всего развязать языки... Но, вѣдь, вы, выдвигая требованiе политической свободы на первый планъ, добиваясь этой свободы въ капиталистическомъ государствѣ, тѣмъ самымъ признаете это государство? Политическая свобода въ современномъ,—какъ его ни мой, а все-таки принудительномъ, насильственномъ союзѣ,—тѣсно связана со всѣмъ строемъ этой ужасной машины: нуженъ парламентъ, парламентское министерство, а значитъ—нуженъ и конституцiонный становой и конституцiонный частный приставъ?... Гдѣ же наше „будущее общество“?... Вѣдь мы развѣ о частномъ приставѣ мечтали,—хотя бы и конституцiонномъ?!

— „Будущее общество“, оно, братъ,—въ будущемъ. Но, чтобы это свѣтлое будущее когда-нибудь наступило, надо же сколько-нибудь думать и о настоящемъ. Иначе вѣдь: „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“, и отъ русскаго народа останется одно воспоминанiе. Передохнетъ мужикъ отъ голода, все мыслящее перевѣшаютъ, страна впадетъ въ прострацiю... Тогда жди своего Седана, а то и хуже: про-

сто—придетъ нѣмецъ и слопаетъ всю эту выродившуюся, трусливую, до мозга костей проѣденную духомъ рабства массу... Ты развѣ потому революціонеръ, что ты соціалистъ? И въ Англіи есть соціалисты. Вѣдь вотъ,—Степанъ Ширяевъ писалъ намъ изъ Лондона: умные! книжки пишутъ, своихъ „галаховцевъ“ въ Истъ-Ендѣ просвѣщаютъ, стачки поддерживаютъ... ну, а Викторію что-то не трогаютъ... да и думаютъ-то о ней очень мало; она тамъ у нихъ гдѣ-то въ Виндзорѣ, а они—въ Истъ-Ендѣ; она чулки вяжетъ или посланниковъ принимаетъ, а они книжки пишутъ да съ рабочими бесѣдуютъ... и милое дѣло!... А ты чувствуешь, что ты задыхаешься. Сознаніе позора тебя душитъ. Позора быть русскимъ, то-есть быть рабомъ, быть вещью, которую всякій Угрюмъ-Бурчеевъ можетъ зашвырнуть куда ему угодно, растоптать, оплевать, сдѣлать съ ней все, что ему взбредетъ въ отуманенную властью голову... А имъ взбредаетъ! Ты видишь какія у нихъ фантазіи являются: истребить, искоренить, вырвать у цѣлой страны языкъ, выколоть у цѣлой страны глаза.... Вся страна подъ прессомъ. У насъ кости трещатъ... А ты объ идеалахъ говоришь!... Воздуху намъ! Прежде всего: прекратить эти татарскія оргіи, дать намъ духъ перевести... А ты: идеалы! Вотъ какъ стряхнетъ съ себя русскій народъ это неслыханное иго, тогда онъ распрямится, взглянетъ на верхъ, увидитъ и небо и звѣзды... Тогда мы съ нимъ объ идеалахъ поговоримъ... А теперь исторія требуетъ отъ насъ не словъ, а дѣла; не пропаганды, а борьбы. Иди!—прошибай лбомъ стѣну. Пропадешь,—не бѣда!—а стѣна должна быть разрушена!

Въ этой сжатой и блѣдной схемѣ, конечно, не затронуто и сотой доли всего того, что соприкасалось съ центральнымъ вопросомъ момента: слѣдуетъ ли и допустимо ли для соціалистовъ предъявить правительству категорическое требованіе политической свободы и биться за нее, ставя на карту самое существованіе своей партіи, съ бѣшенымъ ожесточеніемъ людей, передъ которыми сама жизнь поставила ребромъ альтернативу: побѣда или смерть. По классическимъ образцамъ запада эту задачу должна была бы выполнить „либеральная буржуазія“, но, оглядываясь вокругъ, мы видѣли у себя буржуазію, которая вовсе не была либеральна, и либераловъ, которые не были буржуазны, но и тѣ и другіе, очевидно, были равно неспособны къ открытому бою съ правительствомъ. Тогдашняя саратовская буржуазія: Недошивины, Парусиновы, Аносовы и т. п., какъ и воронежская, какъ и тамбовская, какъ и любая,—состояла изъ персонажей Островскаго, а тогдашніе либералы: Федоровскіе, Пятницкіе, Борщовы и т. д., это все были просвѣщенные дворяне, преимущественно земцы, и бойкіе на языкъ адвокаты, либерализмъ которыхъ, у огромнаго большинства, сводился къ нѣ-

которой нравственной чистоплотности и самому элементарному патріотизму. Не хочетъ человѣкъ, чтобы мужика пороли,—либералъ. Не хочетъ, чтобы чиновники грабили,—либералъ. Хочетъ и даже намекаетъ правительству, что не прочь былъ бы имѣть свой голосъ въ дѣлахъ страны, т. к. это же, наконецъ, его страна, не чужая,—о! это ужъ самый крайній либералъ! онъ не молчитъ, не шепчется съ друзьями, онъ—намекаетъ! Тогда и языкъ выработался „смѣлый",—т. е. прозрачно намекающій: „увѣнчаніе зданія", „завершеніе великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ", и, наконецъ, уже почти съ точкой надъ і,—„правовой порядокъ"... Отъ такихъ „либераловъ" можно было ожидать только платоническаго сочувствія и кое-какой косвенной поддержки, а въ физической борьбѣ приходилось надѣяться только на самихъ себя да на счастливую звѣзду русскаго народа: подъ татарами гибли—не сгинули; подъ батюшками—московскими царями со своими „Домостроями" да „Кормчей", съ дыбами да съ батогами, совсѣмъ было прокисли,—а глядишь: спохватились все-таки! Очухались!... Теперь подъ всякими „превосходительствами" да „высокопревосходительствами", подъ „фонами" и „баронами",—ужели погибнемъ?! А если со своими „фонами" русскому народу не погибать, то значитъ—добиться и ему свободы.

Альтернатива: свобода или смерть—въ этотъ моментъ не была красивой фразой.

Теперь, дѣйствительно, чуткій слухъ отовсюду уловлялъ эти призывные звуки, и сердца трепетали жуткимъ восторгомъ разгорающейся боевой удали. Молодыхъ энтузіастовъ охватывало берсеркерское чувство: броситься впередъ, врѣзаться въ самую гущу враговъ, и если умереть, то умереть смертью Винкельрида. Изъ полузабытой школьной латыни выплыла въ памяти заѣзженная, опошленная фраза, внезапно получившая новый смыслъ и новую красоту: dulce et decorum est pro patria mori... Объ эшафотѣ стали мечтать, какъ христіанскій мученикъ мечтаетъ о крестѣ.

Это настроеніе до такой степени соотвѣтствовало природѣ Поливанова, что его идейныя сомнѣнія не могли затянуться, и онъ вышелъ изъ кризиса, какъ иногда бываетъ послѣ тяжелой физической болѣзни, обновленнымъ, проникнутымъ какими-то новыми силами и новой энергіей. Дѣло! скорѣй давайте ему дѣло!

Въ центральномъ кружкѣ Поливанова давно уже ждали, и онъ былъ принятъ туда еще заочно, какъ только пошли слухи о его возвращеніи. Изъ своихъ ближайшихъ пріятелей по прежнимъ кружкамъ онъ встрѣтилъ тамъ только двоихъ; человѣкъ трехъ-четырехъ, возрастомъ постарше, онъ знавалъ раньше, но не былъ съ ними такъ близокъ; съ остальными ему пришлось только теперь познакомиться.

И люди эти, и обстановка, въ которой происходили ихъ собранія, ничѣмъ не напоминали шумныхъ сборищъ въ ямообразномъ подвальчикѣ на Армянской.

Кружокъ собирался у Елизаветы Христіановны Томиловой.

Елизавета Христіановна была дама лѣтъ тридцати, вдова генералъ-майора. Квартира у нея была приличная; обстановка, соотвѣтствующая квартирѣ. Горничная Томиловой, нѣмка, ни слова не понимала по-русски. Такъ какъ съ противоположнаго тротуара, глядя вверхъ, можно было отчасти видѣть, что происходило внутри, то во время собраній по серединѣ комнаты развертывался ломберный столъ, и по нему раскидывались карты. Четверо собесѣдниковъ садились обыкновенно около этого столика, а остальные на диванѣ или на стульяхъ около столика съ самоваромъ; для любопытствующаго шпіонскаго ока компанія имѣла видъ вполнѣ мирный и обывательскій. Шума при бесѣдѣ никогда не бывало. „Сходка заговорщиковъ“ по обстановкѣ и по внѣшнему характеру разговора ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго вечера въ семейномъ домѣ.

Однако генеральское званіе и буржуазная обстановка дома не мѣшали нашей гостепріимной хозяйкѣ быть не дилетанткой въ революціи, а дѣйствительно революціонеркой, да еще, по тогдашнимъ понятіямъ, „старой революціонеркой“. Въ ранней молодости она была близко знакома съ Нечаевымъ и съ тѣхъ поръ не прерывала связи съ революціоннымъ міромъ. Теперь она служила дѣлу не только тѣмъ, что предоставила свою квартиру для кружковыхъ собраній: главнымъ образомъ на ея денежныя средства велась въ это время вся кружковая работа, а сама она аккуратно исполняла обязанности секретаря, т. е. не записывала, конечно, преній и постановленій, а вела переписку съ Петербургомъ, кропотливо шифруя и дешифруя всѣ эти *„б м ж с у щ к н“* съ ихъ неизбѣжными головоломными пропусками и ошибками.

Другимъ, новымъ для Поливанова лицомъ былъ Михаилъ Петровичъ Троицкій,—тоже старый революціонеръ. Ему было уже 36 лѣтъ, а первыя связи съ радикалами у него возникли еще во времена каракозовскихъ кружковъ. Затѣмъ, слушателемъ Петровской Академіи, онъ участвовалъ въ нечаевскихъ предпріятіяхъ. Послѣ того жилъ близъ австрійской границы, занимаясь транспортировкой эмиграціонной литературы. Послѣдніе годы онъ отдыхалъ: занялъ хорошее мѣсто на желѣзнодорожной службѣ и прожилъ года четыре, стоя внѣ организацій. Якобинская закваска была въ немъ довольно сильна, и чисто народническое движеніе не могло его увлечь и поглотить, какъ насъ, тогдашнихъ юношей. Но съ возникновеніемъ Народной Воли этотъ рѣши-

тельный и энергичный по характеру человѣкъ бросилъ безъ колебаній свое обезпеченное положеніе и почувствовалъ стремленіе вновь отдаться революціонному дѣлу. Теперь характеръ этого дѣла представлялся ему не расплывчатымъ и сентиментальнымъ,—какимъ было въ его глазахъ народническое движеніе,—а способнымъ уже въ близкомъ будущемъ дать реальный, осязательный результатъ. И Троицкій, еще не зная лично никого изъ народовольцевъ, ознакомившись съ ихъ взглядами только по ихъ дѣйствіямъ и по партійной литературѣ, сталъ народовольцемъ и склонялъ кружокъ вступить въ тѣсную связь съ Исполнительнымъ Комитетомъ. По его иниціативѣ и возникъ въ Саратовѣ „центральный кружокъ", самое названіе котораго раньше было бы невозможно, т. к. оно напоминало бы анархически настроенной прежней публикѣ о ненавистномъ для нея нечаевскомъ „централизмѣ".

Въ лицѣ Троицкаго и Томиловой объединились на общемъ дѣлѣ съ молодожью представители революціонныхъ поколѣній шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Въ лицѣ третьяго, совершенно новаго въ Саратовѣ человѣка, штабсъ-капитана Дудинскаго, кружокъ вступилъ въ связь съ чуждой для него раньше средой военной интеллигенціи, которая съ этого момента начала играть видную роль въ революціонномъ движеніи. Дудинскій, до перевода въ Саратовъ, служилъ въ Кронштадтѣ и тамъ принадлежалъ къ многочисленному офицерскому кружку, находившемуся подъ вліяніемъ петербургскихъ народовольцевъ. Въ Саратовъ Дудинскій явился съ солидными рекомендаціями изъ Петербурга и составилъ для кружка очень цѣнное пріобрѣтеніе: видный офицеръ баттареи и библіотекарь офицерской библіотеки, въ мѣстной военной средѣ онъ былъ замѣтенъ, и мы разсчитывали, что онъ сумѣетъ оказать вліяніе на офицерскій составъ 40-й бригады.

Помимо этихъ лицъ въ кружкѣ состояли: два студента, одинъ помѣщикъ и нѣсколько представителей того общественнаго слоя, который теперь принято называть „третьимъ элементомъ". При такомъ составѣ кружку не трудно было пріобрѣсти широкія связи въ мѣстной интеллигенціи и частью даже въ мѣстной бюрократіи. Чего въ немъ не хватало, это людей, пригодныхъ для дѣятельности среди рабочихъ. Такихъ людей въ кружкѣ было всего двое: я и Ювенальевъ; но для меня эта работа съ каждымъ днемъ становилась все болѣе трудной; шпіонамъ моя фигура до такой степени примелькалась, полиціи и жандармеріи я былъ до того извѣстенъ и переизвѣстенъ, что, какъ ни переодѣвайся, какъ ни колеси по улицамъ, чтобы сбить ищеекъ со слѣда, но ясно было, что все это, можетъ быть, и выручитъ еще разъ-другой, но въ концѣ концовъ не спасетъ: влетишь и самъ и ра-

бочихъ съ собой всадишь. Поливановъ, конечно, узнавъ объ этомъ, прежде всего предложилъ себя для рабочаго дѣла. Оно было ему знакомо, онъ его любилъ, и теперь съ жаромъ принявшись за него опять, онъ уже не прерывалъ своихъ сношеній съ рабочими вплоть до своей гибели, т. е. почти цѣлые два года. При новыхъ обстоятельствахъ это дѣло, сохраняя все свое прежнее идейное значеніе, пріобрѣтало еще особый, чисто практическій интересъ: Исполнительный Комитетъ велъ дѣло къ возстанію въ самомъ близкомъ будущемъ; всѣ мы надѣялись, что еще годъ-два,—самое большое,—и настанетъ часъ открытаго боя; если рабочіе въ этотъ моментъ не будутъ съ нами, то кто же съ нами будетъ? Вѣдь съ одними гимназистами городомъ не овладѣешь... Значитъ необходимо съ усиленной энергіей подготовлять кадры будущихъ революціонныхъ дружинъ, для которыхъ дѣло можетъ представиться не нынче—завтра.

Практическіе интересы дня, совершенно заслонившіе все болѣе отвлеченное стремленіе сводить всѣ, даже принципіальные, вопросы на чисто практическую почву составляло характернѣйшую черту момента, особенно усилившуюся послѣ окончательнаго присоединенія кружка къ партіи Народной Воли.

Случилось это важное для насъ событіе такъ.

Въ одинъ прекрасный день прибылъ въ Саратовъ и остановился въ приличной гостиницѣ весьма приличный господинъ среднихъ лѣтъ и по всѣмъ признакамъ средняго круга. Пальто солидное, шляпа котелкомъ, очки золотые. Паспортъ въ порядкѣ. Шпіоны, имѣвшіе достаточно хлопотъ съ выслѣживаніемъ того, кто изъ мѣстныхъ поднадзорныхъ у кого бываетъ на крестинахъ и на именинахъ, или—о чемъ шушукаются гимназистки?.. — этого господина не удостоили своимъ вниманіемъ, онъ былъ для нихъ совершенно неинтересенъ, и приличный господинъ такимъ обстоятельствомъ ничуть не огорчился. Не спѣша вышелъ онъ разъ изъ своей гостиницы, свернулъ съ большой улицы на боковую; оттуда еще разъ на боковую, на углахъ онъ внимательно читалъ названія улицъ и при этомъ, съ понятнымъ для туриста любопытствомъ, всматривался и въ самыя улицы: шпіоновъ нигдѣ не было. Тогда онъ вошелъ въ квартиру одного мѣстнаго революціонера и отрекомендовался:

— N. N... Пріѣхалъ изъ Петербурга. Имѣю къ вамъ записочку отъ общей знакомой.

— Отъ кого же?

— Отъ Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Это имя говорило достаточно ясно о профессіи приличнаго господина и позволяло безъ труда догадаться о цѣли его пріѣзда.

Такъ оно и оказалось. Посланный на Волгу, агентъ Ис-

полнительнаго Комитета N. N. [1]) уже посѣтилъ Казань и Самару и теперь явился въ Саратовъ, чтобы прозондировать настроеніе мѣстныхъ радикаловъ и, если можно, ввести здѣсь народовольческую организацію. Узнавъ, что мѣстная организація въ Саратовѣ уже существуетъ и что она сама постановила войти въ сношенія съ И. К., пріѣзжій попросилъ разрѣшенія явиться на собраніе центральнаго кружка, чтобы побесѣдовать поподробнѣе о ближайшихъ задачахъ Народной Воли и выяснить основы соглашенія.

Провинціалы, отрѣзанные до этой поры отъ непосредственнаго общенія съ центромъ, встрѣтили такого гостя съ живѣйшимъ интересомъ. Потребовалось не одно, а цѣлый рядъ собраній. Вопросамъ не было конца. Теорій при этомъ касались мало, т. к. объ этомъ всѣ успѣли передумать достаточно еще лѣтомъ, когда велись споры о программахъ. Теперь прежде всего интересовало: на что собственно разсчитываетъ И. К.—исключительно на терроръ или на всенародное возстаніе? Если на терроръ, то на какой: только на центральный? или также на фабричный и на аграрный? Слѣдуетъ ли практиковать ихъ въ провинціи? Если, по мнѣнію И. К., терроръ является лишь однимъ изъ средствъ борьбы и его главное значеніе состоитъ въ томъ, чтобы колебать власть и волновать массу, и этимъ подготовлять ее къ возстанію, то какова должна быть при возстаніи роль самаго И. К. и провинціальныхъ народовольческихъ центровъ: должны ли они непремѣнно въ своихъ рукахъ сосредоточить всю власть и, какъ острилъ когда-то Герценъ надъ Ледрю-Ролленомъ, „въ двадцать четыре часа строжайше предписать свободу всему міру“, или ихъ роль чисто боевая и подготовительная, и въ первый же моментъ побѣды имъ предстоитъ организовать центральное и мѣстное временныя правительства на демократическихъ началахъ изъ лицъ, пользующихся авторитетомъ въ мѣстномъ населеніи, хотя бы эти лица и не были соціалистами?..

Въ этомъ родѣ были всѣ вопросы, и какъ отвѣчалъ на нихъ N. N., объ этомъ говорить не стоитъ, т. к. теперь народовольческіе взгляды достаточно извѣстны. Тогда же было не такъ, и для членовъ кружка категорическое утвержденіе непосредственно изъ устъ агента И. К., что ближайшая цѣль партіи—возстаніе, что партія видитъ свою задачу въ томъ, чтобы сбить съ народа цѣпи, и отнюдь не считаетъ себя въ правѣ что бы то ни было народу навязывать,—такое утвержденіе, клавшее конецъ всякимъ неясностямъ, имѣло огромное значеніе, т. к., кромѣ Троицкаго и Томиловой, всѣ осталь-

[1]) Народовольческая дѣятельность N. N. осталась для правительства неизвѣстной, и онъ отдѣлался впослѣдствіи административной ссылкой. Въ настоящее время N. N. лицо вполнѣ легальное.

ные саратовцы воспитались въ народническихъ понятіяхъ, и чисто-якобинское толкованіе ближайшихъ задачъ партіи могло бы ихъ оттолкнуть.

Убѣдившись окончательно въ томъ, что Народная Воля, дѣйствительно, лишь новая, могучая вѣтвь на томъ же деревѣ русскаго соціализма, листочкомъ котораго сознавалъ себя каждый, всѣ, колебавшіеся до той поры, товарищи безъ всякаго разногласія рѣшили формально присоединиться къ молодой партіи, и отнынѣ „саратовскій центральный кружокъ“ превращался въ „саратовскій центральный кружокъ партіи Народной Воли“. Такъ онъ долженъ былъ впредь именоваться при всѣхъ своихъ офиціальныхъ выступленіяхъ.

Эта перемѣна глубоко отразилась на психологіи членовъ кружка и на характерѣ ихъ послѣдующей дѣятельности.

Прежде всего: сознаніе своей обособленности, своей провинціальности и ничтожнаго значенія всей нашей дѣятельности sub specie aeternitatis смѣнилось живымъ чувствомъ принадлежности къ какому-то широкому и мощному цѣлому, отчетливымъ сознаніемъ своего непосредственнаго участія въ великомъ дѣлѣ, которое представлялось намъ однимъ изъ благороднѣйшихъ и обширнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ актовъ всемірной исторіи. Освободить Россію!—развѣ это не то же, что открыть новую часть свѣта? Вотъ уже сколько столѣтій сотни племенъ и великихъ народовъ подвергаются въ этомъ колоссальномъ тиглѣ высокому давленію, они смѣшиваются своей кровью, обмѣниваются своими идеями, сплачиваются несчастьемъ и одною у всѣхъ мечтой о свободѣ; соціализмъ даетъ имъ всѣмъ одинаковое пониманіе этой свободы;—какія же свойства долженъ получить этотъ удивительный сплавъ?.. А онъ уже готовъ... Разбить же скорѣе тигель, освободить храмъ изъ-подъ лѣсовъ, сорвать съ готовой статуи полотно. Пусть она явится передъ міромъ несокрушимая и прекрасная, какъ послѣднее произведеніе, созданное геніемъ человѣчества, достигшимъ именно теперь всей полноты его творческихъ силъ...

Это было восторженное чувство, которое побуждало напрягать всѣ свои способности, забывать все остальное, и ставить на карту свое „я“, какъ мѣдный грошъ, до того оно казалось ничтожно сравнительно съ тѣмъ великимъ, чѣмъ полна душа.

Затѣмъ: пропаганда, агитація, распространеніе литературы,—это все такъ; но вѣдь надо же считаться съ вѣроятностью возстанія въ любой моментъ; надо къ нему готовиться и заранѣе опредѣлить: что же мы-то собственно должны предпринять у себя въ Саратовѣ, чтобы поддержать общее дѣло и оправдать въ собственныхъ глазахъ это, гордое и полное для насъ такого высокаго смысла, новое званіе „народоволецъ“? Мы читали, какъ происходили возстанія въ

Парижѣ, въ Баденѣ, въ Сициліи,—но какъ устроить возстаніе въ Саратовѣ? Тутъ ужъ прецедентовъ нѣтъ... Не къ пугачевскимъ же временамъ возвращаться?

На эти вопросы N. N. отвѣчалъ намъ подробно въ томъ духѣ, въ какомъ они трактовались въ неизвѣстной тогдашней публикѣ и лишь позже появившейся брошюрѣ „Подготовительная работа партіи". Многое въ его рѣчахъ звучало при этомъ чѣмъ-то совершенно новымъ.

„Куда вы удалились, златые сны весны моей"? Гдѣ музыка этихъ магическихъ формулъ, неясныхъ, но тѣмъ болѣе волнующихъ: „всеобщая конкуренція должна смѣниться всеобщей солидарностью", „Que faut-il un rerpublicain?—cest le bien—être du. genre humain" и т. п.?... Практика... узкая практика! Неутомимая подземная работа, — мины и контръ-мины при свѣтѣ потайныхъ фонарей. Терпѣливое и настойчивое сплетеніе сѣти, которая опутаетъ врага, какъ сѣть ретіарія, и свергнетъ его, безсильнаго, къ нашимъ ногамъ.

— Вамъ недостаточно знать число и расположеніе войскъ,—поучалъ насъ N. N.,—этотъ корректный господинъ въ золотыхъ очкахъ, столь неинтересный для шпіоновъ,—вы должны имѣть ясное представленіе о всѣхъ командирахъ, объ ихъ характерѣ, объ ихъ привычкахъ. Кто изъ нихъ пьетъ и когда напивается: утромъ или вечеромъ? Кто въ своей ротѣ дерется? Какой въ ротѣ фельдфебель? Не можетъ ли онъ въ критическій моментъ замѣнить офицера и повести солдатъ противъ насъ? Вы должны знать всѣ привычки губернатора, жандармскаго полковника и т. д.; знать расположеніе комнатъ въ ихъ квартирахъ, нравы ихъ прислуги, капризы ихъ женъ. Когда вы поведете отряды, чтобы ихъ арестовать, вы должны итти навѣрняка, прямо въ спальню, не плутая по обоимъ этажамъ губернаторскаго дома, какъ въ лабиринтѣ. Всѣ мѣстныя силы должны быть у васъ на учетѣ: какія здѣсь общества? союзы? клубы? городскія партіи? земскіе кружки? Проникайте всюду. Оказывайте свое вліяніе вездѣ. Если среди поповъ есть неудовольствіе противъ своего архіерея, то идите и къ попамъ. Старообрядцы сѣтуютъ на стѣсненія,—идите къ старообрядцамъ. Побуждайте ихъ къ протесту... Всякій протестъ намъ на руку, всякое броженіе создаетъ почву для агитаціи, и наша обязанность—раздувать всякую искорку въ пламя, держать въ своихъ рукахъ камертонъ, чтобы весь этотъ разноголосый хоръ недовольныхъ россіянъ запѣлъ въ концѣ концовъ по нашимъ нотамъ...

Неаполь... Эпоха „возлюбленныхъ королей"... Громкіе молебны патеровъ и зловѣщій шепотъ карбонаровъ... Море нѣжится въ лучахъ солнца. Везувій дымится такъ лѣниво... А въ его глубинахъ уже наростаетъ лава, и въ беззаботной, изнѣженной странѣ уже точатся кинжалы, льются пули,

втайнѣ подбираются ряды для внезапнаго взрыва.. У насъ не море, а тихая Волга, не Везувій, а просто—Соколова гора, но вотъ и намъ силою вещей изъ „нигилистовъ“ приходится превращаться въ карбонаровъ, и этого, видно, не минуешь!..

Грустно о прошломъ—мечтательномъ и такомъ невинномъ. Но вѣдь это были только вздохи влюбленнаго, а не борьба. Борьба—вотъ она: суровая, жестокая, коварная, но... неизбѣжная. Значитъ: не вздыхай, а дѣлай, что надо!

Чтобы „проникать всюду“, молодымъ революціонерамъ прежде всего приходилось распроститься со своимъ прежнимъ „мундиромъ“, и всѣ эти красныя рубахи, высокіе сапоги, шиллеровскіе волосы съ этого момента были преданы посмѣянію и смѣнились крахмаленными сорочками и приличной внѣшностью, своего рода „покровительственной окраской“, которая не выдѣляла, а стушевывала заговорщика въ толпѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялся и кругъ сношеній. Раньше на всякаго не-соціалиста и не-рабочаго смотрѣли, какъ на язычника, которымъ добрый христіанинъ долженъ гнушаться. Теперь этими язычниками заинтересовались въ надеждѣ и ихъ такъ или иначе втянуть въ движеніе. Въ центральномъ кружкѣ работа распредѣлилась такъ: членъ кружка И—повъ служилъ въ земской управѣ, а невѣстой его была учительница; на него, естественно, возлагалась обязанность поддерживать связи среди земскихъ служащихъ и въ учительскомъ мірѣ; членъ кружка Л—вовъ состоялъ на частной службѣ: онъ долженъ былъ вступить въ общество приказчиковъ и прозондировать эту среду; и т. д.

Въ цѣляхъ выясненія самаго важнаго для насъ вопроса: возможно ли въ Саратовѣ возстаніе въ самомъ близкомъ будущемъ?—необходимо было развѣдать настроеніе городскихъ низовъ, а эти низы, собственно-то говоря, оставались для насъ до сихъ поръ terra incognita. „Распропагандированныхъ“ рабочихъ было все еще очень мало, и они, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ тѣснаго общенія съ пропагандистами, нерѣдко становились почти также чужды своей средѣ, какъ сами пропагандисты своей природной, т. е. помѣщичьей или буржуазной... Какъ же намъ проникнуть въ массу? Какимъ способомъ произвести эту своеобразную анкету: готовъ ли народъ къ возстанію?

Поводъ для такой развѣдки явился въ концѣ 80-го года. Желая показать обществу, что оно неравнодушно къ народнымъ нуждамъ, что оно готово снизойти со своихъ высотъ и преклонить слухъ къ мольбамъ страждущихъ, правительство назначило сенаторскія ревизіи. Это, конечно, вызвало взрывъ либеральныхъ упованій и даже ликованій. Тогдашніе либералы были чрезвычайно похожи на теперешнихъ: они

всегда уповали; когда ихъ манили пальцемъ,—уповали, что имъ дадутъ поцѣловать ручку и при этомъ милостиво выслушаютъ; когда имъ давали пинокъ ногой,—уповали, что это такъ себѣ, прискорбное недоразумѣніе, а вотъ сейчасъ ихъ вернутъ и протянутъ для поцѣлуя обѣ ручки, и вотъ тутъ-то... Эти политическіе Панглоссы въ сенаторскихъ ревизіяхъ тотчасъ же усмотрѣли „знаменательный симптомъ" и ожидали отъ нихъ серьезныхъ послѣдствій для обновленія страны. Революціонеры, тѣ, конечно, видѣли въ ревизіяхъ лишь одинъ изъ ходовъ въ шулерской игрѣ Лорисъ-Меликова; имъ было ясно, что начальство ликованія допуститъ, а упованія обманетъ, и это съ нашей точки зрѣнія представлялось даже не безполезнымъ для революціонизированія населенія: пусть только обманъ выяснится скорѣе!

Прибытіе въ Саратовъ сенатора Шамшина сопровождалось нѣкоторой помпой. Въ обществѣ на первыхъ порахъ жадно интересовались дѣйствіями его высокопревосходительства и высокопревосходительскихъ чиновниковъ, неутомимо перетряхивавшихъ залежавшійся хламъ мѣстныхъ канцелярій, дабы „узнать на мѣстѣ народныя нужды и выслушать голосъ страны". Слухи о прибытіи „сенатора отъ самого царя" проникли даже въ народныя массы и тамъ вызвали какія-то смутныя ожиданія, тѣмъ болѣе, что въ краѣ эту зиму былъ полный неурожай, городская голытьба бѣдствовала и глухо волновалась. А эта голытьба уже въ февралѣ 80-го года, совершенно неожиданно для насъ всѣхъ, вдругъ всколыхнулась и три дня бушевала по городскимъ улицамъ, осмѣлѣвъ при этомъ до нападенія на Митрофаньевскую часть и стычекъ съ войсками [1]).

Этими фактами въ центральномъ кружкѣ рѣшено было воспользоваться для попытки подбить весь бѣдствующій людъ двинуться въ опредѣленный день на Театральную площадь, къ гостиницѣ Вакурова, гдѣ остановился Шамшинъ, чтобы передать ему петицію о правительственной помощи безработнымъ и голодающимъ.

Началась усиленная агитація, которой Поливановъ отдался съ увлеченіемъ. Привлекли къ дѣлу молодежь, всѣхъ своихъ рабочихъ, сами переодѣвались и рыскали по кабакамъ и харчевнямъ, соприкасаясь на этотъ разъ съ такой средой и попадая подчасъ въ такіе вертепы, что припоминались романы Евгенія Сю, Cour des miracles и т. п. Что за

---

[1]) Уличные безпорядки 80-го года вспыхнули въ Саратовѣ въ дни 25-тилѣтняго юбилея императора Александра II-го. Первымъ поводомъ для нихъ послужило то, что въ балаганъ, выстроенный на Театральной площади, стали пускать не всѣхъ, а только чисто одѣтыхъ. Безпорядки носили чисто стихійный характеръ, но портной Карповъ (о которомъ я упоминалъ раньше) и еще коекто изъ рабочихъ proprio motu при случаѣ возглашали: „земля и воля!" и т. п. и администрація, какъ кажется, думала, что волненіе вызвано революціонерами.

фигуры! что за разговоры! что за жизнь въ босяцкомъ мірѣ! Какъ все это красиво и великолѣпно у Горькаго! Но Горькій, когда онъ впослѣдствіи живописалъ этотъ міръ, смотрѣлъ на него съ полу-ницшеанской, полу-анархической точки зрѣнія; онъ видѣлъ въ немъ противоположность буржуазной пошлости и нравственной трусости сытыхъ и респектабельныхъ съ виду сюртучниковъ. Мы же подходили къ саратовскимъ босякамъ съ опредѣленной цѣлью и со своей мѣркой: живетъ ли въ этихъ людяхъ духъ активнаго протеста? болитъ ли ихъ сердце за весь голодный и зябнущій людъ? могутъ ли они проникнуться общею мыслью и твердо пойти подъ однимъ знаменемъ?... Признаюсь: и мнѣ, и Поливанову (мы иногда ходили съ нимъ по этимъ трущобамъ вмѣстѣ) весь этотъ людъ внушилъ совсѣмъ не восторгъ: бездна нищеты, предѣлъ отчаянія и безнадежности, и главное—полное отсутствіе какихъ бы то ни было стремленій, кромѣ стремленія въ данный моментъ самому (только себѣ самому) быть сытымъ и согрѣться... Эти завсегдатаи Пѣшаго Базара показались намъ абсолютно непригодными для роли саратовскихъ санкюлотовъ. „Отъ нихъ можно ждать разгрома кабаковъ, но не взятія Бастиліи",—резюмировалъ наше общее впечатлѣніе Поливановъ.

Lumpenproletariat—это, однако, не вся городская бѣднота; это только ея осколки, пыль, труха... Но что же настоящіе рабочіе? Ихъ вѣдь тоже въ городѣ не мало... Подальше отъ Пѣшаго Базара, въ рабочихъ трактирчикахъ, въ окрестностяхъ вокзала, заводовъ и масленокъ, наши дѣла шли нѣсколько лучше, но все-таки надежды на непосредственный успѣхъ было мало.

Нами въ толпу бросалась мысль:

— Дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ. Поглядите-ка вотъ: купцы! дворяне!..—чуть что, сейчасъ съ жалобой либо съ просьбой: у насъ-де барышей мало! у насъ, молъ, бѣдненькихъ, пособія отъ правительства мало!..—и, глядишь, даютъ имъ. Для купцовъ—пошлина на заграничный товаръ, для дворянъ—всякія права да льготы. А мы-то что же? На насъ все держится, отъ насъ всѣ сыты, а когда у насъ самихъ животы подведетъ, о насъ кто думаетъ?.. Коли сенаторъ отъ царя посланъ нашу нужду узнать, такъ пусть онъ отъ насъ ее и знаетъ; съ нашихъ словъ пусть про то царю и доложитъ... А то: кто же о насъ похлопочетъ?.. Недошивинъ [1]) что ли о твоей бѣдѣ заплачетъ?.. Ему-то что?.. Онъ самъ сытъ, ему и ладно!

На это изъ-за разныхъ столиковъ отзывались:

— Ужъ оно что и говорить! Купцу-аспиду отъ голодныхъ годовъ польза: цѣна дорогая! Помѣщику того лучше:

---

[1]) Тогдашній городской голова.

мужикъ дешевый. Бери его хоть задаромъ!.. О сѣромъ народѣ кому думать?!.. А только все-таки: прытокъ ты ужъ очень! Кровь-то въ тебѣ молодая, вотъ ты и норовишь: хоть силомъ да свое взять... А ты думаешь: всѣ такіе?.. Ну, скажемъ, я пойду, ты пойдешь... а чтобы всѣ какъ есть... не выйдетъ это дѣло! Народъ не тотъ... Испугаются!.. Полиція никакъ не допуститъ... Чтобы сѣрый народъ къ сенатору, такъ, всѣмъ гуртомъ, въ родѣ бунта... и ни-ни!.. Оно бы хорошо было!.. Да только не пустятъ насъ... намнутъ бока; солдатъ выгонятъ, а то и пушками стрѣлять будутъ... А чтобы къ сенатору,—это начальству не по шерсти. Осерчаетъ!

Никакой вѣры въ свои силы въ этой массѣ не было. Самое сознаніе того, что вѣдь она—страшная сила, было ей совершенно чуждо... Начальство, правда, ругали изрядно... Для насъ и то казалось хорошо. „Народъ еще не сознаетъ своей силы, но онъ недоволенъ... въ немъ что-то глухо бурлитъ и накипаетъ... Значитъ: когда-нибудь накипитъ". Итакъ: не удается на этотъ разъ, — быть можетъ удастся вскорѣ.

Хотя никакихъ практическихъ результатовъ агитація не достигла, но все-таки, если смотрѣть на нее, какъ на анкету, впечатлѣніе у насъ получилось не обезкураживающее. Энергія въ пропагандѣ, энергія въ организаціи, а главное—энергія тамъ, въ центрѣ, откуда гремятъ громы и блещутъ молніи революціи... А въ силу этого центра мы вѣрили, какъ въ бога, и знали, что тамъ не спятъ и готовятъ новый ударъ.

Начало 81-го года было моментомъ наивысшаго подъема энергіи и самаго напряженнаго ожиданія событій. Провинціалы, конечно, не были посвящены въ тайны Исполнительнаго Комитета и не знали, кто тамъ и какъ собственно подготовляетъ ударъ, но имъ было дано знать, чтобы они были на чеку, что возстаніе въ центрѣ можетъ вспыхнуть со дня на день, и тогда провинція непремѣнно должна такъ или иначе себя проявить. Ложась спать, мы съ нетерпѣніемъ спрашивали себя: а не завтра ли настанетъ великій день? Жажда скорѣе принять участіе въ чисто-физической борьбѣ положительно сжигала Поливанова, и дѣятельность пропагандиста и агитатора не доставляла ему удовлетворенія.

Кружки въ городѣ росли. Они возникали и подъ нашимъ вліяніемъ и сами собой. Были группы молодыхъ людей, совмѣстно изучавшихъ рабочій вопросъ, литературу соціализма и т. п. Изъ ихъ среды уже намѣтилось нѣсколько лицъ, которыя вскорѣ были привлечены къ участію въ рабочемъ дѣлѣ. Заводились связи съ солдатами, съ уѣздными міркамй, съ деревней. Литература теперь аккуратно получалась отъ И. К. изъ Петербурга, но ея становилось недостаточно для удовлетворенія все возраставшаго спроса. Притомъ народовольческія изданія были разсчитаны на город-

ское населеніе, для деревенскаго люда приходилось довольствоваться рѣдкими экземплярами прежнихъ брошюръ, изданія чайковцевъ, а ихъ содержаніе не соотвѣтствовало новымъ идеямъ и новому настроенію. Рѣшено было поставить свою типографію (разумѣется, тайную), и попытаться самимъ составлять книжечки по новому плану: отправляться отъ волнующихъ населеніе мѣстныхъ темъ, выяснять факты, недоступные оглашенію въ тогдашней легальной печати, восходить именно отъ этихъ частныхъ фактовъ къ общимъ началамъ русской жизни и такимъ образомъ на конкретныхъ примѣрахъ показывать совершенно неразвитымъ политически читателямъ связь ихъ горькихъ деревенскихъ бѣдъ съ великимъ горемъ всей Россіи, дѣлать осязательной для мужика полнѣйшую солидарность съ его ненавистнымъ урядникомъ и вдвойнѣ ненавистнымъ помѣщикомъ иныхъ персонъ... Поливановъ, конечно, съ увлеченіемъ отдался этому дѣлу; въ его головѣ роились планы нашихъ будущихъ изданій. Составить подробный очеркъ борьбы крестьянскаго міра въ Сухомъ Карбулакѣ [1]) съ княземъ Щербатовымъ: вѣдь это цѣлая эпопея!.. Да въ какомъ селѣ, въ какой деревнѣ не происходитъ того же?.. Гдѣ у насъ Аркадія?.. Стоитъ поговорить съ любымъ мужикомъ изъ любой деревни,—и вотъ тебѣ и тема, способная возбудить во всякомъ честномъ сердцѣ щемящую боль за наше безсиліе хоть чѣмъ-нибудь помочь, когда на нашихъ глазахъ происходитъ открытый грабежъ, какой-то систематическій изводъ, изморъ русскаго мужика!“

Чтобы ускорить дѣло, Поливановъ не лѣнился принимать на себя самую черную работу, и много вечеровъ, въ январѣ 81-го года, прошло у него въ томъ, что сидѣлъ онъ въ укромной комнаткѣ, въ квартирѣ одного семейнаго радикала, предоставившаго для этой цѣли свое помѣщеніе, и въ полной тишинѣ, съ двумя-тремя пріятелями, разбиралъ хаотическія груды пріобрѣтеннаго шрифта, раскладывая узенькіе, неразличимо сходные свинцовые столбики на отдѣльныя кучки для будущей типографской кассы. Работа одуряющая по своему однообразію, усыпительная и до-нельзя скучная. Туда... сюда; направо... налѣво; безшумно движутся надъ столомъ шесть-восемь рукъ; все вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы не смѣшать „ш“ и „щ“, не положить направо, когда нужно класть налѣво. Вѣки слипаются; голова тяжелѣетъ; а свинцовая горка еле убываетъ, и часы тянутся, какъ годы... Кончится урочный разборъ на этотъ вечеръ, и Поливановъ, расправляя онѣмѣвшую спину и посматривая на черные отъ свинца пальцы, тотчасъ же начинаетъ шутить и спрашиваетъ нашу терпѣливую сотрудницу, жену одного изъ членовъ кружка, П. А. Цвѣткову [2]):

---

[1]) Или Старый Карбулакъ, не помню навѣрно.

[2]) Умерла въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

— А что, Пелагея Афанасьевна, не правда ли: пріятно вы провели сегодняшній вечерокъ въ нашемъ миломъ и интересномъ обществѣ?.. Чувствуете большое оживленіе?

Однако, даже и надежда расширить вскорѣ сферу дѣятельности кружка и поставить передъ нимъ новую, серьезную задачу не исчерпывала энергіи Поливанова и не заглушала въ немъ стремленія къ непосредственному участію въ физической борьбѣ. Исполнительный Комитетъ зналъ, что въ Саратовѣ есть молодые люди, готовые по первому призыву отдать себя цѣликомъ въ распоряженіе Комитета, но такихъ же молодыхъ людей было тогда немало и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, поближе къ Петербургу. Для примѣненія мѣстнаго террора въ тогдашнемъ Саратовѣ не было никакой почвы. О жандармскомъ полковникѣ я уже говорилъ: онъ хоть и слѣдилъ за нами и по временамъ кое-кого арестовывалъ, но все-таки на „свирѣпаго опричника" совсѣмъ не походилъ и никакого личнаго озлобленія противъ него у насъ не было. Губернаторомъ былъ тогда нѣкто Тимирязевъ, заступившій мѣсто пошедшаго въ гору Галкина-Врасскаго, великолѣпнаго помпадура съ бакенбардами не хуже горемыкинскихъ. Этотъ Тимирязевъ былъ весьма корректный господинъ, вовсе не боевого и не помпадурскаго типа; скорѣе— „просвѣщенный бюрократъ" западно-европейской складки.

— Чертъ возьми! Вѣдь не пристава же Артаболевскаго намъ „пронзить кинжаломъ", какъ „врага народа"!—въ шутливой формѣ изливалъ Поливановъ свое огорченіе, соглашаясь съ тѣмъ, что на мѣстѣ намъ предстоитъ оставаться „террористами" чисто платоническими.

Но если въ Саратовѣ для боевыхъ свойствъ его натуры не представлялось никакого примѣненія, а въ центрѣ комплектъ исполнителей былъ уже намѣченъ и въ новыхъ добровольцахъ пока не нуждались, то, казалось, именно теперь могло бы передъ боевой молодежью открыться поприще, плодотворное для революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени заманчивое для участниковъ по разнообразію пріемовъ, по крупному риску и по рыцарскому характеру всего дѣла: это—дѣятельность освободительная. Къ ней Поливанова тянуло уже давно, а съ каждымъ днемъ потребность въ усиленіи этой формы революціонной борьбы выступала все очевиднѣй. Сколько крупныхъ силъ было уже вырвано изъ революціонныхъ рядовъ за послѣдніе годы! Какъ они были бы нужны теперь на волѣ!.. „А если бы удалось вырвать приговореннаго къ смерти наканунѣ казни?.. Какой эффектъ это произвело бы на правительство и на общество!.. Да и помимо того: правительство силой хватаетъ изъ среды молодежи самыхъ лучшихъ и отправляетъ ихъ на смерть,— почему бы и молодежи не организоваться и не начать партизанской борьбы... „не даемъ больше вѣшать! не даемъ

ссылать!"—такъ прямо и заявимъ правительству... А гдѣ нельзя будетъ отбить силой, тамъ станемъ устраивать побѣги... изъ тюремъ, изъ ссылки... систематически... Они ссылаютъ, а мы возвращаемъ... Для какого Танкреда или Орланда нашлась бы задача болѣе благородная?"

Мечта о такой организаціи бродила среди тогдашней молодежи не въ одномъ Саратовѣ, а у насъ охотниковъ принять участіе въ подобномъ дѣлѣ насчитывалось человѣкъ шесть. Рѣшено было, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ въ Петербургъ и въ Москву, перетолкуетъ тамъ съ членами И. К., и, когда организація возникнетъ, Поливановъ покинетъ Саратовъ и посвятитъ себя всецѣло освободительному дѣлу. По всему можно было думать, что ждать придется недолго. Отъ уѣхавшаго товарища Поливановъ получалъ ободряющія вѣсти: И. К. берется за дѣло; въ людяхъ недостатка не будетъ; денежныя средства найдутся; его, Поливанова, вскорѣ вызовутъ въ Москву для переговоровъ... При такихъ вѣстяхъ можно было ждать не томясь и бодро продолжать свое обычное дѣло, въ увѣренности, что тамъ, въ центрѣ, все идетъ, налаживается, подготовляется, и что въ нужный моментъ ты будешь на надлежащемъ мѣстѣ.

Не только это частное предпріятіе, но и все въ революціи шло своимъ ходомъ и, казалось, шло къ лучшему. Волна росла... Роковой моментъ приближался. Самымъ терпѣливымъ ждать дольше становилось не въ мочь.

...И вотъ громъ грянулъ... Ахнула толпа. Но въ дыму и трескѣ долго трудно было хорошенько разобраться... Что тамъ за фигуры?.. толпа?.. полиція?.. бьютъ кого-то?.. убѣгаютъ?.. собираются выкинуть бѣлый флагъ или устанавливаютъ новое орудіе?

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ туманъ колыхался надъ Россіей, то сгущаясь, то разсѣиваясь, то опять сгущаясь, и всякій, кто чего-нибудь страстно ждалъ или до безумія боялся, могъ, всматриваясь въ эту муть, видѣть то, чѣмъ была полна его мысль. Одни тогда страстно ждали революціи, другіе смертельно боялись ея же, и тѣмъ и другимъ въ неясныхъ тѣняхъ, выступавшихъ гдѣ-то, и въ глухомъ гулѣ, доносившемся откуда-то, мерещилась тѣнь Желябова и рокотъ прибоя...

Народъ волновался. Масса выступала въ городахъ на улицу,—правда, противъ евреевъ,—но тогда казалось, что это только первая, наивная и неумѣло направленная форма народнаго протеста противъ эксплуататоровъ вообще: „сегодня бьютъ „жида", завтра начнутъ бить „пана", но во власть уже не вѣрятъ; начинаютъ дѣйствовать „своимъ средствіемъ"... Въ обществѣ все время ходили тревожные слухи о новыхъ заговорахъ, о громадныхъ приготовленіяхъ революціонной партіи, о близости бунта... Наконецъ, и самое новое прави-

тельство, объявивъ въ апрѣлѣ о незыблемости самодержавія, въ то же время, устами Игнатьева, провозгласило какую-то „народную политику“. Что за „народная политика“? Какъ ее понимать?

Благодаря всему этому, въ настроеніи Поливанова до начала 82-го года рѣзкаго перелома не наступало, тѣмъ болѣе, что въ провинціи, хотя и знали, что арестовъ масса, но о всемъ ихъ значеніи для партіи не имѣли никакого представленія. Однихъ берутъ—другіе примыкаютъ,—тамъ думали такъ, и продолжали ждать и надѣяться.

...Тутъ я долженъ на время прервать разсказъ для личнаго объясненія. Почти все то, о чемъ здѣсь говорилось, происходило на моихъ глазахъ: я видѣлъ Поливанова и на рабочихъ сходкахъ, въ лѣсочкахъ за городомъ, и въ собраніяхъ народовольцевъ, въ прилично обставленной гостиной, и въ кружкахъ молодежи, въ пылу бурныхъ дебатовъ. Мнѣ случалось ютиться съ нимъ вмѣстѣ по холостымъ квартирамъ въ беззаботной обстановкѣ тогдашней радикальской богемы, и вмѣстѣ, въ сюртучкахъ и при галстучкахъ, посѣщать нашихъ либеральныхъ знакомыхъ „изъ общества“. Обо всемъ этомъ я могъ писать свободно, съ увѣренностью, что его дѣйствительныя чувства и глубочайшія настроенія мнѣ вполнѣ понятны. Но 81-й годъ я провелъ уже внѣ Саратова, поддерживая, однако, вплоть до своего ареста оживленную переписку съ Троицкимъ и съ Поливановымъ. Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и именно въ тотъ моментъ, когда революціонная волна, еще незамѣтно на глазъ, начала понижаться, ужъ не знаю, кѣмъ замышленная, шпіонская интрига внезапно опутала меня своей липкой сѣтью: за отсутствіемъ уликъ у администраціи нашлось противъ меня письмо ко мнѣ и яко бы отъ какого-то миѳическаго товарища; письмо глупое и въ высшей степени неправдоподобное; прокуроръ *** (сосѣдъ по имѣнію и знакомый одной моей столичной тетушки), заканчивая дознаніе, сказалъ ей въ утѣшеніе: „успокойтесь, сударыня: исторія съ письмомъ разъяснилась“, но... тѣ, коимъ надлежало искоренять крамолу, вѣроятно, не безъ улыбки разсматривали это произведеніе шпіонскаго генія и только головой покачивали, но все-таки порѣшили: se non e vero e ben trovato, и... закатали меня, куда слѣдуетъ... Начало 82-го года застало меня съ искоренительной точки зрѣнія уже „готовымъ“, а съ открытіемъ навигаціи пошелъ и я по слѣдамъ тысячъ, ранѣе меня проторившихъ этотъ путь. Пять мѣсяцевъ мы все шли и шли на востокъ, а за этимъ періодомъ послѣдовалъ другой, многолѣтній и почти фантастическій. Другая страна, чужое племя, чужой языкъ, какая-то другая планета съ иною смѣною временъ года, дня и ночи... Все ли прежнее былъ сонъ? все ли окружающее—кошмаръ?..—не разберешь. На эту дру-

гую планету вѣсти изъ Россіи доходили рѣдко и отрывочно. Только лѣтъ черезъ восемь, не раньше, встрѣтилъ я среди новыхъ ссыльныхъ саратовцевъ, знававшихъ Поливанова въ 82 году и видѣвшихъ его еще наканунѣ рокового для него дня, когда „тьмы половецкія“ одолѣли и этого „храбраго руссича“,—послѣдняго, уцѣлѣвшаго до той поры изъ тѣсной семьи его ближайшихъ товарищей по первымъ кружкамъ...

О томъ, что я знаю съ чужихъ словъ, я разскажу лишь очень кратко. Но раньше вернусь еще разъ къ Поливанову, какимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ январѣ 81-го года. Зная, что коса занесена надъ каждымъ изъ насъ и не нынче—завтра она опустится и подсѣчетъ тебя у самаго корня, мы съ нимъ надумали обмѣняться карточками. Тѣ портреты, которые извѣстны среди теперешней публики, составляютъ снимки именно съ тогдашней карточки. Нѣкоторые изъ распространенныхъ снимковъ изъ рукъ вонъ плохи, иные даже искажаютъ лицо до неузнаваемости, но подлинная карточка, сохранившаяся и теперь, удивительно похожа. Поливанову было тогда 23 года. Онъ былъ строенъ, недуренъ собой, лицо его дышало жизнью и энергіей. Въ чертахъ этого лица, въ быстрыхъ движеніяхъ, въ голосѣ, нѣсколько напоминавшемъ по тембру женское контральто, во всемъ у него ярко проступала порывистая и пламенная душа, чистая, какъ хрусталь, отважная и беззавѣтная.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ (поѣздъ отходилъ часовъ въ 12 ночи), пріѣхалъ ко мнѣ со своимъ студенческимъ чемоданчикомъ Лавровъ, съ которымъ мы отправлялись вмѣстѣ, и зашелъ Поливановъ. Безъ всякихъ мистическихъ предчувствій достаточно было поводовъ думать, что вѣдь, пожалуй, больше и не увидимся. Разговоръ сначала не клеился. Лавровъ, какъ „Гражданинъ Грантерръ“, былъ не дуракъ выпить, а я, не подражая его примѣру, все-таки въ обществѣ трезвости не состоялъ, и на этотъ разъ я рѣшилъ ознаменовать отъѣздъ маленькимъ пуншемъ en trois. Затушили лампу, при слабомъ свѣтѣ синяго огонька почувствовали себя какъ-то тѣснѣй, и мало по малу разговорились такъ, какъ говорятъ только въ очень молодой и очень дружной компаніи. О революціи, конечно; о нашихъ замыслахъ; о будущемъ величіи свободной Россіи... Лавровъ[1]), любившій не только выпить, но и пофилософствовать, и притомъ обладавшій недурнымъ голосомъ, прихлебывая горячій пуншъ, резонировалъ:

— Ну что же! Пока проклятая Парка не отыщетъ въ своемъ клубкѣ и моей нити, я предпочитаю объ этой госпожѣ вовсе не думать... А вотъ заявитъ Исполнительный

---

[1]) Послѣ разгрома народовольческой организаціи Лавровъ сильно затосковалъ, запилъ, и въ концѣ 84-го или въ началѣ 85-го года отравился.

Комитетъ: „Николай Евгеньевичъ Лавровъ! пожалуйте! вашъ выходъ!"...—ну, ужъ тогда не отвертишься: полѣзъ на историческую сцену, напялилъ на себя тогу—такъ ужъ тутъ, братъ, назадъ ходу нѣтъ... валяй свою роль до конца: выходи, становись въ позу: „patres conscripti!" и... тарахъ!—„патрэсамъ" по ихъ заслугамъ... чтобы имъ „впредь не повадно было"... А тамъ: всего нѣсколько дней довольно пакостнаго ожиданія... нѣсколько мгновеній еще болѣе пакостныхъ... и... шабашъ!.. Нирвана!.. А все-таки:

Пусть намъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и въ шахтахъ сырыхъ,—
Но дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.

Для слушателя съ холоднымъ сердцемъ это только слова и слова. Но для насъ это были тогда вовсе не слова, а прямое указаніе на наше неизбѣжное будущее, музыкальное напоминаніе о святомъ долгѣ. Всѣ пѣсни, которыя тогда пѣлись, имѣли торжественный и мрачный характеръ:

Среди поля погостъ,
На томъ полѣ помостъ,
Гладко тесаный,
Кровью крашеный... и т. п.

Даже въ старую и совсѣмъ не революціонную застольную пѣсню, очень любимую въ нашемъ кружкѣ, мы вкладывали мысленно свое содержаніе, и пѣли ее со смѣшаннымъ чувствомъ грусти за себя и гордости своимъ жребіемъ:

Быстры, какъ волны, дни нашей жизни,
Что часъ, то уходятъ, не знаешь—зачѣмъ?
Налей же, товарищъ, заздравную чару!
Кто знаетъ: что будетъ съ нами впереди?

...Съ политическими интересами и стремленіями у насъ въ ту пору тѣснѣйшимъ образомъ переплетались интересы и стремленія литературныя. Почти каждый изъ насъ мечталъ впослѣдствіи попытать и себя: одинъ—въ критикѣ, другой—въ поэзіи, третій—въ публицистикѣ и т. д. По моему глубочайшему убѣжденію, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, изъ Поливанова непремѣнно долженъ былъ бы выработаться незаурядный памфлетистъ. Беллетристика едва ли составляла его призваніе. Но при страстности своего темперамента, при отзывчивости его сердца на всякую неправду, при живости эстетическаго чувства и при колоссальной памяти и начитанности, онъ едва ли прошелъ бы въ литературѣ незамѣченнымъ, какъ общественный дѣятель и борецъ, сражаю-

щійся не только мечемъ, но при случаѣ и перомъ... Въ литературныхъ вкусахъ мы съ нимъ не вполнѣ сходились и часто спорили, но въ нѣкоторыхъ основныхъ взглядахъ были оба одного мнѣнія. И на этотъ разъ, при нашей послѣдней встрѣчѣ, когда бесѣда незамѣтно свелась къ литературѣ и ея задачамъ, Поливановъ съ увлеченіемъ развивалъ такую тему, по которой у насъ не было разногласій:

— При господствѣ деспотизма люди вели замкнутую, семейную жизнь. Романъ былъ созданъ этой эпохой. Теперь на историческую сцену выходятъ массы, и отдѣльная личность сливается умомъ и сердцемъ со всѣмъ человѣчествомъ. Личности тѣсно въ узкомъ кругу: „она" и „онъ" съ ихъ любовными терзаніями становятся смѣшны. „Она" и „онъ" надоѣли! Новая эпоха должна создать новую литературу: широкую по захвату, въ которой „она" будетъ природа, а „онъ"—человѣкъ, который съ нею борется; „она"—свобода, а „онъ"—народъ, который къ ней стремится, и т. д. Это будетъ литература по существу эпическая, но какова будетъ ея форма?...

Объ этомъ мы горячо говорили на прощанье, перелетая мыслью черезъ рядъ десятилѣтій, въ увѣренности, что творческая эпоха, расцвѣтъ науки, искусства, поэзіи наступитъ для человѣчества тотчасъ же вслѣдъ за революціей въ Россіи, а революція въ Россіи наступитъ завтра...

Въ хмурую январьскую ночь со снѣжкомъ и морозцемъ расцѣловались мы съ нимъ въ послѣдній разъ на дебаркадерѣ саратовскаго вокзала, и поѣздъ умчалъ меня изъ Саратова... навсегда. Поливановъ стоялъ на платформѣ, махалъ своей шапочкой и кричалъ что-то, должно быть веселое и ободряющее... Съ тѣхъ поръ: Саратовъ... Поливановъ... молодость... революція,—слились для меня въ какое-то неразрывное цѣлое. Какъ будто бы Поливановъ былъ душой тогдашняго Саратова, и эта душа вся горѣла юношескимъ энтузіазмомъ къ революціи . . . . .

Дальше? — Дальше уклонъ. Сначала медленно, потомъ быстрѣй, быстрѣй, съ головокружительной быстротой — къ развязкѣ... къ гибели.

Падали одинъ за другимъ испытанные бойцы, вожди своего поколѣнія, тѣ люди, имена которыхъ, совершенно неизвѣстныя народу, были дороги молодежи поливановскаго типа. Громили организацію въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи. Весной 82 года дошла очередь до Саратова. Въ предыдущемъ году изъ членовъ саратовскаго центральнаго кружка въ разныхъ городахъ и по различнымъ поводамъ было взято четверо, но всѣ эти аресты не имѣли для организаціи дальнѣйшихъ послѣдствій. Однако, существованіе въ Саратовѣ сѣти кружковъ и ихъ тѣсная связь съ Народной Волей стала извѣстна для мѣстныхъ властей еще

въ мартѣ 81-го года. Троицкій извѣщалъ меня тогда о содержаніи обширнаго доноса, съ которымъ онъ успѣлъ ознакомиться, благодаря своимъ связямъ въ чиновничьей средѣ. Въ качествѣ членовъ мѣстнаго центра въ доносѣ было указано человѣкъ пятнадцать и въ числѣ этихъ лицъ, наряду съ революціонерами, какъ это всегда бываетъ въ доносахъ, фигурировали имена нѣкоторыхъ невиннѣйшихъ либераловъ: адвоката Борщова, кажется, Лятошинскаго [1]) и т. п. Администрація, повидимому, понимала, что въ сообщенныхъ ей свѣдѣніяхъ много фантазіи, и не предприняла тотчасъ же арестовъ, но установила за всѣми оговоренными усиленный тайный надзоръ. Хотя радикалы, благодаря предупрежденію своихъ друзей изъ служебнаго міра, узнали объ этомъ своевременно, но все-таки сознаніе того, что за ними внимательно слѣдятъ, не могло не стѣснять ихъ дѣятельности. Такъ какъ самые активные изъ мѣстныхъ революціонеровъ съ этого времени были у властей на примѣтѣ, то приходилось особенно дорожить пріѣзжими, которыхъ присылалъ въ Саратовъ, въ подкрѣпленіе мѣстныхъ силъ, Исполнительный Комитетъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и прежній народникъ, примкнувшій къ Народной Волѣ, М. Новицкій, успѣвшій въ Саратовѣ добыть паспортъ безъ вѣсти пропавшаго мѣщанина Машихина и такимъ образомъ совсѣмъ было легализировавшійся. Въ февралѣ 82-го года Новицкій по партійнымъ дѣламъ выѣхалъ на время въ Москву и тамъ былъ арестованъ въ связи съ арестомъ Якова Стефановича. Какъ „саратовскаго мѣщанина Машихина“, его вывезли въ саратовскую тюрьму для установленія личности. Вскорѣ послѣ этого нашелся какой-то предлогъ арестовать Троицкаго [2]). Затѣмъ дошла очередь до Дудинскаго [3])... Тамъ взяли такого-то, потомъ такого-то,—и пошло... Лѣтомъ 82-го года отъ всего кружка оставались на волѣ только Поливановъ и еще два-три человѣка, затравленныхъ, какъ волки, преслѣдуемыхъ сыщиками буквально по пятамъ, чувствовавшихъ, что дальнѣйшія попытки дѣятельности для нихъ совершенно невозможны. Раньше при подобныхъ обстоятельствахъ для людей былъ бы выходъ: уѣхать изъ своего города, въ крайнемъ случаѣ—перейти въ нелегальность. Но куда было ѣхать теперь? Зачѣмъ было переходить въ нелегальность, когда изъ тѣхъ революціонеровъ, которые раньше стали въ такое положеніе, многіе не знали: что съ собой дѣлать? куда себя дѣвать? Нелегальному, чтобы дѣйствовать, а не являться совершенно

[1]) Адвокатъ, впослѣдствіи—земскій дѣятель умѣреннаго направленія.

[2]) Долго просидѣвъ въ тюрьмѣ, Троицкій сошелъ съ ума и вскорѣ послѣ этого умеръ.

[3]) Дудинскій, по глухимъ вѣстямъ, доходившимъ до меня въ Сибири, послѣ нѣкотораго періода нелегальныхъ скитаній, уѣхалъ въ Америку и тамъ хорошо устроился.

безполезной и опасной ношей на спинѣ товарищей, необходима организація, которая могла бы поставить его на надлежащее мѣсто и использовать его силы. Иначе онъ неизбѣжно окажется въ положеніи того бѣглаго, трагедія котораго такъ ярко воспроизведена Золя въ его романѣ „Ventre de Paris“, — а романъ этотъ всѣ мы читали... Организаціи, способной укрыть своихъ преслѣдуемыхъ членовъ, объединить разсѣянныя силы, перестроить свои ряды и вновь повести ихъ въ бой съ надеждой на побѣду теперь, очевидно, уже не было... Если раньше могли оставаться на этотъ счетъ хоть какія-нибудь слабенькія надежды, то въ концѣ лѣта и тѣ исчезли:

Поливановъ за это время повидался съ Грачевскимъ и съ другими людьми изъ быстро таявшаго центра и узналъ истинное положеніе дѣлъ. Въ личной жизни обыкновенныхъ людей только внезапно открывшаяся измѣна горячо любимой женщины можетъ вызвать такое же потрясеніе, какое испыталъ тогда Поливановъ. Ему стало ясно, что передъ нимъ теперь только два исхода: погибнуть при какомъ-нибудь отчаянно смѣломъ дѣлѣ, достойномъ по замыслу тѣхъ неукротимыхъ борцовъ, примѣромъ которыхъ онъ всю жизнь вдохновлялся, или—съ заоблачныхъ высотъ, на которыхъ онъ виталъ душой въ своихъ мечтахъ, признавъ ихъ „несвоевременность“, спокойно спуститься въ тину обывательщины, зачислиться,—какъ это было принято среди мѣстной дворянской молодежи,—въ канцелярію губернатора, научиться играть въ винтъ, начать „веселиться“ на семейныхъ вечерахъ у предводителя, и, пожалуй, въ заключеніе, жениться на дочкѣ жандармскаго полковника... Вѣдь было еще не поздно!.. Непреодолимое отвращеніе охватывало его при такой мысли. Крѣпость... эшафотъ... Сибирь... все что угодно!—но только не это! „Примириться съ жизнью“?! Отвѣсить земной поклонъ „торжествующей свиньѣ“?!—на это онъ былъ органически неспособенъ. Разъ дѣло стояло такъ, то весь вопросъ сводился для него къ тому: какъ погибнуть? на чемъ? на какомъ предпріятіи? Ужъ если гибнутъ всѣ, кого онъ любилъ и уважалъ въ своемъ поколѣніи, если самое дѣло свободы, заря которой, казалось, такъ ярко разгорѣлась надъ Россіей, по неисповѣдимымъ законамъ нашей исторіи, еще разъ, въ судьбахъ уже второго боевого поколѣнія, заканчивается крушеніемъ надеждъ и торжествомъ какихъ-то мохнатыхъ, звѣриныхъ силъ, то онъ ли, внукъ декабриста, другъ Ширяева, другъ Бобохова, останется одинъ среди труповъ, безъ мысли о мести, безъ сознанія своего позора, въ станѣ ликующихъ враговъ, всю жизнь не переставая видѣть передъ собой ихъ ненавистныя лица, слышать ихъ побѣдныя завыванія?!

Смерть!... Одинъ исходъ: славная смерть въ бою, лицомъ къ врагу, „мечъ и сердце пополамъ“!

Съ такимъ чувствомъ бросился онъ, очертя голову, въ устройство побѣга Новицкаго.

Товарищъ ему нашелся: славный, милый, добрый товарищъ, честный работникъ въ мирные дни, храбрый воинъ въ битвѣ. Михаилъ Дмитріевичъ Райко,—негромкое имя въ русской революціи,—но и Райко отдалъ дѣлу то же, что отдаютъ и самые славные: всего себя, всѣ свои силы и свою кровь [1]).

... Райко былъ убитъ. Поливановъ съ Новицкимъ отлежались послѣ страшнаго избіенія, предстали передъ военнымъ судомъ и были приговорены къ смерти. Новицкому этотъ приговоръ замѣнили двѣнадцатилѣтней каторгой, Поливанову—вѣчной.

Настали для Россіи черные дни. Умолкли гордыя рѣчи, оборвались боевыя пѣсни... пѣть ихъ больше было некому...

Погасло солнце свѣтлое—и звѣзды
Скиталися безъ цѣли, безъ лучей,
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ,—
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди въ ужасѣ бѣды великой
Забыли страсти прежнія...
. . . . И міръ былъ пустъ,
Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
Былъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
Безъ жизни, времени, людей, движенья...
То хаосъ смерти былъ . . . .
. . . .
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
Исчезли тучи... Тьмѣ не нужно было
Ихъ помощи... она была повсюду.

... Пора эта тянулась безконечно долго. Увядали сердца, никли головы, немногіе все еще чего-то ждали...

... Но вотъ жизнь взяла свое, и новая заря вспыхнула,—ярче и несравненно пламеннѣй прежней.

Съ ея первымъ лучомъ Поливановъ сорвалъ съ себя ослабѣвшія цѣпи,—бѣжалъ изъ Сибири,—и вновь оказался въ первыхъ рядахъ борцовъ за свободу. Физически изнуренный въ холодныхъ стѣнахъ сѣвернаго Шильона, онъ весь

---

[1]) Если я лишь бѣгло упоминаю о Райко, то это не потому, чтобы на немъ не стоило остановиться дольше, но лишь въ виду общей сжатости этой части моего разсказа. Притомъ я лично знавалъ Райко не въ послѣдній періодъ его жизни, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

остатокъ силъ отдалъ борьбѣ и принялъ на себя работы техническія, необходимыя для его новыхъ товарищей—соціалистовъ-революціонеровъ. Эту работу онъ продолжалъ почти до послѣдняго часа своей жизни.

Такимъ образомъ вся его жизнь была цѣльной, какъ и его личность, и его юношескій восторгъ передъ благородными образами Бланки, Маццини, Орсини не былъ простымъ увлеченіемъ яркостью этихъ фигуръ. То, что именно они являлись героями его молодости, вытекало изъ существа его собственной природы, изъ родства съ ними по духу.

Саратовецъ.

Воспоминанія.

ГЛАВА III.

Жизнь въ деревнѣ (1848—1855 г.).

Отсутствіе семейной жизни въ нашемъ домѣ.—Отчаянная тоска сестры Саши и ея страстное стремленіе къ образованію. — Ея дневникъ. — Хозяйственныя реформы матушки. — Матеріальное положеніе старосты и его значеніе.

Въ то давно прошедшее время, т. е. въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ XIX-го ст., дворяне С—кой губерніи, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыхъ я знавала, не были избалованы комфортомъ: вели они совсѣмъ простой образъ жизни, и ихъ домашняя обстановка не отличалась ни роскошью, ни изяществомъ. Въ дѣтствѣ мнѣ не приходилось видѣть даже, какъ жили богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого мы, дѣти, съ величайшимъ интересомъ слушали разсказы старшихъ о томъ, съ какимъ царскимъ великолѣпіемъ жили тѣ или другіе помѣщики, какъ роскошно были обставлены ихъ громадные дома, походившіе на дворцы, какіе блестящіе пиры задавали они, какъ устраивали охоты съ громадными сворами собакъ, когда за ними двигались цѣлыя полчища псарей, доѣзжачихъ и т. п. Ничего подобнаго не было въ нашей мѣстности, по крайней мѣрѣ, верстъ на 200 кругомъ. Не говоря уже о мелкопомѣстныхъ дворянахъ, которыхъ было особенно много въ нашемъ сосѣдствѣ, но и помѣщики, владѣвшіе 75—100 душами, м. п., жили въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было элементарныхъ удобствъ и необходимыхъ приспособленій. Помѣщичій домъ обыкновенно раздѣлялся простыми перегородками на нѣсколько комнатъ, или, точнѣе сказать, клѣтушекъ, и въ такихъ четырехъ-пяти комнатюркахъ, съ прибавкою иногда флигеля въ одну-двѣ комнаты, ютилась громаднѣйшая семья, въ которой не только было шесть-семь человѣкъ

[1]) См. „Минувшіе Годы“, февраль и мартъ.

дѣтей, но помѣщались нянюшки, кормилицы, горничныя, приживалки, гувернантка и разнаго рода родственницы: незамужнія сестры хозяина или хозяйки, тетушки, оставшіяся безъ куска хлѣба, вслѣдствіе разоренія ихъ мужьями. Пріѣдешь бывало въ гости, и какъ начнутъ выползать домочадцы, просто диву даешься, какъ и гдѣ могутъ всѣ они помѣщаться въ крошечныхъ комнаткахъ маленькаго дома.

Совсѣмъ не то было у насъ, въ нашемъ имѣніи Погорѣломъ: сравнительно съ сосѣдями у насъ былъ большой, высокій, свѣтлый и уютный домъ, съ двумя входами, съ передними, съ семью большими комнатами, съ боковушками, коридоромъ, съ дѣвичьей, людской и съ особымъ флигелемъ во дворѣ. Но и нашъ домъ поражалъ своими размѣрами только сравнительно съ очень скромными домами нашихъ сосѣдей. Онъ былъ построенъ моимъ отцомъ вскорѣ послѣ его женитьбы и, какъ все, что онъ устраивалъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ любилъ жить на болѣе широкую ногу, чѣмъ позволяли ему его средства.

Можно было удивляться тому, что изъ нашей громадной семьи умерло лишь четверо дѣтей въ первые годы своей жизни, и только холера сразу сократила число ея членовъ болѣе, чѣмъ на половину; въ другихъ же помѣщичьихъ семьяхъ множество дѣтей умирало и безъ холеры. И теперь существуетъ громадная смертность дѣтей въ первые годы ихъ жизни, но въ ту отдаленную эпоху ихъ умирало несравненно больше. Я знавала не мало многочисленныхъ семей среди дворянъ, и лишь незначительный процентъ дѣтей достигалъ совершеннолѣтія. Иначе и быть не могло: въ то время среди помѣщиковъ совершенно отсутствовали какія бы то ни было понятія о гигіенѣ и физическомъ уходѣ за дѣтьми. Форточекъ, даже въ зажиточныхъ помѣщичьихъ домахъ, не существовало, и спертый воздухъ комнатъ зимой очищался только топкою печей. Дѣтямъ приходилось дышать испорченнымъ воздухомъ большую часть года, такъ какъ въ то время никто не имѣлъ понятія о томъ, что ежедневное гулянье на чистомъ воздухѣ—необходимое условіе правильнаго ихъ физическаго развитія. Подъ спальни дѣтей даже богатые помѣщики назначали наиболѣе темныя и невзрачныя комнаты, въ которыхъ уже ничего нельзя было устроить для взрослыхъ членовъ семьи. Спали дѣти на высоко взбитыхъ перинахъ, никогда не провѣтриваемыхъ и не просушиваемыхъ: бокъ, на которомъ лежалъ ребенокъ, страшно нагрѣвался отъ пуха перины, а другой въ это время оставался холоднымъ, особенно, если сползало одѣяло. Духота въ дѣтскихъ была невыразимая: всѣхъ маленькихъ дѣтей старались помѣстить обыкновенно въ одной - двухъ комнатахъ, и тутъ же вмѣстѣ съ ними на лежанкѣ, сундукахъ или просто на полу, подкинувъ подъ себя, что попало изъ своего хлама, спали мамки, няньки, горничныя.

Предразсудки и суевѣрія шли рука объ руку съ недостаткомъ чистоплотности. Во многихъ семьяхъ, гдѣ были барышни-

невѣсты, существовало повѣрье, что черные тараканы предвѣщаютъ счастье и быстрое замужество, а потому очень многія помѣщицы нарочно разводили ихъ: за нижній плинтусъ внутренней обшивки стѣны онѣ клали куски сахара и чернаго хлѣба. И въ такихъ семьяхъ черные тараканы по ночамъ, какъ камешки, падали со стѣнъ и балокъ на спящихъ дѣтей. Что же касается другихъ паразитовъ, въ родѣ пруссаковъ, клоповъ и блохъ, то они такъ искусывали дѣтей, что лица очень многихъ изъ нихъ были всегда покрыты какою-то сыпью.

Питаніе также мало соотвѣтствовало требованіямъ дѣтскаго организма: младенцу давали грудь при первомъ крикѣ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ только что сосалъ. Если ребенокъ не унимался и самъ уже не бралъ груди, его до одурѣнія качали или въ люлькѣ, или походя на рукахъ. Качаніе еще болѣе мѣшало дѣтскому организму усвоить только что принятую пищу, и ребенокъ отрыгивалъ ее. Рвота и для взрослаго сопровождается недомоганіемъ, тѣмъ болѣе тяжела она для неокрѣпшаго организма ребенка. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ покойный сонъ маленькихъ дѣтей былъ рѣдкимъ явленіемъ въ помѣщичьихъ домахъ: обыкновенно всю ночь напролетъ раздавался ихъ плачъ подъ акомпаниментъ скрипа и визга люльки (зыбки) или колыбели.

Глубоко безнравственный помѣщичій обычай, при которомъ даже здоровая мать не сама кормила грудью своего ребенка, а поручала его кормилицѣ изъ крѣпостныхъ, тоже очень вредно отзывался на физическомъ развитіи. Еще болѣе своей барыни неаккуратная, грязная и невѣжественная мамка, чтобы спокойно спать, клала ребенка къ себѣ на всю ночь. Она прекрасно знала, что въ такое время ее не будутъ контролировать, къ тому же для ребенка спать на одной кровати съ мамкою, не выпуская груди, въ то время не считалось вреднымъ. Если младенецъ все же кричалъ, мамка давала ему соску изъ хлѣба, иногда размоченнаго въ водкѣ, или прибавляла къ нему тертый макъ. Дѣтей въ большинствѣ случаевъ кормили грудью по два, а то и по три года. Женщину выбирали въ кормилицы не потому, что она была молода, здорова и не страдала болѣзнями, опасными для дитяти, но вслѣдствіе различныхъ домашнихъ соображеній: ревнивыя помѣщицы избѣгали брать въ кормилицы молодыхъ и красивыхъ женщинъ, чтобы не давать своимъ мужьямъ повода къ соблазну.

Вредное вліяніе имѣлъ и общераспространенный обычай пеленать ребенка: крѣпко на крѣпко забинтованный свивальниками отъ шеи по самыя пятки, несчастный младенецъ неподвижно лежалъ по нѣскольку часовъ кряду, вытянутый въ струнку, лежалъ до онѣмѣнія всѣхъ членовъ. Такое положеніе мѣшало правильному кровообращенію и пищеваренію. Къ тому же постоянное треніе пеленокъ о нѣжную кожу дитяти производило обильную испарину, которая заставляла ребенка легко схватывать простуду, какъ только его распеленывали.

При такомъ же отсутствіи какихъ бы то ни было здравыхъ понятій, ребенокъ переходилъ въ послѣдующую стадію своего развитія. Подростая онъ болѣе всего стремился попасть въ людскую,—въ ней было веселѣе, чѣмъ въ дѣтской: тутъ горничныя, лакеи, кучера, кухонные мужики, обѣдая, сообщали другъ другу новости о только что слышанныхъ происшествіяхъ въ семьяхъ другихъ помѣщиковъ, о романическихъ приключеніяхъ его родителей. Притягивала ребенка къ себѣ людская и потому, что она въ то же время служила кухнею для господъ. Тутъ обыкновенно валялись остатки отъ брюквы, рѣпы, а осенью множество кочерыжекъ, такъ какъ въ это время года шинковали капусту, заготовляя ее на зиму въ громадномъ количествѣ. Этою сырою снѣдью помѣщичьи дѣти объѣдались даже и тогда, когда въ окрестныхъ деревняхъ свирѣпствовала дизентерія.

Главное педагогическое правило, которымъ руководились, какъ въ семьяхъ высшихъ классовъ общества, такъ и въ низшихъ дворянскихъ, состояло въ томъ, что на все лучшее въ домѣ,— на удобную комнату, на болѣе спокойное мѣсто въ экипажѣ, на болѣе вкусный кусокъ, могли претендовать лишь сильнѣйшіе, т. е. родители и старшіе. Дѣти были такими же безправными существами, какъ и крѣпостные. Отношенія родителей къ дѣтямъ были опредѣлены довольно точно: они подходили къ ручкѣ родителей поутру, когда тѣ здоровались съ ними, благодарили ихъ за обѣдъ и ужинъ и прощались съ ними передъ сномъ. Задача каждой гувернантки прежде всего заключалась въ такомъ присмотрѣ за дѣтьми, чтобы тѣ какъ можно менѣе докучали родителямъ. Во время общей трапезы дѣти въ порядочныхъ семействахъ не должны были вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, которые, не стѣсняясь, разсуждали при нихъ о вещахъ, совсѣмъ не подходящихъ для дѣтскихъ ушей: о необходимости «выдрать» тѣхъ или другихъ крѣпостныхъ, которыхъ они обзывали «мерзавцами», «негодяями» и еще похуже, разсказывали самые скабрезные анекдоты о своихъ сосѣдяхъ. Дѣтей, точно такъ же, какъ и крѣпостныхъ, наказывали за каждый проступокъ: давали подзатыльника, драли за волосы, за уши, толкали, колотили, стегали плеткой, сѣкли розгами, а въ очень многихъ семьяхъ сѣкли и драли безпощадно.

Благодаря моему покойному отцу, страстно любившему своихъ дѣтей, благодаря его природной мягкости, въ нашей семьѣ не были въ ходу ни розги, ни другія педагогическія воздѣйствія крѣпостническаго характера. Правда, матушка не прочь была дать подзатыльника, толкнуть въ спину и дернуть за волосенки, но даже и послѣ смерти отца прибѣгала къ этому довольно рѣдко. Во всякомъ случаѣ я могу сказать, что члены моей семьи почти не страдали отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда матушкѣ приходилось обучать кого-нибудь изъ насъ: тогда она уже совсѣмъ не могла обуздывать своего вспыльчиваго и нетерпѣливаго характера.

Какъ бы то ни было, но семья наша рѣзко выдѣлялась среди помѣщичьихъ семействъ нашей мѣстности, какъ своимъ бо̀льшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, такъ и гуманнымъ отношеніемъ къ крѣпостнымъ и окружающимъ, къ близкимъ и дальнимъ. Даже и послѣ смерти отца до меня никогда не доносились стоны засѣкаемыхъ крестьянъ, и въ нашемъ домѣ не раздавались ни оплеухи, ни зуботычины горничнымъ, но я не хочу сказать этимъ, что крѣпостническая зараза совсѣмъ не коснулась моей матери. Напротивъ, какъ это ни странно, но, несмотря на 20-тилѣтнее супружеское сожительство съ человѣкомъ, котораго матушка горячо любила и глубоко уважала, ядъ крѣпостничества сильно отравилъ и ея кровь и отъ времени до времени давалъ себя чувствовать проявленіемъ крѣпостническаго произвола, въ особенности же произвола ея родительской власти.

Въ періодъ нашего полнаго обнищанія никто изъ дѣтей никогда не подумалъ попросить у матушки купить чего-либо сладкаго. Матушка такъ экономничала при покупкѣ даже самаго необходимаго, что подобная просьба съ нашей стороны могла бы возбудить въ ней лишь бурное негодованіе, но «сладкія воспоминанія» о прошломъ не давали намъ покоя. Вечеромъ «сумерничали», т. е. не зажигали огня, пока не наступала полная темнота. Хотя единственнымъ освѣщеніемъ у насъ были сальныя свѣчи, которыя приготовлялись въ нашемъ домѣ изъ сала собственныхъ животныхъ, но такъ какъ главнымъ принципомъ нашей жизни сдѣлалась теперь экономія рѣшительно во всемъ, то у насъ крайне бережливо относились даже и къ свѣчамъ: по вечерамъ во всемъ нашемъ деревенскомъ домѣ обыкновенно горѣли лишь двѣ свѣчи: одна на столѣ въ столовой, за которымъ должны были сидѣть всѣ мы съ матушкой и няней, а другая въ дѣвичьей. Все это намъ, дѣтямъ, привыкшимъ къ жизни на широкую ногу въ городѣ, очень не нравилось, но съ особеннымъ соболѣзнованіемъ разсуждали мы о сладкомъ (конечно, въ отсутствіе матушки), котораго теперь намъ совсѣмъ не давали. «Господинъ кадетъ» (такъ матушка въ сердцахъ называла брата Андрея), а за нимъ и остальные начинали забрасывать няню вопросами такого рода: «Отчего у насъ не дѣлаютъ теперь ни битыхъ сливокъ, ни бисквитовъ,—вѣдь, сливки и яйца у насъ свои, а не покупныя?» Получался отвѣтъ: «оттого, что намъ нужно съ сахаромъ и крупчаткой экономить, да и некогда намъ теперь съ этимъ хороводиться... И не докучайте вы этимъ мамашенькѣ... Ради Христа, не раздражайте ее...»

Однако мы не совсѣмъ лишены были сладкаго. Изъ меда и патоки у насъ заготовляли на зиму варенье изъ мѣстныхъ ягодъ, дѣлали маринады и сиропы, приготовляли немного и сахарнаго варенья, но часть заготовокъ, особенно изъ патоки, обыкновенно портилась. Каждый горшокъ испорченнаго варенья или маринада няня показывала матушкѣ, которая, отвѣдавъ принесенное ей, говорила что-нибудь въ такомъ родѣ: «Какое несчастіе!

Дѣйствительно, никуда не годится! Что же, давай дѣтямъ!» При этомъ она позволяла давать намъ испорченный маринадъ или варенье ежедневно, но не болѣе, какъ по маленькому блюдечку, однако не потому, что при бо́льшемъ количествѣ мы могли заболѣть, а чтобы растянуть наше удовольствіе на болѣе продолжительный срокъ. И вотъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ мы ежедневно послѣ обѣда ѣли паточное или медовое варенье, прокисшее до такой степени, что отъ него шелъ по комнатѣ запахъ кислятины. То же самое было и относительно всѣхъ другихъ домашнихъ заготовленій: все, что покрывалось уже плѣсенью, особенно, если это было съѣстное, его отдавали дворовымъ, менѣе испорченное и сладкое получали мы, дѣти. Мы съ аппетитомъ ѣли и порченное, благословляя неудачи въ хозяйствѣ, но все же были не прочь полакомиться и кой-чѣмъ получше, особенно тѣмъ, что намъ не только не давали, но что отъ насъ тщательно прятали.

Мы, дѣти, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали времени, когда у насъ вырѣзали соты изъ пчелиныхъ ульевъ. Это происходило въ жаркіе лѣтніе дни. Мы всѣ выбѣгали тогда на крыльцо; съ него видно было, какъ старый Миронъ шелъ къ пчелинымъ ульямъ, въ особомъ нарядѣ по этому случаю: на его головѣ одѣто было что-то въ родѣ маски изъ грубой домашней кожи, съ дырками, вырѣзанными для глазъ, рта и носа, а на его руки натянуты были длинныя, неуклюжія, доморощенныя перчатки; онъ держалъ чистенькій деревяный лотокъ, на которомъ лежали ложка, ножъ и лопаточка. Когда вырѣзанныя соты приносили въ залу, матушка вмѣстѣ съ нянею укладывали ихъ въ особые горшки, внизу которыхъ была просверлена дырочка, заткнутая деревянной втулкой. Положивъ соты въ такой горшокъ, его ставили на высокую табуретку; къ ней подставляли табуретку пониже и ставили на нее пустой горшокъ безъ дырки; затѣмъ втулку изъ верхняго горшка вынимали, и чистый медъ стекалъ внизъ, во второй горшокъ. Эта операція производилась по праздникамъ, т. е. въ такіе дни, когда матушка была дома, а на случай ея отлучки, комната, въ которой это происходило, замыкалась на ключъ. Если матушка въ такое время случайно куда-нибудь отлучалась, нашъ «кадетъ» изъ полисадника отворялъ въ зало окно, шпингалеты котораго были испорчены, и не только самъ влѣзалъ въ замкнутую комнату, но уговаривалъ и остальныхъ дѣтей сдѣлать то же; меня общими усиліями подымали на рукахъ. Очутившись въ залѣ, мы подбѣгали къ горшкамъ, подставляли подъ текущій медъ наши ладони, облизывали ихъ и снова совали руки въ сладкую струю. Няня тотчасъ догадывалась о нашей продѣлкѣ и, подбѣжавъ къ окну изъ полисадника, начинала выкрикивать: «Мамашенька идетъ... вотъ ужо все ей разскажу!..» Мы въ ужасѣ выскакивали изъ окна одинъ за другимъ. Няня вся тряслась отъ страха; если матушка сама и не увидитъ нашей продѣлки, то о ней ей можетъ сообщить кто-нибудь изъ при-

слуги. И вотъ няня начинала обыкновенно особенно бранить брата! «Экій ты безсовѣстный озорникъ, Андрюша! Перекрещусь, когда въ корпусъ уѣдешь! Хорошему сестеръ-братьевъ обучаешь!»

Насъ, дѣтей, было въ это время пять человѣкъ, но наше присутствіе въ лѣтнее время въ большихъ комнатахъ дома совсѣмъ было незамѣтно. Мой старшій братъ Андрюша, пріѣхавшій изъ корпуса только на каникулы, рѣдко сидѣлъ дома: онъ отправлялся въ гости то къ кому-нибудь изъ сосѣдей, то съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ шелъ на охоту, однимъ словомъ, никто не зналъ, куда онъ уходилъ, съ кѣмъ водилъ дружбу и, что всего удивительнѣе, никто въ домѣ этимъ и не интересовался. Если матушка не находила нужнымъ слѣдить за старшимъ сыномъ, которому въ то время было четырнадцать лѣтъ, то она такъ же мало обращала вниманія и на «Зарю» (Захаръ), которому исполнилось лишь девять лѣтъ. Когда наступало время обѣда или ужина, няня выбѣгала на крыльцо и громко звала отсутствующихъ или посылала людей разыскивать ихъ. Являлись они или не являлись, за столъ принято было садиться въ строго опредѣленный часъ. Если опоздавшій возвращался ко второму или третьему кушанью, онъ ѣлъ его съ другими, но ни перваго, ни второго ему уже не подавали. Матушка находила, что опоздавшій не могъ быть особенно голоденъ, если онъ самъ не думалъ о ѣдѣ, и не дозволяла предпринимать ради него лишнихъ хлопотъ. Это правило она объявила намъ скоро послѣ нашего переселенія въ деревню, и его съ тѣхъ поръ строго придерживались въ нашей семьѣ. Въ матушкиномъ характерѣ не было и тѣни злобы или мстительности, совсѣмъ не отличалась она и ворчливостью: правило о времени нашихъ обѣдовъ и ужиновъ она точно установила потому, что считала это необходимымъ для сбереженія своего времени, которое она очень цѣнила, и для порядка въ хозяйствѣ; но она никогда не упрекала опоздавшихъ, не ворчала на нихъ за опаздываніе. Ничуть не пугало и опоздавшихъ то, что они могутъ лишиться какого-нибудь кушанья или даже всего обѣда: на нянѣ лежала обязанность сохранять и распредѣлять остатки отъ общей трапезы, и она откладывала опоздавшему всего, чего тотъ не получилъ. Когда вставали изъ-за стола, она тихонько дергала опоздавшаго, и тотъ немедленно отправлялся за нею въ кладовеньку или боковушку, гдѣ нерѣдко послѣ ягодъ съ молокомъ онъ ѣлъ холодныя щи или борщъ. Но это не смущало моихъ братьевъ,—они находили такой порядокъ еще болѣе заманчивымъ, чѣмъ обычный: опоздавшій получалъ въ прибавку пару яицъ, кусокъ ветчины или что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ няня всегда боялась, чтобы кто-нибудь изъ насъ не остался голоднымъ. Подозрѣвала ли матушка, что ея инструкція относительно обѣдовъ выполнялась чисто формально, — неизвѣстно, скорѣе всего, что, кромѣ своего хозяйства, она въ то время рѣшительно ни о чемъ не думала. Она рѣдко, да и то совершенно разсѣянно, спрашивала у возвратившихся, гдѣ они были и что дѣлали; видимо, и эти во-

просы она задавала, чтобы что-нибудь сказать съ своими дѣтьми, которыхъ она такъ рѣдко и мало видѣла, съ которыми ей почти совсѣмъ не удавалось поболтать.

Матушка, кромѣ праздничныхъ дней, ежедневно съ разсвѣтомъ выходила изъ дому на поля, и мы въ первый разъ видѣли ее только передъ обѣдомъ, когда она возвращалась крайне утомленною. Другъ за другомъ подходили мы цѣловать ея руку, при этомъ она торопливо возвращала намъ наши поцѣлуи и задавала одни и тѣ же вопросы: «Ну что, здорова? Нагулялась?» На эти стереотипные вопросы мои сестры часто просто молчали, такъ какъ нерѣдко въ тотъ день онѣ не могли даже выходить со двора вслѣдствіе дурной погоды, но матушка не замѣчала или не придавала значенія ихъ молчанію. Она вся отдалась, вся ушла въ новое для нея дѣло—хозяйство, и у нея въ первые годы нашей деревенской жизни не оставалось свободной минуты, чтобы думать даже о родныхъ дѣтяхъ. Отсутствіе заботы о насъ отчасти, можетъ быть, происходило и оттого, что она прекрасно знала страстную любовь и преданность къ намъ нашей няни, и была покойна насчетъ того, что мы будемъ одѣты и накормлены. Какъ бы то ни было, но отсутствіе вниманія къ намъ со стороны матери быстро уничтожало семейный элементъ въ нашемъ домѣ, столь сильно дававшій себя чувствовать при покойномъ отцѣ, который всегда былъ окруженъ дѣтьми. Теперь каждый членъ нашей семьи мало-по-малу началъ жить своею особою жизнью; только горячая преданность къ намъ няни и наша общая любовь къ ней поддерживали связь между нами. Она одна въ домѣ знала, что занимаетъ въ данную минуту каждаго изъ насъ, наши характеры и желанія, наши достоинства и недостатки и отдавала намъ всю свою душу, всю себя.

Если мои братья никогда не сидѣли дома, то мои сестры почти не выходили изъ него. Что же касается меня, то я ни на шагъ не отпускала отъ себя няню: она шла въ амбаръ выдавать муку, крупу или зерно, и я, накинувъ большой платокъ, тащилась за ней. Моя старшая сестра Нюта постоянно вышивала гладью оборочки и воротнички (самая распространенная работа того времени), переснимала различные рисунки, составляла узоры для женскихъ рукодѣлій, забѣгала на кухню постряпать какое-нибудь кушанье или копалась въ саду и полисадникѣ, сажая цвѣты, окапывая кусты; сестра Саша, не поднимая головы, сидѣла за книгами.

Когда впослѣдствіи, уже будучи взрослой, я, послѣ долгой разлуки съ моимъ семействомъ, близко сошлась съ сестрою Сашей, а также когда послѣ ея трагической кончины я перечитала ея письма ко мнѣ и ея дневникъ, я была поражена ея обширными свѣдѣніями, ея феноменальною любознательностью, ея страстнымъ стремленіемъ къ знанію, ея привычкою думать и разсуждать о разнообразныхъ и сложныхъ нравственныхъ и умственныхъ вопросахъ и явленіяхъ. Въ то безпросвѣтное время, когда умствен-

ное развитіе русскаго общества было такъ слабо, когда женщины и дѣвушки не думали ни о чемъ, кромѣ замужества, тряпокъ и хозяйства, сестра Саша поразительно выдѣлялась между всѣми своимъ развитіемъ и образованіемъ. Очевидно, природа щедро одарила ее умственными способностями, но несомнѣнно и то, что покойный отецъ сумѣлъ дать сильный толчокъ ихъ развитію. И вотъ послѣ его смерти, Саша, какъ и остальные члены моей семьи, была брошена на произволъ судьбы. Нюту, хотя она была старшею изъ сестеръ, это не тревожило, только одна Саша вполнѣ сознательно почувствовала весь ужасъ остаться безъ дальнѣйшаго образованія. Послѣ смерти отца она начала перечитывать книги, оставшіяся послѣ него, но его библіотека была сильно растеряна при нашемъ переселеніи, да къ тому же большую часть его книгъ сестра не могла еще понимать въ то время. Вслѣдствіе этого она бросилась на изученіе корпусныхъ учебниковъ брата Андрея, но тутъ она еще чаще становилась втупикъ. Такъ какъ у Андрюши явился обычай незамѣтно исчезать изъ дому, Саша съ утра садилась въ комнату подлѣ окна, выходившаго во дворъ, чтобы задержать его, когда онъ будетъ уходить. Какъ только онъ показывался, она бѣжала къ нему, умоляя его объяснить ей то или другое непонятное для нея мѣсто. Но онъ рѣдко исполнялъ ея просьбу; чаще всего съ дѣланнымъ ужасомъ онъ вскрикивалъ: «Несчастная, тебя прозовутъ синимъ чулкомъ!» или: «Убирайся къ чорту,—я самъ ничего не знаю!»

Покойный отецъ всегда говорилъ матери, что Саша въ высшей степени талантливая дѣвочка, что она проявляетъ необыкновенную понятливость и дѣлаетъ блестящіе успѣхи въ ученіи и музыкѣ. Въ періодъ нашей городской жизни она училась, какъ у отца, такъ и у учительницъ, и, кромѣ родного языка, свободно читала, писала и порядочно говорила по-польски и по-французски; кромѣ того, у хорошей музыкантши брала уроки музыки, къ которой чувствовала сильное влеченіе. Послѣ нашего переселенія въ деревню, она не только не могла продолжать своего образованія, но ей не къ кому было обратиться и съ какимъ-нибудь вопросомъ: матушка была до невѣроятности завалена дѣлами по сельскому хозяйству, къ тому же Саша, по своему умственному развитію, въ то время, вѣроятно, далеко опередила ее. Подъ руководствомъ отца она уже прочла на трехъ языкахъ очень многія произведенія классиковъ и усердно упражнялась въ письменныхъ сочиненіяхъ на этихъ языкахъ. Матушка же получила поверхностное институтское образованіе и не могла много воспользоваться знаніями отца, такъ какъ у нея почти каждый годъ увеличивалась семья.

Потерявъ отца, котораго Саша страстно любила, и оставшись безъ руководителя въ занятіяхъ, къ которымъ она чувствовала такое влеченіе, она, еще недавно такая оживленная и веселая, сдѣлалась мрачной, нервной и раздражительной: отъ своихъ книгъ она то и дѣло бѣжала къ фортепьяно, долго и упорно

разбирала какую-нибудь пьеску, но вдругъ разражалась истерическими рыданіями и бросалась на постель. Матушки никогда не было дома, и если кто приходилъ утѣшать ее, то это была только няня.

— Дѣточка, дѣточка! что это ты такъ надрываешься? Вѣдь ты еще не очень большая,—всему уже успѣешь научиться...

— Да... если бы папа былъ живъ!.. Мамаша и не думаетъ обо мнѣ,—тутъ рыданія снова начинали ее душить.

Въ этотъ періодъ нашей жизни, слѣдовательно, когда Сашѣ было лишь тринадцать лѣтъ, она начала вести дневникъ и не оставляла его почти до самой смерти; онъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 40 толстыхъ тетрадей въ четвертку, но она часто по мѣсяцамъ не дотрогивалась до него. Въ продолженіе всей ея жизни никто никогда не зналъ о томъ, что она ведетъ дневникъ. Всѣ привыкли видѣть ее за книгами, или съ перомъ въ рукѣ, и никто въ домѣ не интересовался тѣмъ, что она читаетъ и пишетъ. Обыкновенно говорятъ, что въ провинціи каждому извѣстно все о другомъ. Это совершенно вѣрно, но въ то же время человѣкъ не болтливый и желающій что-нибудь скрыть прекрасно могъ это сдѣлать. Вѣроятно, Саша никогда не скрывала того, что она ведетъ дневникъ, но и не болтала объ этомъ уже потому, что не придавала этому никакого значенія, занимаясь имъ исключительно для себя, по совѣту покойнаго отца, котораго она восторженно обожала, память котораго боготворила до послѣднихъ дней своей жизни. Какъ бы то ни было, но ея дневникъ нашли только послѣ ея смерти, да и то совершенно случайно.

Когда уже взрослой я на лѣто пріѣзжала въ деревню, матушка просила меня читать ей этотъ дневникъ по утрамъ, пока въ ея комнату никто не входилъ, и я читала его почти ежедневно, хотя по нѣскольку страницъ. Лѣтъ восемь сряду я пріѣзжала къ матушкѣ, и мы каждое лѣто успѣвали прочитать дневникъ Саши нѣсколько разъ отъ начала до конца. Читать приходилось одно и то же потому, что матушкѣ это доставляло безконечное удовольствіе и будило воспоминанія прошлаго: она то и дѣло прерывала чтеніе и начинала сообщать подробности или факты, пропущенные, по ея мнѣнію, сестрою. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что очень многіе факты моей давно прошедшей жизни я помню такъ живо. Мои братья, сестры и родственники своими разсказами о прошломъ также поддерживали въ продолженіе многихъ лѣтъ мои собственныя воспоминанія.

Хотя Саша въ первыхъ своихъ дневникахъ прибѣгала къ высокопарнымъ и искусственнымъ выраженіямъ, но онѣ постепенно исчезаютъ. Въ нихъ даже въ ранній періодъ ея жизни ясно отразилась ея душа. То въ наивномъ, то въ сентиментальномъ, а порою и въ глубоко трогательномъ лепетѣ этой дѣвочки—подростка рано начали сказываться незаурядныя способности, значительное, даже преждевременное для ея лѣтъ умственное

развитіе, необыкновенная пытливость ума и любознательность, страстное стремленіе къ знанію. Нужно помнить, что этотъ дневникъ она вела въ то отдаленное время, когда на серьезное образованіе женщины совсѣмъ не обращали вниманія. Въ дневникѣ со всею силою выступаетъ и ея любящая натура, ея глубокая тоска о потерѣ обожаемаго отца, но, вслѣдствіе невозможности найти удовлетвореніе высшимъ запросамъ ума и сердца, очень рано начинаетъ сказываться какая-то меланхолія. Съ годами пессимистическое настроеніе все усиливается. Она описываетъ нѣкоторыя событія нашей деревенской жизни: свое вступленіе въ пансіонъ, воспитаніе въ немъ, свои знакомства и разговоры съ различными людьми, изложены въ немъ и ея разсужденія по поводу прочитанныхъ ею книгъ и романовъ, посѣщеніе деревни во время каникулъ, окончаніе курса, ея мечты и надежды, гувернантство, затѣмъ вступленіе въ качествѣ учительницы въ только что основанную тогда гимназію въ городѣ С-кѣ, частные уроки, которые она давала въ громадномъ количествѣ.

Саша начала вести дневникъ приблизительно въ 13 лѣтъ; я говорю приблизительно потому, что многія изъ ея записей не имѣютъ ни числа, ни года, но о времени ихъ можно судить по изложенію тѣхъ или другихъ событій нашей семейной жизни въ деревнѣ.

Вотъ первый ея дневникъ:

«Почему я должна, непремѣнно должна писать дневникъ и буду это дѣлать до самой смерти, если я проживу сто лѣтъ и даже болѣе? А потому, что за недѣли полторы до кончины незабвеннаго моего родителя, онъ взялъ съ меня слово, что я буду это дѣлать. Все, что онъ говорилъ тогда, я сейчасъ же записала, показала ему, а онъ не только кое-что мнѣ поправилъ, но и добавилъ новыя мысли. Съ благоговѣніемъ наклеиваю эти странички съ собственноручными его поправками, дабы освѣтить мой дневникъ, дабы всегда носить въ моемъ печальномъ сердцѣ все, что онъ говорилъ, помнить и исполнять все, что онъ желалъ.

«Вотъ, что онъ сказалъ мнѣ тогда: «Шурокъ, начинай-ка ты вести свой дневникъ: писать въ такое время, когда ты притомишься отъ занятій,—нѣтъ резона; садись за него въ свободное время, записывай все, что съ тобой случилось, что ты дѣлала, что слышала, что думала, кого встрѣчала, съ кѣмъ разговаривала, однимъ словомъ, заноси въ свою тетрадь все, что тебя порадуетъ, удивитъ, опечалитъ или наведетъ на резиньяцію. Но если жизнь твоя за протекшіе дни не дастъ ничего ни для эмоцій, ни для резиньяціи, то ты кратко изложи все, что удалось тебѣ прочесть, а къ сему присовокупи свое собственное сужденіе. Все сіе, дорогое мое дитя, очень пользительно для тебя: самой любопытно будетъ узнать, что съ тобой было прежде, съ кѣмъ зналась, что видѣла, какое обо всемъ сужденіе имѣла, что читала. Оное на-

учитъ тебя излагать мысли, а къ сему у тебя натуральная склонность, всякое же дарованіе необходимо совершенствовать, а не зарывать въ землю. Сіе будетъ пріучать тебя, дитя мое драгоцѣнное, внимательнѣе къ людямъ приглядываться, къ разговорамъ ихъ прислушиваться, хорошему въ нихъ подражать, а за худое не осуждать, не пускать ходить по людямъ для злословія подмѣченное тобою, а крѣпко про себя держать. Писаніе дневника еще должно пріучать тебя все глубже погружаться въ нѣдра своей души, дабы отыскивать причины причинъ—не только дурныхъ поступковъ своихъ, но и недобропорядочныхъ побужденій. Познавъ безъ пристрастія самое себя и своего ближняго, ты будешь строга къ себѣ, незлобива и великодушна къ другимъ, и отринется сердце твое и помыслы твои отъ бабьей суетности, мелочности и пустяшнаго время препровожденія въ родѣ сплетенъ и злословія вообще, отъ всего того, къ чему столь привержевъ женскій полъ. Ты пристрастіе имѣешь къ серьезному мышленію, къ серьезной книгѣ; постарайся превратить сіе пристрастіе въ потребность твоей природы, въ родѣ какъ къ ѣдѣ и къ другимъ потребностямъ человѣческаго организма. Изложеніе прочитаннаго останется лучше въ памяти, но все сіе, однако, не должно служить поводомъ къ пренебреженію женскою прелестью, т. е. скромностью и душевною мягкостью, однимъ словомъ, тѣмъ, что называется женственностью, при утратѣ коей дѣвицѣ даютъ наименованіе «синяго чулка». Таковая особа воистину жалка: прочитавъ нѣсколько страницъ знаменитаго творенія и не углубившись въ его сущность, она съ легкостью сердца трактуетъ о немъ и даже мнитъ себя великою ученой, ставитъ себя превыше облаковъ ходячихъ, дерзновенно записываетъ себя на одну доску съ великими учеными и поэтами, а сердце ея остается каменнымъ, не трогается состраданіемъ къ людямъ, не имѣетъ привязанности, внѣшній же обликъ и манеры становятся рѣзкими, грубыми и возбуждаютъ во всѣхъ насмѣшку и отвращеніе».

«Родитель мой безцѣнный, свѣтъ очей моихъ! Твоя воля для меня священна, не забуду ея до конца живота моего! Но почему ты возложилъ на меня столь легкій завѣтъ, наклонный для одной моей пользы, веселію души и преуспѣянію? Я бы хотѣла, чтобы исполненіе твоего завѣта было для меня тяжко, чтобы я выполняла его съ стенаньемъ, съ тѣлесною болью и страданіями, какъ христіанскіе мученики и подвижники, бо я люблю отца моего больше жизни моей». (Сестра въ первыхъ своихъ дневникахъ вмѣсто слова «потому что» или «такъ какъ» нерѣдко употребляла «бо», вѣроятно потому, что она говорила и читала съ отцомъ какъ по-русски, такъ и по-польски, но постепенно это выраженіе исчезаетъ). «Обожаемый мой папашечка, фіалъ души моей, самый большой мой благодѣтель! Почто, почто нѣтъ больше тебя? Почто я столь несчастна въ жизни сей, и безъ онаго печальной? Почто я лишена тебя, моего руководителя? Ушелъ ты туда, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій, и моя жизнь, проле-

тавшая какъ сладкій сонъ, сдѣлалась однимъ несчастіемъ. Ты оставилъ насъ, дѣтей своихъ, сиротами злосчастными,—и увы, увы, я не буду болѣе наслаждаться сладостью твоихъ рѣчей! Ты все унесъ съ собою,—мое сердце, мои упованія, мои надежды, бо вмѣстѣ съ тобой исчезъ свѣтъ моихъ очей! Ты, какъ красное солнышко, согрѣвалъ, оживлялъ, освѣщалъ жизнь твоей семьи! Закатилось оно,—и на меня отовсюду вѣетъ смрадомъ и хладомъ сырой могилы... Но, хотя тебя и нѣтъ со мною, всѣмъ сердцемъ любимый отецъ, я вижу, слышу, чувствую тебя всегда и вездѣ со мной, въ каждомъ біеніи моего сердца, въ каждой мимолетной моей думкѣ: къ тебѣ летитъ мой первый вздохъ, когда я пробуждаюсь, на тебѣ останавливается мое помышленіе, когда я засыпаю... Какъ явственно порой раздается твой голосъ: «Шурокъ, почитай мнѣ Мицкевича!»—«Шурокъ, напиши на память сценку изъ «Тартюфа!»—«Шурокъ, подучи свою роль!» О, папашечка, съ твоей смертью все для меня погибло: и науки, и театръ, и музыка, и всякое ученіе!.. Злой рокъ на своихъ скрижаляхъ огненными буквами начерталъ для меня одно слово «погибни!» Да, мнѣ суждено погибнуть, и какъ жалко, безвѣстно погибну я,—погибну, какъ ничтожная придорожная былинка! Иначе и быть не можетъ! Кто безъ тебя въ этой глуши поможетъ мнѣ своимъ совѣтомъ, кто безъ тебя будетъ руководить моими занятіями? Мнѣ и въ городѣ помѣщики въ голосъ твердили: «зачѣмъ дѣвушкѣ учиться?» Но мой отецъ, который былъ самый образованный, самый умный, самый лучшій въ мірѣ человѣкъ, всегда говорилъ, что учиться необходимо всѣмъ безъ исключенія. Папашечка не разъ разсказывалъ мнѣ, что уже въ древности были ученѣйшія женщины, и всѣ ихъ уважали. Если бы онъ, мой обожаемый отецъ, былъ живъ, и я, можетъ быть, сдѣлалась бы ученой. Все знать, все понимать—какое счастье! Но что я буду дѣлать теперь одна? Папашечка объяснялъ мнѣ каждый день что-нибудь новое, и мои познанія умножались. А теперь? Кого буду вопрошать? Мысли мои безъ моего драгоцѣннаго руководителя, какъ песокъ при вѣтрѣ, производятъ въ моей головѣ неистовый ураганъ и приносятъ не усладу моему уму и несчастному сердцу, а горечь и боль мученическую... На дняхъ расчесываю волосы въ темнотѣ, и вдругъ какія-то искры сыпятся... Отчего онѣ происходятъ? Андрюша какъ-то показывалъ намъ фокусъ: взялъ бумажную коробку, налилъ въ нее воды, поставилъ на проволочную рѣшетку и сталъ согрѣвать воду въ бумажной коробкѣ надъ свѣчкой... Отчего не загорѣлась бумага? Но еще гораздо болѣе мучаетъ меня религія, я даже не знаю, не грѣшно ли имѣть о ней такія мысли, какія мнѣ приходятъ въ голову? О, Боже, если это грѣхъ, прости мое дерзновенное согрѣшеніе! Съ тѣхъ поръ, когда моя семья лишилась своего защитника и покровителя, обожаемаго отца, я постоянно вопрошаю себя: отчего, если Богъ Всеблагій, Всемилостивый, Всеправедный, Онъ наслалъ на насъ такое страшное горе, какъ смерть отца? Если Его благость, справедливость

и милосердіе на самомъ дѣлѣ велики, то какъ же онъ оставилъ насъ безъ отца? Няня твердитъ, что несчастія ниспосылаются намъ для испытанія, но развѣ можно испытывать такихъ дѣтей, какъ моя маленькая сестра и мой братъ? Они не будутъ роптать на это несчастье только потому, что разумомъ не постигли всего ужаса нашего несчастія, не понимаютъ, какое великое значеніе имѣетъ образованіе ума, не смыслятъ, сколь это сладостно и отрадно для сердца! Сей кощунственный, богохульный вопросъ, какъ отравленная стрѣла, порождаетъ въ моей головѣ множество другихъ ропотовъ сердца и дерзновенныхъ думъ. «Если Богъ Всемогущій», сказываю я самой себѣ, «зачѣмъ Онъ допустилъ ропотъ сердца моего, зачѣмъ Онъ вселяетъ въ меня невѣріе, зачѣмъ Онъ сдѣлалъ меня такой, что я до безумства желаю образованности, получить коей не могу, почему только въ книгахъ я почерпаю отраду, а сестра моя вполнѣ счастлива, когда можетъ рисовать цвѣты, вышивать, стряпать? Если такіе вопросы преступны, зачѣмъ милосердный, справедливый Богъ не заставитъ ихъ умолкнуть въ моемъ сердцѣ? О неужли я и за это буду наказана уже въ сей жизни?»

«Сегодня воскресенье», пишетъ сестра въ одномъ изъ послѣдующихъ дневниковъ. «Передъ обѣдомъ къ намъ пришелъ въ гости батюшка. Вдругъ слышу изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ говоритъ про папашечку: «Извѣстно, что покойный Николай Григорьевичъ въ церковь, почитай, совсѣмъ не хаживалъ, не выполнялъ онъ и нашихъ православныхъ обычаевъ. Это, можно сказать, преступная склонность покойнаго проистекала отъ того, что родная его матушка была не нашей, а католической вѣры, не могла она привлечь его сердце къ православію, а, можетъ, и злоумышленно отвращала его отъ усердія къ нему». А какъ мамашечка прелестно ему отвѣтила,—я такъ гордилась ею въ ту минуту: «Обрядовъ мой покойный мужъ не выполнялъ, но зато онъ по духу былъ настоящій христіанинъ и самыя христіанскія чувства внушалъ своей семьѣ даже къ рабамъ».

«Только что услыхала я мамашечкинъ отвѣтъ, какъ стала себя вопрошать, былъ ли папашечка мой религіознымъ, вѣрилъ ли онъ въ Бога? Вдругъ мнѣ вспомнилось, какъ въ послѣднюю Пасху онъ сказалъ мамашечкѣ: «Дай мнѣ того кулича, который не святили». Но тутъ мои родители увидали, что я вошла въ комнату и замяли разговоръ, вѣрно, помыслили про себя, что онъ не подходящій для моего младого возраста. Очень бы мнѣ хотѣлось знать, почему папашечка никогда не ходилъ въ церковь? Почему онъ училъ насъ всему, а только закону Божьему обучала матушка? Почему, когда священники служили у насъ молебенъ, онъ уходилъ изъ дому? Если ты, мой родитель, умнѣйшій человѣкъ во всемъ мірѣ, не вѣрилъ, значитъ, ты умомъ своимъ великимъ постигъ, что въ вѣрѣ нѣтъ премудрости, что она удѣлъ слабыхъ головъ, которыя безъ оной не знаютъ, что худо, что хорошо. Но можетъ статься, что на сіи вопросы ты далъ бы мнѣ совсѣмъ

иныя поясненія? Если я, по младости лѣтъ, глупое разсужденіе имѣю, если невѣріе охватываетъ мою душу по неразумію, Боже великій, Боже милосердый, сдѣлай мое мышленіе правильнымъ, не допускай меня до грѣха и богохульныхъ умствованій».

«У насъ сегодня знаменательное происшествіе: только что мы кончили обѣдать, какъ пріѣхалъ верховой отъ нашихъ сосѣдей Воиновыхъ и подалъ матушкѣ письмо отъ Натальи Александровны, въ которомъ она писала, что завтра уѣзжаетъ въ П., а такъ какъ въ ея тарантасѣ много свободнаго мѣста, то она приглашаетъ съ собою матушку или проситъ отпустить съ нею одну изъ ея дочерей. Матушка уже взяла бумагу, чтобы написать отказъ. Вдругъ я, не помня себя, бросилась къ ней, стала цѣловать ея руки и умолять ее отпустить меня въ городъ, чтобы посѣтить могилку папашечки, моего возлюбленнаго, убрать ее цвѣтами. Какъ только я проговорила это, у бѣдной мамашечки сразу потекли слезы ручьями, она ничего не могла отвѣтить, а быстро встала изъ-за стола и ушла въ свою комнату. Няня пошла за нею и, возвратившись, сказала, что мамашечка отпускаетъ меня съ Воиновой».

«Отецъ, почитаемый всею моею душою, всѣмъ моимъ помышленіемъ, каждымъ дыханіемъ моего сердца! Я припаду, наконецъ, къ твоей могилкѣ, которую освѣтилъ твой священный прахъ! Родной мой, кровный батюшка, молю тебя, исполни просьбу твоей несчастной сиротки: когда я паду ницъ на твоей священной могилѣ, дай мнѣ вѣсточку, пошли какую-нибудь примѣту, либо самое ничтожное знаменіе... Сіе оповѣщеніе пришли мнѣ либо чрезъ птичку пѣвунью, либо черезъ свистъ вѣтра буйнаго, либо черезъ кукушечку-вѣщунью... Черезъ самое маленькое знаменіе я узнаю, что ты совѣтуешь мнѣ дѣлать съ собой. О, отецъ мой драгоцѣнный! шепни своими священными устами, хотя такъ тихо, какъ дуновеніе легкаго зефира,—я все услышу, я пойму, что ты хочешь мнѣ сказать, вѣдь, ты всегда хвалилъ и мой тонкій слухъ, и мое быстрое пониманіе! Только отъ тебя я жду отвѣта, остаться ли мнѣ навѣки въ Погорѣломъ и пропадать безъ всякаго образованія, или лучше ужъ заключиться мнѣ въ монастырь, чтобы въ стѣнахъ обители священной отмаливать мои прегрѣшенія и мои преступныя, богохульныя, дерзновенныя мысли, мой ропотъ, который въ нѣдрахъ сердца моего все усиливается на Господа Бога за то, что Онъ отнялъ тебя у насъ, сдѣлалъ насъ сиротами?»

Недѣли черезъ полторы послѣ отъѣзда Саши въ городъ, къ нашему крыльцу подъѣхалъ тарантасъ Воиновыхъ. Матушка, возвращавшаяся съ поля, первая подошла къ нему, но скоро и мы всѣ выбѣжали на крыльцо. Саша съ рыданіями бросилась къ матери и переходила изъ однихъ объятій въ другія, точно она передавала поклоны и переносила вѣсточку каждому изъ насъ отъ дорогого покойника,—всѣ плакали, плакала и я, потому что плакали другія. Наталья Александровна Воинова говорила ма-

тушкѣ, что она до сихъ поръ не видала, чтобы дѣвочка такихъ лѣтъ, какъ Саша, могла такъ убиваться о покойномъ отцѣ. По ея разсказамъ, сестру ничѣмъ нельзя было развлечь въ городѣ, и она съ утра бѣжала на кладбище, гдѣ и оставалась до тѣхъ поръ, пока силой не уводили ея оттуда. Ее каждый разъ заставали распростертою на землѣ или колѣнопреклоненною, и всю въ слезахъ.

Саша разсчитывала посѣщеніемъ могилы облегчить свое горе, а между тѣмъ ее то и дѣло заставали теперь въ слезахъ, она замѣтно худѣла и ходила какая-то растерянная.

Грусть Саши раздирала сердце няни: благоговѣйно сохраняя въ памяти просьбу отца быть намъ второю матерью и любя насъ, его дѣтей, какъ своихъ собственныхъ, она ломала голову, какъ и чѣмъ помочь сестрѣ. Хотя на образованіе она смотрѣла такъ же, какъ и помѣщицы того времени, что если «дѣвушка не приспособлена къ царской службѣ», то ей не зачѣмъ и учиться, но при этомъ нянѣ приходила въ голову мысль, что если этого желалъ покойникъ, значитъ, такъ и должно быть. «Вѣдь онъ хотя и обожалъ всѣхъ своихъ дѣтей, но Шурочку выдѣлялъ изо всѣхъ, значитъ находилъ, что она перстомъ Божіимъ для науки отмѣчена, такъ ее и слѣдуетъ по этой линіи вести. А какъ же быть-то? Вѣдь матушку Александру Степановну хозяйство задавило, вотъ о Сашенькѣ и подумать-то некому»...

Ничего не понимая въ дѣлѣ образованія, не зная даже, въ какихъ заведеніяхъ обучаютъ дворянокъ, няня старалась добиться этого отъ самой Саши. Затѣмъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, она, подъ какимъ-то предлогомъ, отправилась къ Воиновымъ, такъ какъ Наталья Александровна и моя матушка считались въ нашей мѣстности самыми образованными дамами, и къ тому же ей очень нравилась гувернантка Воиновыхъ. Чтобы набрать побольше свѣдѣній относительно образованія сестры, она не ограничивалась только разспросами Воиновыхъ, но обращалась ко всѣмъ, къ кому могла. Такъ какъ она прославилась своею трогательною преданностью къ нашей семьѣ и считалась послѣ матушки однимъ изъ главныхъ ея членовъ, и къ тому же сама по себѣ внушала всѣмъ довѣріе и знала, какъ къ кому подойти, съ нею разсуждали весьма охотно. Изъ этихъ разговоровъ она поняла, что плата въ существующіе пансіоны на столько велика, что не по карману матушкѣ, а попасть на казенный счетъ въ институтъ трудно, да и Саша, пожалуй, уже вышла изъ лѣтъ. Вотъ она и надумала написать прошеніе царю-батюшкѣ. Ей казалось, какъ она впослѣдствіи передавала намъ, если съ толкомъ расписать все, какъ слѣдуетъ, разсказать царю, сколько бѣдствій претерпѣла матушка, оставшись вдовой, указать ему на то, что она не имѣетъ никакихъ средствъ и выбивается изъ силъ, чтобы добыть кусокъ хлѣба для сиротъ изъ своего маленькаго хозяйства, умолять его взять Сашу на казенный счетъ или на свое иждивеніе въ учебное заведеніе и при этомъ указать ему на то, что самъ покойникъ

говаривалъ, что у нея на рѣдкость богатыя способности (а всему міру извѣстно, что покойникъ былъ ума-палата), то такая просьба непремѣнно будетъ уважена. На исполненіе этой просьбы она надѣялась и потому, что Саша—настоящая столбовая дворянка и къ тому же, какъ только царь-батюшка самъ увидитъ ее (она не понимала, что государь и безъ этого можетъ принять ее на свой счетъ), то такъ поразится ея умомъ, что приблизитъ ее еще къ своимъ дѣтямъ. Она долго никому не говорила о своемъ планѣ и не приступала къ его выполненію только потому, что не умѣла письменно изложить своихъ мыслей и писала каракулями. Наконецъ, она рѣшилась, какъ на духу, во всемъ признаться священнику нашего прихода и просить его написать такое прошеніе. Хотя няня считала его человѣкомъ обходительнымъ, но такъ какъ въ то время ни одна услуга не обходилась безъ приношенія, то и она считала невозможнымъ придти съ пустыми руками. Но что могла она предложить? Жалованья она не брала, кромѣ гривенниковъ на заздравныя и заупокойныя просфиры, а теперь она даже и этимъ не тревожила матушку, находя ея положеніе и безъ того крайне обременительнымъ. Ей, однако, удалось выйдти изъ этого затрудненія: одна изъ ея многочисленныхъ деревенскихъ кумушекъ какъ-то подарила ей вышитое полотенце, вотъ она и рѣшила отнести его батюшкѣ, но находила, что этого еще маловато для такого почтеннаго лица, и упросила насъ подарить ей по цыпленку, не разспрашивая ее о томъ, что она съ ними сдѣлаетъ.

Нужно замѣтить, что, когда въ хозяйствѣ появлялся жеребенокъ, теленокъ, цыплята и другія домашнія животныя, кто-нибудь изъ насъ дѣтей, очарованный новымъ пришельцемъ въ божій міръ, упрашивалъ матушку подарить ему его. Она охотно исполняла такую просьбу, такъ какъ знала, что этотъ подарокъ не только останется въ неприкосновенности въ ея хозяйствѣ, но получившій его въ даръ будетъ особенно заботиться о немъ. У насъ съ Сашей было по насѣдкѣ съ цыплятами. Когда послѣ обѣда принимали со стола кушанья, мы осторожно снимали скатерть, стряхивали съ нея крошки, подбирали въ кухнѣ шелуху отъ картофеля и яичную скорлупу и все это несли своимъ курамъ. Мы съ Сашею были въ восторгѣ, что могли что-нибудь подарить нянѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда священникъ сталъ доказывать ей, что такое прошеніе не будетъ имѣть никакого значенія, что нашъ покойный отецъ имѣлъ маленькій чинъ, и что царь не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго представленія. При этомъ онъ выразилъ крайнее удивленіе, что матушка не попроситъ своихъ братьевъ о томъ, чтобы они какъ-нибудь похлопотали устроить Сашу въ какое-нибудь учебное заведеніе. Какъ это ни странно, но такая простая мысль до тѣхъ поръ никому изъ домашнихъ не приходила въ голову, и совершенно посторонній человѣкъ первый подалъ ее.

Будучи уже взрослой и слушая разсказъ матушки о томъ, какъ няня придумывала всевозможные планы для того, чтобы избавить Сашу отъ отчаянной тоски изъ-за невозможности получить образованіе, мнѣ такъ и хотѣлось спросить ее: «Какъ это вы, женщина все же образованная, двадцать лѣтъ прожившая душа въ душу съ человѣкомъ, горячо любимымъ вами, который придавалъ огромное значеніе образованію, въ такой степени ушли въ свое хозяйство, что всю заботу о вашихъ дѣтяхъ свалили на плечи няни, правда идеально-честной и любящей, но совершенно необразованной?» Но если бы въ то время я такъ просто спросила ее объ этомъ, это могло бы ее уязвить. А потому мнѣ и пришлось задать тотъ же вопросъ, но приблизительно въ такой формѣ:

«Ахъ, бѣдная мамашечка, до чего вы должны были страдать изъ-за того, что хозяйство не оставляло вамъ времени даже подумать о Сашѣ»!

— Вотъ въ томъ-то и странность,—отвѣчала матушка, просто и легко сознававшаяся во всѣхъ своихъ недостаткахъ,—что я отъ этого даже и не страдала... Я такъ ушла въ хозяйство, что такъ-таки ни о чемъ другомъ и не думала. Когда няня пришла отъ священника и стала говорить мнѣ о томъ, что слѣдуетъ братьямъ написать о Сашѣ, что она худѣетъ и блѣднѣетъ отъ тоски,—она точно хлопнула меня по башкѣ!.. Взглянула я на Сашу и пришла въ ужасъ отъ того, какъ она измѣнилась!.. А вѣдь я каждый же день видѣла ее, да какъ-то не останавливалась на этомъ... Я и сама много разъ думала о томъ, чтобы написать братьямъ, да все какъ-то откладывала... Гордыни большой я была преисполнена. Ну, а ужъ тутъ думаю: «Что за спесь, когда нечего ѣсть!» Къ тому же я рѣшила не о вспомоществованіи ихъ просить, а только о томъ, чтобы они дали мнѣ совѣтъ насчетъ образованія Саши и, если можно, похлопотали бы устроить ее куда-нибудь на казенный счетъ.

Потерявъ всякую надежду на продолженіе своего образованія, Саша все болѣе становилась грустной и раздражительной. Однажды няня посовѣтовала обратиться ей со своими недоразумѣніями къ священнику, предлагая ей проводить ее къ нему. Саша оживилась, взяла съ собою нѣсколько книгъ, переложенныхъ закладками, и мы втроемъ отправились въ село.

Священникъ принялъ радушно, насъ усердно угощали, а затѣмъ попадья привела цѣлую ораву своихъ ребятъ, чтобы играть со мной. Но меня трудно было оторвать отъ няниной юбки, и я вышла на дворъ только тогда, когда она пошла туда со мной. Саша осталась вдвоемъ со священникомъ. Когда она затѣмъ вышла съ нимъ на крыльцо, она была мрачнѣе тучи. Няня стала торопливо прощаться съ хозяевами.

Мы долго шли молча: няня ни о чемъ не разспрашивала Сашу, вѣроятно, боясь вызвать ея слезы, но когда мы у дороги присѣли отдохнуть, и няня положила руку на ея голову, она

горько разрыдалась. Въ ту же минуту вблизи послышался стукъ колесъ и показалась карафашка (такъ называли у насъ простую телѣжку, нѣсколько приноровленную къ матушкиной ѣздѣ). Возвращаясь съ поля домой и замѣтивъ насъ, матушка приказала кучеру остановиться и взяла насъ съ собою. Несмотря на полное отсутствіе наблюдательности относительно своихъ дѣтей, матушка замѣтила, однако, заплаканные глаза сестры. Няня тотчасъ объяснила причину нашего посѣщенія священника. Саша на этотъ разъ была, должно быть, въ нервномъ состояніи, такъ какъ стала болѣе рѣзко, чѣмъ это было въ ея натурѣ, указывать на то, что со смертью отца никто не думаетъ объ ея ученіи, что вслѣдствіе этого она и обратилась къ священнику; онъ растолковалъ ей лишь нѣсколько ариѳметическихъ задачъ, которыя она не могла рѣшить самостоятельно, но когда она стала просить его объяснить ей кое-что другое, отмѣченное ею въ книгахъ, онъ отвѣчалъ ей, что дѣвочкѣ вовсе не требуется имѣть столько познаній, что она знаетъ больше, чѣмъ необходимо знать взрослой дѣвушкѣ, что надъ учеными женщинами всѣ смѣются. При этомъ она добавила, что Андрюша называетъ ее изъ-за этого «синимъ чулкомъ».

— Андрюша шалопай, а попъ дуракъ...—перебила ее матушка, наклонная къ краткимъ и сжатымъ характеристикамъ.— Чѣмъ больше будешь знать, тѣмъ больше будешь денегъ получать... Вѣдь тебѣ весь вѣкъ придется ходить по гувернанткамъ!

Въ то время матушка на все смотрѣла съ утилитарной точки зрѣнія: «Учись—больше денегъ заработаешь», и нотаціи въ родѣ слѣдующихъ раздавались у насъ то и дѣло: «вѣдь ты несчастнѣе деревенскаго пастуха: тотъ пасетъ свиней, и за это его кормятъ... а когда вы повыростите, у насъ и свиней не останется... Должны хорошо учиться, чтобы самимъ заработать себѣ на хлѣбъ». Если кто-нибудь изъ насъ высказывалъ за обѣдомъ, что ему не понравилось то или другое кушанье или просилъ о томъ, что матушка находила лишнимъ, ея гнѣву не было предѣла, и она рѣзко бросала намъ: «нищая», «нищіе», «нечего носъ задирать!»

Мы слишкомъ боялись матушки, чтобы когда-нибудь протестовать противъ ея эпитетовъ, которые насъ страшно раздражали въ дѣтствѣ. Андрюша, хотя и былъ ея любимцемъ, но, болѣе сестеръ проникнутый духомъ непокорности и задора, часто въ глаза говорилъ ей съ удареніемъ: «мы въ этомъ не виноваты!» А за ея спиной выкрикивалъ и болѣе рѣзко: «Чего это она насъ вѣчно нищенствомъ попрекаетъ? Вѣдь она же сама съ отцомъ наше состояніе профершпилила, а мы виновными оказываемся!..» Саша никогда не спускала ему этой дерзости и съ раздраженіемъ кричала на него: «не смѣй такъ говорить про отца! Нашъ отецъ былъ чудный человѣкъ, лучше всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ!» Но матушку и она не брала подъ свою защиту.

Будучи взрослыми, мы съ ироніей вспоминали при ней о многихъ ея педагогическихъ пріемахъ и, между прочимъ, спра-

шивали ее, почему она такъ часто бранила насъ нищими, говорили ей, что это насъ крайне оскорбляло. Но она и впослѣдствіи находила этотъ пріемъ цѣлесообразнымъ, объясняя, что дѣлала это для того, чтобы заставить насъ не стыдиться бѣдности, которую бѣдняки того времени скрывали, какъ позоръ и преступленіе, что такимъ напоминаніемъ она хотѣла насъ заставить учиться и работать, какъ можно прилежнѣе, чтобы выйти на самостоятельную дорогу. «И была права», прибавляла она. «Вотъ вы всѣ и вышли работящими и самостоятельными...» Но мы никогда не могли согласиться съ этимъ: ея упреки лишь безъ нужды раздражали насъ и, вмѣстѣ съ другими неблагопріятными условіями нашей жизни, дѣлали наши отношенія къ ней въ дѣтствѣ все болѣе холодными, все болѣе ослабляли семейный элементъ.

Матушка, какъ было уже сказано, не требовала отъ сыновей, чтобы они не опаздывали къ общей трапезѣ. И мои братья скоро стали злоупотреблять этимъ: они часто не шли на зовъ къ обѣду даже и тогда, когда слышали, что ихъ звали, и куда-нибудь прятались, чтобы ихъ нельзя было найти. Они признавались впослѣдствіи, что обѣдать и ужинать въ семьѣ въ первые годы послѣ смерти отца было для нихъ настоящей пыткой: матушка приходила съ поля усталая и сонная и выражала большое нетерпѣніе къ проявленію живости дѣтей за ѣдой. А если они начинали еще спорить между собой, дразнить другъ друга, ссориться, она гнѣвнымъ окрикомъ выгоняла изъ-за стола провинившагося.

Оправданіемъ матушки въ отсутствіи материнской нѣжности и отчасти даже заботы о дѣтяхъ могутъ служить ея чрезмѣрная работа по хозяйству и ежедневная крайняя усталость. Она, какъ и крестьяне, вставала съ разсвѣтомъ и отправлялась наблюдать за полевыми работами, переходила съ одного поля на другое, съ одного луга на другой, а осенью шла въ овинъ, гдѣ происходила молотьба, изъ овина переходила на скотный дворъ. Въ то же время она присматривала и за мельницею, и за постройкою, если она производилась, ходила даже въ лѣсъ, гдѣ рубили дрова. Она возвращалась домой обѣдать въ такое же время, какъ и крестьяне; какъ и они, она ложилась отдыхать послѣ обѣда, и ее должны были будить въ тотъ же часъ, когда рабочіе опять отправлялись на работы. И такъ она проводила свое время изо дня въ день, оставаясь дома только по праздникамъ, когда она занималась «канцелярскою работою». Наблюдая съ утра до вечера за всѣми сельско-хозяйственными работами, она, присѣвъ гдѣ-нибудь у поля, заносила въ свою тетрадку всевозможныя наблюденія: и о томъ, сколько возовъ сѣна свезено съ такого-то луга, сколько копенъ ржи сжато съ поля, кто и какъ работаетъ изъ крестьянъ, т. е. скоро или медленно, добросовѣстно или небрежно. Тутъ же, узнавъ отъ крестьянина о его семейномъ и матеріальномъ положеніи, она записывала и это свѣдѣніе, а за-

тѣмъ провѣряла показаніями другихъ крестьянъ и сама заходила въ избу. Собранныя за недѣлю свѣдѣнія она въ праздники разносила по рубрикамъ, и эту работу она называла «канцелярскою».

Въ высшей степени тщательное ежедневное наблюденіе надъ работою крестьянъ, знакомство съ каждымъ изъ нихъ, точныя записи хозяйственныхъ свѣдѣній и соображеній дали ей возможность основательно ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и хорошо узнать не только матеріальное положеніе своихъ подданныхъ, но отчасти ихъ характеръ или, точнѣе сказать, работоспособность каждаго, что для матушки важнѣе всего было въ человѣкѣ: работящему крестьянину она старалась помочь, внимательно и сочувственно относилась къ его тяжелому положенію, зато къ пьяницамъ и нерадивымъ она выказывала полное презрѣніе, какъ къ существамъ, только напрасно бременящимъ землю, приносящимъ вредъ ея хозяйству и лично оскорблявшимъ ее своимъ присутствіемъ.

Домашнимъ рѣдко приходилось разговаривать съ матушкой по будням, и второстепенныя дѣла она откладывала до воскресенья: когда къ обѣду въ этотъ день она кончала свои «канцелярскія» занятія, она была вполнѣ свободна, и няня съ нетерпѣніемъ ждала этого времени, чтобы обсудить вмѣстѣ съ нею различные вопросы по домоводству. Чаепитіе, во время котораго въ другихъ семьяхъ домашніе болтаютъ между собой, у насъ, послѣ переселенія въ деревню, было уничтожено, за неимѣніемъ средствъ тратить деньги на покупку чаю. Вмѣсто него у насъ пили молоко, но для этого не собирались къ столу, а каждый садился, гдѣ попало, могъ пить его, сколько угодно и когда угодно. Что же касается обѣдовъ и ужиновъ, то они проходили у насъ очень быстро, и во время ихъ нянѣ немыслимо было разговаривать о дѣлахъ: ей часто приходилось вставать изъ-за стола, чтобы принести то одно, то другое изъ кладовой или погреба, а по окончаніи ѣды матушка торопилась отправиться спать.

Какъ только наступало свободное воскресное время, няня прежде всего докладывала матушкѣ о томъ, чего не хватаетъ въ хозяйствѣ, что подходитъ къ концу, или чего «маловато», что необходимо купить сейчасъ же и съ чѣмъ можно «обождать». Совмѣстное, всестороннее обсужденіе чуть не каждой статьи домашнихъ запасовъ всегда кончалось вопросомъ со стороны матушки, нельзя-ли упразднить изъ домашняго употребленіи, или, по крайней мѣрѣ, сократить то или это. Послѣ смерти отца наши расходы были доведены до minimum'а: чай, кофе, варенье, пирожное, сладкое—все это было изгнано съ нашего стола. Чай, кофе, варенье подавали только гостямъ, но матушка не скрывала своей бѣдности, не старалась показывать кому бы то ни было, что мы-де всегда такъ пьемъ и ѣдимъ. Напротивъ, она напрямикъ заявляла: «я вѣдь теперь не большая помѣщица, не важная барыня: ежедневно не приходится распивать чаи и кофеи,—держу ихъ только для дорогихъ гостей».

Въ тѣ жестокія времена, когда бѣдныхъ такъ открыто презирали, когда каждый бѣднякъ старался казаться богатымъ или, по крайней мѣрѣ, не столь обездоленнымъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, когда каждый давалъ почувствовать другому и выставлялъ свое дворянство, когда трудъ для дворянина считался позорнымъ и былъ достояніемъ только рабовъ, матушка, будучи столбовой дворянкой по мужу и отцу, особа «съ языками и манерами», какъ говорили про нее, не только не конфузилась своей бѣдности, но всегда проводила мысль, всегда говорила своимъ дѣтямъ и постороннимъ, что каждый долженъ трудиться, высказывала презрѣніе къ шалымъ затѣямъ помѣщиковъ и къ ихъ ничегонедѣланію. Вотъ это-то качество, а также и то, что къ старости она становилась все болѣе гуманною и не на словахъ, а на дѣлѣ искренно полюбила простой народъ, рѣзко выдѣляли ее изъ той среды, среди которой она вращалась. Все это въ концѣ-концовъ снискало ей глубокое уваженіе ея дѣтей, которыя въ дѣтствѣ, лишенныя материнскихъ ласкъ и заботъ, нерѣдко испытывая на себѣ послѣдствія ея властнаго, вспыльчиваго характера, относились къ ней съ полнымъ индиферентизмомъ, а подчасъ съ обидой и раздраженіемъ. Тѣ же качества снискали ей впослѣдствіи любовь и уваженіе нашихъ молодыхъ друзей, которыхъ мы привозили гостить къ ней, и съ которыми она любила вести споры и разговоры. Когда она пріобрѣла опытность въ хозяйствѣ, и заботы о немъ уменьшились, она начала много читать. Это дало ей возможность поддерживать серьезный разговоръ, что крайне поражало нашихъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ въ такой захолустной деревнѣ, какъ наша, образованную женщину. Демократизацію ея идей не трудно объяснить: она была слишкомъ дѣловита по натурѣ, чтобы бросить на произволъ судьбы разстроенное хозяйство, оставшееся на ея плечахъ послѣ смерти горячо любимаго мужа. Одинъ только трудъ давалъ ей забвеніе въ годы тяжкихъ бѣдствій и лишеній, и потому она становилась все болѣе страстной его поклонницей. Но въ тотъ періодъ жизни, о которомъ я говорю, она исключительно думала о томъ, какъ бы что-нибудь выгодать изъ своего жалкаго и запущеннаго хозяйства, какъ бы уменьшить домашніе расходы.

— Ужъ какъ у насъ сахарнаго песочку маловато,—говорила няня, когда она, наконецъ, получала возможность переговорить съ матушкою о домашнихъ дѣлахъ.—Давно-ли изъ города пять фунтиковъ привезли, а вѣдь осталось не больше двухъ стакановъ...

— Такъ вѣрно сама же ты все на дѣтей скормила?

— Какъ же это, матушка!—обиженно восклицала няня.—Я и сѣренки (спички, которыя употреблялись въ то время) даромъ не растрачу, стараюсь съ уголька зажигать... И вдругъ сахарный песокъ...

— Да, ты все бережешь, ну, а сладкое ты то и дѣло суешь

дѣтямъ: ни пирожныхъ, ни конфектъ въ домѣ нѣтъ, вотъ ты и всыпаешь имъ въ кушанье больше, чѣмъ нужно сахарнаго песку. А я вотъ что тебѣ скажу: къ простоквашѣ, пожалуй, подавай его попрежнему, ну а къ ягодамъ больше ни-ни,—онѣ и безъ того сладкія.

— Барыня-матушка, ну хоть для праздничка позвольте оставить?... Вѣдь наши-то дѣти еще такія крошки!

— Да... трудно съ тобой что-нибудь сокращать въ хозяйствѣ,—съ сердцемъ возражала матушка.—Продолжай... много ли у насъ крупчатки?

— Только что перевѣсила: всего десять фунтовъ осталось...

— Десять фунтовъ! Но вѣдь это же ужасно! Въ прошлый мѣсяцъ два пуда вышло, и въ этотъ, значитъ, будетъ то же!

— Да вѣдь крупчатка-то она всюду: она и на булки, она и на пироги, и на клецки, и въ соусъ ее же подсыпешь...

— Ладно, ладно... такъ вотъ что: конецъ бѣлымъ булкамъ, да и все тутъ! Съ этихъ поръ мы всѣ будемъ ѣсть только черный хлѣбъ. И это превосходно: у насъ хлѣбъ хорошо пекутъ!

— А какъ же!—только воскликнула няня, но уже остальныхъ словъ она не могла выговорить: крупныя слезы текли по ея щекамъ.

— Стыдно тебѣ, няня, очень стыдно! Почему ты думаешь, что нашихъ дѣтей необходимо нѣжить да къ барскимъ затѣямъ пріучать? Лучше благодари Бога, что богатство и баловство не сдѣлаютъ ихъ лоботрясами!...

Несмотря, однако, на изгнаніе съ нашего стола почти всего, что болѣе или менѣе зажиточные дворяне находили необходимымъ, мы, дѣти, вспоминали только объ отсутствіи у насъ сладкаго, котораго такъ много подавалось при отцѣ. Матушка не была скупа на домашнія сбереженія: у насъ всегда былъ сытный и хорошій столъ, но она строго придерживалась одного, чтобы все, что мы пьемъ и ѣдимъ, было по возможности добыто изъ собственнаго хозяйства: прежде чѣмъ что-либо купить для дома, хотя бы буквально на грошъ, это долго и серьезно обсуждалось, какъ матушкою, такъ и нянею.

— Ну, про какую корову ты хотѣла со мной поговорить?— спрашивала матушка, и разговоръ переходилъ на другую тему, болѣе для нея интересную, т. е. на сельское хозяйство, которому она придавала огромное значеніе, а домоводство было на рукахъ няни, и она вмѣшивалась въ ея дѣла въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Няня просила дать корову Игнату и излагала причины, почему это необходимо: его собственная корова пала отъ безкормицы прошлаго года, а въ семьѣ его нѣсколько молодухъ, и у каждой дѣти. Затѣмъ она просила дать лѣску Пахому для починки его хаты,—у него сгнила крыша и давно протекаетъ. Матушка знала всю основательность няниныхъ просьбъ и сама считала необходимымъ улучшать положеніе своихъ подданныхъ, такъ какъ она прекрасно понимала, что ея хозяйство

находится въ полной зависимости отъ благосостоянія крестьянъ, а потому почти всегда исполняла подобныя просьбы, справившись предварительно со своею записною книжкою. Она отказывала только тогда, если въ ея записяхъ значилось, что крестьянинъ не особенно ретивъ на работу и, Боже упаси, запиваетъ. Въ тотъ періодъ времени матушка еще не успѣла разобраться въ томъ, что лѣность, нерадивость и пьянство были результатомъ вѣковой, безпросвѣтной жизни крестьянъ, что, наказывая несчастнаго, она совершала большую несправедливость, особенно по отношенію къ членамъ его семьи.

Матушкино хозяйство приходило все въ большій порядокъ, и этому содѣйствовали не только ея неустанныя хлопоты, но и заботы няни. Ея сердечная доброта и искреняя жалостливость ко всѣмъ несчастнымъ уже давно снискали ей довѣріе и уваженіе крестьянъ. Зная, что матушка стремится къ улучшенію ихъ положенія, но не въ состояніи сразу помогать многимъ, она употребляла всѣ силы, чтобы указывать ей на болѣе несчастныхъ. Въ продолженіе всего времени, которое она прожила у насъ, она каждое лѣто пріѣзжала въ деревню съ нашимъ семействомъ, и каждое лѣто число ея крестниковъ среди крестьянъ, а слѣдовательно, кумовей и кумушекъ увеличивалось; не отказывалась она и отъ крестьянскихъ свадебъ, ходила къ больнымъ и носила имъ лекарства или гостинцы, въ родѣ куска бѣлой булки, а крестникамъ рубашенки, которыя она перешивала изъ нашего старья. При этомъ она повсюду таскала и меня съ собой: послѣ смерти Нины она не рѣшалась довѣрять меня кому бы то ни было, да я и сама бы ни за что не осталась безъ нея. Безъ няни матушкѣ, вѣроятно, не удалось бы узнать всей подноготной каждой крестьянской семьи: несмотря на ея простое отношеніе къ крестьянамъ, несмотря на то, что она сама нерѣдко заходила въ избы, несмотря на отсутствіе какой бы то ни было заносчивости и чванства, съ нею, какъ съ барынею, крестьяне все-таки стѣснялись. Совсѣмъ иначе относились они къ нянѣ: въ каждой крестьянской семьѣ она была своимъ человѣкомъ. Хотя крестьянамъ было извѣстно, что она бережетъ барское добро пуще своего глаза, тѣмъ не менѣе они были вполнѣ увѣрены въ томъ, что изъ-за нея никогда не выйдетъ никакой непріятности, что она первая усердно похлопочетъ за каждаго изъ нихъ. Но какъ бы няня ни была добра къ крестьянамъ, интересы моей семьи стояли у нея на первомъ планѣ.

— А что скажете,—спрашивала она входя въ избу,—если бы Степана на оброкъ пустить? Вѣдь на него, кажись, положиться можно? И господамъ въ аккуратности предоставилъ бы, что полагается, и свою копейку не растрясетъ... Или:—А какъ староста Тимофей не очень васъ обижаетъ? Сказываютъ, больно зашибать сталъ, да и на руку не чистъ? Правда это, али враки?— Или:—Ну, а кто же по вашему нынѣ самый работящій, самый справедливый крестьянинъ въ Погорѣломъ?—Вотъ съ какого

рода вопросами обращалась няня къ хозяевамъ избы. Не обходились они съ ея стороны и безъ наставленій въ такомъ родѣ:—Старайтесь, милые, Христа ради, старайтесь... Вѣдь у него-то, у покойника Николая Григорьевича, большая забота была о своихъ крѣпостныхъ... Даже передъ смертушкой думушку эту про васъ крѣпко держалъ. Да и барыня васъ не обидитъ, какъ передъ Господомъ говорю, свято будетъ блюсти завѣтъ покойника.

— Васильевна!—говорилъ однажды молодой крестьянинъ, напряженно прислушивавшійся къ ея словамъ. При этомъ онъ подошелъ къ ней вплотную, какъ будто желая показать и строгимъ взглядомъ своихъ глазъ, и наступательнымъ движеніемъ, что она должна говорить правду, только сущую правду.—Говори ты намъ, Васильевна, по всей чистой совѣсти, какъ, значитъ, онъ баринъ-то нашъ помиралъ... что онъ сказывалъ? Наши-то баютъ. что онъ женку-то свою, барыню нашу, дюже стращалъ: «Не забиждай, гритъ, своихъ христьянъ, чтобъ они, значитъ, не прокляли и осиновымъ коломъ твою могилу не проткнули».

— Насчетъ осиноваго кола не поминалъ... Вотъ вамъ Христосъ—эвтихъ словъ его не было! Мы съ барыней безъотходно при его кончинѣ у постели стояли. Всѣ словечки его предсмертныя, какъ молитву, затвердила... Про васъ онъ вотъ что сказывалъ барынѣ: «не позволяй, говоритъ, никому крестьянъ твоихъ обижать, чтобы, говоритъ, жестокостей съ ними не дѣгать, пусть, говоритъ, изъ-за тебя не раздаются ихъ стоны и проклятія!... Вотъ, какъ передъ Истиннымъ, правду вамъ сказываю»!... при этомъ она крестилась на образа.

— О, Господи!—со вздохомъ произнесъ крестьянинъ,—царствіе небесное покойнику... Пущай ему земля легка буде! Что жъ насчетъ нашей барыни можно сказать,—она не обиждаетъ... ну усё же тяготы большія несемъ... Бѣдность лютая насъ одолѣла! Почитай, кажинный годъ, отъ Страстной до Казанской хлѣбъ съ мякиной ѣдимъ, да окромя щей съ крапивой али щавеля до конца лѣта другого приварка не знаемъ... А таперича и его забѣлить нечѣмъ,—послѣдняя коровенка околѣла.

— Да что, Васильевна, ты такъ къ ейному семейству привержена, такъ все хочешь обѣлить!...—замѣтила хозяйка.—Хоть покойникъ наставлялъ, чтобъ мы слезъ не лили, а намъ-то супротивъ сусѣдскихъ христьянъ разѣ въ малостяхъ какихъ полегче буде... Усё та же жратва, что блевотина. Барыня-то наша получше другихъ тѣмъ, что не драчлива... Во только, почитай, ефто въ ей и есть, а свайво добра не упуститъ!... Охъ, не упуститъ!... Не таковска! Вѣдь она-то день-деньской торчитъ на косовицѣ, али на жнитвѣ, усё коло тебя топчется, да такъ во всѣ глазыньки глядитъ тебѣ, чтобы ты, значитъ, попусту трошку времени безъ работы не осталась! Вѣдь дохнуть она тебѣ не дастъ! Намедни, какъ зачнетъ меня кликать, да разъ за разомъ... Подхожу, а она мнѣ: «что, гритъ, Аннушка, куда ты усё бѣгаешь? Почто серпъ бросаешь?»—«Матушка-барыня, рабе-

нокъ тутотка, у кустовъ положонъ... кормить его бѣгаю».—«А сколько яму?»—«Пятый мѣсяцъ, матушка, только окромя груди ничего не примаетъ, какъ соску, али что ему суну, такъ усё и сблюетъ»...—«Что же, гритъ, надо кормить, такъ корми, а забавляться съ нимъ,—не забавляйся, мнѣ со своими тоже забавляться не приходится»...

— И правду, говоритъ, вотъ те Христосъ правду,—утверждаетъ няня.—Ей не до забавы! Чуть свѣтъ-то забрезжитъ, она ужъ на ногахъ!... Такъ насчетъ коровы не сумлевайтесь, православные,—говоритъ няня, раскланиваясь съ хозяевами,—выпрошу, какъ пить дать, выпрошу.

Няня обладала большимъ житейскимъ тактомъ; она прекрасно знала, что̀ она могла сообщить матушкѣ, и о чемъ не должна была заикаться. Послѣ одного изъ такихъ посѣщеній она заявила ей, что староста Тимофей начинаетъ запивать, а что самый работящій и надежный крестьянинъ—Лука. Въ первое же воскресенье его призвали къ матушкѣ: она долго съ нимъ бесѣдовала, а затѣмъ назначила его старостой, вмѣсто Тимофея.

Не знаю, каково было положеніе старосты въ другихъ помѣстьяхъ, но у насъ эта обязанность по количеству труда, по разнообразнымъ заботамъ и отвѣтственности была самая тяжелая сравнительно съ обязанностями остальныхъ крестьянъ. Староста долженъ былъ вставать раньше ихъ всѣхъ и быть первымъ въ полѣ и на всякой другой сельской работѣ; онъ долженъ былъ зорко наблюдать, чтобы рабочіе работали, не покладая рукъ, обязанъ былъ подавать примѣръ другимъ опытностью и усердіемъ въ работѣ. Когда рабочіе возвращались домой къ обѣду и затѣмъ ложились отдыхать, староста освобождался позже другихъ: онъ долженъ былъ осмотрѣть работы во дворѣ, исполненныя въ его отсутствіе стариками и подростками, которымъ онъ поручалъ въ это время рубить дрова, вывозить навозъ или кирпичъ, однимъ словомъ, за тѣми, кого онъ почему-либо не пустилъ на полевыя работы. Точно такъ и послѣ ужина онъ не могъ тотчасъ завалиться на печку или покалякать на заваленкѣ: почти каждый день въ это время его звали въ горницу, и у него съ полчаса проходило въ разговорахъ съ матушкою о томъ, что дѣлать на другой день, и въ отчетѣ, *гдѣ*, *что* и *сколько* было сработано; тотчасъ же при немъ всѣ эти свѣдѣнія матушка заносила въ свою тетрадь. Несмотря на обременительные труды старосты, эта должность среди крестьянъ считалась весьма почетной, и почти каждый изъ нихъ принималъ ее съ величайшею благодарностью. Матеріальное положеніе старосты, пока онъ занималъ эту должность, было несравненно болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ у остальныхъ крестьянъ. Въ то время у насъ почти всѣ крестьяне ходили въ лаптяхъ; хотя староста продолжалъ въ нихъ работать, но непремѣнно долженъ былъ имѣть сапоги, которые ему, при вступленіи его въ должность, немедленно заказывали сапожнику сшить изъ домашней кожи. Домаш-

нему же портному приказывали приготовить старостѣ на зиму овчинный тулупъ, а на лѣто нѣчто въ родѣ балахона, на который матушка выдавала холстину. Эту праздничную одежду онъ долженъ былъ одѣвать каждый разъ, когда его отправляли въ волость и въ городъ по какимъ-либо дѣламъ, или къ городскимъ и сельскимъ властямъ.

Въ виду того, что староста былъ на господской работѣ шесть, а часто и всѣ семь дней въ недѣлю, его земельный участокъ обрабатывали матушкины крѣпостные совершенно такъ же, какъ и ея собственные поля и луга; все полученное съ земли, отведенной старостѣ, шло исключительно въ его пользу. Кромѣ того, онъ ежемѣсячно получалъ извѣстное количество ржи, ячменя и гречихи; при вступленіи въ должность, староста приводилъ домой съ господскаго двора корову и нѣсколько овецъ. Когда его изба и хозяйственныя постройки требовали основательнаго ремонта, ихъ поправляли матушкины рабочіе, но смотрѣть за домашними животными, обрабатывать землю подъ огородъ, картофель и горохъ, сажать капусту и овощи, прясть ленъ и ткать одежду,—все это должна была дѣлать собственная семья старосты, по крайней мѣрѣ, такъ было съ Лукою, у котораго была жена и четыре дочери. Но зато его семья была избавлена не только отъ барщины, но и отъ какихъ бы то ни было помѣщичьихъ поборовъ. Нужно замѣтить, что въ деревняхъ, принадлежащихъ матушкѣ, кромѣ трехдневной барщины (три дня въ недѣлю крестьяне, какъ мужчины, такъ и женщины, занимались работами на свою госпожу), крестьянки несли еще разныя тяготы. Каждая крестьянская семья, смотря по числу въ ней женщинъ, обязана была доставлять лѣтомъ своей госпожѣ опредѣленное количество яицъ, ягодъ, орѣховъ, грибовъ, а зимою пряжу и холстъ. Отъ всѣхъ этихъ поборовъ избавлена была семья старосты. Крестьяне говорили про него, что хотя онъ дѣйствительно работаетъ на барыню больше другихъ, но за то и не боится голоднаго года, и что онъ со своею семьею единственные изъ крѣпостныхъ матушки, которые, какъ въ урожай, такъ и въ неурожай, могутъ круглый годъ ѣсть хлѣбъ безъ мякины и забѣлить свой приварокъ.

Лука оказался однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и расторопнѣйшихъ крестьянъ и обнаружилъ большія административныя способности.

Е. Н. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

По поводу „Воспоминаній и впечатлѣній“ г-жи В. Т—вой (Починковской).

На дняхъ я прочла въ январьской книжкѣ журнала „Минувшіе Годы“ воспоминанія В. Т—вой (Починковской) подъ заглавіемъ „Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе“.

Описывая прогулку большой компаніей изъ Петербурга въ Пулково, г-жа В. Т—ва, между прочимъ, пишетъ: „Помню также,—всѣ очень интересовались молоденькой дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, маленькой, кругленькой и румяной, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами, въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ ученицы на акушерскихъ курсахъ.“

— „Сестра Нечаева—шопотомъ называли ее другъ другу.—До сихъ поръ подъ надзоромъ“.

„Спутникъ ея былъ тоже маленькій, четыреугольный студентъ ветеринаръ, съ пухлымъ ртомъ, рѣзко-угловатыми движеніями и отрывисто-повелительнымъ голосомъ. Онъ все время командовалъ ею, а она только звонко и весело хохотала“...

Далѣе говорится:

„И какъ сейчасъ помню одну характерную сцену, невольно бросавшуюся въ глаза. На самомъ солнопекѣ, посреди луга съ стогами и копнами, барахтались въ сѣнѣ пухленькая Нечаева и студентъ ветеринаръ. Она совсѣмъ еще дѣвочка, въ слегка вздернутомъ спереди, платьѣ, уже замѣтно беременная, радостно взвизгивала, когда онъ зарывалъ ее съ ногами и головой,—и они перекатывались другъ черезъ друга, очевидно, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ.—И только слышались по временамъ восклицанія: „Ухъ, хорошо!“—„Хорошо? Ну, такъ вотъ вамъ еще... А теперь что вы скажете: хорошо?“—„Хорошо“,—радостно звенѣлъ ея серебристый смѣхъ“.

— „Совсѣмъ, какъ маленькія животныя“—съ улыбкой замѣтилъ мой спутникъ.—А вѣдь ее, бѣдняжку, чуть было, къ каторгѣ не приговорили. Если бы не Урусовъ,—приговорили бы непремѣнно. Онъ защищалъ ее, какъ несовершеннолѣтнюю, а она—уже мать“! (стр. 104).

Я знала сестру Нечаева, Анну Геннадіевну, въ теченіе почти трехъ

лѣтъ, съ конца 1870-го до половины 1873-го года, и могу съ увѣренностью сказать, что описываемая г-жей Т—вой дѣвушка,—„маленькая, кругленькая и румяная, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами",—была не сестра Нечаева.

Въ описываемое время, лѣтомъ 1872-го года, Нечаевой было лѣтъ 19. Это была здоровая, но не полная, стройная, почти высокаго роста дѣвушка, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, благодаря выраженію глазъ и вообще серьезности не по лѣтамъ (взглядъ немножко исподлобья очень напоминалъ взглядъ ея брата—Сергѣя Нечаева).

Происходя изъ бѣдной семьи, зарабатывая средства шитьемъ, она въ то же время усердно училась, много читала, чтобы пополнить свое недостаточное образованіе. Такъ было до іюля 1873-го года, когда я уѣхала изъ Петербурга въ Сибирь, и уже послѣ слышала, что Нечаева, окончивъ на акушерскихъ курсахъ, вышла замужъ за врача С—на и уѣхала вмѣстѣ съ нимъ куда-то (помнится, въ Среднюю Азію). Ни я и никто изъ знавшихъ ее, съ кѣмъ мнѣ пришлось говорить по поводу воспоминаній г-жи Т—вой,—мы не можемъ представить себѣ серьезную, застѣнчивую Анну Нечаеву кувыркающейся на сѣнѣ и радостно взвизгивающей, „совсѣмъ, какъ маленькое животное". Беременной тоже никто изъ насъ ее не видѣлъ. Подъ надзоромъ она не была. По „Нечаевскому" процессу она не была арестована, не привлекалась ни въ качествѣ свидѣтельницы, ни въ качествѣ обвиняемой, такъ что Урусову не представлялось ни малѣйшей надобности защищать Нечаеву отъ яко бы грозившей ей каторги. Знаю это хорошо потому, что по „Нечаевскому" дѣлу судился мой мужъ, Петръ Гавриловичъ Успенскій, судилась по тому же дѣлу и я сама.

А. И. Успенская.

Библіографія.

А. Сорель. *Европа и французская революція.* Томъ седьмой. *Континентальная блокада и великая имперія.* Спб. 1908. Томъ восьмой. *Коалиція и трактаты 1815 года.* Спб. 1908. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

Съ выходомъ въ свѣтъ этихъ двухъ томовъ монументальный трудъ Сореля сталъ окончательно пріобрѣтеніемъ русской переводной литературы. Эти томы (7 и 8)—достойно закончили обширное научное предпріятіе покойнаго историка и еще при появленіи своемъ на французскомъ языкѣ были встрѣчены съ особымъ интересомъ и сочувствіемъ. Для интересующихся исторіей Россіи эти томы представляютъ самый живой интересъ вслѣдствіе глубокаго анализа и блестящаго изображенія всѣхъ дѣйствій руской дипломатіи вообще и Александра въ частности въ періодъ времени отъ Аустерлица до 1815-го года. Мы не будемъ въ этой небольшой библіографической замѣткѣ много останавливаться на достоинствахъ труда Сореля—они слишкомъ очевидны, слишкомъ многочисленны и, слишкомъ часто уже о нихъ писалось (мы также имѣли уже случай говорить о нихъ по поводу 5-го и 6-го томовъ— см. „Міръ Божій за 1906 г.). Отмѣтимъ лучше главное изъ тѣхъ немногихъ утвержденій, которыя не могутъ не показаться спорными и рискованными даже самымъ искреннимъ почитателямъ Сореля. Основная мысль всѣхъ этихъ восьми томовъ, составляющая душу всего труда, можетъ быть формулирована такъ: и Франція, и остальная Европа въ эпоху революціи и имперіи лишь продолжали старую свою историческую политику—при чемъ Франція стремилась къ своимъ „естественнымъ границамъ"—къ Рейну,—а Европа ей въ этомъ противодѣйствовала по мѣрѣ силъ, и безконечная война между Франціей и европейскими коалиціями прежде всего объясняется совершеннымъ нежеланіемъ Европы искренно примириться съ завоеваніемъ границъ, къ которому упорно стремились французы. Поэтому, полагаетъ Сорель, и были фатально осуждены на неудачу всякіе мирные договоры, временно прерывавшіе борьбу: „Европа не хотѣла, а Франція не могла соблюдать ихъ. Чтобы принудить къ исполненію ихъ, надо было занять Италію, Швейцарію, Германію, Голландію, а чтобы сохранить эти владѣнія, надо было господствовать надъ этими странами, иначе союзники вступили бы въ нихъ и оттуда повели бы свои параллели и апроши противъ крѣпости, завоеванной въ 1801 и 1802 г.". Все изложеніе Сореля клонится къ доказательству той теоремы, что Франція защищалась, а Европа вѣчно стремилась къ возобновленію

и продолженію борьбы. Съ Сорелемъ случилось то, что въ исторіи научной мысли происходитъ весьма нерѣдко. Увидѣвши, что извѣстная односторонность и ошибки укоренились среди историковъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, писавшихъ о революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ, Сорель выдвинулъ въ противовѣсъ схему, которая также далеко не свободна отъ предвзятости. Онъ перегнулъ палку въ другую сторону— и перегнулъ круто. Конечно, теперь, послѣ Сореля, никому уже не придетъ въ голову считать иниціаторами *всѣхъ* войнъ 1792—1815 г.г. законодательное собраніе, или комитетъ общественнаго спасенія, или директорію, или Наполеона. Всѣ разсужденія о войнахъ для революціонной пропаганды или во имя единственно только ненасытнаго честолюбія Наполеона и т. п. могутъ считаться сданными безвозвратно въ архивъ (хотя, впрочемъ, уже задолго до Сореля эти вопросы перестали рѣшаться съ тою аляповатостью и наивностью, какъ рѣшались въ 20 — 40 г.г. XIX-го столѣтія). Точно также Сорель заставилъ признать, что въ области международныхъ отношеній революція не сказала никакого новаго слова. Но Сорель не удовольствовался тѣмъ, что освѣтилъ своеобразно и яркимъ свѣтомъ важнѣйшіе моменты дипломатической исторіи Европы въ періодъ революціи и Наполеона и оттѣнилъ, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ враги Франціи не только не хотѣли избѣгнуть войны, но, напротивъ, прямо ее желали: онъ пошелъ дальше и все многообразіе исторіи международныхъ отношеній этого періода постарался вложить въ слишкомъ узкую и искусственную схему,—изображая дѣло такъ, будто *причиною* этой агрессивности Европы былъ основной споръ изъ-за „естественныхъ границъ" Франціи. Къ счастью, Сорель слишкомъ добросовѣстный читатель документовъ и слишкомъ правдивый изслѣдователь фактовъ, и поэтому тамъ, гдѣ онъ не подводитъ итоговъ, не предается общимъ размышленіямъ,— онъ самъ многократно и убѣдительно противорѣчитъ (не желая того) своей схемѣ. Ограничимся, нарочно, лишь немногими примѣрами, взятыми только изъ послѣднихъ частей труда. „Голландія—вассальна, Пруссія—союзница, Австрія—сломлена, Германія—перестроена; оставалось поработить Португалію и подчинить Испанію",—такъ характеризуетъ Сорель (т. VII, стр. 176) положеніе вещей предъ завоеваніемъ пиринейскаго полуострова: это „*оставалось*", столь простодушно-ироническое, прямо относящееся къ завоевательному плану, намѣченному еще директоріей, очень мало гармонируетъ съ вышеуказанной общей схемой автора. „Вмѣстѣ съ болѣе точнымъ знаніемъ грозившей опасности въ Наполеонѣ росло желаніе мести, въ высшей степени живучее и въ высшей степени злобное, которое никогда не должно было уничтожиться",—повѣствуетъ (VII, стр. 7) Сорель, характеризуя отношеніе Наполеона къ Пруссіи послѣ Аустерлица и передъ Іеной. Вотъ каково, вообще, поведеніе Наполеона *предъ войной* съ Пруссіей. „Здѣсь (въ Германіи) онъ смотритъ на себя, какъ на всеобщаго государя, какъ на раздавателя высшихъ чиновъ и земель" (VII, стр. 27). Нельзя себѣ представить болѣе яркой и ясной картины совершенно невозможнаго положенія, до котораго Наполеонъ довелъ покоренные народы континентальною блокадою,—нежели та картина, которую рисуетъ Сорель въ отдѣльныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ черточкахъ и общихъ указаніяхъ. „Континентальная система была ни что иное, какъ

громаднѣйшій парадоксъ экономическій и политическій, установленный какимъ-то чудомъ и разрушающій себя самого своею продолжительностью", говоритъ онъ (VII, 334), и читателю, дѣйствительно, этотъ „парадоксъ" и тому подобные „парадоксы" наполеоновскаго владычества для цѣлаго ряда случаевъ кажутся болѣе существенными стимулами къ постоянной агрессивности Европы противъ Франціи,—нежели желаніе отбросить Францію къ ея старымъ границамъ, разсматриваемое само по себѣ. Братья и ставленники Наполеона въ завоеванныхъ странахъ ужъ, конечно, избавлены отъ подозрѣнія во враждѣ къ „естественнымъ границамъ" Франціи, и, однако, самъ Сорель прекрасно характеризуетъ ихъ поведеніе въ такихъ выраженіяхъ: „Будучи королями, братья желаютъ царствовать, и имъ надо считаться со своими народами. Они пытаются сдѣлать національными свои короны и свою власть популярною и они работаютъ противъ блокады, которая разоряетъ ихъ народы, которая дѣлаетъ невыносимымъ ихъ санъ". И они фатально становились враждебны наполеоновскому игу... Еще лучше резюмируетъ онъ наполеоновскую политику (стр. 421—422): „Онъ (Наполеонъ) вовсе не понялъ, что другія націи Европы желали, подобно французамъ, управляться ради самихъ себя, сообразно своимъ нравамъ, своимъ исконнымъ обычаямъ, своимъ собственнымъ выгодамъ"... „Она (война) изнурила, разорила, обезсилила, довела народы до отчаянія. Она подняла противъ Наполеона и противъ Франціи всѣ интересы, всѣ потребности и самыя благородныя страсти людей"... и т. д. Послѣ всего этого — разсужденія, помѣщенныя въ концѣ всего труда (т. VII, особенно стр. 407—408), покажутся внимательному читателю, даже если бы онъ, кромѣ самого Сореля, ничего никогда не читалъ о наполеоновскихъ войнахъ,—и противорѣчивыми, и искусственными. Замѣчательно живо обрисовываетъ онъ приготовленія Александра къ *наступательной* войнѣ противъ Наполеона наканунѣ 1812 года. Онъ приписываетъ Александру большой маккіавелизмъ въ этомъ случаѣ,—и вообще слѣдуетъ замѣтить, что Сорель самаго высокаго мнѣнія о дипломатическихъ талантахъ русскаго императора.

Но и тутъ онъ слишкомъ много говоритъ о желаніи Александра начать войну — и слишкомъ мало о томъ, какимъ образомъ Наполеонъ сдѣлалъ это желаніе вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ.

Повторяемъ, несмотря на этотъ недостатокъ, работа Сореля заняла прочное мѣсто въ исторіографіи данной эпохи. Необъятный матеріалъ, привлеченный къ изслѣдованію Сорелемъ, его поразительная способность иной разъ буквально день за днемъ возстановлять исторію сложнѣйшихъ событій, улавливать скрытые мотивы борющихся политиковъ, рисовать съ художественною яркостью историческія картины, быстро смѣняющія одна другую предъ читателемъ, все это дѣлаетъ трудъ покойнаго ученаго очень большимъ явленіемъ въ новѣйшей исторіографіи. Онъ не пытался анализировать подспудныя силы, обусловливающія историческій процессъ,—но онъ далъ огромный, блистательно разработанный и классифицированный матеріалъ,—образцовый трудъ по *описательной* исторіи, одну изъ тѣхъ книгъ, безъ которыхъ не обойдется и съ которыми долженъ будетъ считаться всякій, серьезно интересующійся революціей и первой имперіей. Конечно, онъ даетъ лишь преимущественно исторію

международныхъ отношеній, но матеріалъ, сюда относящійся, такъ великъ и такъ разработанъ, какъ ни у единаго изъ предшественниковъ Сореля. Остается пожелать, чтобы соціально-экономическая сторона этого періода хоть когда-нибудь была освѣщена и разработана съ такою же любовью, тщательностью и полнотою: до сихъ поръ относительно революціи это едва начинаетъ дѣлаться, а относительно имперіи даже и намековъ въ исторіографіи—нѣтъ...

Переводъ въ общемъ хорошъ: отмѣтимъ нѣкоторыя изъ замѣченныхъ погрѣшностей. Въ фразѣ: „...si le ciel m'eût fait naître prince allemand" (t. VII, p. 506, Sorel, l'Europe et la rév. fr., Paris 1904), слѣдовало перевести слово „prince"—словомъ *государь*, а не „принцъ" (т. VII, 424). Слово „l'exécution" (t. VII, p. 261), которое обозначаетъ приведеніе въ исполненіе рѣшенія Наполеона занять Квириналъ и захватить папу, переведено почему-то словомъ „казнь" (т. VII, стр. 217). Выраженіе: „au temps des guerres de l' Ouest" (t. VII, p. 282) переведено „во время войнъ съ Западомъ" (т. VII, стр. 235), что совершенно мѣняетъ смыслъ, ибо рѣчь идетъ о возстаніи западныхъ департаментовъ въ эпоху революціи, когда англичане *помогали* этому „Западу", а вовсе не воевали съ нимъ (вся фраза относится къ англичанамъ).—На стр. 347 (VII-го тома) читаемъ: „Во всемъ его существѣ видно что-то остановившееся, почти какой-то *стигматъ* вырожденія". Подчеркнутаго нами слова въ подлинникѣ нѣтъ, а оно безъ нужды усиливаетъ мысль подлинника (t. VII, p. 415: il se trahit dans tout son être un je ne sais quoi d'arrêté, de dégénéré presque).—Слова: „онъ уже не диктаторъ, а ходатай союзовъ и союзниковъ" (т. VIII, стр. 32) вовсе не выражаютъ той мысли подлинника, что онъ ищетъ союзовъ (t. VIII, p. 41 : il n'est plus dictateur, il est solliciteur d'alliances et d'auxiliaires).—На стр. 345 (VIII-го тома) сказано: „съ точки зрѣнія законности",—тогда какъ рѣчь идетъ вовсе не о законности, но о легитимизмѣ (t. VIII, p. 422: ...au point de vue de la legitimité et selon l'ancien droit public européen etc). Есть и еще кое-какія неточности.

Но, въ общемъ. переводъ и правиленъ, и легко читается. Художественный, образный стиль Сореля и въ переводѣ не утрачиваетъ всей своей живости и силы.

Е. Тарле.

Мих. Лемке. *Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ"*. По неизданнымъ документамъ съ портретами. Изд. О. Н. Поповой, 1908, 510+II, ц. 3 руб.

Въ періодъ 1904 — 1907 г.г., когда нѣсколько пріоткрылись двери архивовъ, хранившихъ подъ спудомъ цѣнные матеріалы по исторіи освободительнаго движенія (точнѣе, по исторіи борьбы съ нимъ правительства), г. Лемке получилъ доступъ къ дѣламъ III-го Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи (*до 1855*) и къ дѣламъ, производившимся въ сенатѣ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Въ результатѣ работъ г. Лемке въ архивѣ сената появился, въ 1906—7 г.г., преимущественно, въ покойномъ журналѣ „Былое", рядъ статей, въ которыхъ г. Лемке изложилъ найденные имъ матеріалы по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Здѣсь были такіе громкіе процессы, какъ дѣло Чернышевскаго, дѣло поэта М. Ил. Ми-

хайлова, дѣло Писарева и др., волновавшіе общество въ 60-хъ годахъ и продолжавшіе быть предметомъ живого интереса въ теченіе десятилѣтій. Обнародованіе этихъ матеріаловъ мы считаемъ общественной заслугой г. Лемке. Не такъ давно появился въ свѣтъ сборникъ процессовъ Чернышевскаго, Писарева и Михайлова,. а теперь, въ видѣ разсматриваемой нами книги, напечатанъ сборникъ остальныхъ, изслѣдованныхъ г. Лемке, процессовъ и административныхъ расправъ „эпохи великихъ реформъ". Большая часть матеріаловъ „Очерковъ" была уже напечатана въ „Быломъ", но появляется теперь съ дополненіями и поправками. Таковы: дѣло 32-хъ (процессъ лицъ, „обвинявшихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами" — Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ); дѣло кр. П. Мартьянова (пошедшаго въ каторгу за письмо къ имп. Александру II); „Молодость *отца Митрофана*" (начало революціонной карьеры виднаго революціонера 60—70-хъ годовъ, Митр. Муравскаго); „Къ біографіи А. А. Серно-Соловьевича" (участника первой „Земли и Воли" и русскаго члена Интернаціонала). Особенно интересенъ процессъ 32-хъ: въ немъ были замѣшаны Герценъ, Бакунинъ, И. С. Тургеневъ, Огаревъ, А. П. Щаповъ, Н. А. Серно-Соловьевичъ и др. Съ полнымъ основаніемъ посвятилъ г. Лемке наибольшее вниманіе личности Ник. Серно-Соловьевича, одного изъ наиболѣе оригинальныхъ шестидесятниковъ, загубленныхъ русской „дѣйствительностью". Нельзя не пожалѣть, что г. Лемке въ біографіи Александра Серно-Соловьевича посвятилъ слишкомъ много вниманія его юношескимъ (частомалозначительнымъ) письмамъ и не обработалъ заново чрезмѣрно сжатое описаніе столкновенія старой и молодой эмиграціи 60-хъ годовъ, а также не далъ матеріаловъ по исторіи русской секціи Интернаціонала. Для историка русскаго студенчества представитъ высокій интересъ біографія Муравскаго.

Заново написанъ процессъ „Великоруссцевъ", т. е. лицъ, обвинявшихся въ изданіи и распространеніи перваго подпольнаго листка „Великоруссъ". Совершенно новый очеркъ о „дѣлѣ пр. Пл. В. Павлова" (высланнаго за рѣчь 2 марта 1862 г. о „тысячелѣтіи Россіи"), впервые даетъ цѣльный разсказъ объ этомъ эпизодѣ; біографическія свѣдѣнія о Павловѣ и его дѣятельности среди студенчества и по устройству воскресныхъ школъ могли бы быть подробнѣе. Для исторіи внѣшкольнаго образованія высоко интересна ст. „Дѣло воскресниковъ", дающая представленіе о томъ, за что, собственно, правительство сочло возможнымъ уничтожить *всѣ* воскресныя школы. Въ текстѣ и приложеніяхъ г. Лемке напечаталъ рядъ матеріаловъ и документовъ, частью неизвѣстныхъ до сихъ поръ, частью же извѣстныхъ въ неисправномъ и неполномъ видѣ. Къ первымъ относятся: 1) статьи Н. Серно-Соловьевича—*а*) „Городскіе выборы", *б*) „Не требуетъ ли нынѣшнее состояніе знаній новой науки"; 2) прокламаціи „Русская Правда", 3) Письмо Бакунина къ Фрику и др.; ко вторымъ принадлежатъ: „Отвѣтъ Великоруссу", адресъ твер. дворянъ (1862 г.), записка Арцимовича (1858), критикующая учрежденіе генералъ-губернаторствъ и др.

Мы уже высказывали мнѣніе о г. Лемке. Это—не историкъ, но очень хорошо знающій эпоху и соотвѣтственную литературу собиратель историческаго матеріала; г. Лемке даетъ свои сборники матеріаловъ въ со-

провожденіи большого количества указаній на печатную литературу по данному вопросу и тѣмъ значительно облегчаетъ работу и изслѣдователей, и читателей. Что касается его „философіи исторіи", поскольку она имѣется въ книгахъ г. Лемке, то сторонникъ діалектическаго матеріализма отнюдь не можетъ согласиться съ „объясненіемъ" историческихъ явленій, даваемымъ г. Лемке. Тѣмъ не менѣе, цѣнные матеріалы, собранные г. Лемке, будутъ прочтены съ большимъ интересомъ; книга его является необходимой для всякой, болѣе или менѣе полной, библіотеки по исторіи освободительнаго движенія. **С. Сватиковъ.**

Очеркъ забастовочнаго движенія рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—1906 годы. Баку, 1907 г. (XII + 119 + 89 стр.), ц. 1 р. 50 к.

„Очеркъ" составленъ завѣдующимъ статистическимъ бюро совѣта съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ В. И. Фроловымъ и изданъ совѣтомъ. Матеріалъ собранъ путемъ опроса фирмъ. Поэтому „получить полный матеріалъ за прошедшіе годы было невозможно", такъ какъ „записки ведутся не всѣми фирмами, и, кромѣ того, у нѣкоторыхъ фирмъ во время августовскаго погрома сгорѣли всѣ документы". Можно бы возразить, что вообще для изслѣдованія забастовочнаго движенія „записки фирмъ" далеко не единственный источникъ; но, поскольку рѣчь идетъ о данной книгѣ, намъ остается только принять къ свѣдѣнію, что она написана на основаніи одностороннихъ хозяйскихъ показаній. Составитель книги отмѣчаетъ „съ благодарностью" отношеніе большинства фирмъ къ предпринятому опросу. Вызывающее „благодарность" отношеніе могло выражаться только въ готовности дать свѣдѣнія; въ оцѣнку же качества показаній съ точки зрѣнія ихъ безпристрастія врядъ ли могъ вдаваться служащій у нефтепромышленниковъ авторъ изслѣдованія. На характеръ хозяйскихъ показаній проливаетъ свѣтъ выдержка изъ отвѣта одной фирмы на вопросъ о вмѣшательствѣ властей: „правительственная власть вообще всегда вмѣшивается въ забастовку. Точно также и здѣсь ея роль выразилась въ томъ, что она ловила агитаторовъ и лѣчила ихъ мордобитіемъ" (стр. 84).

Посмотримъ, въ какомъ видѣ представляется забастовочное движеніе по показаніямъ людей, которые съ очевиднымъ удовольствіемъ готовы присутствовать при „леченіи агитаторовъ мордобитіемъ". При этомъ нужно имѣть въ виду, что самъ составитель книги, очевидно, не является сторонникомъ леченія мордобитіемъ. Это видно изъ принятой имъ терминологіи. Напримѣръ, забастовки, окончившіяся побѣдой рабочихъ, онъ опредѣляетъ, какъ удачныя, и наоборотъ. Съ точки зрѣнія „фирмъ", слѣдовало бы ожидать терминологіи, какъ разъ обратной.

По сравненію съ забастовками въ остальной Россіи, бакинскія забастовки отличались значительно большей продолжительностью, возникали въ шесть разъ чаще и были въ общемъ удачнѣе (стр. 72—75). Эти обстоятельства придаютъ особый интересъ бакинскому рабочему движенію. Желательно, чтобы неизбѣжно односторонняя работа В. Фролова была пополнена матеріалами, почерпнутыми изъ показаній другой стороны и изъ сообщеній болѣе или менѣе объективныхъ.

В. И. Фроловъ пользовался сообщеніями 71 фирмы изъ 141,—очевидно, его „благодарность" должна быть отнесена только къ половинѣ фирмъ[1]); эти промысловыя фирмы дали свѣдѣніе о 271 забастовкѣ. Сверхъ того отъ фирмъ подряднаго буренія, отъ механическихъ и другихъ мастерскихъ поступило свѣдѣній или „очень мало", или „ничего"; отъ нефтеперегонныхъ заводовъ „ничтожное количество". „Большинство" хозяевъ, заслуживших благодарность, сводится въ концѣ концовъ къ довольно незначительному меньшинству.

Составитель очерка дѣлитъ забастовки на полныя и неполныя (по степени участія рабочихъ данной фирмы), на единичныя и групповыя (по числу фирмъ), на экономическія и политическія. Многія политическія забастовки (12) переходили въ экономическія и сосчитаны два раза: и какъ политическія, и какъ экономическія. Такимъ образомъ первыхъ насчитывается 63, вторыхъ 220. При чемъ относительно 1906 года констатируется, по сравненію съ 1905, пониженіе готовности къ политическимъ забастовкамъ.

Изъ 220 экономическихъ забастовокъ 176 охватывали болѣе чѣмъ одну фирму, и 44—единичныя. Съ теченіемъ времени групповыя забастовки становятся все рѣже, единичныя чаще, при чемъ единичныя забастовки все чаще становятся полными, то-есть съ участіемъ всѣхъ рабочихъ данной фирмы. Полныя забастовки вообще удачнѣе неполныхъ (совершенно неудачныя въ числѣ полныхъ 22%, въ числѣ неполныхъ 57%; при полныхъ забастовкахъ число случаевъ уплаты за забастовочное время 78%, при неполныхъ—около 21%). Чѣмъ крупнѣе фирма, тѣмъ рѣже забастовка бываетъ полной и тѣмъ чаще полная неудача. При болѣе продолжительныхъ единичныхъ забастовкахъ полная побѣда рабочихъ бываетъ рѣже.

Групповыя забастовки въ общемъ дружнѣе единичныхъ, продолжительнѣе (противъ единичныхъ—втрое); съ теченіемъ времени первое изъ этихъ качествъ падаетъ, второе—растетъ. Групповыя забастовки постепенно уменьшаются въ числѣ, несмотря на то, что въ общемъ онѣ успѣшнѣе единичныхъ. Составитель „Очерка" объясняетъ это тѣмъ, что групповыя забастовки требуютъ больше жертвъ; онѣ рискованнѣе,—и переходя отъ групповыхъ забастовокъ къ единичнымъ, „забастовочное движеніе пошло по линіи наименьшаго сопротивленія" (стр. 21). Чѣмъ крупнѣе фирма, тѣмъ чаще у нея забастовки, тѣмъ рѣже полный успѣхъ рабочихъ, тѣмъ больше жертвъ требуетъ побѣда. Порча хозяйскаго имущества во время забастовки съ теченіемъ времени становится все рѣже, вмѣшательство полиціи—чаще.

Вопросъ о рабочихъ требованіяхъ, предъявленныхъ во время экономическихъ забастовокъ, разработанъ въ „Очеркѣ" довольно подробно. Требованія разбиты по группамъ (стр. 42—49) и сверхъ того въ приложеніи сопоставлены по годамъ (стр. 8—71, то-есть болѣе 60 страницъ). Въ общемъ забастовки имѣли наступательный характеръ (изъ 44 единичныхъ только 2 оборонительныхъ, въ защиту уволеннаго рабочаго).

---

[1]) Дали показанія болѣе крупныя фирмы, имѣвшія 24836 рабочихъ изъ общаго числа ихъ—30702 чел.

Требованія рабочихъ непрерывно росли. Увеличеніе заработной платы благодаря забастовкамъ опредѣляется среднимъ числомъ въ 50%, рабочій день сокращенъ на $2^1/_2$ часа; установлена или увеличена выдача квартирныхъ денегъ, безплатная доставка отопленія (мазута и нефти), выдача керосина, воды и т. п. Принимая во вниманіе эти дополнительныя выдачи, В. И. Фроловъ опредѣляетъ повышеніе заработной платы всѣхъ видовъ въ 100% (стр. 56). „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что съ 1903 по 1906 г. положеніе рабочихъ улучшилось; можно оспаривать тѣ попытки опредѣлить это улучшеніе въ цифрахъ, которыя дѣлаются въ настоящемъ трудѣ, но самый фактъ улучшенія не подлежитъ спору, и однако забастовочное движеніе не прекратилось, а развивается, рабочіе не успокоились" (стр. VIII). На вопросъ, какія мѣры могли бы предупредить забастовки, отвѣтили немногія фирмы, но всѣ отвѣты сводятся къ тому, что „предупредить забастовки можетъ измѣненіе государственнаго строя и улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ" (стр. IV).

Указаніе хозяевъ на „измѣненіе государственнаго строя" приводитъ насъ къ вопросу о политическихъ забастовкахъ и о роли революціонныхъ организацій. Мы видѣли, что всего зарегистрировано въ „Очеркѣ" 63 политическихъ забастовки, изъ нихъ 12 перешло въ экономическія (всѣ 1905 г.). Въ числѣ 63 было въ 1905 г. 12 первомайскихъ, въ 1906 — зарегистрирована только одна первомайская. Въ октябрѣ 1905 г. на промыслахъ было двѣ забастовки: одна въ теченіе дня, другая—въ теченіе двухъ дней. Слабое на видъ участіе бакинскихъ рабочихъ въ октябрьскомъ движеніи объясняется тѣмъ, что осенью того года „громадная часть нефтяныхъ промысловъ бездѣйствовала вслѣдствіе августовскаго погрома" (стр. 2). Случаевъ уплаты заработной платы за время политическихъ забастовокъ было въ 1905 году больше, чѣмъ въ 1906 году. Во второй половинѣ 1906 года генералъ-губернаторомъ запрещено было выдавать плату за время забастовокъ, подъ угрозой штрафа до 3000 р. Но экономическая необходимость иногда оказывалась сильнѣе угрозы со стороны политической власти: вмѣсто заработной платы рабочимъ выдавалось „вознагражденіе за охрану промысловъ во время забастовки въ размѣрѣ ихъ заработной платы" (стр. 19).

Роль политическихъ организацій въ бакинскомъ рабочемъ движеніи выяснены составителемъ „Очерка" довольно слабо,—вслѣдствіе уже отмѣченнаго мною желанія пользоваться исключительно матеріалами, доставленными со стороны „фирмъ". Неиспользованными оказываются даже свѣдѣнія, опубликованныя, надо полагать, въ мѣстныхъ газетахъ. Тѣмъ не менѣе объ участіи организацій говорится кое-что уже въ связи съ забастовками 1903 года. Одна „фирма" сообщаетъ: „Революціонныя организаціи безусловно играли роль въ возникновеніи и ходѣ забастовки, а выразилась ихъ роль въ томъ, что онѣ агитировали среди рабочихъ, подняли уровень ихъ самосознанія, организовали ихъ и такимъ образомъ толкнули ихъ на путь забастовки; главную роль играла соціальдемократическая организація" (стр. 79).

Послѣ 1903 года роль революціонныхъ организацій замѣтно усилилась (стр. 86): требованія рабочихъ предъявлялись уже отъ имени

Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи; отмѣчается даже, что забастовка „закончилась соглашеніемъ съ меньшевиками" (стр. 86). Въ іюнѣ 1906 года у нѣсколькихъ фирмъ по разнымъ поводамъ возникли разрозненныя экономическія забастовки. Но забастовки эти „съ извѣстнаго момента" превращаются въ одну общую, протекающую подъ руководствомъ преимущественно соціальдемократической организаціи: появились прокламаціи, начались собранія, произносились рѣчи и т. д.; рядомъ съ частными требованіями появились и общія, какъ 8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1 мая.

Надо полагать, что въ мѣстной печати, особенно послѣ 1905 г., разбросано много свѣдѣній, могущихъ дать матеріалъ для болѣе обстоятельной и цѣльной работы,—и желательно, чтобы этотъ матеріалъ былъ использованъ знающими людьми. Но улита ѣдетъ—когда-то будетъ; а пока что приходится привѣтствовать появленіе „Очерка", какъ одну изъ первыхъ попытокъ дать суммарныя свѣдѣнія относительно столь важнаго явленія внутренней жизни Россіи начала XX вѣка.

М. Ольминскій.

